Одесский альманах

№75

IV / 2018

ДЕРИБАСОВСКАЯ – РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (75), 2018
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 21 от 20.01.2003 г. Тел.: +38 (067) 486-20-34
takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 500 экз. Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (75), 2018
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса, ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД № 21 від 20.01.2003 р. Тел.: +38 (067) 486-20-34
takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 500 прим. Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2018
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2018

О редакции

Внимательные читатели, несомненно, заметили в заголовке этих заметок пропущенную букву «Т» и посетовали: надо же, именно в юбилейном номере первый же материал начали с ошибки. Правильно ведь «От редакции». Именно так была озаглавлена вступительная страница каждой из предыдущих 74 книг.

Признаемся: когда мы, набирая текст, увидели эту коллизию на экране, то поначалу решили исправить ошибку, но, поразмыслив, предположили, что наш компьютер подсказывает редколлегии иной вариант, иную тональность разговора с читателями, которые только что получили 75 выпуск альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Со дня выхода первого номера прошло без малого 19 лет. За это время изменился состав читателей, более того, среди сегодняшних есть и те, кто моложе нашего издания, в том числе и авторы: в разделе «Первые шаги» публикуются первые материалы одесских школьников – они есть и в этом номере. Вот для них и, будем откровенны, немножечко для себя, вспомним вкратце, как все начиналось.

…Заканчивался XX век, а вместе с ним – и значительный яркий период профессиональной деятельности Евгения Голубовского, Олега Губаря и Феликса Кохрихта. Разумеется, мы и раньше были опытными, востребованными и даже известными журналистами, но лишь в конце 90-х годов получили возможность создать первый в истории одесского издательского дела полноцветный иллюстрированный ежемесячный журнал. Молодой бизнесмен Александр Гришин поставил лишь одно условие: журнал должен называться «Одесса».

И мы сразу же согласились, и он выходил несколько лет, и его читали и покупали, а последний, 20-й номер пришелся на 1999 год, когда грянул очередной кризис, и у просвещенного издателя закончились деньги…

Уже в новом веке мы, вернувшиеся к своим газетным делам, неожиданно услышали от доброго знакомого, директора одесского завода «Микрон» Владислава Вайсмана: «А почему бы нам не создать иное, менее затратное (полиграфия, формат, периодичность) издание, сохраняющее основные свойства, увы, закрывшегося журнала?». А ими были: приоритеты – Одесса и одесситы, и адресность – широкий круг читателей, патриотов родного города, где бы они (мы) ни жили. Он сразу же предупредил, что «нам» относится лишь к нескольким пилотным выпускам, а затем наступит – «вам». Так и случилось.

Но сначала о жанре нового издания. После размышлений и дебатов решили выпускать альманах. О том, когда и где появились эти сборники, читайте в Интернете. Главное – они рассчитаны на семейное чтение и содержат разделы по интересам. Тогда и родилась композиция номера: появились разделы и рубрики, которые, судя по всему, и сегодня вызывают интерес читателей.

Как показало время, удачным, более того, безошибочным, несмотря на первые сомнения, оказалось имя нашего детища, которое придумал не кто-то из нас, знатоков одесского фольклора, а директор крупного предприятия, как говорится, технарь Вайсман: «Дерибасовская – Ришельевская». И оно оказалось счастливым: недаром же, как утверждал наш незабвенный друг, писатель Ростислав Александров (в миру – Саша Розенбойм), над этим перекрестком, над этим ареалом Одессы реет Гений места. С Сашиных рассказов о четырех углах двух наших легендарных улиц начинались первые четыре номера нового альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». Сегодня эти небольшие, скромные на вид книги – библиографическая редкость, а блистательные эссе Ростислава Александрова вошли в шеститомник его произведений.

Облик альманаха: манеру верстки, оформления обложки, рубрикации разделов, концептуально сохранившиеся и сегодня, создал наш первый ответственный секретарь Андрей Ерохин. На протяжении нескольких лет тираж печатался в издательстве «Друк» (Николай Барбашин).

Первые три номера увидели свет в 2000 году, а начиная со следующего мы вошли в ежеквартальный ритм. Начиная со второго номера редакция публиковала слова благодарности не только в адрес «Микрона», но и фирмы «Архо», агентства «Капитал», фирмы «ХТС» (Александр Мардань), которая со временем надолго стала нашим надежным меценатом.

Глубокая признательность и тем одесситам, кто в трудные дни вносил свои личные деньги из весьма скромных сбережений, и альманах ни разу за все 19 лет не «сорвал график», что является феноменом в сфере многолетней одесской издательской практики. Во всяком случае, так полагают библиографы, проводившие соответствующие изыскания в архивах.

Важным и плодотворным стало участие редакции в социально-культурологической программе АО «ПЛАСКЕ» (Олег Платонов), позволившее альманаху подняться на новый полиграфический и концептуальный уровень. Ныне он издается при помощи современных технологий, возрос объем каждого номера, более выразительной стала обложка. Как говорится, в «пакете» с альманахом вышло несколько книг «Одесской библиотеки», мы участвуем в подготовке материалов традиционного «Одесского календаря», который ежегодно ко Дню города выпускают АО «ПЛАСКЕ» и Литературный музей.

Много сделал для преобразования облика альманаха Иван Липтуга, ставший четвертым – самым молодым членом нашей редколлегии. Бессменным ответственным секретарем альманаха является Татьяна Коциевская. Несколько лет мы печатаемся в типографии «ТакиБук» (Андрей Вовк).

С первого номера штаб-квартирой редакции, нашим домом является Всемирный клуб одесситов, связывающий нас с земляками, где бы они сегодня ни жили. Среди авторов и читателей альманаха – граждане не только Украины, но и многих стран. Все номера нашего издания можно найти на сайте ВКО.

В последнее время родилась еще одна традиция, которой мы гордимся: президент Всемирного клуба одесситов Михаил Жванецкий дарит нашим читателям свои произведения. В сегодняшнем – юбилейном – номере его монолог «Воспитание», который вы прочтете, как только перевернете эту страницу альманаха.

Наш первый номер вы видите на обложке нынешнего, 75-го. 2000 год. Дюк вглядывается в море.

Михаил Жванецкий

Воспитание

Вкус с детства.

Музыка с детства.

Язык с детства.

Литература с детства.

Потом времени не будет.

В нас воспитали с детства нежность, правдивость.

И мы, выйдя из школы, получили жизнь в лицо.

Но не изменились.

Потому что воспитание – сила непреодолимая.

Мы знали, что ничего нет ужасней, чем ответить на подлость подлостью.

Мы знали, что если на крик отвечаешь криком, доказать ничего не можешь.

Мы чувствовали стеснение (какое хорошее слово), когда видели обнаженного человека.

Даже женщину.

Даже красивую.

Мы чувствовали стеснение, когда видели ругательство на заборе. Хотя мы уже понимали, что забор существует для написания таких слов.

А где же еще их писать, не в книгах же.

Мы боролись с заборами и из-за этого тоже.

И из-за воспитания мы стеснялись предавать и доносить.

Кто-то все равно доносил.

Но мы не доносили.

Кто-то шел работать в КГБ.

Кто-то был надзирателем.

Кто-то был парторгом.

А кто-то учился в высшей партшколе.

Мы трусили отчаянно, но не шли туда.

И не подписывали писем ни с осуждением, ни с одобрением.

Может быть, если бы били…

Но пока не били, мы не подписывали.

И никакой тут смелости не было.

Тут было воспитание.

И вообще, мне кажется, что мужество – это не та смелость, которая есть и у бандита, это что-то, связанное с другими людьми.

Я люблю краснеющих в дебатах.

Попал впросак и покраснел.

Не ополчился на всех.

Не закричал: «А вот это!» – переводя разговор на другое.

А покраснел за то, за сказанное.

Довел до конца тему, а не вывел всех из себя.

Испытал стыд.

Он понял.

Отсутствие воспитания помогает говорить.

Наличие – слушать.

Воспитание отсеивает невысказанное.

А значит, освобождает массу времени от пустой болтовни и пустых просмотров.

А их отсутствие создает вкус, делает человека умней, молчаливей и приятней.

Чем больше вы находите лишнего, тем лучше.

Необходимое – для каждого свое.

Михаил Жванецкий

Сказано – сделано

* * *

Изобретен безалкогольный бренди.

Как безмоторное такси.

Что же чувствуешь?

На коньяке я могу выдать две-три мысли в час.

Одну остроту в десять минут.

На безалкогольном пиве – ноль.

На водке – три-четыре претензии к правительству и поиски закуски.

На сухом вине до изжоги успеваю помрачнеть, очень скверно обо всех подумать.

На шампанском несу чушь довольно далеко и долго.

На шампанском с водкой и борщом маршрут короткий: стул – стул – пол – постель. В одежде, в чужом доме, в носках.

Ночью поиски туалета и страшный испуг от ночного отражения в трех зеркалах.

Коньяк держит разговор, допускает две-три шутки в два-три часа.

Окрашивает жизненный горизонт в радужные желтоватые тона, то есть в хмурый день устраивает заход солнца.

* * *

С такой же силой не любил одну, как и другую.
И остался один.

* * *

Поделите сорок на восемнадцать, получится 2,222 и 2 в периоде.
Не делится! Совершенно и жутко.

* * *

Я хочу, чтоб глядя на твои ноги – ты переводила глаза слева направо, а я скользил взглядом назад.

* * *

Возраст – как седина.
Перец, перец и немного соли.
Потом соль, соль, соль и немного перца.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

12 **Олег Губарь**
Путеводитель по пушкинской Одессе

41 **Андрей Добролюбский**
Имя дрока

51 **Анатолий Горбатюк**
Фрагменты истории Одессы в анфиладе мостов над Карантинной балкой

61 **Сергей Калмыков**
Карандашные строчки

66 **Евгений Голубовский**
Большой артист маленького роста

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

О вреде курения

В ту пору вояжеров из внутренних губерний приятно удивляло то, что в Одессе не запрещалось курение на улицах. Оно и понятно: дома каменные, деревянные тротуары тоже отсутствуют, нет угрозы возгорания. Курили даже в Городском театре, и лишь 12 января 1827-го опубликовано следующее официальное распоряжение: «Театральная дирекция сим извещает публику, что строго запрещается входить в театр с зажженными цигарками и курить табак как внутри театра, так равно в коридорах и буфете. Те, которые будут отклоняться от соблюдения сего распоряжения, установленного единственно для порядка и безопасности, навлекут себе неприятности».[798]

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-74

Дом Монтовани

Эта недвижимость – как бы в стороне от нашего маршрута. Однако непосредственно с ним связана, поскольку дает представления о материальных возможностях одного из содержателей Городского театра к тому времени, когда он завершил свою карьеру в данной отрасли.

Из записи в журнале заседания Строительного комитета от 27 января 1821 года видно, что одесский гражданин Иван Монтовани владеет домом на Греческом форштате, в VII квартале, место № 63, «по купчей крепости, совершенной в Херсонской палате гражданского суда», и что никаких претензий по поводу владения нет ни у Комитета, ни у частных лиц.[799] Похоже, дом приобретен относительно недавно. Местоположение определяется без особого труда: примерно соответствует современной застройке по улице Садовой, № 17; в ту пору – неподалеку от главной гауптвахты, о которой говорилось выше.

Для чего Монтовани понадобился документ об отсутствии претензий? Дело в том, что его недвижимость была выбрана для заключения контракта о найме под певческую школу детей-сирот. В марте 1821-го доктор Стуббе освидетельствовал сооружение, «где ныне певческая школа», и нашел, что оно совершенно не годится: стены на глине из мягкого камня, сырость, дети болеют, почти все из 28-ми мальчиков обитают в одной комнате. По этой причине комиссару Сиропитательного дома титулярному советнику П.А. Заводовскому (Завадовскому) поручили приискать удовлетворяющее запросам здание со службами, и он договорился с Монтовани об аренде из расчета 1.800 рублей в год, двумя порциями.[800] 28 марта Комитет постановил выдать первый транш, «когда сиротское заведение переведено будет в дом».[801]

В итоге Комитет переиграл, и дом Монтовани на год, до 1 мая 1822 года, арендовали для *Одесского коммерческого суда*.[802] Коль мы коснулись этой важной институции, заметим: 15 июня 1820-го был заключен контракт с известным подрядчиком Федором Монако «о починке дому, состоящего в полицейском дворе, для помещения в нем Комерческого суда» на 1.600 рублей. Подрядчик

получил задаток, 500 рублей, и приступил к исполнению.[803] Однако и тут что-то не сложилось. В журнале заседаний Строительного комитета от 25 мая 1822 года зафиксировано: из дома Монтовани Коммерческий суд переводят в казенный дом, доставшийся от г. Шостака, а сюда переводят типографию.[804]

Монтовани лишился этой своей недвижимости весной 1830-го. На удовлетворение поверенного барона Штиглица, коммерции советника Егора Гари, дом «с принадлежащими к нему строениями и землею», оцененный в 7.025 рублей ассигнациями (явно одноэтажный) и приносящий ежегодный доход 1.100 рублей ассигнациями, был выставлен на аукционную продажу в том же Одесском коммерческом суде. В объявлении о торгах, назначенных на 11, 12 и 13 марта, ошибочно указано место № 65 вместо № 63.[805] Неточность очевидна, поскольку место № 65 в то время вообще не было застроено.

Впрочем, семейство не потерялось из поля зрения. Известно, что госпожа Монтовани продолжала заниматься изготовлением театрального платья, отдавала напрокат маскарадные костюмы и т. п. Семья арендовала сперва № 1 в Клубной гостинице при доме Рено, то есть в первом этаже,[806] а затем помещение в верхнем этаже так называемого Дома градоначальника, по улице Ришельевской, № 2.[807]

Дома Савоини

Коль скоро мы оказались на улице Садовой, то есть смысл коснуться его истории, поскольку он в пушкинское время располагался по соседству, на углу этой улицы и Дворянской. О семействе Савоини мы говорили выше. В данном случае речь идет о наиболее известном его представителе, генерале от инфантерии *Еремее Яковлевиче Савоини* (1776-1836), участнике штурма Бендер, Хаджибея, Измаила. Будучи подпоручиком (произведен из прапорщиков во время взятия Измаила), он получил под застройку другое место еще в ходе первичной раздачи участков в августе-сентябре 1794-го,[808] но позднее застроился на сказанном перекрестке, причем на первом этапе довольно скромно.

По тогдашней топографии это места № 66-67 в VII квартале Греческого форштата.

Когда в 1806-м боевой офицер просил Одесский строительный комитет о ссуде в 400 рублей, необходимой для окончания строения, то в залог представил уже существующую постройку, оцененную в 800 рублей.[809] Деньги выдали под необременительные проценты на год,[810] однако этот долг он вернул лишь весной 1820-го. Никто не преследовал Савоини за столь долгую задержку, мало того, Ланжерон освободил должника от уплаты процентов, поскольку тот все годы находился в действующей армии, где показал себя умелым воином и храбрецом.[811]

Ранняя история Одессы тесно связана с Ладожским пехотным полком, который долго был в ней расквартирован. В составе этого соединения Савоини прошел множество военных кампаний, а с мая 1808-го им командовал. С 1807-го полк участвовал в боях с турецкими войсками, где Савоини особо отличился при штурме укреплений Бани и Тирку, захватил три вражеских знамени, 30 ноября 1811 награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1812-м Ладожский полк входил в состав 26-й пехотной дивизии 2-й западной армии, сражался под Смоленском. При Бородине, прикрывая батарею Раевского, Савоини был ранен в ногу и в руку, за отличие произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады. Отличился в боях при Красном, затем участвовал в штурме Модлинской крепости, в сражениях под Дрезденом и Лейпцигом. За мужество, храбрость и распорядительность при атаке Гамбурга был награжден орденом Св. Георгия III степени. После 1815-го командовал дивизиями, далее генерал-лейтенант (1825), командир 4-го пехотного корпуса, генерал от инфантерии (1833).

В 1824 году недвижимость генерала Савоини была уже не тем архаическим домиком, какой могли видеть современники Ришелье: ее оценочная стоимость составляла 30.000 рублей, и она давала 3.000 рублей ежегодного дохода.[812] Из плана Торичелли видно, что главное здание занимало более трети фасадного места по улице Садовой, с отступом от перекрестка. Обозначен также флигель (дом) квадратной формы в глубине двора, на границе мест № 66-67 по Дворянской улице: возможно, это и есть первичное строение. В настоящее время территорию главного

Еремей Яковлевич Савоини
Бумага, акварель. 1836 г.

здания занимает более поздний трехэтажный дом по улице Садовой, № 11. Указанные места, принадлежавшие Савоини, также застроены домами по Дворянской, № 9 и № 7. В ведомости на 1848-й год два дома и магазин на этих местах значатся за генеральшей Екатериной Еремеевной Теннер, дочерью Савоини, и оценены в 9.091 рубль серебром.[813]

Недвижимостью также владел отец Савоини (ранее 1799-го) и двое из его братьев. Титулярный советник, полицейский частный пристав *Франц (Франческо) Яковлевич Савоини* построил дом в июне 1820-го на углу Ришельевской (№ 33) и Успенской (№ 44) улиц.[814] Впоследствии он остался за его супругой Пелагеей, которая уже во время постройки развелась с Савоини и вышла замуж за служившего при Ланжероне надворного советника Павла Григорьевича Саражиновича.[815] Этот последний упоминается в записках Н.И. Греча и Ф.Ф. Вигеля, причем скорее негативно. Ссылаясь на Воронцова, Вигель называет Саражиновича глупым плутом. Насколько это соответствует действительности, сказать трудно. Могу здесь констатировать лишь то, что он был награжден орденами Св. Анны II степени и Св. Владимира IV степени. Весной 1824-го этот дом оценивался в 12.000, причем давал очень хороший доход – 1.500 рублей.[816] Ныне здесь солидное здание, построенное не ранее второй половины 1870-х.

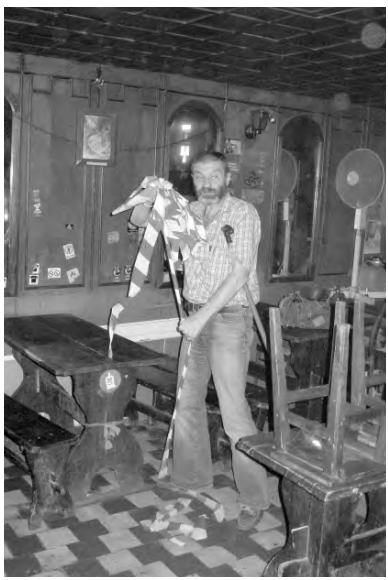
Примерно такой же недвижимостью, но где-то поблизости от брата-генерала, владел и *Григорий Яковлевич Савоини*, тоже титулярный советник, много лет прослуживший в губернском правлении и награжденный орденом Св. Анны III степени. Вполне вероятно, что он унаследовал отцовский дом. 27 сентября 1808-го

он обвенчался с дочерью Саратовского гарнизонного батальона подполковника Василия фон Мирбаха Евдокиею при свидетелях надворном советнике Константине Андрияше и капитане Павле Лебеле.[817] Мирбах в ту пору квартировал в казенном доме на углу Александровского проспекта и Полицейской улицы, о чем см. ниже. При той же оценочной стоимости, что и дом Франца, 12.000, дом Григория синхронно давал только 700 рублей дохода: возможно, сдавался в аренду лишь частично.[818] После кончины Г.Я. Савоини в 1829-м его дом со службами сдавался Дворянской опекой в аренду.[819]

Небезынтересно, что супругой генерала Савоини была дочь одесского негоцианта *Людвига Даниловна Дункель* (Дюнкель, Данкель); умерла не ранее 1850-го. Ее брат Леопольд (Лев) Дункель, отставной поручик, в 1820-1822 годах состоял в масонской ложе «Понт Эвксинский». Знакомство Пушкина с братьями Савоини и Дункелем вполне вероятно.

* * *

В подверстку – еще один объект алкогольной топографии нынешней Одессы. Речь идет о былинной «Таверне», чрезвычайно колоритном питейном заведении, базировавшемся в глубоком подвале дома по Садовой, № 9, бывшего Савоини. Сперва, в 1990-х, то был вполне преуспевающий молодежный (и не только) клуб, в котором довольно часто стихийно воспламенялись разгильдяйские литературно-музыкальные вечера. Позднее, в середине 2000-х, «Таверна» практически перешла на нелегальное положение: электричество отключили, легендарная барменша Лилия Витальевна запускала алкоголическую общественность с наступлением темноты. Обстановка и обслуживание поражали крайней непритязательностью и простотой нравов. Засиживались далеко за полночь, тарахтели, музицировали, витийствовали. Памятны сольный гитарный концерт небезызвестного в ту пору Сэма Росовского, «байкодром» вечного сидельца Бормана, иронические искусствоведческие экскурсы Виталика Абрамова. Мы частенько устремлялись сюда по ночным улицам, под оплывающие свечи, согревались совместным пением, возлиянием,



то горькой, то сладкой застольною беседою. Формировалась иллюзия вневременья. Вероятно, как-то так же чувствовали себя полночные заседатели и в затертых 1820-х.

Биржа извозчиков

Но вернемся на хрестоматийный перекресток Дерибасовской и Ришельевской.

«Всем нам знакомы были два окна во втором этаже дома барона Рено, на углу Ришельевской улицы, из которых, по сложившейся уже легенде, высовывалась курчавая голова поэта, и кликал он для расплаты стоявших на этом углу биржевых извозчиков, которым оставался должен за езду во дни безденежья».[820]

Речь идет о перекрестке Дерибасовской и Ришельевской улиц, на котором в ту пору обосновалась биржа извозчиков. Согласно архивным данным, в 1824 году зарегистрировано: 85 дрожек, 108 бричек, 271 повозка, 37 биндюгов. Что до владельцев, то одни занимались извозным промыслом непосредственно, другие нанимали извозчиков. Случалось, владельцы специально занимались этим промыслом. Скажем, 37-ю биндюгами владели лишь 10 хозяев, а знакомый нам шляхтич Бржезовский – сразу тремя дрожками. Всякое гужевое транспортное средство еще со времен де Ришелье снабжалось официальным номером. За сам номер, то есть как бы лицензию, взималось: 25 рублей за грузовую повозку и 30 рублей за дрожки. Кроме того, в городскую казну уплачивалось по 2 рубля 50 копеек в полугодие с одесских граждан, а с иногородних и военнослужащих – по 4 рубля.[821] К февралю 1819-го выдано 217 повозочных и 53 дрожечных номера.[822]

5-8 рублей налога в год, 25-30 рублей за номер. Много это или мало? Судите сами. Сторожа при общественных зданиях тогда обыкновенно получали жалованье по три рубля в месяц. Наемному рабочему за довольно тяжелый поденный труд полагалось порядка 60 копеек, солдатам, поскольку они состояли на казенном довольствии, – вдвое меньше за ту же работу в день. Самые квалифицированные плотники и каменщики могли вырабатывать

по 1 рублю 30 копеек – 1 рублю 50 копеек. Ведро водки отпускалось за 3 рубля 50 копеек. Съестные припасы были довольно дешевы: за те же 60 копеек можно было кормиться неделю, если, конечно, не пропиться, «как извозчик», в тот же день. Можно констатировать, что местные извозчики были изначально избалованы высоким спросом.

Пушкин ездил не только по городу, но и далеко за город, прежде всего, по Малофонтанской дороге, вдоль которой располагались обширные приморские хутора Томаса Кобле, Льва Нарышкина (Россет, Арнольди), Антония Феогности, Жана Рено и др. В оба конца могло накручиваться 20 и более верст, то есть вояжи были довольно дорогостоящими. Как известно, бывал он и в Дальнике, у фон Тома. Вполне мог навещать знакомых, владевших хуторами на Водяной балке, Сухом лимане, за Пересыпью, на Жеваховой горе, в Татарке и проч. Можно даже примерно рассчитать время, затраченное на такие поездки, исходя из нормативов скорости, назначенных для извозчиков в том же 1824-м: осенью – 8 верст в час, летом – 10, зимой – 12. Почему назначено именно так? Потому что осенью – грязь, летом – пыль, зимой – наиболее устойчивое дорожное покрытие.

К.П. Зеленецкий: «Очевидцы сказывали нам, что иногда, в послеобеденное время, а иногда и в лунные ночи, Пушкин езжал за город, в двух верстах от него, на дачу, бывшую Рено, где открывается весь полукруг морского горизонта. Тогда это было дико поэтическое место уединения».[823] Он же, со слов одесского извозчика Березы: «Был тут в графской канцелярии Пушкин. Чиновник, что ли. Бывало, больно задолжает, да всегда отдаст с процентами. Возил я его раз на хутор Рено. Следовало пять рублей; говорит: в другой раз отдам. Прошло с неделю. Выходит: вези на хутор Рено!.. Повез опять… Следовало уж десять рублей, а он и в этот раз не отдал. Возил я его и в третий, и опять в долг: нечего было делать; и рад бы не ехать, да нельзя: свиреп был, да и ходил с железной дубинкой. Прошла неделя, другая. Прихожу я к нему на квартиру. Жил он в клубном доме, во втором этаже. Вхожу в комнату: он брился. Я к нему. Ваше благородие, денег пожалуйте, и начал просить. Как ругнет он меня, да как бросится на меня с бритвой! Я бежать, давай, бог, ноги, чуть не зарезал. С той поры я так и бросил. Думаю себе: пропали деньги, и искать нечего, а уж больше не повезу. Только раз утром гляжу – тут же и наша биржа, – Пушкин растворил окно, зовет всех, кому должен… Прихожу и я: «На вот тебе по шести рублей за каждый раз, да смотри, вперед, не совайся!» – Да зачем же ездил он на хутор Рено? – «А бог его знает! Посидит, походит по берегу час, полтора, потом назад».[824]

Создается впечатление, будто извозчики изрядно зарабатывали. На самом деле все определялось условиями, которые они заключали с непосредственными владельцами гужевого транспорта. В свою очередь, доходы последних зависели от многих обстоятельств: стоимости лошадей, кормов, воды, транспортных средств, снаряжения и их ремонта с учетом безобразного состояния дорог, расходов на сооружение, аренду конюшен, их местоположения, спроса, конкуренции и т. д. Все это обходилось весьма дорого, поэтому и прибыли не могли быть чрезмерны.

Любопытную информацию можно почерпнуть в переписке Веры Федоровны Вяземской с супругом. 7 июля 1824-го княгиня сообщает мужу о происшествии, едва не обернувшемся

катастрофой. С находящегося на оползневой террасе приморского хутора она с детьми и служанкой поднималась в дрожках по довольно крутому участку склона. Понятно, что извозчик должен был гнать, иначе ему не удалось бы преодолеть этот участок. На крутом повороте два колеса провалились в зыбкую почву, но, слава Богу, обошлось без серьезных последствий. 4 августа – новое происшествие. Утром те же действующие лица собирались отправиться в церковь, для чего на кромке плато над террасой, где расположен хутор, уже ожидал извозчик. По какой-то причине, возможно, откола бровки лессового массива, лошадь свалилась с обрыва и погибла. Чтоб хоть как-то утешить горемычного извозчика, Вяземская сполна оплатила несостоявшуюся поездку.[825] Так что поездки на хутора представляли немалую опасность как для перевозчика, так и для перевозимых. Откуда и солидная такса.

16 июня Вяземская сообщает мужу о стоимости годовой аренды пяти лошадей с упряжью и извозчиков – около 3.000 рублей. 11 июля княгиня прибавляет, что теоретически расходы можно сократить, если иметь собственных лошадей: покупка шестерки обойдется в 1.500 рублей; если они не понадобятся, можно сдавать их в аренду. В первом из этих писем Вера Федоровна говорит о содержании Гурьевыми и Воронцовыми по двадцати собственных лошадей – положение обязывает. Остальные в основном живут по-купечески, прибегая к аренде.

Екатерининская улица

Мы пересекали ее, следуя по Дерибасовской, описали угловой дом Калафати, однако эта улица достойна более пристального внимания.

Данный раздел может представлять двоякий интерес: 1) с точки зрения истории застройки одной из центральных улиц Одессы и ее состояния в пушкинское время; 2) здесь расположено несколько важных объектов, которые Пушкин посещал наверняка (почтовая контора) или, по крайней мере, осматривал (католический и греческий храмы).

Будущая Екатерининская улица начала застраиваться одной из первых, причем довольно плотно. Впрочем, постройки были в основном небольшими, занимали лишь часть фасада отведенных мест, то есть разобщались большими просветами, заборами. Самая значительная из них – так называемый дом главного начальника, двухэтажный, меж будущими улицами Ланжероновской и Дерибасовской. Позднее герцог Ришелье передал его коммерческой гимназии, впоследствии преобразованной сперва в Благородный институт, а затем в Ришельевский лицей. В процессе всех этих пертурбаций здание неоднократно достраивалось и перестраивалось. Но этот сюжет я уже излагал.

Немалый интерес представляет ранняя история застройки отдельных кварталов, в основном практически не исследованная, в частности, первых по обеим сторонам, второго по нечетной стороне квартала, где расположен католический храм, да и ряда других. На некоторых из этих моментов хочу сосредоточить внимание, в том числе на том, что тема взаимосвязана с дальнейшим устройством Приморского бульвара и соответствующей эволюцией его окрестностей.

Часть «военного городка»

Уже неоднократно сообщал здесь о том, что темп плановой застройки в историческом центре изрядно тормозился наличием «военного городка», занимавшего территорию нынешнего Приморского бульвара и его окрестностей, включая Екатерининскую площадь и первые кварталы одноименной улицы. Тут находились солдатские казармы, укрепления, офицерские флигеля, военный госпиталь, баня, пекарня, временная военная церковь, недостроенный Екатерининский храм и т. д. Некоторые из этих сооружений сохранялись до первой половины 1820-х, и были ликвидированы постепенно в процессе застройки бульвара. Несколько офицерских флигелей располагалось в пределах первого четного квартала Екатерининской со стороны площади, а потому первые частные постройки возникали на некотором удалении – это угол Ланжероновской и примыкающие к ней места.

Согласно генплану 1802-1803 годов, данного квартала еще нет как такового: разбивка сетки кварталов начинается лишь вверх от Ланжероновской. Он спланирован несколько лет спустя, и отвод мест под приватные домостроения по факту разворачивается в 1807-м. Большим подспорьем в изучении обстоятельств застройки первого квартала по четной стороне Екатерининской (LXVIII квартал, 1-я часть города, Военный форштат) может служить солидное архивное дело из фонда Одесского строительного комитета, охватывающее период с 1804-го по 1827 гг.[826] Здесь фигурируют все лица, имеющие отношение к первичным отводам, застройке и эксплуатации недвижимости: греческие купцы Буба и Москули, полковник Парадовский, шляхтичи Якубовский и Чеполовский, небезызвестные инженер-полковник Потье и его супруга, урожденная Рувье. При этом осваивались места, свободные от казарм.

Резюмируем. 22 сентября 1804 года купец 1-й гильдии *Федор Москули* первым запросил, а 26 сентября получил место (№ 736) под застройку в этом квартале. Это место примерно соответствует строениям и двору по улице Екатерининской, № 8/10.[827] Здесь проблем со строительством не возникало, поскольку территория как бы выходила за пределы «военного городка», лишь примыкала к нему. 24 июля 1823 года одесский 1-й гильдии купец *Иван Буба* сообщил Строительному комитету о покупке недвижимости Федора Москули – дома и земли, просил официально обмерить участок, что и сделал архитектор Боффо.[828] 20 сентября 1824 года в Комитет обращается уже следующий фактический владелец, брат Ивана Бубы, нежинский грек *Анастасий Буба*, просит прибавить смежное пустопорожнее место для постройки магазина. Оценка принадлежащих ему строений составляет 44 тысячи рублей.[829] Летом 1825-го ему прибавили пять саженей и 12 вершков.[830] Из раскладочной ведомости на 1848 год видно, что купец Буба владеет домом и двумя магазинами по Екатерининской, оцененными в 9.000 рублей серебром.[831] В реестре на 1855 год отдельно фигурируют «четыре лавки и флигель братьев Бубы» с оценкой 16.000 рублей серебром и «дом Агая (Аггея? Аглаи? – **О. Г.**) Бубы» с оценкой 4.565 рублей серебром.[832]

Далеко не так гладко складывалась застройка других мест в том же квартале со стороны Екатерининской. Поскольку середина квартала, в пределах дворов нынешних домов № 2-6, была занята офицерскими флигелями (казармами) и конюшнями при оных, то застройщикам приходилось их обтекать, со скрипом вписываясь в ситуацию. Разборка казарм несколько раз откладывалась, в итоге затянулась на много лет. По этой причине даже в 1820-х годах застройка всего квартала по Екатерининской ограничивалась лишь торцами трех относительно небольших домов в пределах нынешних № 2, 8/10, 12.[833]

В числе примечательных фигурантов тут – полковник *Феликс Осипович Парадовский*, в сентябре 1807-го получивший под застройку места № 737, 738, 739, включавшие часть «военного городка», и в сентябре 1810-го построивший дом со службами на бывшем плацу. Наследница полковника *Роза Якубовская, урожденная Парадовская*, 20 сентября 1820 года сообщает Комитету, что «на оном плацу стоящие поныне в среди двора три казармы».[834] В 1821-м Роза продала часть унаследованной недвижимости дворянину *Николаю Якубовскому*, а другую – помещику Подольской губернии Гайсинского повета *Чепелиовскому*.[835] Ф.О. Парадовский – доблестный воин, дворянин Волынской губернии, награжден орденами Св. Георгия IV степени (1806), Св. Владимира III степени, Св. Анны II степени с алмазами, золотым оружием «За храбрость», секунд-майор Переяславского конно-егерского полка (1795), командир Мариупольского гусарского полка (1806), шеф Лифляндского драгунского полка (1810). Георгиевским кавалером стал за отличие в легендарном сражении при Шёнграбене, погиб в ходе кровопролитной битвы при Кацбахе (1813). Георгиевскими кавалерами были и его младшие братья, генерал-майор Александр Осипович (1837) и полковник Карл Осипович (1836).

Еще одна любопытная деталь. Ф.О. Парадовский задолжал Одесскому строительному комитету довольно крупную сумму. Судя по всему, он взял ссуду под домостроительство. Для погашения этого долга 31 марта 1813 года был заключен контракт о размещении в его доме офицерского лазарета, что логично по причине соседства военного госпиталя. Сам полковник в тот период

находился на театре военных действий. 13 октября того же года в счет погашения долга по этому контракту списали уже 1.525 рублей.[836] Поскольку к наследнице Якубовской впоследствии не было никаких претензий, это означает, что контракт еще некоторое время продолжался, и долг был списан полностью. О другой недвижимости Парадовского упоминал в монографии по истории градостроительства.[837]

С неудобными «казарменными местами» № 738-739 продолжалась многолетняя чехарда. Сперва их по объективным причинам не мог застроить Парадовский, по тем же причинам ничего не сделал штаб-доктор *Яворский* (1816), затем генерал-лейтенант граф *Ламберт* (1817), и в декабре 1819-го их передали *коммерции советнице Рувье*. «А как на сих местах состоят старые казармы, то построение дома расположить таким образом, чтобы место отделено было от казармы и не делало помех казармам».[838] В итоге 3 августа 1822-го об окончании постройки двухэтажного планового дома (проект *Франсуа Шааля*) рапортовала полковница *Клара Ивановна Потье, урожденная Рувье*,[839] то есть дочь знаменитого предпринимателя-овцевода *Гильома Рувье* (1756-1815), супруга *Шарля (Карла Ивановича) Потье* (1785-1855). До 9 (21) сентября 1824 года Потье был директором 1-го отделения IV округа Управления путей сообщения, а с этого момента – членом Совета управления,[840] чрезвычайно значимой фигурой в Одесском строительном комитете, обладавшей немалыми полномочиями и ресурсами.

Как выясняется из архивных документов, в ходе строительства дома госпожа Потье сумела добыть разрешение на снос конюшен при трех офицерских флигелях (которые на 12 (24) ноября 1824 года по-прежнему остаются на своих местах), тем самым обретя выгодный стартовый плацдарм в ущерб Якубовскому и Чепелиовскому.[841] То есть выходило так, что владельцы бывшего участка Парадовского заведомо поставлены в неравные условия. В 1825-м Якубовскому, Чепелиовскому и Бубе прибавили земли, однако разбирательство продолжалось и далее, по крайней мере до конца 1827 года.[842] Оценочная стоимость домов Потье и Якубовского весной 1824-го – соответственно 30.000 и 5.000 рублей,[843] то есть второй, бывший дом Парадовского, явно одноэтажный.

Дом Прокопеуса и соседи

О недвижимости Врето и Греческого училища, на углу Екатерининской и Дерибасовской улиц, говорится в другом разделе. Теперь перенесемся на противоположный угол – перекресток Екатерининской, № 23, и Греческой, № 32. Дом Прокопеуса.

Фамилия Прокопеус оригинальным маневром закрепилась как бы на обочине истории Одессы. Я говорю о патриархальном доме этого семейства, именуемом в народе «Два Карла». Одесситы со стажем прекрасно знают, о чем идет речь: о некогда популярном подвале-распивочной на углу улиц Карла Маркса и Карла Либкнехта – о «двух Карлах», место встречи которых, в самом деле, неизменно. Ныне это поистине легендарное заведение репрезентует весьма изящная одноименная «бодега» с неброским уместным дизайном и музеефикацией старинной кладки.

Если чуть серьезнее, у меня скопилось довольно много материалов, каковые, пожалуй, потянули бы на хорошую научную статью, но это не всегда удачный жанр. Потребитель тонет, захлебывается в ворохе начетнической информации, не получая впечатления ни о людях, ни об эпохе. Подобные тексты нередко означают демонстрацию снобистского знания мелочей. Да я и сам, признаюсь, не безгрешен. Но хотя бы пытаюсь отыскать какой-то иной путь.

Что я знаю и могу рассказать о патриархе семейства Прокопеусов, кроме того, что он был отставным поручиком, то есть, как и многие его соотечественники, послужившим единоверной России на поле брани с общим давним врагом? Если говорить о вещах формальных, Иван Николаевич построил не только один из первых домов (старейший из документально датированных сохранившихся), но и один из лучших в ту пору. Двухэтажные здания – частные и казенные – во второй половине 1790-х годов можно было по пальцам перечесть. Прокопеус вышел в отставку и обосновался в Одессе в 1795-м, и 5 сентября инженерная команда задним числом отвела ему под домостроительство пространное и удачно расположенное место на углу будущих улиц Екатерининской и Греческой, хотя реально он приступил к застройке еще 7 июля. В отличие от многих других боевых офицеров,

он явно располагал средствами, поскольку застроился уже в 1796-м.[844] К слову, ему передали место, отведенное годом ранее другому поручику-греку, отличившемуся при штурме Измаила, Калимери,[845] тоже представителю военного семейства, который так и не сумел застроиться.

Что касается И.Н. Прокопеуса как личности, создается впечатление, что он был довольно тяжелым, неуживчивым господином. Мне многократно приходилось знакомиться с архивными документами, запечатлевшими взаимные жалобы, пререкания, обвинения, притязания, сутяжничество и т. п., но ни один из интересных мне фигурантов не был замешан в таком катастрофическом количестве скандалов и разбирательств. Младенчество Одессы оглашено буквально вопиющими наименованиями архивных дел: «По прошению словесных судей Дмитрия Горголи, Майорки Эльмановича, ратмана Христодула Тарабути о причиненной им поручиком Прокопиусом ругательством тяжкой обиды» (1796); «По прошению бургомистра Леондари Бердона о причиненной ему поручиком Прокопеусом обиде» (1798); «По докладу секретаря (магистрата. – **О. Г.**) Николая Мунтянова на поручика Прокопеуса по данному обвинению сим каких-то его, Мунтянова, взяток» (1798-1799); «О действиях по прошению именующегося г. Одессы депутатом отставного поручика Прокопеуса» (1799).

Впрочем, скандальные эскапады отставного поручика, его постоянные нападки на тогдашних муниципальных деятелей могли быть отчасти небезосновательными – порядок тогда и в самом деле оставлял желать лучшего, однако анархия царила в основном вовсе не от бездеятельности магистрата. Примечательно, что ругался Прокопеус почти исключительно со своими соотечественниками. Напористость его явно произвела впечатление на окружающих, и на магистратских выборах 1799-го «стая друзей» выбрала его «счетчиком», то есть членом счетной комиссии. В 1800-м он даже состоял городским синдиком. Преуспев в муниципальной грызне, Иван Николаевич завел склоку с соседкой – вдовою одесского купца Спиро Марино Василикою Марино, опять-таки гречанкою (между прочим, их дочь Феодора вступила в брак с известным Н.С. Палаузовым). Скромный дом Василики занимал короткое серединное место в квартале меж Греческой

и Дерибасовской. Прокопеус пробил окна во вдовий двор, да еще стал жаловаться, что хозяйка загородила их стеною (1815).

Эта тяжба в мельчайших подробностях отражена в архивных бумагах. По ходу задокументированной катавасии обнаруживаются интереснейшие подробности, касающиеся строительства и обустройства как дома Прокопеуса, так и соседних. Мы узнаем, например, что постройка интересующего нас дома начата 7 июля 1795-го, явно по словесному дозволению начальства, а официально место отведено 5 сентября. Из этого же архивного дела следует, что дом Прокопеуса в 1815 году оценивается более чем в 100.000 рублей ассигнациями. Выясняется также, что угловое место в этом квартале со стороны Дерибасовской изначально (но уже через год после того, как Прокопеус частично или полностью застроился) занято было тогдашним полицмейстером Кирьяковым, который выстроил на нем несколько маленьких, не по плану возведенных лавчонок. Затем Кирьяков продал их коллежскому асессору Врето за 800 рублей. А в 1802-м половину этого места, примыкающего к дому Прокопеуса, то есть середину квартала по Екатерининской, заняли грек Спиро Марино с женою Василикою. С ними и началась баталия по-соседски, причем отставной поручик требовал разломать принадлежавшее семейству Марино «худое строение», а место отдать ему для построения планового дома. Если же сама Василика возьмется за такую постройку, то определить на то срок в один год.

Еще любопытнейший фрагмент прошения Прокопеуса: «Есть много, подобно моему, выстроенных (домов. – **О. Г.**) в то время, когда еще в округе было пусто, а именно: Кленова, Портнова и прочих, при сем представляя моему дому план, который хотя и на плане, но, по не окончанию строения, доныне не означены: в земле три погреба, грубы со сводами и тротуар выстроенный». В другом прошении он повествует о том, как в 1811 году на свой кошт через подрядчика Натансона устраивал тротуар во всем квартале. По итогам разбора тяжбы при участии архитектора Фраполли и военного инженера Круга выяснилось, что Врето должен уступить Василике Марино небольшую часть своего места, после чего она должна отодвинуться на такую же дистанцию от Прокопеуса, и в промежутке можно будет устроить сток

для воды. При этом сделано следующее небезынтересное замечание: «Известно, что место Врета с давних времен не застроено по плану, а что на нем построено – безобразит улицу: посему давно было намерение Комитета отобрать место у Врета, но сделано ему уважение на некоторое время».[846]

Содержащаяся в цитируемом архивном деле информация дублируется в журналах заседаний Одесского строительного комитета, то есть мы имеем несколько независимых источников.[847] Все это в совокупности дает право говорить о том, что дом Прокопеуса старейший из сохранившихся в Одессе на сегодняшний день. Примечательно и то, что угловой подвал на протяжении всей истории здания сохраняет функцию винного погреба.

Авторитетный историк градостроительства В.А. Чернецкий считал, что наследовавшие отставному поручику Ивану Прокопеусу офицеры – Ксенофонт, Спиридон и Николай – его братья. Владимир Адамович ошибался: на самом деле – сыновья.[848] Ошибался он и насчет дома Врета, утверждая, что этот «крупный негоциант» в 1796 году «построил двухэтажный дом, в котором весь первый этаж был отведен под магазины».[849] Как четко видно из архивных документов, таковой дом не был построен даже 20 лет спустя.

Что до младших Прокопеусов, родились они еще до поселения отца в Одессе, и все эти годы находились в российской военной службе. К сожалению, я пока не много знаю об их воинской карьере. Ксенофонт и Спиридон Ивановичи оба вышли в отставку подполковниками, оба принимали участие в войне 1812 года в чине подпоручика и капитана соответственно, первый награжден серебряной медалью за эту кампанию (1813) как принимавший участие в боевых действиях. Оба служили в Крымском (старом, сформированном в 1803-м, расформированном в 1834-м) пехотном полку. Известно, что в середине 1810-х Спиридон Иванович служил плац-майором крепости Измаил и, состоя в этой должности, 9 мая 1816 года вместе с упоминавшейся выше М.Э. Попандопуло был восприемником при крещении будущего контр-адмирала Н.С. Милоноса в тамошней Свято-Николаевской церкви.

Судя по всему, Ксенофонт Иванович (1789-1846) был средним из трех сыновей И.Н. Прокопеуса. Вместе со старшим, Спиридо-

ном, они сперва наезжали в Одессу, а затем и обосновались в городе. Их мать София ушла из жизни 15 мая 1824-го в возрасте 70-ти лет,[850] кончина Ивана Николаевича в сохранившихся метрических книгах Греческой церкви не фиксируется. У этой четы был еще поздний ребенок, сын Димитрий, но прожил он недолго (1801-1803).[851] Родительский дом в 1824-м числился за Спиридоном,[852] а позднее за братьями Прокопеус,[853] то есть за ним и Николаем Ивановичем. Что до Ксенофонта, он взял дом в приданое за невестой, «Екатериною Павловою дочерью Глазовою». Так русифицировали ее фамилию и отчество чиновники, тогда как на самом деле она Екатерина Пановна Лазо (1803-1864), «дочь греческого архонта».[854]

Что может означать древнегреческий термин *архонт* в то время? Практика показывает, что этим подчеркивалось благородство носителя фамилии. «Греческое дворянство», по существовавшим в России правилам, устанавливалось на основе определенного числа свидетельских показаний (заметим в скобках, что героя гражданской войны Сергея Лазо обычно считают молдаванином, тогда как он, очевидно, из старинного греческого рода: Янакий Лазо официально внесен в дворянскую книгу Бессарабии в 1835 году).

С другой стороны, нельзя отметать формальное прочтение – чиновник. И действительно, 27 мая 1806 года Строительный комитет выдал коллежскому секретарю Лазову ссуду в 2.000 рублей на домостроительство.[855] Тут как будто все сходится: место, полученное Е.П. Лазо в приданое и расположенное по Екатерининской улице, прямо напротив дома Прокопеуса, куплено со строениями еще в 1800 году. Очень возможно, что новый владелец серьезно занялся их реконструкцией, на что и понадобились немалые средства. Что до самого Лазова, то он, уже в чине титулярного советника, продолжал владеть другим доходным домом, по крайней мере в 1823-1824 годах.

Как бы то ни было, этот дом Ксенофонта и Екатерины, хоть и в один этаж, был не так уж плох, в пушкинское время оценивался в 30.000 рублей и давал 4.000 ежегодной прибыли[856] – один из самых высоких показателей доходности в тот период. Это сегодня «подъем» в 13 с копейками процентов годовых считается

смехотворным, а тогда был очень хорош. Двухэтажные хоромы Спиридона Ивановича оценивались вдвое – 60.000, и тоже приносили приличный доход – 7.000 рублей,[857] однако прибыльность, как видим, несколько ниже. Тем не менее средний сын и его половина не остановились на достигнутом: еще 23 ноября 1820 года Строительный комитет утверждает новый «план дому подполковницы Екатерины Прокопеусовой».[858]

Как принято говорить, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Устройство нового дома развернулось лишь ближе к концу 1820-х. И только 22 марта 1830 года Ксенофонт подал в Одесский строительный комитет следующее прошение: «На месте мне принадлежащем (…) бывшую старую и совершенно ветхую постройку я совершенно разломал до основания. А на месте оной выстроил дом в два этажа по плану Комитетом утвержденному. А посему покорнейше прошу на спокойное оным владение выдать открытый лист на имя мое, жены и детей моих». Детей к тому времени было как минимум трое: Иван (1818), Елисавета (1821) и Елена (1828). Постройку освидетельствовал Боффо и дал положительное заключение.[859] Сказанный дом в общих чертах сохранился по сегодняшний день по адресу улица Екатерининская, 20. Просто какой-то позитивный прецедент: оба старинных дома Прокопеусов, да еще в таком лакомом для нынешних беспощадных застройщиков (санитаров историко-архитектурной среды!) месте, жив. Чудо, да и только.

В отличие от папы, Ксенофонт Иванович в скандалах не замечен, хотя я зафиксировал одну его цивилизованную жалобу на соседа по улице Греческой, купца Василия Печенева (еще в 1805 торговал канцтоварами и другими полезными мелочами, включая гвозди), который застраивает смежное дворовое место без согласования с Прокопеусом.[860] А в остальном отставной подполковник – образец подлинного городского гражданства: состоял в Греческой вспомогательной комиссии (1823-1826), более двух десятилетий – в Приказе общественного призрения (с 1826-го), в том числе член правления и кассир этого приказа, в Попечительском комитете о тюрьмах, был очень деятельным членом комиссии по устройству Дома призрения нищих на Старом городском кладбище, попечителем Городской больницы, жертвовал

деньги на это человеколюбивое заведение, был близок с муниципальным деятелем Иосифом Балюховым, старожилами (вероятно, приятелями отца) отставным подпоручиком Андреем Трано и купцом Антонием Феогности. В 1830 году его общественная деятельность отмечена орденом Св. Владимира IV степени, а в 1833-м – орденом Св. Станислава III степени. К.И. Прокопеус владел еще и лавкой в Щепном ряду, которую, естественно, сдавал в аренду.

Спиридон Иванович, может быть, менее ярок на общественном поприще. Во всяком случае, совместно с такими видными представителями греческой общины, как Иван Амвросио и Александр Кумбари, он добивался решения о строительстве нового храма на Александровской площади, был избран одним из попечителей (1820), а 20 августа 1822 года принимал участие в церемонии закладки. Правда, обстоятельства сложились так, что дальше фундамента дело не пошло, но в этом нет его вины. Храм этот, по свидетельству достойного доверия историка К.Н. Смольянинова, планировали строить еще в марте 1803 года, но и тогда дело забуксовало.

С этим старшим сыном беспокойного старожила приключилась другая настораживающая история. Я никак не могу разобраться с количеством последовательных браков Спиридона Прокопеуса, хотя синхронная высокая смертность объясняет довольно значительное число повторных браков во всех этнических общинах без исключения. К сожалению, не располагаю метрической записью о его кончине, а потому не могу с точностью определить возраст. Однако можно с большой уверенностью предположить, что он несколькими годами старше Ксенофонта, то есть родился примерно около середины 1780-х.

11 апреля 1819 года в метрических книгах греческой церкви Святой Троицы отмечено крещение Катерины, дочери отставного подполковника Спиридона Прокопеуса и его жены Елены. Далее, 3 июня 1820-го, зафиксировано крещение, а 10 марта 1821 года смерть сына Спиридона и Елены, Константина. Параллельно есть запись о крещении 15 февраля 1820 года «младеницы Евдокии», дочери подполковника Спиридона Ппрокопеуса и его жены Анастасии. Другая его супруга, Екатерина, умерла 20 марта 1828 года в возрасте 35-ти лет, фиксируется крещение совместной дочери

Аспасии (1825). Далее появляется следующая жена, Замфира, от которой родилась дочь Надежда, крещенная 17 января 1831 года. Есть запись о смерти Замфиры от 30 декабря 1853 года в возрасте 50 лет, где четко прописано, чья она супруга, причем Спиридон Иванович в это время еще жив.

Что же тут не сходится? Пожалуй, лишь параллельное наличие двух жен. Правда, запись о смерти незамужней дочери Екатерины Спиридоновны от 1 марта 1853 года определяет ее возраст в 28 лет, но тогда она родилась не в 1819-м, а в середине 1820-х. Так или иначе, а этот Прокопеус пережил как минимум трех жен, и все они были значительно моложе его. Не подумайте, будто я на что-то намекаю. Может, просто жизнь у них была тяжелая. К сожалению, не все метрические книги до нас дошли, а потому мы не знаем, когда именно упокоился с миром этот привлекательный персонаж с путаной биографией.

Николай Иванович Прокопеус – третий из братьев и тоже отставной подполковник – записан восприемником при крещении Аспасии, дочери Спиридона и Катерины, 25 июля 1825 года. В это время он значится капитаном, то есть еще состоит в воинской службе. В отставку он вышел подполковником в начале 1830-х годов, и 19 августа 1834-го сочетался браком с Ангеликой Паппа, дочерью турецко-подданного Афанасия Дмитриевича Паппа (Папа-Никола?). Чтобы сразу покончить с бухгалтерской генеалогией, докладываю: Ангелика ушла из жизни 17 августа 1866 года в возрасте 50 лет, пережив своего далеко не молодого мужа.

Из имеющихся данных видно, что отцовским домом Николай владел совместно со Спиридоном Ивановичем, и после женитьбы на Ангелике ему надо было как-то обустраиваться отдельно. С этой целью он в 1835 году приобрел три места в Базарном переулке, меж Успенской и Базарной улицами (нынешние номера 1-5 по переулку Ониловой). Для компенсации трат Прокопеусу пришлось продать доставшийся при разделе наследства водочный завод близ Водяной балки, реализация продукции которого, разумеется, контролировалась питейным откупом.

Довольно долго Николай Иванович пользовался существовавшими в сказанном переулке старыми постройками, оцененными в конце 1840-х лишь в 1.200 рублей. И только 31 августа 1850 года

обратился в Строительный комитет с просьбой об утверждении фасада дома, который он собирался возвести на купленных местах.[861] Этот эпизод и представляет публикуемый здесь архивный документ.

№ 258

ДѢЛО

По столу

Одесскаго Строительнаго Комитета

Начато 18 года.

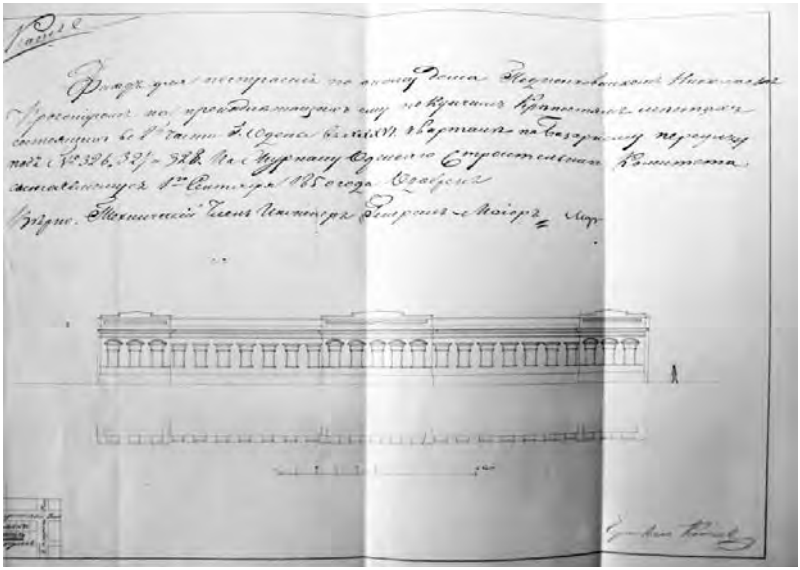
Кончено 18 года.

на шестаго

Титульный лист дела из фонда Строительного комитета об утверждении фасада на постройку дома подполковника Николая Прокопеуса

Но вернемся к более интересным объектам – домам братьев Прокопеус на перекрестке Греческой и Екатерининской улиц. Дом, построенный Ксенофонтом в конце 1820-х, оценивался выше патриархального. В том и другом в разное время размещались самые разнообразные заведения и офисы, прежде всего, алкогольной направленности. Так, на протяжении десятилетий здесь квартировал один из «главных винных погребов» – Кулена,[862] затем Левиди,[863] Похиопуло,[864] где реализовывались французские, греческие, итальянские, испанские «дары лоз», позднее «донское шипучее»,[865] «аккерманские вина». Ранее, в пушкинское время, в обоих домах, по архивным данным, находились ренсковые погреба: одесского 3-й гильдии купца Якова Оберта, 1-й гильдии – Христофора Велары и турецкого подданного Харламби – возможно, известного впоследствии благотворителя В.М. Харламова, а также кофейня одесского мещанина Юрия Синадино, представителя другой известной впоследствии фамилии.[866]

В лавке откупщика городских мер и весов купеческого сына Федора Волохова при доме Ксенофонта Прокопеуса отдавались в пользование эталонные меры для измерения жидкостей. Это была специальная тара из красной меди, сделанная на заказ специально ангажированными мастерами-медниками и клейменная в городской управе, размерностью в ведро, четверть, штоф,



Фасад на построение дома подполковника Николая Прокопеуса по Базарному переулку
1 сентября 1850 г.

полуштоф и т. д., находившаяся в ведении уманского мещанина Беньямина Ходаркова.[867] Позднее, в середине 1850-х, сюда перебралась с Нового базара торговля винами выдающегося швейцарского винодела Шарля Тардана, после смерти которого (1856) бизнес взяла в свои руки его супруга.[868] В разные годы в этих зданиях помещались аптеки Дураццо,[869] Волохова,[870] Цорна,[871] салон белошвейки Саламбье,[872] литография Францова,[873] ресторация «Америка»[874] и др.

Дом Ксенофонта унаследовал его сын, Иван, служивший в канцелярии одесского военного губернатора. 16 февраля 1840 года он сочетался браком с почти ровесницей, представительницей другого семейства греческих старожилов, 20-летней Пагоной Илиевной Манес, дочерью купца 2-й гильдии, домовладельца Греческого базара, причем одним из свидетелей на церемонии записан известный архитектор Иван Савельевич Козлов.

Время размыло не только капиталы трех подполковников Прокопеусов и их наследников, но даже саму память об этом семействе. Уже в первой половине 1870-х за ними не осталось ни одного из упоминавшихся домов. Скажем, дом Ивана Ксенофонтовича перешел к греческому семейству Халпакчи (или Калпакчи; это семейство перебралось в Одессу из Мариуполя относительно поздно), а он скончался на даче своего друга Михаила Иосифовича Балюхова (Балихова) за мысом Большой Фонтан: как я говорил, всю жизнь были близки и их отцы. Впрочем, экзотическая, непривычная на слух нынешним одесситам фамилия непредсказуемым образом опосредованно зацепилась за народный омоним «Два Карла».

И еще одна мелочь. Лет 20 назад мы с моим большим другом Михаилом Пойзнером в очередной раз внимательно осматривали дом отставного поручика Ивана Прокопеуса, бродили по двору, фотографировали. Наш интерес заметил некий немолодой человек, и предложил зайти к нему. Вход в квартиру находился со стороны Екатерининской, где теперь ресторан. В коридоре хозяин продемонстрировал нам укрепленный на стене знак 1-го российского страхового общества, учрежденного в 1827 году. То есть Спиридон Иванович Прокопеус надежно застраховал свое имущество. Но настолько ли надежно, чтобы сохранить его от произвола сегодняшних застройщиков?

Примечания

[798] Одесский вестник. – 1827, 12 января, № 3.

[799] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 38 об. – 39.

[800] Там же, л. 185-186.

[801] Там же, л. 195.

[802] Там же, д. 281, л. 400.

[803] Там же, д. 277, л. 567.

[804] Там же, д. 281, л. 400.

[805] Одесский вестник. – 1830, 1 февраля, № 10.

[806] Одесский вестник. – 1830, 25 января, № 10; Там же, 1 февраля, № 10.

[807] Одесский вестник. – 1833, 11 января, № 3.

[808] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 593.

[809] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 211.

[810] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20, № 27.

[811] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 375-376.

[812] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, 3-я и 4-я часть, № 98.

[813] Список домам и прочим строениям, состоящим в 3-й части Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 32.

[814] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 635.

[815] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 183. – 34 л.

[816] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, № 7.

[817] Там же, ф. 37, оп. 4, д. 16, л. 35.

[818] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, 3-я и 4-я часть, № 65.

[819] Одесский вестник. – 1829, 16 (28) февраля, № 14; Там же, 1830, 5 апреля, № 28, 11 июня, № 47 и др.; Там же, 1831, 10 июня, № 46.

[820] Б.М. Маркевич. ПСС. Т. XI. – СПб., 1885, с. 370.

[821] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 306; Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 213. – 69 л.; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 49. – 12 л.; Там же, д. 92. – 12 л.; Там же, д. 101. – 61 л.; Там же, д. 138. – 25 л., и др.

[822] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 33, 61.

[823] Москвитянин. – 1854, № 9. Смесь. С. 10.

[824] Из записной книжки. – П.И. Бартенев. Пушкин: сборник. Вып. II. – М., 1885, с. 95.

[825] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. V. Вып. 2. – Письма В.Ф. Вяземской П.А. Вяземскому от 7 июля и 4 августа.

[826] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11. – 71 л.

[827] Там же, л. 1.

[828] Там же, л. 23, 24, 25.

[829] Там же, л. 28-29.

[830] Там же, л. 41-42.

[831] Список домам и прочим строениям в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5.

[832] Список домам и прочим строениям, состоящим в первой части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1855 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., № 138 и № 139.

[833] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 228, 229.

[834] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 2, 3, 7.

[835] Там же, л. 10, 26.

[836] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 251-252.

[837] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 248, 284, 298.

[838] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 13.

[839] Там же, л. 11, 12.

[840] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 535-536.

[841] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 30-31.

[842] Там же, л. 41-42, 45, 70 и др.

[843] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215. – № 118 и 119.

[844] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 29.

[845] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.

[846] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 93. – 59 л.

[847] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 269, л. 281-282, 297-298, 473-474.

[848] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 29.

[849] Там же, с. 28.

[850] Греки Одессы. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 396-397.

[851] Там же.

[852] ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, ч. I, № 90.

[853] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 942, л. 28 об., № 63.

[854] Греки Одессы. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 396-397.

[855] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173, № 19.

[856] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, ч. I, № 89.

[857] Там же, № 90.

[858] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 8, л. 9.

[859] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 1065. – 13 л.

[860] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 629.

[861] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1525. – 3 л.

[862] Новороссийские календари на 1837, 1838, 1839, 1840 гг.

[863] То же, 1841, 1841, 1843, 1844 гг.

[864] Одесский Вестник. – 1868, № 86.

[865] Там же, 14 декабря, № 275.

[866] См. акцизные дела: ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 9. – 280 л.; Там же, д. 132. – 193 л.; Там же, д. 243. – 27 л.; Там же, д. 280. – 54 л.; Там же, д. 180. – 37 л. и др.

[867] Одесский вестник. – 1843, № 14; Там же, 1845, № 5.

[868] Одесский вестник. – 1855, № 84; Там же, 1856, № 16; Там же. Прибавление к № 125.

[869] Новороссийский календарь на 1837 год, с. 158.

[870] То же на 1857 год, с. 378.

[871] Путеводитель по г. Одессе. – Одесса, 1867, с. 87.

[872] Новороссийский календарь на 1837 год, с. 158.

[873] Новороссийский календарь на 1865 год, с. 117; Путеводитель по г. Одессе. – Одесса, 1867, с. 96.

[874] Новороссийский календарь на 1851 год, с. 332.

Андрей Добролюбский

Имя дрока*

Можно видеть, что ко времени своей кончины Людовику удалось оплести своей лилейно-дроковой апанажно-оммажной паутиной сюзеренов обширнейших территорий. Это и обеспечивало ему ведущую роль в крестовых походах. И неудивительно, что когда, отправившись в Седьмой крестовый поход, Людовик «возложил на себя крест», то этот *крест* был, по сути своей, *цветочным*. К нему присоединились братья Роберт д'Артуа, Альфонс де Пуатье и Карл Анжуйский со своими рыцарями. К 1248 г. было сформировано 15-тысячное войско, включавшее 3000 рыцарей и 5000 арбалетчиков на 36 судах. Для финансирования экспедиции было привлечено примерно 1,5 млн лиров, что делало поход очень дорогостоящим предприятием. Тем более, многие рыцари, которые присоединились к походу, финансировались (в долг, разумеется) из королевской казны.

И в Восьмом крестовом походе 1270 г. также участвовали все его братья, сыновья и «толстый и добрый» (выражение Данте) зять Тибо Наваррский. К походу собирались присоединиться король Арагона и сын Генриха III Эдуард. Все они были близкими родственниками и «рыцарями короны» Людовика Святого. Свиты же этих венценосных родственников состояли преимущественно из служилых рыцарей-министериалов, которые также могли заслужить членство в ордене и по воле сюзерена получить право носить соответствующие бэджи – «цветочные кресты» с девизом «Exaltat humilis».

---

* Продолжение. Начало в кн. 74

Так Людовик с помощью апанажа, а также дрока с лилиями, оплел цветочной паутиной всех своих венценосных родственников. И усиливал тем самым свои прерогативы. Орден должен был работать на короля. И он исправно работал – Людовик неизменно пользуется своим правом постоя (правом на жительство у своих вассалов), скрупулезно требует помощи (повинности), которую они должны были оказать ему в связи с посвящением в рыцари его сыновей, заставляет полностью оплачивать права на обращение товаров – дорожные и мостовые пошлины.*

На эту вроде бы не слишком заметную паутину была наброшена и вуаль рыцарской куртуазности.

«Exaltat humilis»

Известно, что рыцарство, возникнув и сословно оформившись в крестовых походах, вырабатывает и собственную идеологию. Ее суть – кодекс рыцарского благородства – куртуазность (фр. *cour – двор*) и идея братства, восходящая, разумеется, к легендам о короле Артуре. Свои подвиги герой-рыцарь совершал во имя собственной славы, любви и религиозно-нравственного совершенства.

Возникшая куртуазная литература отразила психоидеологию служилого рыцарства, сосредоточенного при дворах крупных владетелей-сеньоров. Такую литературу настолько любил Генрих II Плантагенет, что в 1175 году он даже повелел Бенуа де Сент-Мору закончить хронику герцогов Нормандских, потому что упивался его «Романом о Трое»

В затейливой путанице куртуазной системы ценностей это определялось тем, что Бог и Дева Мария – единственно возможный источник любви (*Fin'Amors* – «тонкая», «совершенная» любовь, порождаемая Богом. – **А. Д.**). Лишь такая любовь позволяет совершить подвиг-авантюру (*l'aventure, diu aventiure*), для *возвышения* чести (*onor, ere*) самого рыцаря и, следовательно, – чести его Дамы, прекрасной и непреклонной госпожи, и своего Сеньора. А через них – Девы Марии и самого Бога. В таком случае идея

* Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. – М.: Ладомир, 2001,, с. 499.

спасти Святую землю от неверных в крестовых походах и *возвыситься*, несомненно, угодна и Деве Марии, и Богу.

Надо думать, что «возносящий смиренных» девиз был как нельзя кстати служилому «смиренному» рыцарству. Он был оптимистичен, амбициозен и наилучшим образом соответствовал «куртуазной» ментальности эпохи – все «значимые» поступки рыцарей определялись идеей личной доблести, ощущением своей силы, волей к победе над злом и, разумеется, мечтой о счастье. Девиз обнадеживал тех, кто считал себя обиженным, обойденным или обделенным, – а таких всегда много, и давал веру в возвышение и триумф после множества унижений. Иными словами, этот «мотив Золушки» (выражение Марии Оссовской)**, отраженный в девизе «Exaltat humilis», начертанном на цветочном кресте, дает возможность его владельцу сделать любую карьеру. Девиз таким образом был особенно притягателен для худородных, нетитулованных министериалов (лат. *ministeriales*, от лат. *ministerium – служба, должность*), которые мечтали возвыситься, – мелких рыцарей, владеющих небольшими ленами и обязанных военной службой монарху, принцу либо иному знатному сеньору. Рыцарское достоинство становится отличительным знаком класса, отдельным от понятия «держания»: оно не передавалось по наследству, а присваивалось сюзереном.

Прослойка министериалов возникла в процессе освобождения и расширения привилегий нетитулованных служилых людей. Из оброчного населения можно было выбиться в министериалы, получив должность при дворе сеньора, нести службу легковооруженного всадника, а затем, заслужив соответствующий бенефиций (от лат. *beneficium – благодеяние*), перейти в тяжелую конницу и стать рыцарем. Таким путем из среды несвободных выделился привилегированный класс дворовых слуг (*vassi, servi ministeriales, pueri*) при богатых сеньорах.

Министериалы могли нести как военную, так и придворную, административную и хозяйственную службу. Их статус был выше, чем у горожан и свободного сельского населения, но ниже свободных рыцарей. Они не могли бросить службу по желанию.

** Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. Гл. 5, 6.

В XII-XIV вв. они были фактически отдельным сословием, обладали личной свободой и могли быть одной из опор центральной власти вне королевского домена. Удачливые министериалы монарха, принцев сами могли стать крупными сеньорами. Примеры тому имеются. Таким «смиренно возвысившимся» счастливчиком стал министериал Вернер фон Боллэнд – он ухитрился стать вассалом 43 различных сюзеренов, от которых получил в общей сложности более 500 ленов, в том числе 15 графств. Сам он имел более 100 ленников и стал крупнейшим земельным магнатом. Не менее впечатляющую карьеру сделал Герман фон Зальца, ставший в 30-летнем возрасте Великим магистром Тевтонского ордена (1209-1239 гг.) и управлявший им до конца своих дней.

Сам Людовик Святой как король-рыцарь и как глава ордена, возносящего смиренных, очень любил совершать яркие «смиренные» поступки: руками лечить золотушных, омывать ноги нищим странникам, но более всего – прислуживать за столом бедным.

Так, «…каждую среду, пятницу и субботу во время Великого поста и адвента он лично прислуживал тринадцати беднякам, которых приглашал откушать в его покоях или в гардеробе, и прислуживал им [при еде], ставя перед ними питье и две пары тарелок с рыбой и прочим. И он сам разрезал два хлеба, [куски] которых он клал перед каждым, а слуги королевского покоя разрезали другие хлебы, чтобы каждому из бедных положить сколько надо. А еще блаженный король, как правило, ставил перед собой три миски с супом, в который он собственноручно обмакивал куски хлеба, лежавшие перед ним, и… ставил их перед упомянутыми бедняками…

И он звал для этого самых убогих, каких только можно было сыскать, и с удовольствием прислуживал им, причем гораздо чаще именно таким [беднякам]. Все… получали по 12 парижских денье – милостыню от святого короля. Людовик брал пищу руками из той же миски, что и бедняки, и, в частности, прокаженные. Он готовил питье и, встав на колени, поил им прокаженного, у которого из ноздрей текли кровь и гной и попадали на руки короля...»*.

* Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 434-486.

Впрочем, Людовик любил совершать и «возвышающие», рыцарские деяния, самым впечатляющим из которых был его последний, Восьмой крестовый поход. В нем королю суждено было умереть. И он – человек-путник (лат.– *homo viator*) – умер, по иронии судьбы, от «дизентерии, малярии и тифа» во имя исполнения куртуазных идеалов, «возвышающих смиренных». Его смерть отдала судьбу ордена Дрока в разные руки.

Короли на «ярмарке тщеславия»

Вряд ли здесь место излагать хорошо известные сведения о Восьмом крестовом походе в Тунис. Для наших целей они не столь уж важны. А куда более существенна смерть Людовика Святого, скончавшегося вслед за своим сыном Жаном Тристаном, 25 августа 1270 г. Точнее, перипетии с его останками, или своеобразная «битва над трупом Патрокла».

Поскольку король Людовик IX умер в земле неверных, о том, чтобы оставить его прах на чужбине, за пределами христианского мира, вдали от Французского королевства, не могло быть и речи.

В истории французской монархии подобное уже однажды происходило – суверен умер вдали от королевского некрополя, и его не могли или не захотели похоронить рядом с местом кончины, и надо было сохранить его тело. Так случилось в IX в. с Карлом Лысым. Техника бальзамирования была неизвестна. Тогда тело Карла решили варить в разбавленном водой вине до тех пор, пока мясо не отойдет от костей.

Вот и сейчас «камердинеры и все слуги (*ministres*), и те, кому это было поручено, – свидетельствует исповедник Людовика Жоффруа де Болье, – взяли тело короля и разрезали (*department*) его член за членом, и долго варили в воде с вином, пока вываренные добела кости не отделились от плоти, и их можно было безо всякого труда извлечь»**.

Карл Анжуйский, тогда уже король Сицилии, прибыв вскоре после кончины брата со своим флотом и войском (вероятно, легендарная традиция требовала, чтобы он ступил на берег

** Там же, с. 234-235.

Людовик Святой в Седьмом крестовом походе

в момент смерти короля), предпринял попытку отобрать пост главнокомандующего у своего молодого племянника Филиппа III. И, как будто, даже саму французскую корону. Но Филипп, следуя рекомендациям советников отца в Тунисе, немедля взял власть в свои руки. Прах его отца еще не скоро похоронят в Сен-Дени, а до его собственной коронации в Реймсе пройдет не один месяц. Поэтому 27 августа по повелению Филиппа окружающие его бароны и военачальники принесли ему клятву верности. 12 сентября он направил двоих гонцов в Париж с подтверждением данных Людовиком IX ему полномочий. Тогда же он отправил им завещание покойного короля и повелел и впредь пользоваться оставленной им печатью, при условии, что имя отца на ней будет заменено именем сына. И начал датировать документы периода своего правления со дня смерти отца – 25 августа 1270 года.

Останки Людовика сразу же стали объектом размолвки дяди и племянника – «Клюва орлиного» и «Курносого сына». Их обоих Данте Алигьери поместил в «Долину государей», у врат чисти-

лища, – они, по его мнению, «не радели о спасении души своей»*. А думали лишь о своих амбициях. Ведь уже многим было ясно, что Людовик IX имеет все шансы стать официальным святым. Тогда его мощи для владеющей ими Анжуйской династии Сицилии становятся обильнейшим источником влияния, огромного авторитета и превосходства Анжуйского дома.

Карл предложил останки брата предать земле в Сицилийском королевстве – это, мол, недалеко, и Анжуйский дом прекрасно сумеет о них позаботиться. Но Филипп требовал, чтобы останки отца как можно скорее были возвращены во Францию. В конце концов, как свидетельствуют хронисты, оба короля, дядя и племянник, пришли к компромиссу: внутренности и плоть получит Карл Анжуйский, а кости будут отправлены в королевский некрополь в Сен-Дени. Молодой французский король, таким образом, получил самое главное – кости (а они-то и могли стать мощами), твердую часть тела, символизирующую власть. Поскольку мягкая плоть, внутренности и, главное, сердце, символизируют душу. Такова диалектика власти – соотношение твердого и мягкого.

Поэтому вопрос о сердце Людовика – вместилище его души – дебатировался особо. Но после не слишком продолжительного и вялого сопротивления Филипп, по свидетельству Жоффруа де Болье, как будто дал согласие, чтобы дядя перевез его вместе со всеми внутренностями в аббатство Монреаль (близ Палермо, на Сицилии). Видимо, ему оно было ни к чему – ему нужна была власть. И кости.

Зато Карлу это было даже очень кстати – он как владелец сердца и внутренностей Людовика обрел полное право считаться «душеприказчиком» короля в религиозно-нравственном смысле и его духовным наследником. Таким образом, он становился главой, или Магистром ордена Дрока. А Филипп на это вроде бы и не претендовал. Каждый получил свое.

Можно видеть, что после смерти Людовика и разделения его тела образовались два династических «мемориальных источника», обеспечивающие сохранение памяти Людовика Святого. Прежде всего, это сама королевская семья, которая инициировала канонизацию. Со своей стороны, орден Дрока, символизировавший его душу,

* Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песнь седьмая. – М.: Худ. лит-ра, 1974.

оказался на попечении Анжуйской династии, для которой дрок стал родным геральдическим цветком со времен Жоффруа Красивого.

Канонизация, которая обеспечила бы имени Людовика непреходящую и ни с чем не сравнимую престижность, зависела, разумеется, от Римской курии, или так называемой «фабрики святых» (выражение Жака Ле Гоффа), у которой поначалу святость Людовика как будто особых сомнений не вызывала. Так, уже в марте 1271 г. папа Григорий X писал: «Воспоминание о блестящих заслугах знаменитого короля Франции, Людовика, чья жизнь должна служить образцом для всех христианских государей, переполняет нас таким утешением ныне, когда он пребывает в небесных чертогах, что мы больше восхищаемся и поражаемся им, нежели при его жизни».

Но другие папы оказались куда более равнодушны. Поэтому канонизация Людовика, инициированная в 1273 г. его сыном и наследником Филиппом III Смелым, затянулась на 27 лет. Возможно, из-за частых смен понтификов. За годы этой волокиты было исписано столько бумаги, что, как выразился кардинал Бенедетто Гаэтани (будущий Бонифаций VIII), «ее не под силу было снести и ослу».

Но это было необходимо для сбора доказательств святости. Самыми надежными были сочтены показания тридцати восьми свидетелей о чудесах при жизни Людовика, 330 очевидцев свидетельствовали о 65 чудесах, которые его мощи в аббатстве Сен-Дени и в Париже сотворили после смерти. Равным образом немало чудес сотворили внутренности, хранящиеся на Сицилии. Правда, церковь признала только два из них. Приняла она и три других, явленных при перевозке гроба в Северной Италии, в Парме и у ворот Парижа. Но более всего чудес было явлено в королевской усыпальнице Сен-Дени. А поскольку чудеса могут совершаться на могиле только святого, то это полностью доказывало святость Людовика.*

Были записаны показания сотен опрошенных, в том числе и самих Филиппа III и Карла Анжуйского. Все это время исключительная престижность Людовика во «всем христианском мире» неуклонно нарастала, равно как и престижность ордена Дрока. Обширное досье о чудесах, происходивших на захоронениях костей короля и его плоти, убедило Римскую курию. Наконец в воскресенье, 11 августа 1297 г., в Орвьенто кардинал Гаэтани,

* Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 236.

ставший папой под именем Бонифация VIII, буллой «Gloria laus» (с лат.: «*Славе хвала*») вписал Людовика IX в каталог святых. При этом он был крайне недоволен тем, что Людовика сварили и расчленили. И два года спустя в булле «Detestandae feritatis» (с лат.: «*Ужасное изуверство*») он запретил впредь такие действия, назвав их варварскими, кощунственными и чудовищными.

С этого времени культ Людовика Святого активно поддерживался в королевском доме. В обычае у королей-наследников стало поститься накануне годовщины его смерти 25 августа. Уже его внук Филипп IV Красивый – «сын беззаконий Франции» (выражение Данте Алигьери) – 25 августа 1298 г. велел перенести мощи в частную королевскую часовню Сен-Шапель. Монахам Сен-Дени остались лишь плечевая и берцовая кости, подбородок, зубы и нижняя челюсть. Затем, в 1299 г., доминиканцы Эвре впервые посвятили свою церковь Людовику Святому, была основана его капелла при соборе Парижской Богоматери. Епископ Турне также основал капеллу Людовика Святого в своем соборе.

17 марта 1306 г., во вторник после Вознесения, голова Людовика Святого и часть святых останков были перенесены в Париж. Филипп IV поместил их рядом с Богоматерью, а череп определил в Сен-Шапель. Это перенесение стали традиционно праздновать по вторникам после Вознесения: в этот день августинцы служили мессу в Сен-Шапель, а начиная с 1309 г. по приказу короля шестьдесят доминиканцев и шестьдесят францисканцев приходили туда праздновать День Людовика Святого.

Принято считать, что святой король был очень красивым человеком. Но его надгробная маска сделана не была, и никто уже толком не знал, как он выглядел. Было решено его живописать и ваять с лицом внука – Филиппа Красивого, который, как говорили, был внешне очень похож на деда. Эта традиция просуществовала вплоть до Людовика XIV.**

Можно сказать, что к началу XIV в. культ Людовика Святого и связанные с этим авторитет и престижность его имени и мощей достигают апогея. Такая престижность распространялась, разумеется, на внутренности и сердце, которые покоились в мраморной урне в аббатстве Монреаль близ Палермо на Сицилии. Там

** Гарро А. Людовик Святой и его королевство. – СПб.: Евразия, 2002, гл. 9.

Людовик Святой в Восьмом крестовом походе

они и пребывали до 1860 г., когда их забрал с собою в изгнание последний сицилийский король из династии Бурбонов Франциск II, бежавший от «Тысячи» Гарибальди. Но эта история далеко уходит за пределы нашего сюжета. Поэтому здесь лишь стоит отметить, что после смерти Людовика, с 1270 г., орден Дрока оказался в распоряжении его неаполитанско-сицилийских «душеприказчиков» – королей Анжуйской династии: Карла I, его сына Карла II Хромого и его внука Роберта Мудрого (Доброго). В связи с этим стоит также отметить, что в том же 1270 г. где-то в Валенсии или Каталонии на свет появился «главный герой» нашего повествования, худородный министериал Бернар де Рокофорт (1270-1308 гг.).

Продолжение следует

Анатолий Горбатюк

Фрагменты истории Одессы в анфиладе мостов над Карантинной балкой

I. Полумост Сикарда

...Когда Карантинная балка, одна из главных магистралей, ведущих к порту, была разделена на Польский и Карантинный спуски, над ней в ее начале (там, где проходили Базарная, Успенская, Троицкая и Еврейская улицы) были построены впоследствии исчезнувшие мосты. Они прекратили свое существование после частичной засыпки балки, результатом чего явилось рождение улицы Ремесленной (ныне – улица Осипова). Оказавшиеся ненужными мосты были разобраны или погребены при засыпке. Впрочем, бывший мост на Еврейской улице частично сохранился – в виде одного из мостовых парапетов с северной стороны. Старые одесситы еще помнят название этого фрагмента моста – «полумост Сикарда».

Шарль (Карл Яковлевич) Сикард (Сикар) – один из первых одесских предпринимателей, близкий друг герцога Ришелье, вхожий и в дом М.С. Воронцова, добрый знакомец поэта Александра Пушкина... После получения гражданства и принятия присяги (февраль 1807 года) он создал Черноморскую торговую компанию, штаб-квартира которой обосновалась в Париже, а филиалы – в Марселе и Константинополе. Жизнь Карла Яковлевича трагически оборвалась в 1830 году на судне, следовавшем в Стамбул и попавшем в жесточайший шторм. Впрочем, кажется весьма странным, что все остальные пассажиры судна спаслись, и это дает право на существование другой версии: воспользовавшись моментом, Сикард по каким-то личным мотивам решил просто

Полумост Сикарда

исчезнуть… Как бы там ни было, этот человек сделал много добрых дел, способствовавших бурному развитию нашего города.

К.Я. Сикарду в Одессе принадлежало здание, в котором находилась гостиница «Hôtel du Nord», и еще значительное количество построек в центре города. Как пишет известный одесский писатель и историк-исследователь Олег Губарь, тщательно изучающий архивные документы Одесского строительного комитета, «…есть все основания условно называть XII квартал в пушкинское время кварталом Сикаров». Кроме того, О.И. Губарь обнаружил несколько зданий семьи Сикард по улице Канатной вблизи моста, названного его именем, которые, к сожалению, не сохранились. Некоторые источники указывают на то, что в гостинице, о кото-

рой рассказывалось выше, останавливался А.С. Пушкин при кратковременных посещениях Одессы в 1822-1823 гг.

Что же касается самого моста, отметим, что прежде чем стать «полумостом», это был полноценный каменный мост, построенный в 1824-1825 гг. и сменивший мост деревянный. Как пишет О.И. Губарь, «В деревянном исполнении он был построен одесскими мещанами Петром Коробковым и Федором Лебедкиным по проекту и под надзором городского архитектора Ф. Фраполли еще в мае 1809 года». А как он стал «полумостом», читатель уже знает…

II. Мост Новикова

В 1822 году в присутствии собиравшегося в отставку генерал-губернатора Новороссийского края А.Ф. Ланжерона и градоначальника Одессы тайного советника Н.Я. Трегубова в торжественной обстановке закладывается первый каменный мост. Он должен был соединить два участка улицы Почтовой (с 1902 года – улица Жуковского) над ведущей к порту Карантинной балкой, впоследствии называвшейся Левашевским спуском, спуском Вакуленчука, а ныне – Деволановским спуском. Олег Губарь в журнале Строительного комитета от 23 марта 1822 г. обнаружил следующую запись по поводу сооружения каменного моста на Почтовой улице: «Мост в сем последнем месте, то есть по улице Коммерческого банка, есть нужнейший».

Этот мост строился два года и был открыт в 1824 году, уже в «эпоху Воронцова». Автор проекта – известный одесский ученый, инженер Жюст Гаюи, руководил строительством не менее известный архитектор и строитель Александр Дигби.

Свое название мост получил в честь популярного предпринимателя, который не только активно инициировал его строительство, но и выступил как подрядчик. Илья Сергеевич Новиков, безусловно, преследовал, в первую очередь, личные интересы: неподалеку, на улице Канатной, находилось принадлежавшее ему канатное производство (отсюда и название улицы), основанное в 1806 году, которое через перекинутый над балкой мост

Мост Новикова

получало кратчайшую удобную дорогу в центр города. А вместе с предприимчивым энтузиастом-промышленником в выгоде остались и все горожане, ибо Одесса получила крайне необходимое ей инженерное сооружение.

Существует легенда, согласно которой мостом успел попользоваться молодой поэт Александр Пушкин, направлявшийся в первую одесскую баню, долгие годы находившуюся на улице Почтовой у самого обрыва Карантинной балки.

Мост Новикова в 2009 году был реставрирован, и теперь можно с уверенностью сказать, что он послужит еще многим поколениям одесситов.

III. Строгановский мост

Этот мост, самый протяженный и некогда самый величественный из всех одесских мостов, соединивший «разорванную» Деволановским и Польским спусками улицу Греческую, начал строиться в 1851 году. Правда, еще с начала 1840-х гг. в столицу из Одессы отправлялись на утверждение различные проекты будущего моста, но все они в Санкт-Петербурге были забракованы. Взамен же Одесса получила прекрасный проект молодого архитектора, уроженца Житомира и будущего академика архитектуры Карла Яковлевича Маевского.

Строительство этого важного сооружения в силу разных обстоятельств (и Крымская война, и разгильдяйство подрядчика, некоего Бутырского) стало настоящим долгостроем и было закончено под руководством одесского архитектора Ф.В. Гонсиоровского только спустя 12 лет после начала строительства – в 1863 году. Его длина – 120 метров, высота – свыше 13 метров. Весьма

оригинальная конструкция состояла, по сути, из двух каменных мостов – 3-арочного над Польским спуском и 2-арочного над Левашевским, объединенных насыпью. Назван был мост в честь Новороссийского генерал-губернатора графа Александра Григорьевича Строганова, в 1854-1862 гг. новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, приложившего немало усилий для его появления. Кстати, этот губернатор, сменивший М.С. Воронцова, прославился еще и тем, что представил государю проект преобразования Ришельевского лицея в Новороссийский университет. В 1862 году А.Г. Строганову – впервые в истории Одессы! – было присвоено звание «Почетный вечный гражданин Одессы»...

1 мая в Одессе. Худ. С.М. Луппов. Почтовая карточка 1929 г. На заднем плане – фрагмент «старого» Строгановского моста

В конце 1970-х гг. городские власти принимают решение этот мост, якобы одряхлевший, разобрать и построить новый, еще красивей прежнего. Робкие протесты специалистов, обоснованно утверждавших, что существующий мост достаточно крепок, и после проведения некоторых реставрационных работ послужит еще много лет, в расчет не принимались. Этот архитектурный памятник очень долго и с большими трудностями разбирали (кто сказал: «Ломать – не строить!»?). На его месте в середине 1980-х собрали единый железобетонный, довольно неуклюжий мост. К тому же, из-за допущенной ошибки (то ли проектантов, то ли строителей) плиты пролетного строения оказались на несколько метров выше, вследствие чего 3-этажный старинный дом, стоящий на Польском спуске, лишился существовавшего в старой конструкции оригинального выхода с его верхнего этажа непосредственно на мост.

...Новый мост торжественно открыли до завершения всех работ с представленным госкомиссии «перечнем недоделок».

Строгановский мост после реконструкции (фрагмент)

Стоит ли говорить, что об этом документе быстро забыли? Как результат – многие важные работы остались не выполненными, в частности, не были установлены декоративные облицовочные плиты, и теперь смотреть на мост снизу (со спусков) не стоит. От старого же моста сохранилась лишь литая высокая чугунная ограда, сквозь которую открывается прекрасная панорама Одесского залива и порта. Эта ограда появилась на старом Строгановском мосту не сразу, и здесь следует вспомнить, что некоторое время Строгановский мост имел еще одно, неофициальное, довольно мрачное название – «Мост самоубийц». Как писал в 1913 году знаменитый одесский мемуарист Александр Михайлович де Рибас, внучатый племянник основателя Одессы И.М. де Рибаса, мост «…снабжен ныне высокою чугунною решеткою для предотвращения самоубийств. Несчастные, замученные жизнью, опираясь в отчаянии на прежние низкие каменные перила моста, испытывали непреодолимое стремление полететь вниз головою. Случаи самоубийств так одно время участились, что пришлось сделать высокую решетку».

А еще из новой конструкции исчезла мраморная плита, вмонтированная в один из парапетов при входе на старый мост, с указанием имени человека, в честь которого мост был назван. Жаль, конечно…

Ко всем перечисленным бедам прибавилась еще одна: многострадальный мост облюбовали под стоянку бесшабашные владельцы «лексусов» и «BMW», что помимо пагубного воздействия на несущие конструкции может привести к реальной катастрофе…

Впрочем, недавние события вокруг «титулованного», но долгие годы влачащего жалкое существование соседа Строгановского моста дают автору надежду на то, что ряд главных упущений, допущенных при строительстве, будет непременно устранен. Почему «титулованного»? На этот резонный вопрос читатель получит ответ в следующей главе.

IV. Мост Коцебу – «младший брат» Эйфелевой башни

Сооружен в 1890-1892 гг. под руководством инженера Эдмонда Гарриса (англичанин, который работал в Одессе с 1865 по 1917 гг.) по проекту известного одесского архитектора Семена Ландесмана. Простирается над Деволановским спуском, соединив два участка улицы Полицейской (впоследствии – Кондратенко, еще позднее – Розы Люксембург, ныне – Бунина). Назван мост в честь Павла Евгеньевича Коцебу, в 1862-1870 гг.

Мост Коцебу

генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии и командующего войсками Одесского военного округа. И это притом, что сам П.Е. Коцебу был категорическим противником строительства этого сооружения. Рассказывают, что на званом обеде, устроенном Александром Григорьевичем Строгановым в честь открытия моста, названного его именем, граф Александр Григорьевич, уже год назад вышедший в отставку, но продолжавший жить в полюбившейся ему Одессе, находясь в прекрасном расположении духа, обратился к сменившему его на посту генерал-губернатора П.Е. Коцебу: «Теперь, дорогой Павел Евстафьевич, очередь за вами – соорудить мост, к примеру, через балку на Полицейской…». П.Е. Коцебу неожиданно поморщился от этого предложения и сухо произнес: «Пока я на этом посту, доверенном мне государем, никакой мост, любезный Александр Григорьевич, на Полицейской улице не появится!». И через 8 лет после смерти Коцебу его именем называют мост, которому тот категорически отказал в существовании… Такое возможно только в Одессе!..

…Проект представлял собой металлический однопролетный арочный мост длиной в тридцать метров. Основой для моста служили стальные конструкции, заказанные у парижской фирмы «Société des Ponts et Travaux en Fer». Объекты, созданные ею, до сих пор эксплуатируются во Франции – к примеру, фирма изготовляла элементы Эйфелевой башни. Так же, как и конструкции Эйфелевой башни, конструкции моста изготовлены из пудлингованной стали (пудлингование – ныне устаревший процесс получения стали из чугуна), которая характеризуется достаточно долгим сроком службы.

На первый взгляд может показаться странным тот факт, что из Одессы, обладавшей на тот период большим количеством металлообрабатывающих предприятий, заказ на изготовление конструкций моста ушел в далекий Париж. А все объясняется просто: побывавший на открытии Международной выставки в Париже в 1889 году славный одесский городской голова Григорий Григорьевич Маразли был покорен главной, как теперь бы сказали, «фишкой» выставки – специально смонтированным к ее открытию славным творением выдающегося французского инженера

Александра Гюстава Эйфеля – металлической башней, ставшей впоследствии главным символом Парижа.

Вскоре из Одессы в столицу Франции был направлен Эдмонд Гаррис для размещения заказа в упомянутой выше фирме. Так у Эйфелевой башни появился одесский «брат» – мост Коцебу…

Стоимость моста составила 70 тысяч рублей.

По мосту некоторое время проходил маршрут конки, который был ликвидирован после пуска трамвая, маршрут которого пролегал по соседнему – Строгановскому – мосту.

Хронология (от рождения до полного разрушения и возрождения)

Итак, в 1890 г. началось строительство моста по улице Полицейской через Карантинную балку.

Мост был открыт 22 августа (2 сентября) 1892 года, когда Одессе исполнялось 98 лет.

Решением Одесского облисполкома № 480 от 15.08.1985 г. мост признан памятником архитектуры.

1984 г. – исчезает один из гербов с ограждения моста.

2006 г., январь, – с моста исчез один из четырех старинных фонарей.

2008 г. – мост Коцебу внесен в государственный реестр недвижимых памятников Украины.

2015 г., 24 февраля, – решением горсовета мост в связи с аварийным состоянием закрыт для проезда транспорта.

2016 г., 15 августа, – закрыто движение пешеходов по мосту Коцебу, начинается ремонт путепровода.

Не могу не отметить: борьбу за спасение моста Коцебу я начал в 2006 году – более десятка статей, две пресс-конференции… Наконец мои вопли были услышаны городским головой Г.Л. Трухановым, который принял меня в феврале 2015 года и сразу же сделал соответствующие распоряжения.

Возникает вопрос: почему Эйфелева башня, смонтированная практически в одно время с мостом Коцебу из конструкций, изготовленных одним и тем же предприятием, находится в прекрасном

эксплуатационном состоянии, в то время как мост много лет уже являлся аварийным объектом?

Мы отмечали, что пудлингованная сталь отличается достаточно долгим сроком службы, но она должна быть обязательно тщательно покрыта слоем краски для предохранения от коррозии. В связи с этим Эйфелева башня с использованием обычных малярных кистей регулярно, раз в семь лет, покрывается антикоррозийным покрытием в два слоя с удалением старого покрытия. Этот процесс занимает 18 месяцев. Наш же мост последний раз окрашивался в 1914 году, а в годы советской власти и позднее техническое состояние моста не обследовалось, а металлические детали (даже несущих конструкций!) не окрашивались.

Сегодня, после проведения целого ряда реабилитационных работ, мост открыт как для пешеходов, так и для автотранспорта. Уместным считаю назвать двух главных спасителей моста Коцебу – автора данного очерка, а также действующего городского голову Геннадия Леонидовича Труханова…

Литература

Авдеенко И.К. «Одесский чичероне»: Путеводитель по Одессе и ее окрестностям. – Вып. 2. – Одесса, 1908 (1909, 1910, 1914).

Герлігі П. Одеса. Історія міста, 1794-1914. – Київ, 1999.

Горбатюк А.И. Дитя Европы. Очерки. – Одесса, 2006.

Горбатюк А.И. Мосты исторической части Одессы. – Одесская жизнь, № 6. 13 июля 2011.

Губарь О.И. Феномен Одессы (мемуары об этнической истории города) // Одесский университет. – 1994, 31 марта.

Дерибас А.М. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. – Одесса, 1913.

Майстровой Я.Я. История Одессы в названиях улиц. – Одесса, 2012.

Морская энциклопедия Одессы. – Одесса, 2012.

Сергей Калмыков

Карандашные строчки

Вместо пролога

Однажды встретился я в Одессе с интересным собеседником, Фредериком де Граве. Он француз, живущий в Бельгии, славист и арабист, маркиз, влюбленный в творчество Ильи Репина. Написал книжку о нем, красиво изданную сперва на французском, затем и на русском языках.

Когда же Фредерик сообщил, что теперь занялся советскими песнями времен войны с фашизмом, то невольно и я в какой-то мере этим заразился.

Как в те времена проникали песни в наш быт? Ну, по радио, с патефонных пластинок (у кого был патефон), еще в значительной степени из кинофильмов. Ведь кино было воистину всем – и доступным развлечением, и окном в мир, и средством формирования советского характера.

Песни запоминались и жили собственной жизнью. Безусловно, в предвоенных песнях преобладала героика, чему приведу несколько примеров.

Здравствуй, страна героев, страна искателей, страна ученых!

–

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

–

Штурмовать далёко море посылает нас страна.

–

На далеких берегах Амура часовые Родины стоят.

–

Я тебя провожала и слово сдержала врагам отомстить…

–

Когда настанет час бить врагов, от всех границ ты их отгоняй.

Но роковое нашествие врагов все же произошло, и оказалось оно страшным, и немудрено, что наряду с фанфарной героикой зазвучала не только неизбежная скорбь по бедам и утратам, но и надежда на возврат мирных дней.

Ты меня ждешь и у детской коляски не спишь, и поэтому знаю – со мной ничего не случится…

–

Взойдет на утес черноморский матрос, что Родине новую славу принес.

–

Парня встретила дружная фронтовая семья.

–

Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет.

–

За слезы наших матерей, за нашу Родину – огонь, огонь!

–

Чуть загрустив, знакомый мотив припомним мы мирной порой, споем о боях, о старых друзьях, когда мы вернемся домой.

Как бы ни было невмоготу, но люди при всех обстоятельствах пели. «Плакали и пели», – как сказал классик. Исходили из разных возможностей, Сами придумывали неумелые строчки, использовали знакомые напевы. Записывали на случайных листочках, давали переписать друзьям. Безыскусное творчество жило и даже частично выжило.

Уж не помню, когда я подобрал какую-то тетрадку, точнее, немецкие сброшюрованные ведомости, где страницы были исписаны плохоньким карандашом, не очень грамотными куплетами. Иногда было понятно, какой предполагался мотив, иногда нет.

Общим было то, что это были слезы об утраченной молодости, копеечной судьбе и беспросветности. Вот на выбор.

Раскинулись рельсы широко,
По ним эшелоны летят –
Они с Украины вывозят
В Германию наших ребят.
–
Ой, не жди, стара моя матінко,
Твоїй доньки давно вже нема.
Вона вмерла в німецькому краю,
Лиш чорніє могила одна.

Прошла зима настало лето,
В саду цветочки расцвели,
Меня, молоденьку девчонку,
В немецкий лагерь отдали.
–
Рвались снаряды, дымом обвиваясь,
Летели пули, смерть с собой неся,
А мы в окопе часто вспоминали
Про дом родной, зеленый сад, ее глаза.
–
Я живу близ Балтийского моря,
Где кончается город Росток.
Я живу при нужде и при горю,
Хочу видеть тебя, хоть часок.

Не один еще послевоенный год на базарах и в поездах убогие инвалиды исполняли этот репертуар, приговаривая: «Братья-сестры, отцы-матеря, пожалейте мое калецтво!».

Betrag der Lieferung		Betrag der Kriegssteuer		Gezahlter Betrag incl. Kriegssteuer		Gezahltes Aufgeld		Pfand- Rückzahlg. an den Kunden		Pfand- Zahlung des Kunden		Tag der Zahlung	Quittung des Fahrers
RM	Pf	RM	Pf	RM	Pf	RM	Pf	Kast.	Flasch.	Kast.	Flasch.		

На мотив „Истребители".

В далекий край товарищ уезжает
Чем встретит нас священная
война
Осталась девушка воспоминанье
И грудь печаль, в слезах ее глаза
Пусть слезы льются на прощанье
Утри печаль с угрюмого лица
Война там ждет меня на испытанье
Спокойного и смелого бойца.
Рвались снаряды дымом обвиваясь
Летели пули смерть с собой неся
А мы в окопах часто вспоминали
Про дом родной, зеленый сад ее глаза
Кто ранен был того в больницу
клали
Тихим кость лечили доктора
И сквозь глубокий сон ему шептали
Про дом родной зеленый сад ее глаза
Когда товарищ мой домой вернется
Пробита грудь, оторвана рука

Вместо эпилога

В тетрадке, о которой я рассказал, была такая строчка: «X-1945 Гродно, землянка № 115. Во время возвращения на Родину».

Владелицу тетрадки, оказалось, я знал. Сирота, которую родня не особо жаловала. Одевалась во что дадут. Однажды соорудила елочку из подобранных веток и цветных бумажек. А когда Одессу освободили от оккупантов, ушла с нашими войсками, хоть было ей 17 неполных лет. Вернулась беременной, ребенок умер. Вот она, непридуманная горькая судьба. Но люди жили, люди надеялись…

Евгений Голубовский

Большой артист маленького роста

Памяти Романа Карцева

Не знаю, кто служил примером для Вити Ильченко.

Догадываюсь, что ориентиром для Миши Жванецкого служит не Ильф, не Олеша, не Катаев, а… Чехов

А для Ромы Карцева высшей планкой был Чарли Чаплин.

Книга у Романа Карцева – вторая его книга – «Приснился мне Чаплин».

Мы сидели во Всемирном клубе одесситов, и я пошутил, что замечательный литературный ход – поселить в свои сны Шекспира, Толстого, Окуджаву. И с ними гулять по Одессе, разговаривать…

Рома грустно поглядел на меня. И сказал:

– В свои сны приглашай Шекспира, а мне интересно общаться с Чаплиным…

Сколько лет я был знаком с Карцевым? Получается – 55. Много. Женщины в мое время в 55 выходили на пенсию. И когда прочитал в Фейсбуке горестное сообщение Наташи Жванецкой о смерти Ромы, передо мной, как в калейдоскопе, мелькали эпизоды…

Дом актера. Шестидесятые. Рома на сцене. День. В зале десяток человек. Ира Кузнецова, Валерий Барановский, Валера Барда-Скляренко. Карцев импровизирует. Все смеются. И голос Дьяконовой:

– Рома, я хочу вам дать пять-шесть уроков сценической речи. Вы должны научиться говорить по-русски.

– Зинаида Григорьевна, ни за что. Если я потеряю одесский говор, то потеряю лицо.

А знаете, что Карцев хорошо пел? И был замечательным звукоподражателем.

Тот же Дом актера. Вечер. Семидесятые. За столиком сидит и тихо поет лемковские песни Петя Шидывар. В баре сидит и Карцев. И вдруг в паузе он начинает петь. Те же мелодии, но вместо слов нечто невнятное. Смешно и трогательно одновременно.

И уже Москва. Семидесятые, а может, начало восьмидесятых. Михаил Левитин пригласил меня на спектакль по Хармсу в своем театре миниатюр – «Хармс. Чармс. Шардам». Блистательный спектакль. Фонтан выдумки. Но для меня это спектакль двух актеров, хоть их было несколько, – Любовь Полищук и Роман Карцев. Они творили невозможное. Абсурд на сцене становился зримым. И тогда пришло понимание, что Карцев – великий клоун. Большой артист маленького роста. Как Чаплин.

И вновь Одесса. Здесь впервые увидел дуэт Ильченко – Карцев. Неразрывные Пат и Паташон. Разве можно забыть, как они читали Жванецкого? Сегодня раки по пять, а вчера…

Как-то Рома сказал:

– Я давно понял, что живу, чтобы удивлять Жванецкого.

Он был потрясен, когда меня с пятой попытки приняли в театральный институт.

Когда я женился на рослой русской девушке.

Я удивил его, когда написал книгу.

Признаюсь, и я был удивлен, когда Роман Карцев начал писать. Это произошло после смерти Ильченко. Мне кажется, что найти себя Роме было настолько трудно, что попробовал и писать. И получилось.

Рад, что в нашем альманахе в разные годы мы напечатали более десяти его рассказов.

Когда узнал, что он пишет, попросил прислать два-три рассказа. Договорились о встрече. Рома принес тексты и сказал: «Я тебе почитаю, а вдруг не понравится…».

Обычно прошу дать мне прочесть самому. Глазами. Чтоб оценить текст. Но отказать себе в удовольствии послушать Карцева…

И он прочитал «Успокойтесь, мама!», «Реквием по СССР», «Разговор с внучкой». Это была хорошая проза с юмором и лирической интонацией. Все эти рассказы, конечно, мы опубликовали. И просили еще и еще…

О чем бы он ни писал, он писал об Одессе. Жил последние годы в Москве. Но ощущал в себе Одессу, оставался верен и футболу своей юности, и морю, и музыке… Оставался верен своему одесскому языку, на котором можно сказать так, что тебя поймут только одесситы.

Он любил импровизировать анекдоты.

– Девушка, можно пригласить вас завтра на свидание?

– Вы что? Я же замужем. Только сегодня.

А каким великолепным он был в эпизодах в кино!

Печально, что артист, сыгравший Швондера, ушел, а Швондеры остаются.

Рома мог бы стать клоуном. Цирковым. Не случилось. Но он мысленно примерял на себя и эту роль.

Как-то я ему сказал, что мне Леонид Енгибаров подарил свой рисунок. У него загорелись глаза. «Давай поменяемся на что-нибудь. Я собираю фигурки клоунов, все, что связано с ними».

Я знал, что Рому интересует живопись, что он бывал в мастерских одесских художников, покупал их работы. Но фигурки клоунов…

Обещал найти и подарить. Закрутился. Не нашел. Не подарил. Теперь этому печалюсь.

Воссоединился вчера Рома Карцев с Витей Ильченко.

Если бы знать, что этот дуэт продолжит играть на небесах…

Если бы знать…

Одесский календарь

70 **Александр Биршейн**
Тут сейчас институт Филатова

Александр Биршейн

Тут сейчас институт Филатова

«У нас в Одессе были «бани Исаковича» с номерами, куда папа водил нас, детей, купаться в том случае, если квартира была без ванны. Помню эти «бани Исаковича» – семейные номера, – куда мы ездили сначала на конке, а впоследствии на электрическом трамвае, уже вечером, когда в городе горели фонари, отражаясь в мокрой мостовой. Коридор, тусклый от пара, и какие-то мутные, особые, «банные» зеркала…»

Валентин Катаев. «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»

Знаменитые бани Исаковича на Преображенской угол Кузнечной радовали горожан и внешним видом, и удобствами, предоставляемыми посетителям. Баня Исаковича состояла из двух зданий, соединенных общим двором, – Преображенская, 45, и Кузнечная, 57.

Бани построил и оборудовал Самойло Исакович, сын основателя караимского рода Исаковичей, которым был Исаак, сын Шеломо (1765-1826), – коренной житель Крыма, философ, богослов, филолог, астроном, врач и литургический поэт.

Самойло Исаакович был женат на караимке Рахили Семеновне Мангуби (1861-1930), красивой, образованной и умной женщине, которая подарила ему двоих детей – сына Александра-Даниила и дочь Анну.

Именно Александр Самойлович Исакович возглавил семейное дело после трагической гибели Самойло (Самуила) Исааковича Исаковича.

Может возникнуть вопрос: а зачем я так подробно рассказываю об этом семействе?

Отвечаю: именно Александр Самойлович и Анна Самойловна Исаковичи были владельцами участка 49 на Французском бульваре. Люди они незаурядные, сыгравшие большую роль в истории нашего города.

Хотя… Если говорить об Анне Исакович, то она сыграла скорей большую роль в истории мировой культуры. Анна Самойловна Исакович родилась в Одессе 4 июня 1886 года. В Одессе она получила только среднее образование, а совершенствовала его в Петербургской консерватории, причем и по классу фортепиано, и по классу пения. В двадцать два года она уже гастролировала в Лондоне, где профессор Артур Никиш пригласил ее участвовать в своем концерте. Тогда же Анна приняла сценическое имя Эль-Тур. Затем было турне по Англии, причем со знаменитым скрипачом Яном Кубеликом. Она смогла познакомить публику с произведениями Глинки, Даргомыжского, Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова. Она вернулась в Россию в 1909 году и выступила в концерте Общества друзей музыки в Петербурге. Об огромном впечатлении, которое произвело на слушателей искусство исполнительницы, можно судить по словам известного композитора Цезаря Кюи, с которыми он обратился к Анне: «Поздравляю вас. Я уверен в ваших выдающихся дальнейших успехах. У вас для этого есть все: голос, прекрасная школа, редкая музыкальность, захватывающий темперамент и, наконец, выдающийся декламационный талант».

В 1919 году Анна втайне через Сибирь навсегда покинула Россию. По дороге в Европу дала ряд концертов в Китае, Индии, Бирме, на Филиппинах, островах Ява и Суматра. Позднее концертировала в Германии, там же преподавала с 1922 по 1925, после чего перебралась во Францию, где прожила до 1948 года. Покинув Париж, она стала профессором Амстердамской консерватории. В Голландии же она и умерла 30 мая 1954 года.

Много трагичнее сложилась жизнь ее брата Александра Самойловича Исаковича. Он родился в Одессе. Окончил Одесское коммерческое училище. Поступил в Дрезденский политехникум, где пробыл два семестра и перевелся в Императорское Московское техническое училище, но за полгода до выпуска вернулся в Одессу, где застал больную мать и смерть отца.

В связи с этим, став единственным кормильцем в семье, вынужден был покинуть училище и заняться делами оставленной после трагической смерти отца водолечебницы. Александр Самойлович Исакович принимал участие во многих ученых обществах и съездах и, конечно, был владельцем семейного дела – бань, превратившихся в лечебное гидропатическое заведение. После октябрьского переворота Александра Самойловича приютил у себя на улице Гоголя, 9, квартира 4, профессор Филатов, институт которого был построен как раз на месте реквизированного у семьи дачного участка. Однако это особо не помогло. Александр Самойлович Исакович, 1883 года рождения, уроженец г. Одессы, был приговорен 5 июня 1938 года к расстрелу; приговор приведен в исполнение.

Вообще, семьи Исаковича и Филатова связывала большая дружба. Так получилось, что и после гибели Александра Самойловича Исаковича эта связь не оборвалась. Дело в том, что знаменитая клиника Филатова была построена на месте бывшей дачи Исаковичей.

Но об этом чуть позже.

На месте будущей клиники Филатова был еще и… стадион. Вернее даже, футбольное поле. Да-да! На месте современного Института глазных болезней и тканевой терапии имени В. Филатова было футбольное поле местного «Спортинг-клуба», команда которого выступала тогда в Одесской футбольной лиге. В команде блистал Григорий Богемский. Был там еще один футболист, имя которого известно во всем мире. Это Юрий Карлович Олеша.

Григорий Григорьевич Богемский (1895-1957) – футболист из Одессы, выступавший за местные клубы «Вега» и «Спортинг-клуб», а также за сборную Российской империи.

В игре «…принимал участие тощий, золотушного вида ришельевец в пенсне на маленьком носике, будущая мировая знаменитость, центрфорвард сборной команды России, как сказали бы теперь – «нападающий века», «суперстар» мирового футбола, Богемский. Но тогда он был лишь старшеклассником и, надо сказать, прескверным учеником с порочной улыбочкой на малокровном лице. Его имя до сих пор легенда футбола» (В. Катаев. «Алмазный мой венец»).

«И подумать только – этот человек с неспортсменской наружностью – такой замечательный спортсмен! Уже помимо того, что он чемпион бега на сто метров, чемпион прыжков в высоту и прыжков с шестом, он еще на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой… И не только в Одессе – в Петербурге, в Швеции, в Норвегии! Во-первых, бег, во-вторых, удар, в-третьих – умение водить. Гораздо позже я узнал, что это умение водить называется дриблинг. О, это было одним из самых захватывающих зрелищ моего детства, кричавшего вместе со всеми в эту минуту, вскакивавшего, аплодирующего…» (Ю. Олеша).

После Октябрьской революции Богемский эмигрировал сначала в Болгарию, потом в Чехословакию, где выступал за клубы «Русь» и «Виктория». Завершил карьеру в 1927 году.

«Я играл вместе с Богемским, – сразу, как к давнему знакомому, обратился ко мне Юрий Карлович, при этом он уставился на меня своими серыми глазами, как бы фиксируя мою реакцию, верю я или не верю в то, что он действительно играл «с самим Богемским», да и вообще, знаю ли я, кто такой Богемский» (Андрей Старостин).

«Встречи со сверстником»: «В юности мы встречались на футбольной площадке. Маленький и шустрый гимназист Олеша играл за свою Ришельевскую гимназию в пятерке нападения, и я помню день его славы, когда в решающем матче на первенство гимназической лиги Олеша забил гол в ворота противника. Это был точный красивый мяч с позиции крайнего правого… Маленький и быстрый форвард, пробежав по краю зеленой площадки и ловко обведя противника, точным ударом вбил гол. Аплодисменты…» (Сергей Бондарин).

Но время шло. И на месте дачи Исаковичей и футбольного поля возникло лечебное заведение, известное во всем мире.

Сейчас на территории бывшей дачи размещены:

Административно-хозяйственный корпус института им. В.П. Филатова, 1953, архитектор Б.И. Поздырко. Памятник В.П. Филатову работы скульптора А.А. Ковалева.

Лабораторный корпус, 1970-е, архитекторы С.П. Хапонен, Е.И. Прокопов.

Главный корпус, 1939, архитекторы М.А. Кац, Л.Л. Кордонский и М.А. Шлифер.

Амбуланс, 1952, архитекторы Н.А. Шаповаленко и Ж.М. Гружевская.

В 2004 году на участке построен жилой дом, архитекторы М.Г. и Д.М. Повстанюк, инженер В.О. Катунцевская.

Институт глазных болезней и тканевой терапии им. В.П. Филатова Национальной академии медицинских наук Украины был создан 4 апреля 1936 года усилиями выдающегося ученого-офтальмолога, академика Владимира Петровича Филатова. С момента своего создания и по сей день институт является одним из лидеров мировой медицинской науки и практической медицины.

В 1938 Владимир Петрович Филатов одним из первых в мире провел успешную операцию по пересадке роговицы. В послевоенные годы у многих людей развивались бельма после ранений, они слепли. Поэтому пересадка роговицы давала им уникальный шанс сохранить зрение. Последствия войны подтолкнули В.П. Филатова еще к одному изобретению – «шагающему филатовскому стеблю». Поскольку на голове человека существует дефицит кожи, то доставить ее к месту операции нужно было, например, с плеча. Для этого отрезался прямоугольный лоскуток кожи. Затем его как бы перекладывали в направлении предстоящей операции и пришивали. Когда лоскуток приживлялся, операция повторялась. Казалось бы, удивительно простое решение! Но оно стало поистине революционным.

Академик В.П. Филатов возглавлял институт с 1936 по 1956 годы. За свою долгую жизнь академик воспитал целую плеяду выдающихся ученых, среди которых – академик Н.А. Пучковская, руководившая институтом после смерти Филатова в течение 29 лет, профессора Б.С. Бродский, С.Ф. Кальфа, В.В. Войно-Ясенецкий, З.М. Скрипниченко, Н.И. Шпак, С.А. Бархаш, А.И. Пахомова и многие другие.

Он всегда мечтал, чтоб ученые жили как бы вместе, в одном дачном коллективе. Эту свою мечту изложил он при встрече И.В. Сталину. И тому эта мысль понравилась.

Стоп! Стоп! Стоп!

Как это может быть? Недавний зэк встречается со Сталиным? Более того, недавнему зэку строят институт в лучшем районе города!

Это невероятно! Но ведь было!

А началось все 20 февраля 1931 года, когда профессор медицинского факультета Императорского Новороссийского университета с 1911 года, а затем – Одесского медицинского института, заведующий кафедрой глазных болезней Владимир Петрович Филатов был арестован органами ГПУ. В.П. Филатов обвинялся в принадлежности к военной контрреволюционной организации, ставящей своей целью насильственное свержение советского строя.

Допросы В.П. Филатова проходили довольно странно. К нему не применялись «особые» методы убеждения, более того, протоколы допросов не были заранее заготовлены, их писал сам подследственный.

Через два месяца В.П. Филатов был освобожден. По версии следствия, нахождение обвиняемого на свободе не могло влиять на ход следствия. Позднее он был переквалифицирован в свидетели, а следствие тихо умерло.

Есть и другая версия. Или легенда. В Кремле понадобилась срочная операция. Кому? Точного ответа нет. Но Филатов из бывшего обвиняемого превратился в директора огромного института, построенного в самом престижном районе города. Более того, встретится со Сталиным.

Дикая версия? Возможно. Но я в нее верю. И вот почему. В 1931 году выдающиеся, мирового уровня открытия В.П. Филатова, в частности пересадка роговицы, были еще впереди. Да, он был крупным офтальмологом, профессором, но сколько ученых, тоже выдающихся, сгинули в застенках ГПУ-НКВД-КГБ! Да, были случаи, когда выдающихся ученых и военачальников выпускали из застенков. Но это было в период 1941-45 гг., когда силами тех же органов и их пахана обороноспособность страны была катастрофически подорвана. Но в 30-е годы?! И еще: практически все люди, чьи имена были названы на допросах В.П. Филатова, погибли в 1937-38 гг.

Нет! Это не бросает тень на выдающегося ученого и человека Владимира Петровича Филатова. Это говорит о времени, страшном времени всесилия органов и их пахана.

А теперь вернемся к бывшему участку Исаковичей. До того как на этом месте возник коллектив научных работников, тут, естественно были дачи. Сперва их было три. Участок бульвара между Шампанским переулком, которого тогда не было, а был проезд, который так и назывался – «Проезд на дачу…», и нынешним переулком Кренкеля (ранее – Девятый переулок) был поделен на три части. В 1911 году владельцами были г-н Тепер, Л. Цимерман и Перец. Несколько позднее участок Л. Цимермана перешел к Александру Руссову, о котором хочется напомнить.

Александр Петрович Руссов (1847 – 22 июля 1908, Одесса, Херсонская губерния, Российская империя) – российский предприниматель, купец 1-й гильдии, миллионер, меценат и коллекционер, потомственный почетный гражданин Одессы.

Собирание коллекции живописи, в основном работ русских художников, а также художников южнорусской школы, было даже не хобби, а скорей потребностью души А. Руссова. Он построил по адресу Торговая, 2, картинную галерею, где хранил картины. Более того, доступ в галерею был открыт для публики. Экспонировались полотна И. Айвазовского, И. Репина, И. Левитана, И. Шишкина, К. Брюллова, К. и В. Маковских, В. Верещагина, А. и В. Васнецовых, П. Соколова, А. Бенуа, Н. Ге, Л. Пастернака, Ю. Клевера, К. Коровина, В. Кандинского, лучших представителей так называемой южнорусской школы – К. Костанди, П. Нилуса, Г. Головкова, Н. Кузнецова, Т. Дворникова, Р. Судковского и других. Были здесь и картины зарубежных авторов, прежде всего, французских, саксонский и севрский фарфор, разнообразный антиквариат. Всего 850 полотен.

Семья Руссовых долгие годы занималась предпринимательской деятельностью. Основу состояния семьи составляло овцеводство, торговля вином и земледелие в Бессарабской, Пермской и Самарской губерниях. Отец Александра Петровича Петр Степанович Руссов был городским головой Аккермана, общественным деятелем и благотворителем. В Одессе Руссовы владели большим количеством недвижимости.

Верхом домовладения был так называемый и сейчас дом Руссова. В 1897 году на Садовой улице началось строительство большого четырехэтажного дома для самых состоятельных слоев населения. Архитектор Шмидт.

Руссов поддерживал начинающих художников, создал фонд для нуждающихся художников, оказывал денежную помощь благотворительным заведениям, способствовал развитию яхтенного искусства, учреждал именные стипендии для курсантов Училища торгового судоходства.

22 июля 1908 года В.П. Руссов умер, после чего был похоронен в семейном склепе на Первом городском кладбище. Наследство оценено в 10.000.000 рублей, в том числе собрание картин – в 1.000.000 рублей. Дом на Садовой был продан наследниками сразу после смерти В.П. Руссова, другие дома оставались в их собственности до самого октябрьского переворота.

Мне кажется более интересной судьба участка в советское время.

Как я уже говорил, Сталин одобрил идею создания дачного коллектива научных работников. Так возникли на Французском бульваре в Одессе, как теперь говорят, комплекс-лечебница плюс жилой дом для сотрудников и дачный массив, устроенный по лучшим проектам того времени. В центре подрастала березовая роща (редкость для Одессы!), были буфет-столовая, где подкармливали научных работников, прачечная, аллеи для променада, лужайка для спортивных игр и (о счастье!) одноэтажные домики, не более ста квадратных метров, где каждый ученый обустроил свой рабочий кабинет. Мечта, правда?

Для кого как!

Если учесть, во что превратились дачные участки в наше время. От прежних дач не осталось и следа. Зато выстроены дворцы, больше похожие на провинциальные театры среднесоветского периода. С колоннами, разумеется. Березовая роща вырублена – земля нынче дорога. Особенно тут. Ученых почти не осталось. Куда им… Как все оно выглядело, можно еще увидеть на даче-музее академика Филатова, которая пока жива и ведет активную просветительскую работу. Как жаль! Городок науки исчез. Жизнь же его коллектива – это история науки нашего города, а через нее и история страны, данная в бесценных свидетельствах. Ведь тут жили академики В.П. Филатов и М.А. Ясиновский, члены-корреспонденты В.П. Цесевич и Ю.А. Карпенко, профессоры М.С. Беленький, Ф.А. Волынский, В.А. Добровольский, Г.С. Леви,

В.В. Маляров, А.И. Скроцкий, И.М. Срибнер и другие. Тут жил выдающийся лирический тенор Артур Айдинян, скрипач Д. Покрас. Если бы не сопротивление городских партийных властей, тут жил бы и большой писатель, любимый одесситами Константин Паустовский, мечтавший купить дачу у профессора В.М. Рекача…

Я жил в этом коллективе два года. Давно. Еще в 80-е… Мы снимали комнату у дочери профессора Я.Ю. Карпуна. Соседнюю комнату занимала семья режиссера Иосифа Львовича Берковича. Раз-другой в неделю к нам с Иосифом Львовичем приезжали друзья – Зорик Аврутин и Додик Макаревский. Впрочем, Додик не играл, а «болел». Но об этом поздней.

Несколько вечеров проводили мы неподалеку, у Изабеллы Григорьевны (Бебы) Леви. Там по вечерам всегда было людно. Приезжали актеры театров Жадушкина, Дубровская, Барда-Скляренко, артистка филармонии Лена Строганова, заходили соседи Ясиновские, Карпенко, Спокойные, Айдиняны… Общались…

Да в дачном коллективе с трудом, но все еще сохранялись какие-то по-особому учтивые, теплые отношения. Но уже мелькали, пока только мелькали, чужие, не снабженные интеллектом лица, уже возводились заборы, запрещенные уставом, уже бросались на ограду недобрые псы.

А доброе прошлое уходило…

– Ты не забыл? – встречает меня у калитки сосед и друг, режиссер театра Дома офицеров Иосиф Львович Беркович. – Вечером приедут Зорик и Додик!

Ох, эта летняя привычка полузажиточных одесситов снимать дачу! (Зажиточные дачу имеют. Им легче!) А тут ютись в одной комнате вчетвером. Одно в жизни удовольствие – преферанс по вечерам.

– Не забыл! – радуюсь я.

Зорик Аврутин, завлит и режиссер театра оперетты, и вообще на всю голову театральный человек – наш третий в преферансе!

А Додик Макаревский, актер, кавээнщик и… инженер – болельщик. В преферанс он не играет, а просто сидит и смотрит. Мы его любим! Хотя… Глупость сказал! Додика любят все!

Зорик приехал один. Додику надо было куда-то пойти с папой. А это святое!

За пулю сели часов в десять, когда домочадцы уже почти угомонились. Стол под абрикосом, лампа на длинном шнуре свисает с ветки, лист бумаги… Ручка у каждого своя. Она – часть фарта. А кто станет делиться фартом во время карточной игры?

– Что играем? – спрашивает Беркович.

– Сочинку! – отвечает осторожный Зорик.

– Финку! – одновременно выпаливаю я.

Проголосовали. За сочинку двое. Значит, так тому и быть!

Играем по маленькой. Полкопейки за вист. При нашем среднем, но вполне терпимом уровне проиграть или выиграть можно рубля два-три. Даже меньше! Но! Все дело в процессе. И в общении, конечно! О, общение, как по мне, лучшая часть нашей игры. И Зорик – Зоринька, как называет его жена Иосифа Львовича Нина Иосифовна – знает массу людей и массу историй. У него толстая записная книжка, перетянутая резинкой, где хранятся адреса и телефоны, наверное, всех людей, причастных к театру. И все его любят.

И Иосифа Львовича, Юзика, как называют его некоторые, тоже любят. Он добрый и светлый. И спектакли у него добрые. Интересные и добрые.

Сидим, шлепаем картами, разговариваем, ругаемся. А как же! Вон Зорик под играющего с туза пошел! Разве это можно простить?

Нам приносят чай, бутерброды. Едим, пьем, играем…

Пулю заканчиваем часа в два ночи. Пока расписали – полтретьего. Уговариваем Зорика остаться ночевать. Но он – ни в какую.

– Мама будет волноваться!

– А еврей любит маму! – в который раз шучу я.

Беру с собой литровую банку, и мы идем провожать Зорика.

На Французском, а тогда Пролетарском, бульваре ни одной машины. Если не считать двух – «газика» и «жигуля» – у проходной завода шампанских вин.

– Затариваются! – понимающе переглядываемся мы.

– Зорик! А по шампанскому?

Зорик задумывается, но появляется поливальная машина, и Зорик машет ей обеими руками. Поливалка останавливается, и Зорик вступает в переговоры с водителем. Потом садится

в кабину и прощально машет рукой. Поливалка уезжает, а мы с Иосифом Львовичем остаемся на пустом бульваре. Потом плечо к плечу переходим через дорогу.

– Что надо? – вопрошает сонный сторож завода.

Вместо ответа протягиваю ему три рубля и банку.

– С газом или без газа? – добреет сторож.

Какой же дурак станет пить шампанское с газом?

Возвращаемся на дачу. Лампа все так же освещает стол и расчерканный лист пули. В углу стола кружки от чая. Почти чистые. Споласкиваю их небольшим количеством вина. Садимся за стол, наливаем. Вино холодное и очень-очень вкусное. Не станут же сторожа торговать всякой дрянью. Клиентов растеряют!

Сидим. Пьем. Медленно и тихо разговариваем…

Огромные мохнатые звезды, свесившись сверху, наблюдают за нами. И подслушивают! Порой их забавляет то, о чем мы говорим. Тогда они шутливо подмигивают.

Ночь на Французском бульваре неохотно вступает в свои права.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

82 **Андрей Курков**
Серые пчелы

107 **Елена Ханенкова**
Контрапункт памяти

114 **Алексей Овчинников**
Рассказы на этикетках

Андрей Курков

Серые пчелы

Фрагменты нового романа

* * *

Благодарность Пашкина за вставленные стекла и одну ночь, проведенную у Сергеича, имела свои пределы. Оставил он у Сергеича бинокль еще на некоторое время. А вот сала, о котором случайно упомянул, когда пришел за помощью, пчеловоду не предложил. Ни кусочка. А по салу Сергеич соскучился. Не так чтобы аж. Не упомяни тогда Пашка про картошку с салом, и сейчас бы Сергеич о сале не вспомнил бы. Но в холодное военное время, при церковных свечах и без электричества всякое упоминание прошлых мелких радостей пробуждает тоску и желание. Если б Пашка вместо сала тарань или другую какую сушеную-вяленую рыбу упомянул, маялся бы сейчас Сергеич мыслями о рыбе, а точнее – об ее отсутствии. Но ведь отсутствие в доме Сергеича было почти полным и бесконечным. Бесконечно долго можно было бы перечислять все, что под рукой или в погребе у него отсутствует. А вот что присутствует – это можно было бы очень легко назвать: мед, водка, разные своей работы настойки, лекарства на перге и прочих пчелиных радостях. Где-то еще бутылка коньяка «Октябрьский» спрятана, вот только не помнит он, где. Уже и искал пару раз, да не нашел. Будь он такой болтун, как Пашка, пришлось бы ему уже давно все свои запасы с врагом детства разделить. Как-то уже и думать о нем как о «враге» не хотелось. С каждой новой встречей, даже если и ругались они, казался Пашка Сергеичу все ближе и понятнее. Они теперь в чем-то братья, хотя слава Богу, что не родные!

В дверь негромко постучали.

– О! Стоило человеку помочь, так он сразу и вежливее стал! – усмехнулся Сергеич.

Взял со стола горящую свечку, в коридор вышел.

Оттолкнул-отпер дверь, а за ней темень вечерняя и фигура с лицом не Пашкиным, а моложе, с глазами напряженными, в которых огонек церковной свечи отражается.

Замер от неожиданности Сергеич. Пока замер, понял, что незнакомец, которому он дверь открыл, в камуфляж одет, и висит у него на плече автомат коротким дулом вниз.

– Вы это, извините, что поздно… и без предупреждения, – заговорил незнакомец с некоторым вежливым смущением в голосе.

Сергеич понял, что незнакомец вряд ли пришел его убить или ограбить. Иначе чего б извинялся? Вздохнул, поближе левую руку со свечой в сторону непрошеного гостя протянул. Увидел, что тот совсем еще юнец, может, лет двадцати двух – двадцати трех от роду.

– Зайти можно? – спросил незнакомец.

– Ну если разуешься и железку в коридоре оставишь! – проговорил Сергеич наигранно сурово, хотя тут же почувствовал, что голос его вот-вот задрожит от страха, оттого, что он как бы военному приказывает оружие сдать.

– Разуться могу, – сказал парень в камуфляже. – Оружия оставить не имею права.

– Ну хоть так, – Сергеич облегченно вздохнул.

Закрыл за непрошеным гостем двери на железную щеколду и на крючок. Бросил взгляд на высокие ботинки, оставленные под стенкой.

В комнате хозяин дома незнакомцу за стол присесть предложил.

– Может, водочки? – спросил из вежливости, хоть тут же себя мысленно за ненужную гостеприимность по губам ударил.

– Нет, спасибо! – мотнул головой парень. – Я бы чаю!

– Будет тебе чай, – закивал Сергеич.

Показалось ему, что одной свечи недостаточно для двоих за столом. Достал еще две. Зажег. Утроил освещение, можно сказать.

– Будет тебе чай, – повторил, присматриваясь к лицу незнакомца, проверяя, не пропустил ли он что-либо на его лице при одной свече. – Звать-то тебя как?

– Петро я, – сказал парень.

– А откуда?

– Из Хмельницкого.

– Ага, – Сергеич сделал голосом вид, будто что-то важное понял. – Значит, из украинской армии?

Парень кивнул.

– Артиллерист? – осторожно спросил хозяин дома.

Петро отрицательно головой мотнул.

– А вас как зовут? – спросил.

– Меня – Сергей Сергеич, можно просто Сергеич. Так ты, наверное, Петр, а не Петро?

– Нет, я Петро! У меня так в паспорте написано.

– А я в паспорте – Сергій Сергійович, а в жизни – Сергей Сергеич! Вот такая разница!

– Вы, наверное, со своим паспортом не согласны, – предположил Петро.

– С паспортом-то я согласен, а вот с тем, как он меня называет, – нет!

– А я и с паспортом согласен, и с тем, как он меня называет, – усмехнулся вечерний гость. Усмехнулся легко, даже обезоруживающе! Хотя автомат теперь на спинке стула висел.

– Может, у тебя имя в паспорте и в жизни совпадает, поэтому ты и согласен! – произнес Сергеич задумчиво. – Будь у меня так, я б тоже с паспортом не ругался! Так а зачем ты, Петро, ко мне пришел? Может, что надо?

– Ага, – кивнул парень. – Познакомиться захотелось. А то вижу вас уже больше года, а имени не знаю!

– Где ты меня видишь? – удивился Сергеич.

– В бинокле, – парень немного замялся. – Положено за селом наблюдать. Я бы и раньше пришел, но днем опасно, а в темноте, вообще-то, тоже запрещают, но опасности меньше.

– А какая днем от нас опасность? – удивился хозяин дома.

– От вас лично никакой, а вот от снайперов, которые нам то нервы портят, то головы, опасности много. Последний раз три дня назад стреляли, от церкви!

– Да не приходит сюда никто! – убежденно заявил Сергеич. – Я бы следы увидел! Я ж дома не сижу!

– Четверо убитых за год и три раненых, – спокойно произнес Петро. Почесал за ухом. Положил потом как-то неловко на столешницу зеленую, вроде как шерстяную шапку-балаклаву.

Сделал Сергеич чаю, гостю непрошеному налил, себе.

– А что там у вас, на Украине? – спросил. – Сала всем хватает?

– Всем, – парень не смог сдержать улыбку. – Мне тоже перепадает. Волонтеры подвозят. А в стране – как всегда! То воруют, то улицы и города переименовывают. Но говорят, после войны лучше станет! За границу будем без разрешения ездить.

– Ну это те, кто живыми останутся, – скривил Сергеич губы, но тут же спохватился. Вышло так, что он вроде как кому-то смерти желает. Решил тему поменять. – А переименовывают что?

– А вы что, не в курсе? – Петро широко открыл глаза, улыбка обнажила его крепкие зубы. – Ах да! У вас же электрики нет! Значит, без телевизора!

– Электрики давно нет, это да, – грустно закивал хозяин дома. – Может, починят?

– Сейчас вряд ли. Опасно. Да и для вас же лучше телевизор не смотреть – нервы сохраните!

– А у меня нервы железные, не испортятся! – похвастался Сергеич. – Я инспектором по безопасности труда на шахтах работал! Ты знаешь, что это такое?

В глазах у парня уважение проявилось.

– А ты сам чем занимался? – полюбопытствовал хозяин дома.

– Туризмом. Хотел в Крым переехать, маленькую гостиницу построить.

– Ну с этим ты опоздал! – махнул рукой Сергеич. – А я в Крыму ни разу не был. А всегда хотелось на море побывать, на пляже поваляться, загоревшим приехать… У меня там знакомый есть – на съезде пчеловодов познакомились. Татарин, Ахтем Мустафаев. Тоже пчеловод. В гости звал, а не вышло пока…

– Ну, когда-нибудь выйдет! – попробовал парень утешить Сергеича.

– Может быть, – согласился тот. Вдруг его взгляд помрачнел, словно вспомнил он что-то неприятное. – А чего вы труп с поля не уберете? Он же к вам так близко?

– Какой? В камуфляже? – Петро напрягся.

– Ну да! Может, его уже и снегом накрыло. Я вчера не смотрел.

– Не накрыло, – парень вздохнул. – Ветер снег унес. Не наш он. А посылать людей за ним опасно. Там на поле под снегом растяжки, да и сам труп могли заминировать. Пускай «сепары» забирают! Их этот парень!

– Они полезут забирать, а вы их из пулеметов? – ехидно спросил хозяин дома.

– Если без оружия и с белой тряпкой полезут, то пусть забирают!

– Во как! Так ведь они говорят, что это не их боец! – произнес Сергеич и тут же пожалел о сказанном.

– А когда это вы с ними разговаривали? – Петро прищурился, и взгляд его стал холодным и враждебным.

– Это не я, это Пашка, сосед мой, с Шевченко! Они к нему приходили, вот он и спрашивал.

– Угу, – промычал парень, словно выводы сделал. – Ну если не их и не наш, то, значит, из «третьей силы»!

– А что это за «третья сила»? – заинтересовался пчеловод.

– А кто его знает! У нас говорят, что это кто-то анонимно с нами против них воюет. А у них говорят наоборот – с ними против нас. Может, это какой-то спецназ, что и против них, и против нас. Поэтому у нас радуются, когда они там кого-то завалят, а у них трубят, когда вдруг в нашем тылу в наш же БМП кто-то из гранатомета выстрелит…

– Может, тебе меду с собой? – предложил Сергеич солдату.

– Да я еще не ухожу, – Петро напряженно улыбнулся. – Меда не надо. Разве что тут, к чаю.

– Да-да, конечно! – засуетился Сергеич, наклонился, достал с пола литровую банку.

Опять наступило молчание, но нарушать его Сергеичу больше не хотелось. Правда, минут через несколько он снова переименованием улиц заинтересовался.

– На что переименовывают? – спросил почти шепотом.

– Ну если улица Маркса или Ленина, то на Бандеру или какого-нибудь писателя, – сказал солдат.

– На писателя лучше, – высказал мысль Сергеич. – Мы вот, кстати, сейчас на улице Ленина сидим.

– Когда война кончится – переименуют обязательно, – твердо заявил парень.

– А если я сам захочу новое название выбрать?

– Можно, только надо с остальными жителями улицы вместе решить. А потом в местный совет обратиться.

– Это не скоро, – хмыкнул Сергеич. – Ой не скоро!

– Ну я все-таки пойду, – Петро снял со спинки стула автомат, на плечо повесил. Левой рукой шапку-балаклаву со стола забрал, а правой в карман теплой камуфляжной куртки полез и вытащил оттуда гранату РГД-5. Опустил ее рядом с чашкой.

– Это вам, – сказал, уважительно на хозяина дома глянув. – Неудобно как-то в чужой дом без подарка! С пустыми руками…

– Так а… – впал в недоумение Сергеич. – На что она мне?

– Для самообороны. Не понадобится – после войны в огороде закопаете! Да, если хотите, могу вам мобильник зарядить! У нас генератор мощный, даже стиральную машину тянет!

Сергеич растерялся поначалу, но только на мгновение. Вытащил из ящика серванта мобильник с зарядкой. Протянул Петру.

Поднялся солдат, сунул провод и телефон в карман куртки. Еще стоя, не отходя от стола, меда напоследок из банки зачерпнул ложкой и в рот ее отправил. Облизал жадно.

– Если помощь нужна будет – белую тряпку на ветку дерева в саду привяжите! Чтоб видно было! – сказал хозяину и ушел в темноту.

– Белую тряпку? – повторил шепотом пчеловод.

Запер дверь. Из трех свечей две потушил. Удивился, что настроение странным образом из-за неожиданного общения с военным человеком улучшилось. Словно развлекли его интересной телепередачей!

– Добрый парень, – подумал он, глядя на гранату. – Надо было его больше про новости расспросить.

* * *

Поутру у Сергеича голова гудела знаменито. По гримасе лица можно было подумать, что болят у него все внутренние органы хором, сообща. Он уже и воды холодной из чайника выпил, и ложку

сахара во рту держал, пока тот не растаял. Не помогало. Злой его взгляд то и дело к столу возвращался, где со вчерашней полночи открытая бутылка казенки стояла, и рюмка рядом. Черт его дернул отметить приход незваного военного гостя! С другой стороны, хорошо, что отмечать он стал уже после того, как гость в ночь ушел. Ну не в ночь, так в темень. Ведь если б и гость выпил, то кто его знает – добрался бы он обратно в свой блиндаж или нет? А голова продолжала гудеть так, что застонал Сергеич. Больно ему было и обидно! Сколько он там выпил? От силы рюмок пять, не больше! А значит, не он в своем ужасном самочувствии виноват! Это казенка виновата – паленой оказалась! Он ее еще до войны в сельмаге купил! И что теперь делать? Лекарств нет! Врачей никаких! Только пчелиные! Сельмаг давно закрыт! Даже продавщицу не обматюкаешь за то, что яд продает!

Полез Сергеич в сервант, достал коробку с пчелиными лекарствами. Открыл маленькую баночку с утрамбованной пергой. Отковырял ложечкой перги, бросил в чашку. Добавил воды из чайника и ложку меда из банки. Размешивал, пока жидкость однородной не стала. Выпил медленными глотками.

Показалось, что помогает. То ли шум в голове тише стал, то ли мысли у Сергеича выровнялись, понятнее зазвучали. И первая мысль сразу напугала: «А граната-то где?».

Снова, только теперь не раздраженно, а испуганно посмотрел он на стол. Нет солдатского подарка!

Повыдвигал ящики серванта – и там нет! Стал по комнате нервно топтаться, заглядывать под подушку, в углы. Даже в ведра с углем заглянул! И понял, что ночью во двор выходил!

Обулся. Выглянул на мороз – светло еще было, половина второго. Снег на дворе истоптан. Следы и к сараю-зимовнику пчелиному идут, и к сараю-гаражу, и даже к калитке, что на улицу выводит!

Пока ходил по своим следам, в сараи заглядывал, головная боль улеглась.

«Найдется! Не мог я ее далеко засунуть!» – подумал Сергеич, разрешая себе, таким образом, в дом вернуться.

Но в доме новое беспокойство его охватило. Стоящий на подоконнике бинокль о мертвеце, что на поле лежит, напомнил.

– Надо его убрать! – решил Сергеич и удивительную смелость в своей груди ощутил.

Прихватив из дому бинокль, вышел на край огорода. Окуляры к глазам поднес. Лежит мертвый в той же позе, затылком к Малой Староградовке, к нему, к Сергеичу, повернувшись.

Присел Сергеич за стол. Записку настрочил:

«Пашка! Я к трупу полезу, может, прикопаю чуток. Если убьют, забери меня с поля сразу. Похоронишь возле родителей. И тогда все, что в доме есть, – твое будет! Прощай!»

Минут через десять, пригнувшись, спешил Сергей Сергеич по белому полю вниз. Правая рука, рукавицей утепленная, саперную лопатку держала. Чем ниже он по полю снежному спускался к излому земли, за которым уже другое, но такое же поле, вверх поднималось, тем страшнее ему становилось. Достигнув заснеженного излома – вот куда свежий снег с его огорода скатился, – посмотрел он в небо. Опустилось оно так низко, что его можно было принять за потолок темного школьного спортзала. Темень вечерняя упиралась в белый снег, делая его серым. Серый цвет Сергеич с детства любил. Но сейчас его серый цвет не радовал. Он вдруг подумал о том, что одежда на нем темная, и на снегу – будь сейчас день или утро – он такое же жирное видимое пятно для любого снайпера, как и тот убитый, к которому он ползет.

Дальше Сергеич по-пластунски пополз, только иногда коленями в снежную корку упираясь, чтобы тело уставшее быстрее вперед просунуть.

Возле мертвеца уселся. Отдышался. Обернулся на пересеченное поле. Уходило оно куда-то во мрак. Даже ближних деревьев сада своего рассмотреть пчеловод не смог.

Улегся на бок лицом к затылку убитого, рукавицы снял и ощупал-проверил все карманы мерзлого камуфляжа. Даже во внутренние залез и в карманы штанов тоже. Везде пусто. Ни документов, ни телефона. Ничего. Перегнулся над мертвецом, заметил на белом ухе, что к небу прислушивалось, маленькую золотую сережку. «Модник!» – фыркнул Сергеич, а взгляд его тем временем уже на мертвой руке, что за дуло автомат держала, остановился. Правда, автомат весь, кроме дула, под снежной коркой лежал.

И еще что-то рядом с автоматом, снежную корку вверх в на сантиметров двадцать бугрило.

– Сумка, что ли? – заинтересовался Сергеич, перелез через труп, лопаткой бугор разгреб и бок рюкзака голубого, совсем не военного, увидел. Ухватился за лямку, потянул на себя.

С хрустом, превозмогая напрягшейся рукой сопротивление, вырвал он из снежного плена рюкзак и понял, что весу в нем килограммов пять или шесть! Внутрь заглянул. А там пакеты с конфетами разными. «Красный мак» Сергеич сразу по обертке узнал – такие и у них в сельмаге продавались. Сунул руку вглубь, чтобы до дна рюкзак достать. Конфеты – как лед! А кроме них – ничего!

– Сладкое, что ли, любил? – подумал Сергеич.

Оглянулся на убитого. Представил себе, как он тут шел или полз. Явно к посадке спешил. Значит, с левого боку где-то и рана должна быть. Так ведь и лежит он левым боком вверх?! Присмотрелся Сергеич к убитому, но смертельной раны не обнаружил.

– Значит, в правый пуля попала, – подумал Сергеич и в сторону Малой Староградовки посмотрел, сообразив, откуда стрелять могли.

Натянув рукавицы на замерзшие руки, попробовал копнуть лопаткой снег, а наст крепкий, да и снега под ним почти нет – только земля мерзлая. Понял пчеловод, что ни снегом, ни землей прикопать убитого не получится. Провел он лопаткой, как ножом, по насту. Вырезал квадрат затвердевшей снежной корки. Взял в руки. Тяжелой корка оказалась. Принялся Сергеич куски наста вырезать вокруг убитого и труп ими закрывать, закладывать. Хлипкая поначалу конструкция, с которой то и дело какие-то куски соскальзывали, постепенно становилась прочнее и надежнее.

– Ну, хватит! – остановил себя уставший пчеловод, оглядываясь и оценивая проделанную работу: корки снежной он метров пятнадцати-двадцать срезал. А значит, вся эта тяжесть теперь на покойника давила. Давила, но и защищала его и от постороннего взгляда, и от голодных воронов, которые, должно быть, только из-за холодов еще сюда не добрались и глаза ему не выклевали!

Дополз Сергеич до излома. И тяжесть в ногах ощутил. Промерзли штаны насквозь. Да и ноги от холода немели. Ползти назад тяжелей было, в одной руке лопатка, в другой рюкзак. Одышка мучила, кашель прорывался.

Когда, передохнув в изломе, к огороду своему добрался, левую голень судорога свела. И дальше, по своей собственной земле, полз он к саду и дому, как раненный. Только у калитки, что из двора в сад выводила, поднялся на ноги.

Распахнул не запертую дверь. Он ее не запертой для своего врага-приятеля оставил. Ведь как бы иначе Пашка записку прочитал, если б хозяина дома убили?

Стащил с треском промерзшую куртку. И брюки стащил. Как разделся, стало ему холодно. Засыпал он в буржуйку полведра угля. Туда же записку для Пашки бросил. Оделся в сухое. Два стула спинками к печке поставил. На спинку одного куртку повесил сушиться, на спинку другого – брюки. А ботинки прямо перед дверцей буржуйки.

«Выпить бы сейчас для согреву?» – подумал. Но доставать медовую настойку не захотел, а «казенка» ему уже урок преподнесла. Теперь ее можно было только для натирания пользовать, но никак не внутрь! Разве что если Пашка херню какую сделает, то угостить его в наказание!

* * *

Весь последующий день отлеживался Сергеич, прислушиваясь к себе, как к родному прихворавшему ребеночку. И кашель свой собственный, как чужой, прослушивал, будто разделился он временно надвое: на себя-больного и себя-врачевателя. Так уже не раз бывало. Так вообще с каждым бывает, кто один, сам по себе живет! Он же тогда и поваром, и едоком становится. И уборщиком, и тем, кто чистоте радуется.

Правда, чтобы отлежаться, пришлось ему, изломанному вчерашним ползаньем по морозу под украинские позиции, угля в дом на весь день занести, да и водой из колодца впрок запастись.

Вот и приготовился Сергеич как человек, никогда на постороннюю помощь не рассчитывающий, к отлеживанию основательно и ответственно. Ведь отвечал он за свое здоровье не только перед собой лично, но и перед пчелами! Случись что с ним, погибнут они во всем своем множестве, а становиться, пусть даже и не по собственной воле, губителем сотен тысяч пчелиных душ ему было

никак нельзя. Такой грех, такая тяжесть, настигнут его и после смерти там, где бы вслед за своим последним вдохом ни оказался! Настигнут и все равно покоя не дадут: заставят умереть еще и еще раз, за каждую умершую по его вине пчелу, и неважно: трутень это был или пчеломатка! Все равно! И будет он, уже мертвый, умирать и умирать бесконечно, пока не окажется на такой адской глубине смерти, ниже которой никому опуститься не удавалось!

Лежал он до обеденного времени в тепле и сомнениях. А потом тепло сомнения победило, и уже отходило от вчерашнего мороза тело его, согревалось, набиралось новых сил, восполнявших силы, вчера потраченные.

Иногда окунался он в дрему, иногда проваливался в сон. Просыпался и снова глаза закрывал. В какой-то момент так жарко ему во сне стало, что приснилось, будто они вдвоем с Виталиной под одеялом лежат. И ее горячее тело Сергеича, уже почти проснувшегося, перегревает и на любовь настраивает. И вот во сне настроился он на любовь и даже на бок, лицом к жене повернулся. Обнять ее захотел да прижаться. Руку к ней протянул – и снова проснулся. И тут то ли во сне, то ли на самом деле слезы в его закрытых глазах выступили. Может, от боли воспоминаний, может, от жалости к себе, которая только так во сне и могла проявиться. За пределами сна, в своей явной жизни повода жалеть себя он не видел. Все у него было в порядке и под контролем. Ну если и не все, то почти все!

А в другой раз, уже во время послеобеденное, после того как чаю с медом выпил и снова лег, приснилось ему, что он на ульях спит. На шести своих ульях, в лежанку составленных.

И во время сна показалось ему, что не один на один он со своими пчелами! Показалось, что рядом кто-то еще есть. Он во сне глаза открыл, голову приподнял. А вокруг красота! Деревья зеленые ветвями с солнцем играют, над головой антоновки висят налитые. Глянул в другую сторону, а там на раскладном рыбацком кресле бывший их губернатор сидит и книжку читает. Читает и посмеивается, будто сама книжка его смешит. Заметил губернатор, что пчеловод глаза открыл. Оторвал взгляд от книги. Кивнул приветливо. Понял тогда Сергеич, что гость тоже хочет на пчелах полежать. Поднялся, тонкий матрац поправил. Двух охранников

губернатора чуть в сторонке под сливой заприметил. Стоят себе молча, в спину хозяину смотрят.

– Ой, извините, – заговорил Сергеич во сне важному гостю. – Я и не услышал, как вы подошли!

– Да чего там? – пожал плечами гость, и улыбка тяжелая-тяжелая, почти в килограмм веса, на большом его лице появилась. – Можешь еще полежать, если хочешь!

– Нет, что вы! – засуетился Сергеич. – Я сейчас, в дом за простынкой чистой!

Сонный, слушая в голове еще жужжание пчел, словно на магнитную пленку записанное, в дом сбегал.

Губернатор свои туфли удивительные снял и аккуратно носками острыми перламутровыми возле ступеньки-табуреточки на травке поставил. Уселся осторожно на средний улей. Развернулся, ноги на лежанку забрасывая. На спину улегся. Перед тем как глаза закрыть, усмехнулся, заметив, что пчеловод снова в изумлении на его туфли пялится.

Может, из-за того, что сон этот особенно летним и теплым оказался, задержался в нем Сергеич на дольше, чем в других снах. Даже дольше пробыл Сергеич в этом сне, чем в том, в котором жаркая жена Виталина рядом под одеялом лежала.

А к вечеру, когда голод его с кровати поднял, ощутил Сергеич себя заново собранным и смазанным, как отремонтированный на совесть механизм. И даже вермишель без масла и разнообразия, а только с солью, съел он с аппетитом и почти с удовольствием. Радовался он, конечно, не столько вкусу еды, сколько вернувшейся в тело бодрости, и особенно тому, как легко ему жевалось. Ведь в чем нездоровье прежде всего проявляется? В том, что человеку челюстями работать не хочется! Теперь же, после сна, хотелось Сергеичу всего: и есть, и чай пить, и еще пару ведер угля на ночь со двора принести. Но уголь в ведрах еще не закончился. А слишком много угля в комнате – тоже не очень хорошая штука, ведь каждая вещь со своей пылью приходит! А угольная пыль – одна из самых вредных. Это ж она Сергеича инвалидом сделала. Но это так, по медицинским бумагам и по документам пенсионного фонда. А бумаги медицинские ему докторша из поликлиники шахтоуправления выписала. Он ей трехлитровку меда в подарок

принес. Она улыбнулась тогда, сказала: «Ну и ладно!» – и сделала его хронически больным. А был ли он таким больным? Бог его знает! Да, кашель иногда до слез в глазах его мучил, а иногда исчезал на месяц-другой. Вот и сейчас угольная пыль, поднимавшаяся при пересыпании топлива в буржуйку, Сергеичу не докучала.

* * *

Наутро, после кружки горячего чаю, с Пашкиным биноклем в руках вышел Сергеич бодро на край огорода. Поводил биноклем по зимнему полю. Все бело, только белизна местами разная. Да и полосы продавленные на снежной корке заметил – его собственный след. Но даже по собственному следу не смог он глазами схороненного под снежными корками мертвеца отыскать.

Теперь уже успокоился Сергеич так, как человек, причину для долгого беспокойства потерявший. Ну, наверное, так успокаивается муж, что за смертельно больной женой год или два ухаживал и, наконец, похоронил ее, отмучившуюся и его отмучившую.

На небе тусклое солнце светило, словно сквозь тонкую пленку верхнего мороженого воздуха, сквозь ту полупрозрачную серость, что обычно зимой на небе голубизну от глаз человеческих прячет.

Прошел Сергеич через двор мимо сарая-гаража и пчелиного сарая-зимовника. И мимо дома прошел да через калитку на свою улицу выбрался. На улицу Ленина. Посмотрел в сторону церкви и кладбища. Раньше бы его взгляд в купол церкви уперся. А потом, по мере приближения, поднималась бы церковь перед идущим к ней своими деревянными стенами, в божественный синий цвет окрашенными. Но «раньше» – это не «теперь»!

Зашагал он в к церкви, которой больше не было. Зашагал по уличной грунтовке, что когда-то и камнями укрепили, и угольной осыпью равняли. Не хуже асфальта она летом была. Да и сейчас из-за полного отсутствия дорожного движения не украшала ее привычная зимняя колея из смерзшегося снега. Легко шагалось Сергеичу. Очень легко...

И вот шел Сергеич по улице, собственные шаги слушая, и неожиданно беспокойство ощутил. Остановился, причину беспокойства понять пытаясь. Тишина этим утром совершенно

мирной была. Даже не верилось. И сейчас, когда ноги слушать ее не мешали, убедился еще раз Сергеич, что никаких, даже самых далеких шумов войны в ней нет. Над головой ворона пролетела, и так близко крылья ее хлопнули, что пчеловод голову в плечи на мгновение втянул...

Оглянулся на ходу Сергеич на дом соседки Веры. Окна целы, дверь поперек толстой доской заколочена. На доске, уже потемневшей от смен погоды, еще видна надпись, самой Верой сделанная. Черной краской: «Хозяева живы».

– Дай Бог, дай Бог! – прошептал пчеловод.

Странно, но такая утвердительная надпись на заколоченном доме радовала Сергеича всякий раз, когда его взгляд на ней останавливался. В этот раз даже сильнее обычного она его обрадовала. Вызвала улыбку. Наверное, потому, что сначала он о жене своей, Виталине, думал. А чего ж это ему так легко о жене думается и вспоминается, а вот дочка сама по себе в мысли и воспоминания не приходит? Наверное, потому, что маленькой она была, слишком маленькой, чтобы с отцом сблизиться. Четыре года ей было, когда уехали они, его бросив. Может, и сам он виноват в этом? Может, надо было ему улыбаться чаще и реже при виде нарядов Виталины губы кривить? Может, надо было вообще меньше говорить и больше лыбиться? Пусть даже если б из-за этого он мог ей глупым показаться. Женщины вроде глупых или тех, кто под дурачка катит, больше любят или легче терпят! Хрен его знает, что в семейной жизни главное: любовь или терпение?

Да если б после роддома не взорвался Сергеич, жили бы они, наверное, и сейчас вместе. Втроем. Только где бы они жили? В Виннице у родителей Виталины? Нет, туда бы он не поехал. А здесь бы она не осталась, даже если б и дожили до войны сообща и в согласии. Нет, что сталось, то сталось, и иначе быть не могло.

До взорванной церкви оставалось пройти всего ничего – по четыре двора с каждой стороны улицы: слева тут Крупины, Далидзе, Петренки и Маципуры, а справа – Сергеевы, старик Лефтий, Корзоны и Урцыновы.

Остановился внезапно Сергеич так, словно сама дорога его остановила. Что-то озадачило, отбросило его внимание в едва удаленное его же шагами прошлое. Обернулся. Вернулся метров

на десять назад. И все понял. Перешел он, думая о своем, следы ботинок, которые поперек дороги пунктирную линию провели. Осмотрел их – видно было, что следы эти неоднократно обновлялись в обе стороны. А на дорогу со двора Сергеевых и дальше во двор Крупиных уходили. Отправился Сергеич по следам к Крупиным. Увидел, что дверь с закрывавшими ее двумя досками от рамы оторвана и только прикрыта. Потянул за ручку. Нижняя упавшая доска неприятно для слуха по ледяному бетонному порогу скрипанула. Зашел внутрь – холод покинутого дома дыхнул ему в лицо.

В комнате на столе три литровых банки открытых с замерзшими солениями, и из одной – с баклажанами в томатах – вилка торчит. Под столом две пустых бутылки из-под водки. Водка не привычная, «Немиров» или «Московская», а какая-то «Крутая»! Такую он в жизни не видел. Взял в руки, впялился в этикетку: «Сделано в Ростовской области».

Обе створки шкафа открыты, в серванте ящики выдвинуты.

«Чужой ходил», – понял Сергеич.

Вышел во двор, осмотрелся. Увидел, что следы за дом ведут. Привели они его на самый край огорода. Остановился перед толстым настилом из соломы. Справа по снежной корке гильзы разбросаны. Десятка два.

Вспомнил Сергеич слова солдата о снайпере, который со стороны церкви стреляет.

Постоял над лежбищем снайпера, вздохнул. Плечами пожал из-за того, что никакая понятная мысль из-за увиденного в голову не пришла. Зато пришло ощущение холода.

– Если эти отсюда по «украм» стреляют, то «укры» рано или поздно пушкой ответят! – подумал Сергеич.

И представил себе, как летит со стороны Ждановки снаряд и словно раздумывает: куда упасть? И уже в полете в сторону его, Сергеича, двора поворачивает.

Вздрогнул пчеловод из-за страшной игры собственного воображения.

А что если встретит он сейчас этого снайпера, а тот будет на войну, на свое военное место идти? Что он сделать может? Сказать? Попросить? Приказать? Человеку со снайперской винтовкой что-то говорить-приказывать?

Скривил Сергеич губы. И испугался вдруг, что снайпер этот вот-вот и действительно здесь появится. Нацелит на Сергеича пистолет или автомат, или винтовку свою! А что у Сергеича? Граната подаренная? Так ведь и не знает он, куда ее по пьяни засунул! Ничего у Сергеича нет, нечем ему себя защитить!

Совсем неспокойно на душе у пчеловода стало. Выбежал он со двора Крупиных и обратно домой поспешил.

У переулка Мичурина остановился. Отдышался. И именно тут одиночество свое особенно остро и тягостно ощутил. Потому что выбор дороги появился: или прямо домой, или налево, на Шевченко, к Пашке.

«Нет, – потоптавшись на месте, решил Сергеич. – С пустыми руками нельзя! Занесу-ка я ему бинокль! Мне он уже не нужен!»

Подходя к дому, взгляд на потемневшее небо бросил. А на нем тучи сизые, снегом переполненные. Летят куда-то, неслышимым тут, внизу, ветром подталкиваемые.

* * *

Сначала на стук кулаком по двери никто не ответил. Тогда приложился Сергеич еще три раза, да посильнее.

– Кто там? – раздался, наконец, знакомый хриплый голос.

– Да кто же? – громко, чтобы за дверью слышно было, крикнул пчеловод. – Я это!

– А! Ты это! – ответил Пашка. – Ну подожди минутку!

И пропал, оставив Сергеича на пороге перед закрытой дверью в недоумении.

Когда дверь распахнулась, в лицо Сергеичу тепло домашнее дыхнуло, а в нем – пары алкогольные.

– Ты, Серый, чего это? – спросил Пашка, пропуская в дом незваного гостя.

«Язык-то заплетается!» – подумал пчеловод. А вместо ответа протянул хозяину дома бинокль.

– А-а, спасибо! Чаю, наверное, хочешь? Или, может, кофе?

– А у тебя есть? – Сергеич обернулся, удивленный.

– У меня много чего есть, – похвастался Пашка.

«Ну и дурень, что об этом просто так говоришь!» – подумал Сергеич. А сказал: – Ну давай кофе, давно кофе пил!

Мелкими шагами, как старик, ушел хозяин дома на кухню и дверь за собой закрыл.

Вызвало это у Сергеича подозрения – чего это дверью от гостя отгораживаться? Но тут Сергеич улыбнулся, сопоставив закрытую дверь с хвастовством Пашкиным о том, что у него «много чего есть».

И на окно за столом посмотрел. За тюлью на подоконничке увидел ополовиненную бутылку водки и две пустые рюмки. Нахмурился. К столу присмотрелся – на старой льняной скатерти, которую уже раз десять постирать надо было, крошки хлебные. Накрыл их скопление широкой ладонью, прижал к столешнице, проверяя: свежие или старые. Вроде старые, высохшие. Колются.

– А что, гости к тебе ходят? – спросил Сергеич, когда дверь на кухню отворилась, и вышел из нее хозяин с двумя чашками, над которыми пар поднимался.

– Не! Какие тут гости! – Пашка под дурачка разулыбался, зубы свои неровные показал.

Однако Сергеич его слова мимо ушей пропустил. Перевел взгляд на самодельную печку-голландку под другим окном. Задумался. В печке этой топка была раза в два больше, чем в буржуйке Сергеича. Но служила она только для тепла, еду на этой печке не разогревали и не готовили.

Оглянулся Сергеич на кухонную дверь.

– А где ты чайник кипятишь? – спросил.

– Как где? На кухне! – ответил хозяин, уже усевшись за стол.

Присел и Сергеич напротив Пашки. Придвинул к себе чашку с кофе.

– Так у тебя там, значит, еще одна печка стоит? – спросил, кивнув в сторону кухни, Сергеич.

– А тебе чего? – удивился Пашка. – Ну стоит себе! Тебе мешает?

– Нет, чего она мне мешать будет? – Сергеич пожал плечами. – Я вот все на одной печке делаю: и еду, и тепло в дом! Уголь экономлю.

– Ты на одной, я – на двух! Какая разница? Может, завидуешь? Ты, я вижу, уже на труп свой насмотрелся! – Пашка кивнул на бинокль, который сам же на диван бросил.

– Ага! Я его снегом накрыл.

– Что, ползал туда? – глаза хозяина дома стали на мгновение круглыми, как пятаки.

– Ага. Что ж мне, каждый день ходить да пялиться на него! А так и мне спокойнее, и ему.

– Ну ты даешь! – Пашка мотнул головой. – Я бы ни в жизнь под пули не полез!

Посмотрел Сергеич в глаза Пашке скептически и ничего на это не сказал. Только вдруг голод ощутил в животе. А потому губы надул недовольно.

– Что-то есть захотелось, – сказал.

Пашка молча баночку с медом с кухни принес – ту самую, что ему Сергеич подарил. А еще принес батон белого хлеба, ложки и нож.

На весу нарезал три ломтя от батона, прямо на скатерть опустил.

Намазал Сергеич меда своего на хлеб Пашкин, откусил.

«Интересно, откуда это у него хлеб взялся?» – подумал.

Вернувшись домой, свечу на столе зажег. Сходил во двор за углем. Заглянул на кухню. Потянул на себя дверцу холодильника. Внутри было пусто и темно, а в дверце на дырчатой полочке для яиц лежала высохшая головка чеснока.

Попробовал себя положительными мыслями отвлечь. Заглянул в тумбу кухонную – там в трехлитровых банках, закрытых пластиковыми крышками, хранились и гречка, и вермишель, и пшенка. Черт его знает, насколько всего этого хватит? Да ведь он и ест не так много, так что хватит пока! Сытым он будет. А вот радости эта еда не принесет! Скучная она!

– Яиц бы где взять! – размечтался Сергеич.

И стало ему тоскливо до внутреннего холода. Понял он, что уже несколько месяцев яиц куриных не ел.

Вспомнил, сколько раньше живности в их селе было. Да и сам он кур держал. А у соседей кроме кур и гусей две козы и корова в хозяйстве имелись! И когда соседи ближние уезжали, куры еще оставались. Он тогда по просьбе соседей кормил их и яйца себе забирал. Корм они тоже ему оставили – два мешка! А потом сосед вернулся – затишье было, не стреляли. Вернулся на «Ниве» с прицепом и с клетками. Посадил кур в клетки и увез. Даже не зашел! Корма с треть мешка осталось. А кормить больше некого.

«Вот бы сейчас глазунью, – подумал Сергеич. – Или три яйца вкрутую…»

Подсыпал угля в буржуйку, чайник сверху поставил.

«Откуда ж это он батон взял? – подумал о Пашке. – А может, у него там кто-то прятался, на кухне? Тот, кто ему батон принес?»

Вспомнил он, как Пашка не сразу его в дом пустил.

«Точно, прятал кого-то! – решил Сергеич. – Того, кто ему и батон, и кофе, и «много чего» принес! Интересно, за какие такие заслуги?»

Было б в селе электричество, жил бы он сейчас легче и бездумнее, без ненужных переживаний и подозрений! Смотрел бы до сна телевизор. В холодильнике бы кастрюлю с вермишелью готовой держал. А когда бы проголодался, бросал бы вермишель на сковородку и разбивал бы в нее два яйца!

– Тьфу ты! – выдохнул раздраженно Сергеич. – Дались мне эти яйца!

Но не думать о них у него не получалось. Яйца продолжали его преследовать, как нечто бесценное и одновременно достижимое!

«А чего? – подумал он. – До Светлого три кэмэ, сейчас уже темно, но еще не вечер! Там людей много! И бабка Настасья, которую он знает, и у которой кур и живности полный двор! А почему не взять с собой литр меда и не поменять на яйца? Сколько той дороги, тем более что дорога до Светлого ровная и прямая, с украинских позиций не видная, и от Каруселино за гребнем невысокого холма спрятанная.

Загорелся Сергеич идеей похода в соседнее село, где он с прошлой осени не бывал.

Собрался, обулся-оделся. В сумке – две литровки меда. На руках – рукавицы. Впереди – дорога темная.

* * *

Страх – штука невидимая, тонкая и разная. Как вирус или бактерия. Его можно и с воздухом вдохнуть, и с водой или водкой случайно выпить, и через уши, через слух заполучить, и уж точно глазами увидеть можно так ярко, что в глазах его отражение останется даже тогда, когда сам страх уже исчезнет.

Мысли о страхе сами возникли у Сергеича, когда он уже с полкилометра по не тронутой в последние месяцы ни ногами, ни колесами дороге прошел. Она, дорога, лежала ровненькая, как под гигантскую линейку Богом проведенная. Слева посадка – голые клена, липы и абрикосовые деревья вперемешку. Перед ней поле, за ней еще одна грунтовка для сельхозтехники, а дальше снова поле, только уже вверх поднимающееся, туда, к Ждановке. Справа небольшой подъем и по гребню возвышенности – ближний горизонт, до которого рукой подать. Дальше, за горизонтом, поля на километров пять тянутся аж до хутора Заячий. Хутор этот уже в «дэнээрии», только вроде как пустой он стоит. Домов там пять или шесть, не больше. Может, поэтому Светлое и живет себе почти так же, как до войны. Ни сепаратистов поблизости нет, ни армии украинской. Поэтому почти никто и не уехал. Ушло несколько мужиков к донецкой братве, чтобы против Украины воевать. А двое – участковый и директор школы – наоборот, в украинскую армию записались. Испугались, наверное, что вырежут их ночью за то, что местной властью считались. Теперь там никакой власти нет, но и тихо! Хотя там и раньше тихо было, так что власть тут ни при чем. Ее что есть, что нет, все одно! Просто народ мирный и на себе и своем хозяйстве, а не на политике сосредоточенный.

Откуда-то издалека, с той стороны, куда он шел, только еще дальше, бахи артиллерии донеслись. Но такие далекие, что Сергеич даже шаг не замедлил. Он и так не очень-то быстро шел. Под ноги смотрел – глаза к этой серости привыкшие у него. Черное плюс белое дают серое. Вот так и темень да снег сочетаются, и дорогу зимнюю вечернюю видимой делают.

Дорога как раз в этом месте чуток вверх поднималась. Села отсюда не видно. Это когда минут пятнадцать пешего ходу останется, тогда и Светлое впереди вынырнет. Впереди и чуть внизу.

И вдруг пропала из-под глаз его дорога. Под ногами осталась, а из-под глаз пропала. Остановился Сергеич, не понимая: что случилось?

Опустился на корточки, потрогал дорогу руками. Понял, что она белой быть перестала. Легла ладонь на край воронки от взрыва, широкой воронки, шире самой дороги.

Поднялся пчеловод на ноги. Стал воронку обходить, да вдруг споткнулся и едва не упал. Оглянулся. Опять на корточки присел.

Увидел мину не взорвавшуюся. Рука сама к ней потянулась, и, еще даже не прикоснувшись, ощутил Сергеич сильное излучение холода от лежащего на краю воронки взрывоопасного предмета. И отдернул руку, спрятал ее в карман, туда, где теплее было.

«Может, лучше назад?» – подумал, но ноги уже снова вперед шли. Только теперь внимательнее он на дорогу смотрел. Снова видимой дорога стала. Снежная корка жалостно поскрипывала под подошвами ботинок.

Впереди огоньки села показались.

– Ты посмотри! Ток у них есть! – обрадовался Сергеич. Обрадовался и позавидовал.

Выйдя с дороги на сельскую улицу, с облегчением вздохнул. Теперь только на другой конец села пройти осталось, там баба Настя живет!

Пока шел, лай собак слушал и радовался. У них в Малой Старградовке ни одной живой души не осталось, кроме их двоих с Пашкой. И собак нет, и коты пропали. Мыши да крысы наверняка где-то есть, прячутся, но они ведь сами по себе, как природа. Они что с человеком, что без человека – все равно выживут. Собакам или котам без человека трудно. А козам, свиньям и курам вообще невозможно!

Остановился Сергеич на пороге перед дверью. Постучал три раза.

– Сейчас, Сейчас! – услышал знакомый голос.

– Ой, Сереженька! – воскликнула старушка, открыв двери. – Живой!!! Ну заходи, заходи быстрей!

Баба Настя с прошлого года, с осени, не изменилась. Лицо круглое, маленькое. Ростом метр шестьдесят, не больше. Одета так, что не поймешь: мужик или баба. Снизу штаны теплые, сверху короткий сарафан зеленый, а поверх него синяя кофта на больших пуговицах.

Разулся Сергеич. Прошли в комнату.

– Я тебе меду принес, – выложил на трюмо зеркальное Сергеич из сумки две литровых банки. – А у тебя хотел яйцами разжиться. У нас там голодно, в селе…

– Ты посиди пока, отдохни, а я поесть разогрею!

Опустился Сергеич в кресло с лакированными деревянными подлокотниками. Прямо в куртке, посчитав, что рано еще раз-

деваться. Уселся и от внезапно нахлынувшей на него, словно нагнавшей его в дороге усталости, задремал.

И уже в дреме своей почувствовал, как согревается, как оттаивает от мороза кожа щек, как кончики пальцев, словно от укусов пчелиных ноют, а все потому, что осмелевшая от тепла кровь ринулась с новой силой по сосудам и венам, восстанавливая нарушенное холодом отопление тела.

Только-только дрема в сон дрожащий, легкий перешла, услышал он во сне голос Виталины. «Иди обедать!» – звала она его из кухни. В кухне уютнее, особенно весной или летом. Окно из кухни в сад смотрит, а не на бурую, покрытую угольными пятнами землю двора.

Зашел он во сне в кухню – ну точно так, как входил не раз по ее зову, когда жили они вместе. В воздухе аромат борща, сильный и сочный.

«Ну, оцени!» – предложила Виталина, кивая на столик, где миска борща красного стояла, а на его поверхности – как он несколько раз требовал, просил, но не получал, а тут получил! – плавали несколько пельмешков. Сваренные, потом обжаренные на сковороде в подсолнечном масле до корочки хрустящей, а потом в борщ кинутые.

Сел он во сне за стол так же легко и самодовольно, как в жизни садился. Посмотрел одобрительно на беременный живот Виталины. Месяца еще полтора оставалось до рождения дочери. Вернул взгляд на пельмешки. Съел их один за другим. Потом уже за сам борщ принялся.

«Так ты подумала? Согласна?» – спросил он с набитым ртом.

«Нет, не согласна! Пусть будет Анжелика! – твердо заявила она. – Мне твои Светы и Маши не нравятся! Скучные имена, как у кондукторов в трамвае!»

«У нас нет ни трамваев, ни кондукторов! – начал сердиться во сне Сергеич так, как раньше наяву сердился. – Может, у вас там в Виннице такие имена простушкам дают, а у нас тут по-другому принято. А назовешь Анжеликой – засмеют, задразнят!»

«Задразнят, тогда уедем отсюда!» – отрезала Виталина и унесла свой живот в комнату, где диван и кровать, и стол большой.

Доедал он борщ без энтузиазма.

«Ничего, – думал, – без меня они ее не зарегистрируют!»

И вдруг, когда во сне борщ в тарелке кончился, снова яркий аромат борща рядом с его носом зазвучал. Открыл глаза, увидел, как баба Настасья кастрюлю мимо него к столу пронесла.

– Ты садись уже! Налила я тебе! – голос ее старческий, но сладкий, прозвучал.

Стряхнул Сергеич с себя сон, на ноги встал. Куртку сбросил и на кресле оставил. За стол уселся. Борща густого миска перед ним. Только пельмешков нет. Но ведь он и не ждал их. Это так, прихоть у него была, в которой он хотел прошлое с настоящим соединить. С детства он пельмени очень любил, а борщ полюбил после свадьбы. А теперь уже все в прошлом лежало, в памяти да в фотографиях. Память – она дряхлеет, а вот фотографии остаются. И лежат себе в выпускном, дембельском, свадебном альбомах. Лежат себе в шкафу и каши не просят.

Жадный взгляд его от борща вверх поднялся, на потолок. На лампочку. Облизнулся Сергеич. Старушка подумала, что на борщ, а самому гостю не сразу и понятно стало: на что это он облизнулся? Захватил ложку борща. Борщ горячий. В глазах слезы выступили.

– Ты чего? – испугалась баба Настя. – Может, с женой твоей что?

– Нет, – Сергеич головой мотнул. Тыльной стороной ладони слезы утер и вторую ложку борща в рот отправил.

– Хорошо вы живете! – выдавил из себя. – А у нас уже три года света нет.

– Что, так и не починили? – всплеснула маленькими ладошками старушка.

– Не починили, – подтвердил Сергеич и вздохнул. – Сказали, что оно того не стоит! Двое нас там осталось. Да и еще на разных улицах живем. Вот если б хотя бы с десяток людей вернулся!

– Но у вас больно близко к пушкам! У нас-то что до русских километров восемь, что до украинцев километров пять. Мы почти посередке. Вон там дальше, возле Гнутовки, где земля наша серая снова сходится, там всего ничего от одних до других. Там что ни день, то бах да бах.

– Да не так у нас и близко к пушкам! – не согласился Сергеич. – За три года только в церковь и попали. Ну еще в пару хозяйств, в контору колхозную. А дома почти все целые стоят. Баптисты иногда приезжают, помощь возят! Жаль, что нельзя через них

пенсию получать! Так и сижу без денег… Хотя что с ними делать, если привезут? Хрен его знает! А у вас как с пенсией?

– Хорошо у нас, – закивала баба Настя. – Степа, сын почтальонши, ну знаешь, у которого одна нога короче, у них кум в Торецке. Он у нас карточки с этими «пенькодами» собирает, куму передает, а тот денежку у себя в Торецке из банкоматов снимает, а потом каждый в заклеенном конверте пенсию вместе с карточкой назад получает. Ну, конечно, не всю, это ж труд, надо оплачивать.

– А что, с моей он тоже может снять? – оживился Сергеич.

– А ты переоформляться ездил?

– Куда?

– Ну в Украину? Чтоб отметили, что ты в серой зоне остался?

– Нет.

– Сначала переоформиться надо. Без этого не дадут.

Сергеич вздохнул тяжело. Помолчал.

– Ну она ж не пропадет, – сказал негромко, сам себя успокаивая.

Поднял взгляд на хозяйку. Про цель своего прихода вспомнил.

– Ты бы мне яиц… – начал было просьбу высказывать Сергеич, но стук в двери оборвал его.

Оба они на стук оглянулись. Пошла старушка открывать.

– Ты спроси, кто это! – крикнул ей в спину гость.

Но она просто отомкнула двери и тут же в теплый воздух дома детские голоса ворвались.

– Бабушка Настя, это не Дед Мороз к тебе по ошибке зашел? – прозвенел голосок мальчишки лет четырех-пяти.

– Нет, что вы! Какой Дед Мороз! – удивилась хозяйка дома. – Середка февраля на дворе!

– Так он же в Новый год не пришел! А обещал! – сказала девочка.

– Ну какой тут Дед Мороз?! – отмахнулась баба Настя. – Да сами посмотрите!

В комнату вместе с бабой Настей зашли двое мальчишек и девчонка, дошкольники.

– Вот, видите! – показала она на Сергеича.

– Ага, – сказал один мальчик. – Не он! Тот моложе был!

– Дед Мороз и меня моложе? – усмехнулся Сергеич и решил подшутить, посмеяться с ребятней. – Где же вы молодого Деда Мороза видели?

– В декабре он был, – ответила за всех девчонка в розовой куртке размера на два больше, чем надо. – Он нам игрушки привозил и обещал на Новый год конфет!

– Да, молодой был! – поддержал темноглазый мальчик в черном пальто и лыжной шапочке. – У него еще автомат был и сережка в ухе!

– Автомат у Деда Мороза? – разулыбался Сергеич. – Может, он еще и в военной форме приходил?

– Да, в форме! – девочка кивнула. – Во время войны все в военной форме и с автоматом ходят. Он сказал, что у него своих детей двое, но он нам все равно много конфет принесет. От себя и от них в подарок!

Замолчал Сергеич. Как-то не по себе ему стало. Вспомнил он рюкзак с конфетами, который домой с поля притащил. Вспомнил убитого и золотую сережку в его ухе.

– Ну, может, принесет еще, – посмотрел на деток по-другому, как-то ласковее. – Может, через блокпост не пропустили! Мало ли?

Дети, погрустнев, выпятились в коридор. Ушли.

– Я тебе яиц дам! – сказала хозяйка, жалостливо глянув на гостя. – Может, еще чего?

– А что у тебя есть?

– Тушенку волонтеры привозили свиную. Могу пару баночек… Огурцы свои есть соленые. Только ж тебе нести тяжело будет!

– Донесу! – заверил ее Сергеич. – Тропинку я уже протоптал. Назад идти будет легче! Домой все-таки!

Киев

Елена Ханенкова

Контрапункт памяти

Иду и думаю: когда же я перестану тасовать цитаты, изъясняться фразами из кинофильмов и начну записывать собственные мысли? Отчего же они мне кажутся никчемными и недостойными чьего-либо внимания? Наверно, оттого, что так оно и есть. И мне бесконечно неудобно отнимать время у других людей. Но здесь я ни у кого ничего не отнимаю. Не далее как вчера мы решили с подругой заняться мини групповой психотерапией и записывать только то, что льется из головы само, как ручей, – без усилий и самоцензуры. И да будет так, пока мы живы.

Живы? Это понятие довольно относительно. Та жизнь, к которой мы привыкли, изменилась до неузнаваемости. Все течет, все меняется – да, конечно. Но тогда лучше не иметь никакой памяти, а мы ее, к сожалению, имеем. И чтобы не сойти с ума, надо описывать мир за окном, мир внутри, мир, который раньше был совершенно другим.

Он впервые показался мне морозным и свежим ранним зимним (или весенним) утром 1988 года. Примерно с той поры я себя помню достаточно неплохо. Натягивать комбинезон с помощью бабушки было довольно унизительным занятием – будто тебя засовывают в полиэтиленовый пакет. Ежедневный неприятный ритуал, но зато потом перед тобой весь мир. Моряки-курсанты, марширующие за окном: если повезет, можно успеть их догнать и промаршировать хоть полминуты за ними – с высоко поднятой головой и ровной спиной, и делать вид, что не слышишь, как бабушка зовет тебя позади. «Трубы так громко дудят, бабушка». Но настойчивый зов и уверенная походка бабушки не оставляла вариантов.

Бабушка была особенной, я не представляю себе, чего она могла испугаться в жизни. Потом, летом 1990 или 1991-го года, рассказывая, как они отцепили вагон, как бежали из плена, а потом от Красной армии, а потом добирались в Одессу уже после войны, я пойму, что я внучка настоящей героини – со стальным стержнем, сломанной жизнью и стойкими убеждениями. Но это будет позже, а пока она моя бабушка: самая строгая и самая умная, она ненавидит сплетниц и никогда не сидит вместе с остальными бабушками на лавочке. Она читает газеты и журналы. Берет их сразу несколько на прогулку. Мы выписываем очень много всего: для меня «Колобок», «Мурзилка», «Веселые картинки»; маме – журнал для врачей «Здоровье»; бабушке «Работница», «Наука и жизнь», и бессчетное количество разнообразных политических газет. Мой шкаф забит тонкими книгами-одной-сказки, типографическая краска пахнет детством и беззаботностью.

Потом будет лето, много света и зелени, и я буду бежать по аллее к порту – туда, где гудят огромные краны, а у меня в косах банты, которые меня бесят. 1 Мая, демонстрация (хоть не ходи на нее, раз опять заставляют носить эти банты), но мы уже надули шары. Они красивые: красные, зеленые, синие. Шары продаются в квартале от нас – в киоске, там, где ходит трамвай, пересекая улицу Энгельса. А мы живем на Ярославского во втором номере – в самом лучшем доме на свете, в самом лучшем городе на свете. У меня самая лучшая мама и строгая бабушка, которая готовит вкуснее всех знакомых мне бабушек. А я вырасту и обязательно постараюсь понять, почему они бывают так печальны, после того как читают газеты.

Я горжусь мамой: она лечит людей – это самое благородное дело из всех возможных дел, и нет ничего значимее этого. К маминому кабинету очередь занимают с восьми утра. Мама работает с девяти. Огромные толпы больных всегда, особенно летом. Санаторий «Куяльник» всегда полон отдыхающих, особенно летом, и всем надо назначить лечение, осмотреть, отправить на обследование. Процедуру приема больного я досконально изучила уже годам к пяти: опросить, померить давление, проверить коленные и локтевые рефлексы, лицевые нервы – «вытяните руки, закройте глаза, указательным пальцем дотроньтесь до кончика

носа», направить на ЭКГ и т. п. Я сидела на приеме и смотрела на людей. Много, очень много людей. Мне не нравились их висящие животы, большие груди женщин; волосатые спины мужчин вызывали омерзение. Мама была существом высшего порядка, чистым божеством в белом халате, от которого всегда пахло чистотой и мамой. Красивая, с точеной фигурой, которая так никогда и не изменилась; самая умная женщина на свете с зелеными глазами, густыми каштановыми волосами, белой кожей и летними веснушками на щеках… правильные черты лица. Я и сейчас считаю, что красивее ее лица ничего быть не может. Хлопчатобумажный халат выглажен идеально, под ним летнее платье в мелкую бледно-зеленую клетку. И много солнца в окне кабинета. Когда лучи падали на чуб, волосы отдавали рыжиной – медным оттенком каштана. Волосы мама не красила, и вообще почти не красилась. Когда мама улыбалась или смеялась, сжав тонкие губы, я не могла оторвать от нее глаз. Больные приезжали к ней от Владивостока до Калининграда и много рассказывали всего интересного. Я молчала и слушала. Они привозили красную копченую рыбу, которая потом висела на кухне, привлекая всех дворовых котов. А домашний бар был забит импортным спиртным.

На кухне у нас было узко, но всегда кипела работа. Бабушка лепила ленивые вареники – доверила как-то месить мне тесто, но я, кажется, засмотрелась в окно – и тесто было тут же отобрано. «Ты несерьезная и невнимательная», – гласил вердикт. Больше мне ничего серьезного не поручали. Как-то после работы пришла мама, но, не зайдя в «большую комнату» юркнула сразу в «маленькую», которая служила кладовой. Открыв дверь, я обнаружила, что мама плачет. Об этом я сразу сообщила бабушке. Божества не должны плакать.

К нам приходила тетя – от нее пахло сигаретами и еще чем-то таким взрослым, я не хотела ее целовать – никогда. И видеть – никогда. Она была плохим человеком – я чувствовала это интуитивно, и ее дети тоже – мои кузены. С ними нужно было общаться. Зачем? Они мерзкие и все время о чем-то шептались при мне. Сестра старше на восемь, брат – на семь лет. Тетя жила где-то на Слободке. После бабушкиной смерти в 91-м каждую субботу мы ездили к ним на пятнадцатом трамвае. Зачем? Возили какой-то

сахар, ей что, тяжело самой приехать в город за сахаром? Дома у них пахло сигаретами и жиром, грязью и подсолнечным маслом. Мама жарила мне только яичницу и только на сливочном, остальное варила, и мы все тщательно мыли, а стол раз в неделю протирался спиртом. Здесь же, похоже, не мыли ничего. Тетин муж был противнее всех: в золотых перстнях и цепочках. Тетя ему изменяла. Когда меня оставляли у них, я просыпалась раньше всех и хотела бежать куда глаза глядят и никогда больше не возвращаться. Двоюродная сестра была очень красивая, как Уитни Хьюстон, темная – цыганская кровь по отцу, грудь третьего размера, талия, и глаза – с поволокой. С мамой они общались о чем-то женском. Мне это не нравилось, я ревновала. Я знала, что такой женщиной, как сестра, мне не быть никогда. За ней бегала вся Слободка. А брат был худой и длинный и постоянно что-то паял или проявлял фотопленку, или записывал кассеты с новой музыкой. У дяди были импортные пластинки «Rolling Stones» и «Boney M» и вечная сигарета во рту.

Летом мы ездили на причал под Ильичевском – причал Бугово. Деревянный домик, свежий воздух, журналы, книги, железный шезлонг и раскладушка. Мокрая панамка с корабликами накрывает мне глаза, и я тону – мне четыре года или пять лет, – и я тону, глотаю воду. Потом кто-то больно впивается в руку и вытягивает из воды. Мама, злая, кричит, начинается дождь, поднялись волны. «Я не виновата, мама, не кричи».

Я никогда не кричу. Мне удивительно, когда люди орут, я не могу к этому привыкнуть. Лет в пять на меня впервые поднял руку мальчик в парке, ну как руку… лопатку. Я не нашла ничего лучше, чем заплакать. Я не понимала и не догадывалась, зачем может одно живое существо захотеть причинить боль другому живому существу. Плакала я скорее от обиды, оттого, что такое может быть. А потом я увидела, как мальчик возле обсерватории бьет дерево. Я всегда плачу скорее от бессилия перед жестокостью жизни. Много лет спустя психологи мне советовали пережить вновь этот эпизод и прокричать «не надо!» или что-то такое. Я не уверена, что это чем-то поможет.

Кроме первомайских демонстраций ярким событием в парке были цветочные выставки: чернобривцы, «хлопающие буль-

башки», красные цветы на газонах и еще какие-то – фиолетовые. Концерты в «Зеленом»: бесконечные Аланы Чумаки и похожие на него шарлатаны, концерт Пугачевой, столпотворения. И все это во времена, когда степенные граждане еще ходили на степенную службу с чешскими чемоданами в руках, носили рубашки-безрукавки, а осенью пиджаки, бегали за троллейбусами – чтобы не опоздать к 9:00. И казалось, так будет всегда. Но сначала не стало бабушки – мир сдавил меня своими тисками, затем прижал к земле и больно ударил по голове в первый раз, но далеко не в последний. Кладбище было далеко – за Таирова. Но сначала долго плакала мама. И стояла на полу на коленях, и просила у Бога прощения – в распахнутое окно на первом этаже. О существовании Бога я до этого не догадывалась. За мамой с той поры я решила приглядывать. Ее мало что стало веселить, визиты к тете стали частыми. А еще мое пребывание на работе стало обязательным – почти каждую субботу мы дежурили на «Куяльнике», а днями я сидела дома под замком одна и читала. Вечером ключ поворачивался в скважине трижды – два раза нижний замок и один раз верхний, потом я могла выйти во двор погулять с мальчиками. С моими друзьями. Девочек во дворе, кроме меня, не было ни одной – никогда. Даже летом, даже на выходные ни к кому не приезжали. С семи лет я не носила платьев – в них неудобно было лазить по крышам и деревьям, с 92-го по 97 год колени у меня не заживали и были вечнозелеными, как ели в парке, а когда появились скейт и ролики, еще и локти. Мальчиков было трое: два Димы и Саша. Саша заикался. Один из Дим был не похож на остальных, он был евреем, а его бабушка тетя Фаня красила волосы в фиолетовый цвет и изъяснялась как-то совсем по-другому: «Так говорила старая Одесса», – объяснила мама.

– Дайте вашу кошку, у нас завелась мышь, – просила тетя Фаня.

– Но наша кошка не ловит мышей.

– А зачем вы ее держите?

– Для ласки.

– Ой, кому она нужна со своей лаской.

У второго Димы мама была завучем, а папы, как и у меня, не было. У Саши родители были разведены. И полный еврейский мальчик Дима во время раздоров периодически кричал нам

с балкона: «Безотцовщины!» – а мы кидались в него песком. Мы могли крикнуть «жид» или что-то типа того, но были выше этого. Каждый из нас был личностью самодостаточной и гордой, девчонок мы презирали и считали их существами с другой планеты. В семь лет меня отдали в английскую спецшколу номер 121. Если бы только английскую… С первого класса мы учили еще и польский, и французский. От польского удалось затем, слава Богу, отказаться. В классе были одни девочки, и это был ад.

Я не плакала на бабушкиных похоронах, смотрела, как плачут другие. В первый и в последний раз я видела, как плачет брат. Сразу стало пусто, и я очень переживала за маму. Она очень изменилась, понурилась, стала угрюма и молчалива, стала срываться на злой крик, чего раньше не случалось никогда. В 91-м году жизнь вообще стала портиться, в 92-м маме стали задерживать зарплату, а в 93-м мы уже почти голодали. Мама пекла хлеб, у нас была гречка, потом я ее не могла терпеть лет десять. О том, кто мой отец, я решила не спрашивать уже никогда и сдержала данное себе слово.

Бабушка уже рассказывала про то, что жизнь может быть невыносимой, о том, как в 1933-м их раскулачивали, как они бежали на Донбасс, потом оказались на Западной Украине – ее брат был военным инженером и строил укрепления на границе. Потом она попала в плен. Почему не попал в плен брат, я не понимаю. Всю войну проработала в Германии, потом бежала от наших – ведь освобожденных пленных составами везли в Сибирь. Каким-то образом добралась в Одессу и осталась здесь жить – опять же с братом, который к тому времени уже женился на ленинградке – доценте. Недавно я узнала, что настоящее имя бабушки – Варвара, Варя, а не Валя. Я не знаю, знала ли об этом мама. Вполне вероятно, что так и не узнала.

Бабушка не переносила немецкую речь. Мне разрешено было интересоваться любыми языками, кроме немецкого. А в 93-м я уже начала активно интересоваться политикой – особенно после октябрьского путча Ельцина. В восемь лет вела первые политдневники: «Сегодня танки вышли к Белому дому». В школе у меня все-таки появилась подруга – такая же гордячка, держащаяся особняком девочка, которая не особо любила людей. Ее звали

Лена Тихонская. Она играла на пианино и пела в хоре. Хор часто гастролировал, и я ждала ее неделями. Лет в восемь-девять мою единственную подругу благословил Иоанн Павел Второй. Лена вцепилась маме в руку и запретила показывать это фото директору. «Это нескромно!» – кричала Лена. Но ее мама была иного мнения: «Пусть знают», – отрезала она. И с тех пор фотография Лены с Папой Римским красовалась в кабинете директора.

Лена учила меня играть на пианино, мы делали уроки, и у нее дома всегда была вкусная импортная еда. Квартира была огромной, родители недавно развелись – старшая сестра решила жить с папой, а Лену никто не спрашивал. В 1999 году мама увезла Лену в Англию. Я долго пыталась ее найти, но не могу… Видимо, мама до сих пор многое решает за нее, а может, и нет. Мне иногда снится, что вот Лена вернулась, но я не могу ее узнать, и что лицо ее очень изменилось. Как-то Лена вылила на голову другой девочке ведро грязной воды – та что-то съязвила. Девочка была противная, я смеялась и заступилась за Лену перед учительницей. Нас наказали. Класса с седьмогого я стала хорошо учиться, а Лене все было неинтересно.

Я не особо стремлюсь привязываться к людям. Очень больно потом их терять. Как-то в восьмом классе мы в шутку сели играть с Леной в «Что? Где? Когда?» и выиграли у всего класса – вдвоем; придумывала ответы в основном я, если честно. Но я не люблю солировать публично и всегда стеснялась выступать на публике. А Лена не боялась людей, она их не особо уважала. С тех пор я играю в «ЧГК» (двадцать лет), не люблю что-то менять и покидать насиженные места. Нам было по четырнадцать, когда она уехала.

С высоты тридцати трех лет мой потерянный рай видится сквозь морозное окно памяти, за которым жизнь, за которым тепло и светло, и свято, как в детстве. Это мое самое большое богатство, самая драгоценная кладь, которую я беру с собой повсюду, которой не стыжусь, и которую буду оберегать всегда, что бы со мной ни случилось. И чем больше расширяется моя вселенная, тем ценней мой клад, моя тайна, мое святое детство.

Алексей Овчинников

Рассказы на этикетках

Токай самородный

Токай самородный – вино из неотсортированного винограда, сухое и сладкое. Ягоды собирают в октябре-ноябре и даже после первых заморозков. Предварительно виноградным гроздьям перекрывается доступ влаги, отчего грозди засахариваются и подсыхают.

– У тебя пряжка на ремне есть?

– Есть. Маленькая.

– На, попробуй ты… Может, этим – шпыньком удастся…

Бутылка оказалась у Лехи… Он в районе собственной ширинки целился и проталкивал. Изрядно вспотел. Особенно шея. На шее у него был повязан шейный платок. Ну как шейный платок – не совсем. Это был цветастый шарф производства стран «народной демократии». Но выглядел, точно как шейный платок Вознесенского.

Он бурчал под нос: «Блин, ведь недавно его пили, ведь знали же, что горло сужается…».

– Не, не получается, – прошипел Леха и передал бутылку обратно Димке. Тот поправил свою красную, в горох, бабочку, и вытащил из пиджака ручку «Паркер».

Зал филармонии бурно захлопал, захлопали и они. Ну как – бурно? Настолько, как может хлопать треть зала. Они сидели в последнем полупустом ряду, чтоб не мешать другим меломанам. Димка безуспешно тыкал «Паркером» пробку.

– Сильнее стукни!

– Сильнее – ручка сломается. Она с золотым пером!

Пробка прочно застряла ровно посередине горлышка. Такие венгры делали бутылки… Оригиналы, блин…

Винить было некого. Хотя первым предложил купить токай Саня, но он встретил бурное одобрение остальных. Никакой другой напиток не мог лучше подойти к концерту старинной музыки в филармонии. Не шмурдяк же пить…

«Хорошо, что в филармонии плохая акустика, – подумал Леха, – а то мы бы музыкантом мешали…»

С начала концерта были перепробованы все предметы из карманов, которыми можно было легко протолкнуть пробку в бутылку любого другого вина. Три набора ключей, китайские ножнички для стрижки ногтей и наборной мундштук, через который Саня с большими понтами курил дешевые сигареты без фильтра… Еще он, тоже для понта, нацепил на себя какую-то средневековую рубашку в «брабантских кружевах». «У мамаши из костюмерной стащил, – подумал Леха. – Наверняка эти брабантские кружева в «Трех мушкетерах» снимались…»

Но сейчас было не до понтов – концерт неуклонно двигался к антракту, а наслаждения от старинной музыки не было никакого…

– Без штопора – не получится…

Все трое разочаровано смотрели на недоступную стеклотару.

– Идите в буфет – там штопор точно есть! – это громко зашептал обернувшийся к пацанам седовласый и красноносый меломан, сидевший на пару рядов ближе к сцене.

Две пожилые филармонические дамы в шляпках, сидевшие в их ряду поодаль, согласно закивали:

– А пока – давайте послушаем, мальчики…

Не сдававшаяся бутылка токая была водворена под ноги. Оказывается, их ползала слышало! Удовольствие от мадригала XIV века было, но не слишком ли клавесин затянул свое соло?..

В буфете была очередь, но пацанов пропустили. За три стакана «Буратино» буфетчица сама открыла токайское…

Филармония как-то сама собой облагораживает самые разные личности…

Карабахская водка

Водка «*Русская*» готовится по специальной технологии исключительно из пшеничного сырья с использованием шестикратной дистилляции. Использование воды из артезианской скважины и натурального сахара придают «Русской» исключительную мягкость, а настой пшеничных сухариков добавляет пикантности. Награды: 1967 г. – Лейпциг, большая золотая медаль; 1977 г. – Пловдив, большая золотая медаль.

– Скотство! Даже на «карабахскую» не хватает…

Вся-вся наличность лежала на столе. Жалкое зрелище.

– Я «карабахскую» не буду, – сказал Саня и протянул руку к кучке наличности. Но Вольф решительно встал между деньгами и рукой.

– Так мы что, манифест дописывать не будем?

Саня дрогнул, засомневался…

– Может, у Зайцева закуска есть?

Вольф и Зайцев были соседями по блоку общаги. Не блок, а сплошное «Ну, погоди!». Зайцев, конечно, выпить тоже хотел, но он всегда крепился, не скидывался на выпивку и изображал из себя «сыроеда». Хрустел потихоньку своей морковкой и капусткой за стенкой. Обычно его хватало на неделю постничества. Во время своего прошлого срыва он неосторожно отдал Вольфу гитару, и ее опять сломали. В смысле – опять сломали гитару Зайцева. По Саниным подсчетам, это была уже третья. Причем всегда случайно. Карма у Зайцева такая – отдавать Вольфу гитары на слом…

Карма – не карма, а клянчить у Зайцева было стыдно, ведь ему каждый раз обещали: «Да купим мы тебе новую!». Ага, купим… Тут даже на «карабахскую» не хватает.

– У меня немного плова осталось, – расщедрился Вольф.

Всем было известно, что он готовит очень вкусный плов. При этом всякий раз умудряется забрызгать жиром половину своей комнаты. Так что меблировка была отмечена его готовкой: и книжные полки, и хирургический стол, на котором он спал, и даже любимая всеми заходящими девушками безглазая однорукая кукла…

Вольф заглянул под крышку казана, стоявшего в углу, подальше от гостей.

– Точно – тебе хватит закусить…

Саня сдался…

– Ладно… Но! Нам же все равно не хватает!

Тут подал голос Боря, который немного прикорнул на диванных подушках, лежащих на полу…

– Может – спать? Завтра Висконти в десять…

Вольф с Саней зашикали на него:

– Ты что? А манифест?

– Так вы его уже полчаса как не пишете… Может, завтра допишем?

– Завтра настроения не будет…

– А сегодня – бухла не будет…

Саня заглянул в свой стакан – волшебства не произошло.

– Пойдем, что ли, режиссеров пошерстим…

Вольф почесал синяк под глазом – это он уже вчера шерстил режиссеров.

– Не, ты не ходи…

– Я и не собирался… Давайте наш манифест кому-нибудь посвятим! – осенило Вольфа.

– Как это? – окончательно проснулся Борька.

Вольф был скуп на объяснения своих гениальных идей.

– Так и посвятим!

– Это ж манифест, а не кабацкая песня. «Расцветай под солнцем Грузия моя-я-я…» – запел Борька.

– Текст есть текст, значит, его можно кому-нибудь посвятить. Ну и что, что называется «Манифест»? Даже Сервантес умудрился посвятить «Дон Кихота» какому-то чуваку, – Вольф гнул свою линию…

– «Манифест коммунистической партии». Посвящается Полю Лафаргу за то, что взял замуж мою дочь Лауру. С надеждой, что после этого посвящения они бросят заниматься социализмом и подарят мне внука, – с нетрезвым вдохновением язвил Саня.

– Каждый уважающий себя художник будет рад, если мы ему посвятим манифест нового искусства!

– Кто конкретно?

– Конкретно – Серега Нохрин, – твердо подытожил Вольф.

– У него деньги должны быть… Только чтоб никто не сказал, когда он придет: «А, Нохрин! На хрен!».

Борька поднялся.

– Не скажет. Ладно, сейчас позову его… Скажу – Вольф с Саней тебе сюрприз приготовили.

Борька неожиданно бодро выскочил в коридор.

Вольф с треском вытащил лист из печатной машинки и над напечатанным названием «Манифест» написал ручкой: «Посвящается Сергею Нохрину».

– Вот! – отчеканил Вольф и сгреб деньги со стола в карман. – Чтоб сразу не подумал…

В коридоре слышны были голоса Борьки и Нохрина.

– Быстро согласился прийти… Борька умеет уболтать…

Открылась дверь, Борька проскользнул в комнату и быстро занял свое место на полу. Он с нескрываемым интересом стал наблюдать за остальными и ждать, что выйдет из всей задумки. Нохрин занимал весь проем двери. Высокий симпатичный мужик смотрел на присутствующих несколько озабоченно. Родом он был из Е-бурга и гордился тем, что учился на одном курсе с Башлачевым в университете. Называл его по-свойски исключительно «Башлак». Шел 93-й, и самоубийство было еще свежо в памяти. Учился Нохрин на документалиста и относился к сценаристам уважительно.

– Чего звали? Опять бухаете?

Вольф торжественно поднялся с листком в руке.

– Поздравляю, Серега! Мы посвятили тебе манифест нового искусства!

Нохрин быстро и неожиданно отреагировал:

– Посвятили манифест мне? Нет, не надо. Не делайте этого…

Вольф и Саня очень удивились – странная реакция. Правда, в выражении лица Нохрина мелькнуло что-то очень советское – «как бы чего не вышло».

– Прочитай ему, Вов, он просто не врубается…

Вольф начал торжественно читать:

– «Манифест. Черновик».

После слова «черновик» Вольф торжественно поднял указательный палец.

– …Посвящается Сергею Нохрину!

– Я же просил – не надо посвящать…

– Да ты послушай сначала! – оборвал его Саня.

Вольф продолжил торжественно зачитывать в повисшей тишине: «Старое искусство стало окончательно деспотичным. Старое искусство превратилось в золотой фонд, оно абсолютно элитарно и плодит на своем теле халтурщиков, прячущих за эстетской лабудой полную неспособность творить искусство подлинно народное, – Вольф подержал «качаловскую» паузу и продолжил: – Все ходят серые, как гении…»

– Отличная фраза! – поддержал Вольфа Борька.

– Да, – скромно согласился автор фразы. – Слушай дальше!

«…Перед нами огромный народ, которой в большинстве своем предпочитает иностранный суррогат поделкам доморощенных «серых гениев». За разглагольствованиями о «хамском вкусе» и «низком культурном уровне» народа прячется полная творческая импотенция. Кинематограф XX века первым наметил этот разрыв. Телевидение, видео и компьютер являют собой эпитафию старому искусству!»

Вольф остановился и глотнул воды из стакана.

– Ну как, Серега? – горделиво обратился к Нохрину Саня.

– Пока хорошо… Но только точно скажу – не надо мне его посвящать…

– Да ты послушай дальше, я сразу к финалу, – Вольф взял вторую страницу. – Тут дальше про степени свободы разных видов искусства… А, вот.

«…Предлагаем вернуться к *ярмарке*!»

– Подожди, – прервал Нохрин. И сел рядом с Борькой. – А что там за степени свободы? Физика?

– Степень свободы, – опередив Вольфа, заговорил Саня, – это способность зрителя вмешиваться в то, что он смотрит. Вот, например, Рафаэль расписал Сикстинскую капеллу. Сколько степеней свободы у зрителя, современника Рафаэля?

– Не знаю. А что такое степень свободы? Я же гуманитарий…

– Это неважно, ты тоже поймешь. У зрителя, современника Рафаэля, всего одна степень свободы – приехать в Рим и посмотреть на мадонну или не ехать и не смотреть. Третьего ему не дано. И это – еще в лучшем случае. А если он русский крепостной? Ноль у него степеней свободы. Никогда он не увидит шедевр Рафаэля!

Борька решил блеснуть актерской памятью:

– Об этом и писал Некрасов. «Был я недавно в стенах Ватикана, по Колизею две ночи бродил. Видел я в Вене Святого Стефана, что же – все это народ сотворил?»

– Ну я не об этом. А вот ты, Серега, современный зритель. Ты, скажем, переключил канал на телевизоре – всё, обладаешь одной степенью свободы. Еще переключил – еще одна. И так далее…

– А-а-а… А зачем это?

– Мы существуем в мире, где у любого зрителя степени свободы стремятся к бесконечности! Об этом и манифест!

– Вы слушать будете финал? – возмутился невнимательностью к своей персоне Вольф.

– Давай, читай!

Вольф начал снова.

«…Предлагаем вернуться к ярмарке. Что такое ярмарка? Это – афиша, витрина, фейерверк, аттракцион, зазывала, раек, вертеп, народный театр, скоморошество!

Правила ярмарки просты и «съедобны» для зрителя сразу. Стиль ярмарки – лубок. Метод воздействия – шок.

Этот шок имеет три составляющие – страх, смех и сострадание. Телевидение, видео и компьютер есть новейшие ярмарки зрелищ. Недалек тот день, когда зритель будет иметь возможность формировать правила игры в процессе самого зрелища.

Грядет активная обратная связь, и от нее никуда не деться.

Наша задача – разработать искусство активной обратной связи. Да здравствует искусство для народа, да здравствует активная связь народа с искусством!»

Вольф красиво, по-театральному, кинул прочитанные листки на стол. Все молчали и смотрели на Нохрина.

Нохрин оглянулся… Вздохнул глубоко.

– А выпить есть?

– Кончилось… И денег нет…

Молчание тянулось.

Борька первым не выдержал, встал.

– Я пошел, завтра «Ягуар» на первой паре.

– Подожди, Борь, – Нохрин явно боялся остаться без единственного разумного, по его мнению, собутыльника. – У меня есть немного денег. «Карабахскую» можно купить…

Напряжение в комнате как-то сразу спало.

– А я сходить могу, – Саня тоже встал, – проветрюсь немного.

Нохрин достал несколько купюр и отдал Сане.

– Сдачу принесу, – сказал Саня уже в дверях.

Пришла, пожалуй, пора объяснить, что за зверь такой – «карабахская» водка. Так сложилось, что на водке «русская» в СССР бывало два вида этикеток. Одна просто с надписями и медальками, а вторая – тоже с надписями и медальками, но еще и с рисунком двух богатырей на конях. Народ шутил так: «Два богатыря ищут третьего, который их выпьет».

Так вот – на этикетке «карабахской» водки была единственная надпись «Русская водка» и рисунок двух очень блеклых, почти черно-белых богатырей. Ни где ее делают, ни даже содержание спирта пропечатаны не были. Типичный перестроечный минимализм. Продавалась она прямо напротив общаги на Галушкина, в малюсеньком грязном ларьке. Работали там по ночам такие же студенты-киношники. Они и сообщили всем, что возят этот разбавленный спирт из Нагорного Карабаха. Вкус был сивушный и с непривычки неудобоваримый. Но на Галушкина жил народ тертый – не морщились. Насчет отравится – никто вроде не отравился пока… Но это, конечно, пока…

Саня вернулся с этой странной бутылкой, разлили. Нохрин стукнул в стенку Зайцева. Явился Зайцев и согласился выпить полстакана – больше после капусты нельзя, сразу захмелеешь. Ему тоже похвастали, что написали манифест нового искусства, но прочесть не дали, потом. Чем хороша была «карабахская»? После ее сивухи совершенно не тянуло продолжать пьянку.

– Ну что, за манифест?

– Давай!

– За манифест!

– За вас, пацаны!

– За творческих узбеков! – Нохрин не спешил чокаться. – Только вы мою фамилию уберете?

Вольф хлопнул Нохрина по плечу.

– Ты ж проставился! Уберем!

Нохрин стал чокаться со всеми.

– За вас, пацаны! За ваш манифест!

Выпили. Никого не стошнило. Утром на «Ягуар» Висконти явились в полном составе. Старое искусство надо было еще немного изучить…

Полдюжины шампанского

Советское шампанское – марка игристого вина, производимого по резервуарному методу (метод Шарма) в СССР начиная с 1937 года, устоявшаяся торговая марка на рынке алкогольной продукции СССР. Эта марка применялась к продукции всех заводов, выпускающих игристые вина.

Заходит престарелый Левитан в Елисеевский гастроном и обращается к продавщице:

– Будьте добры, нарежьте сто грамм докторской колбасы, сыра пошехонского граммов триста, булку хлеба и бутылочку (в полный голос Информбюро) *Советского* шампанского!

Анекдот

Ну кто пил водку до «сухого закона»? Из студентов – никто. Ну разве что Саня Чел. Зато Чел пил ее публично, с бравадой, как все, что он делал в жизни. И вдруг – неожиданная от него реплика:

– А нам шампанского хватит?

– Шесть бутылок вроде взяли…

– Дай мне две. Без тебя открывать не буду…

Андрей подозвал одного из своих помощников, и две бутылки перекочевали в торбу из мешковины, которую Чел взял у знакомой «девчушки». Так он называл всех особей женского пола, независимо от возраста.

– Пошли, а то Мост без нас раскачают!

Мост был построен в конце 60-х и держался на стальных опорах. Практически сразу после его постройки студенты-физики придумали Мосту практическое применение – начали проверять на нем явление резонанса. Если человек 15-20 начинали прыгать посередине моста в унисон, он начинал сильно раскачиваться. Раз в год Мост подвергался проверке на прочность. В этот раз «качков» собралось много – больше сотни человек. А может, и все двести.

Андрей пробился сквозь толпу и остановил ее. Он же задал ритм прыжков – прыгал, прищелкивая пальцами. Вместе с ним прыгали члены оргкомитета, прыгали гости, прыгали первокурсники и первокурсницы, повизгивая от страха, кто про себя, а кто в голос.

Прохожие со стороны бульвара и со стороны уголка городской старины остановились и выжидали. Мост так качался, что сделать шаг на него казалось подвигом. Андрею и самому стало страшно – Мост аж гудел от напряжения. Он прекратил собственные прыжки и крикнул:

– Теперь вразнобой.

Прыжки вразнобой всегда останавливали резонанс. Девушки легкого веса схватились за перила. Не так-то просто прыгать вразнобой после дружных движений. Но все удалось. Прохожие с осторожностью пошли по своим делам, поглядывая на толпу с недоверием. Андрей открыл бутылку шампанского. Чел тоже открыл. Пробки, как две ракеты, улетели в темноту.

– Славно раскачали!

– Славно!

– Пошли теперь к Памятнику!

Кто был на этом гулянии, завершающем ежегодный День физика, в первый раз, маршрута не знали, для них и кричали. Следующая остановка – у Памятника. Вытащили гитары, запели, пошли…

Памятник привлекал многих. Курсанты морских училищ надевали на полуголого француза гюйс, десятиклассники громко зачитывали тут темы выпускных сочинений по литературе, будущие бармены пытались чокнуться с ним. Физики обычно просто влезали на постамент и кричали: «С праздником!».

Впрочем, влезать было не обязательным молодечеством. Частенько рядом стоял наряд милиции, и тогда никто на Памятник не лез – лишние неприятности были ни к чему. На этот раз милиции рядом не было.

Толпа окружила Памятник, и обязательный тогда в любом вузе на любом курсе высокий сухопарый очкарик в ветровке полез наверх. Звали его Коля. Выглядел он, как настоящий альпинист и автор песен, хотя не был ни тем, ни другим. Но ведь такие парни в ветровках и покоряли вершины. А тут – всего метра три вверх. Толпа зааплодировала. Андрею лезть вовсе не хотелось, но – noblesse oblige. Главный организатор должен везде успевать, иначе останется не на высоте. Чел подсадил, и он легко влез на постамент. Лицом к лицу Памятник оказался высоченным. Места там, наверху, было совсем немного – высокий Коля держался за шею, а Андрей за бронзовую руку. Чел протянул Андрею остатки шампанского. Под крики «ура!» Андрей легонько чокнулся бутылкой с носом Памятника и пригубил из горлышка. В этот момент краем глаза он увидел подъезжавшую патрульную машину.

Одновременно на Памятник полез Слава. И он, и Коля увивались вокруг одной и той же девицы, так что понять его было можно. Он и внешне, и, видимо, внутренне был полной противоположностью долговязого Коли – такой кругленький, румяный, хорошо и чисто одетый. Весь его вид говорил о том, что он покорил жизнь, и для полного счастья ему не хватает только этого покорения Памятника. Но, как известно, полное счастье – философская абстракция, недостижимая в сансаре.

Подъехавшие менты сразу заметили попытки какого-то пижона залезть на главную городскую достопримечательность. Сержант, растолкав немного растерявшуюся толпу, потянул толстячка за джинсы, и тот, потеряв равновесие, покатился по стилобату. Славик, надо отдать ему должное, растерялся только на мгновение. Почувствовав явную угрозу своему благополучию, быстро

вскочил и побежал от сержанта. Андрей с высоты своего положения наблюдал забавную картину. Толпа сомкнулась вокруг Памятника, а вокруг нее, смешно семеня ногами, бегал Слава, лениво преследуемый сержантом, негромко посвистывающим в свой свисток. На них с Колей, тоже явно нарушивших общественный покой, никто не обращал внимания. Он тихо сказал Коле:

– Слезаем…

Тихо слезли и смешались с толпой.

Наконец Слава, заметно умаявшись от бега, догадался тоже залезть внутрь толпы. Его не выдавали. Сержант стоял один против сотни студентов, не понимая, что предпринять. Его успокоили хором:

– Мы уходим, больше влезать не будем.

Наряд милиции это мировое соглашение вполне устроило, а то пиши потом объяснительные, как дозволили свершиться хулиганству.

– Ну что – «Чемодан»? – спросил Андрей. – Одна команда будет моя, другая – Чела.

Начало этой по-своему уникальной игры уходило в 70-е или даже в 60-е. Суть была проста – команды по очереди пели песню «А ну-ка, убери свой чемоданчик», постепенно придумывая свои собственные куплеты. Поскольку песня – это, по сути, перепалка между двумя пассажирами, то и команды должны были переругиваться, желательно с шутками и прибаутками. Причем придумать новый куплет нужно было быстро, под один гитарный квадрат музыкального проигрыша. Если команда сбилась – проиграла. Обычно играли до трех проколов одной из команд. «А что было бы, если бы никто не сбивался?» – спросите вы. Тогда обе команды спустились бы по Лестнице. Ведь пение одного куплета, по правилам, позволяло спуститься всего на одну ступеньку. Таким макаром команды должны были спеть 193 куплета «Чемодана». Впрочем, такого никогда не случалось, народ сбивался обычно где-то к середине Лестницы. Матерные слова, кстати, были запрещены к употреблению.

– Победителю – две бутылки шампанского от организаторов! – заявил Чел, и Андрей подтвердил его слова. В горле от длительного пения всегда пересыхало.

Игра началась.

– А поезд тихо шел на Бердичев…

Ступенька.

– На полочке лежал чемоданчик…

Ступенька.

– А ну-ка убери свой чемоданчик…

Ступенька.

Дальше канонический текст заканчивался. Почему-то тут принято было помянуть бригадира поезда. Наверное, те, кто придумал игру, подрабатывали проводниками на железной дороге.

– А это чемодан бригадира…

Ступенька.

– Ваш бригадир отстал в Шепетовке…

Ступенька.

– Тогда давай разделим чемоданчик…

Ступенька.

– Похоже, что вы все – проходимцы…

Ступенька.

– Не проходимцы мы, а педагоги…

Ступенька.

– Тогда ты начерти пару формул,
Тогда ты начерти пару формул,
Тогда ты начерти, тогда ты на пару,
Тогда ты начерти пару формул!

Ступенька.

Вот «Е» равно «эм це», но в квадрате,
Вот «Е» равно «эм це», но в квадрате,
Эйнштейн сказал, что «эм», Эйнштейн сказал, что «цэ»,
Еще сказал, что все они в квадрате!

Ступенька. Первый сбой. После совещания проигравшей команды игра продолжалась. Лидеры команд сменились, Андрей с Челом шли перед играющими, слушали и судили.

– А куда потом? – тихо спросил Чел.

– В Парк обычно. Там у бастиона и финал. Но туда мало кто доходит, все уже устали…

Наконец одна из команд сдалась. Андрей с Челом снова вскрыли шампанское, и оно пошло по кругу.

– Обязательная программа закончена!

Народ вразброд пошел по приморской улице.

Из Парка открывался прекрасный вид на работающий порт. Андрей увидел, что Чел вдохновенно вешает лапшу красавице и танцорке Ане.

– А зачем ты просил шампанское?

– О! Хорошо, что напомнил, – оживился Чел. – Аня, можешь снять одну туфлю?

Аня замялась. Она не была уверена, что мама одобрила бы ее… Но туфлю на высоченном каблуке сняла.

Чел открыл последнюю бутылку, подхватил Анину лодочку и до краев наполнил ее шипучим напитком. Аня стояла, открыв рот. Да и прочие тоже.

Андрей засмеялся.

– Слышал про эти твои подвиги, но думал, это просто выдумки.

– Никаких выдумок в таком серьезном гусарстве допускать нельзя! Будешь?

– Давай… За дам!

Андрей отпил немного, передал Челу.

– За прекрасных дам!

Чел выпил до дна. После этого он подхватил Аню на руки, и они исчезли в темноте Парка.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

192 слова

130 Семеро смелых

Семеро смелых

Настало время сообщить, кто же попал в короткий список конкурса рассказов длиной в 192 слова.

Напоминаем, что всего было прислано на конкурс 72 рассказа из пяти стран.

В длинный список попали 19 авторов.

Еще раз перечитав их рассказы, в короткий список мы отобрали 7 претендентов на награды:

Ольга Яблонская. «Во главе»
Виталий Стецко. «Другой язык»
Анна Михалевская. «Обманщик»
Виктория Коритнянская. «История одной бабы»
Янина Желток «Через щелочку»
Алексей Гладков. «192»
Елена Андрейчикова. «Все как у людей»

На презентации альманаха-75 будут объявлены имена победителей.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

132 Тина Арсеньева
Благослови мимоидущего

140 Катя Капович
Бешеный круг

144 Юлия Пикалова
Стихи о музыке

149 Александр Хинт
Жили неслабую жизнь

Тина Арсеньева

Благослови мимоидущего

* * *

Станиславу Падевскому, OFMcap (1932-2017).

Не спрашивай, что это было, и кто это был, –
То был невозвратно упущенный миг откровенья,
А может быть, час или целые годы; и рвенья
Уже недостанет, храни обустроенный тыл.

А чуждая жизнь – это виза в чужую страну,
И стать нелегалом – так это набраться бы духу…
Но помню поверх многолюдья молитву одну,
Меж сотен людских – моему только внятную слуху:

В те миги, плашмя налетев на незыблемый брег,
В зерцало небес распрямилось житейское море,
И шел мимо жизни моей тот босой человек,
И общим был – свет, но необщими – грозы и зори.

Доселе, увы, не достойна в распахнутый свет
Войти, но с тех пор не указ мне весы и лекала.
Гляди же поверх череды запахнувшихся лет –
И мимоидущего благословляй нелукаво.

* * *

Где я была? Нигде, но где-то на земле,
Неважно, где. Ну, хмыкни и плечами
Пожми. – Но знай, не стать моими палачами
Моим годам, и хлеб не черствый на столе.

А я прониклась вдруг, что выгляжу смешно,
В конечном счете, что живу небрежно, –
Для тех же, кто любим, приберегаю нежно
Нездешний терпкий дар, кастильское вино.

А ты, свой проложив фарватер бытия,
Не трать напрасно лоцманских усилий
На бедный блудный челн, чей вызов бурям сивым
Беспомощен и зол, как вымпел: «Я есмь я!».

Куда стремлюсь? Небось куда и все. Жива,
Да не́впору. А если ты умелец
Жить – все равно: давай – за крылья мельниц…
Как пьет из ран земли сезонная трава.

Между нами

«Вдали погас последний луч заката…» –
Ольге Ильницкой

И хворь от токсина любви скоротечна,
И много их, всяких Тристанов…
Немного пьяна и наотмашь беспечна,
Плыву в полумраке платанов.

Подружка, тут, главное, точной и прочной
Будь, главное, тут не прельщайся:
Пегаса на пажити тучной и сочной
Треножит семейное счастье.

А все, что вокруг, – то чужие каштаны
С жаровен таскать и глядеться
В стремнины на выспреннем краешке танго:
Албанского танго из детства.

Но там лишь, в неблагообразном оскале,
Истомно-беспамятны лица…
Срамницы-поэтки, чего мы искали, –
Вот так, невзначай, умалиться?..

А может, иного, – чтоб сердцем сожженным
Сверхновой засечь трепыханье?..
И пусть нам вослед добродетельны жены
Анчарово шлют придыханье…

Неужто моим и твоим сумасбродством
Тот вздох, приснопамятен глине,
Обратно уходит – сыновним сиротством
В серебряной капсуле ливня?..

Давай подарю из нефрита камею,
А смыслы оставим – бурьяну.
Подружка, не слушай, я жить не умею,
Я нынче легка с полупьяну.

К безболью – достать бы и белые флаги
Под натиском жизни… но краше
Беспрочность. Не капля живительной влаги –
Я блик в переполненной чаше.

* * *

Дерзнув окликнуть – поначалу взвесь
И сбрось, ценою память не мороча:
То кто-то прежде был, но вышел весь
В года, в десятилетья – в жизнь, короче.

Но если сам ты прожил налегке,
Что маловероятно, – то назавтра
До блика в узнаваемом зрачке
Подробный опыт съежится внезапно.

Пронзи необщих вспоминаний строй:
Явь одержима новостийным жором;
Чужая жизнь – потемки, но порой
Приспала тьму, чреватую ожогом.

Завоет сонм – дружище, наяву! –
Повинностей в смирительных халатах.
Дерзнув, рвешь круг – и, очертя главу… –
И пропасть рот разинет на крылатых.

* * *

Какие бывают, однако, спустя многолетье
Печальные сретенья, с выдохом: «Где ж ты была!..» –
Всем гулом изъяна, всей душу неволящей клетью,
Сокамерным сердцем – и в краткость подреза крыла.

Но что я, на милость, могла бы: прицельное жерло
Судьбы мимоданной – потщиться заполнить собой?
Ведь мы не одно и не двое, и даже под жернов –
Не рядом; и напрочь не вдрызг – под армянский гобой,

И не наобум – по извилинам улиц кофейных,
И не напролом, на рогатину быта – к звезде;
Мы нищи взаимно, и нет у нас будней трофейных;
Что день, мы друг другу все далее… дале… везде.

Лопочут пред смуглыми ликами смуглые свечи,
Которые, будучи сотами, были полны;
Я им в унисон – за нее, что взвалила на плечи
Трофей твоего бытия в послушанье жены.

И тем оно тверже, оно справедливее, лучше;
И оба мы знаем, что в гуле сродненных кровей
Я тщетный твой светоч, я звездный негреющий лучик –
Я есмь – я повсюду – я отгул молитвы твоей.

* * *

A time to be reaping,
A time to be sowing…

В эпиграфах цикла использована баллада «The Green Leaves of Summer»,
D. Tiomkin – P.F. Webster

На последней заставе прохладного детского рая
Мириады секунд, утрамбованных в горстке песка,
Попирает ребячья стопа, и земля не сырая,
И нисколько не хочется верить, что осень близка,

И навыкшей душе не без умысла нынче не внятен
Тополиной мольбы шепоток, огорчающий высь.
На песчаной околице рая несчитано вмятин
Человечьих следов, и не вдруг разберешь: «Лето бысть»…

То-то – было, но, как говорила мне бабка, на воды
Помочился, коней придержав, громовержец Илья…

Прощевай, раеванье! Пески всем разводьям – разводы
Объявляют, и певчие птицы не имут жилья.

Вот и год, отзвенев, черепковым ложится Трипольем
В недрах памяти: было ли, не было, – ржавы ключи!..
Вот и вся эта жизнь уместилась в размахе топольем,
Вот и вся наша мысль промелькнула зарницей в ночи.

Вот и вся тебе, значит, баллада о зелени лета –
В шатком коловращенье, в уколе алмазной иглы, –
Слушай, девочка, сызнова, слушай: нища твоя лепта
В эту правду, – ты слушай, во тьмы израстая из мглы.

В тьмы и в темы людские – но теменем, долго и тщетно,
В недоступные, взапуски с тополем, выси всходя,
Слышишь, девочка, слушай, – о, небо к послушливым щедро! –
Поминальный канон в бормотанье листвы и дождя.

Канун

В перестуке – зуб на зуб – электричек подземных,
В преисподнем их скрежете – чисто зубовном –
Я гляжу и молчу: вдруг привидится зелень
И, по гриву в ней, зебры в восторге любовном.

Не взыщи, соврала – не всплакнула ни разу
Над изыском жирафьим в заоконную непогодь.
Нам, и в недрах всезрящему вверенным глазу
Майкрософта, и травку измыслить-то некогда.

Перестук – в пересчете: то ли рельсовых стыков,
То ли нас, ненаглядных, и наших деяний –
Для судов и торгов. Лишь вальяжные тыквы
Где-то нежатся в кротости солнцестояний.

Как созреют, их тоже снесут на базары:
Мы, славяне, заварим вселенскую кашу;
Нами метко плюет преисподняя заверть
Из конвейерных пастей – прям в родину нашу.

Мы, в вертушках юля, как на отмели рыбки,
И теснясь, как на нерест, – рванем врассыпную
В небывальщину: в заводи лета, на рынки,
Где днепровские ведьмы – Христа одесную –

Вяжут метлы душистые «на Маковия»,
Вороха чернобривцев медами застроив,
И до дупы нетленье им Киева-Вия
В мерзлоте, и как звали тех братьев-героев!..

* * *

Веславу П.

Узнай, какою данью преблагой
Оплачен поминальный гром оваций:
Одной стопой на облаке, другой –
В навозной куче, и – не разорваться!

Сия неукоснительна яса,
Как весны, как пасхальное говенье, –
Поэта четвертуют небеса
За свой же страшный дар проникновенья.

Но отвратить и небу не дано
Нас от земного жаждущего лона:
Умрет, с навозом смешано, зерно,
Чтоб дать сам-сто, заколосясь поклонно.

А после ты преломишь пресный хлеб,
И это будет – миг пресуществленья.

Но не гони земную прелесть в склеп,
А главное – не требуй сожаленья

О мысленном немыслимом грехе
Той муже-женской мимоходной тяги,
Которая, очищена в стихе,
Придаст немногим избранным отваги

Идти меж стойл, высоко вздев главу
И не марая риз в навозной жиже,
И видеть сонм небесный наяву,
Затем, что нам, влюбленным, небо – ближе.

И пусть вблизи нас судит Бог: кто пал,
А кто прошел легко, аки по суху…
А ты – веди, но ревностный запал
Вверяй, прошу, не мертвой букве – Духу.

Ведь сказано: целована в уста,
Двенадцати в искус, одна, чье миро
Расплескано, затем, чтоб у Христа
Нашла благоволенье наша лира.

Катя Капович

Бешеный круг

* * *

К слову вспомнятся за коньяком пятизвездочным
перестроечные, разговор по душам,
что-то свежее носится в воздухе форточном,
и амнистии множатся, как «аз воздам».

И свобода приходит в расцветшие скверики,
и выходит «Улисса» большой перевод,
пароходы плывут по высокой Москве-реке,
возвращается Сахаров из несвобод.

Возвращаются частная собственность, в частности,
возвращаются улицам их имена,
комитет государственной безопасности
возвращает, однако, свои времена.

И мы будем с тобою последними гадами,
если снова войдем в этот бешеный круг,
о свободе печати и слова не надо бы,
это было красиво и кончилось вдруг.

Калейдоскоп

Крутись, мой милый калейдоскоп,
вновь перетряхивай сор стекла!

Печали наши, обиды, скорбь
исправят Брюстера зеркала.

За эту оптику, эту ложь
тебя люблю я с давнишних пор,
не потому, что узор хорош,
за то, что неповторим узор.

Не так ли самый обычный жест
в обычном мире произойдет,
и перемена случайных мест
зеркальный космос перевернет?

* * *

Что возьмем мы с собой, покидая страну,
то есть на ПМЖ выезжая в другую,
я вопрос этот с разных сторон рассмотрю,
десять лет чемодан огромадный пакую.

Есть у жителя скучных хрущевских домов
огромадная, если подумать, причуда,
эта комната столько вместила миров,
странный бубен на стенке – напомни, откуда.

Африканских лесов рядом с ним арбалет,
а напротив него – две египетских маски,
и по комнате кружит безумный поэт,
десять лет уже кружит, все ищет подсказки.

Звуки бродят по комнате, а из углов,
из портретов – глаза озабоченных предков,
зеркала прячут черные стрелки усов,
мир всегда состоит из деталей, оттенков.

Из вопросов: «Кто выведет вечером пса?».
А цветы кто польет в эту пятницу? Пушкин?
И как вывезти елку, что сложена вся
из мечтаний… И дальше по комнате кружим.

Ласточки

В Новой Англии, в злом Париже
в голубой предвечерней мгле –
вы в предгрозье немного ближе
к роковой ледяной земле.

Голоса, голоса весталок…
Вдруг – небесный треск.
если б мира вовек не стало б –
этот медленный блеск.

Солнце огненное погасло,
что сияло здесь без конца
так вот радостно и напрасно
среди тусклого хаоса.

Так напрасно, нещадно солнце…
Неужели же ровно так
вы к земле припадете плоской?
Или чтобы озвучить мрак?

Недотыкомка и горемыка,
чтобы среди небытия,
среди грусти и тьмы великой
шла однажды на звуки я.

* * *

Кладбищем гуляя средь могил,
я давлю печальную ухмылку:
вот что остается на помин –
камень и распитая бутылка.

Как любили верные друзья,
как они практически забыли,
будто смерть пустого воробья
на обочине средь лужи пыли.

Надо сдохнуть далеко от всех
без фальшивых слез на этот случай,
отомстить за холод и за смех.
Диалог с самой собой озвучу.

Отомстить всем навсегда за страсть,
за испепеленный жар поэта,
и стою, лирическая мразь,
наслаждаюсь торжеством момента.

Юлия Пикалова

Стихи о музыке

Определение музыки

О музыка, ты приворот,
Ты – поворот вне воли,
Ты – зов распахнутых ворот
И нараспашку ворот.

О музыка, ты приговор,
Ты – заговор горячий,
И все, что было до сих пор,
Ты делаешь – иначе!

О музыка, зачем тебе
Мое смятенье видеть?
И по прикушенной губе
Меня – немедля – выдать!

Шуберт

Когда ни отзыва, ни взгляда,
Ни воздуха огню,
И никому меня не надо,
И в равнодушии виню
Луну ленивую, большую,
Что выплыла на склоне дня, –

Поплачь со мною, нежный Шуберт.
Прости меня. Прости меня.

Шопен. Баллада 4 перед кодой

Как единственную любя
Эту жизнь – разогнаться, играя,
И усилием страшным себя
Обуздать у последнего края,

Ощутив в опустевшем виске
Откровение жизни любезной:
На к а к о м мы висим волоске,
Над к а к о й мы качаемся бездной.

Брамс. Urtext

меридианы параллели
запретные материки
зарубкой нá сердце алели
апрели, ныне далеки
апрели пели и пьянили
играли в прятки брали в плен
но зимы их захоронили
зажав тепло меж тесных стен

глухую запертую память
миг неслучайный разверзал
земли не чуя под стопами
я захожу в концертный зал
пью благодатную отраву
отравленную благодать
о Брамс благодарю за право
при всех рыдать

Шостакович. Камерная симфония

Я слышал хруст,
и свист,
и вой,
и лай,
И горло хоть охрипло, но окрепло.
Кто веку бросил громкое: играй! –
Хотел его увидеть горсткой пепла.

Земля неслась к веселому концу
Во власти исполина-карнавала,
А музыка хлестала по лицу
И губы мне полынью обдавала.

Баллада о стихах

(о цикле «Второе рождение», 1930-31)

Вам в дар баллада эта, Гарри.
Борис Пастернак

Покой, гармония, услада.
Но с жизнью как ни сговорись –
Она ворвется без доклада
И развернет, куда ей надо,
И с ней напишется баллада,
Баллада: Гарри и Борис.

В руинах прежнего уклада
Оборотившись, озарись:
С укором об руку – награда,
А без удара нет разряда,
И льется долгая баллада,
Баллада: Гарри и Борис.

Когда срывает с места вещи,
Привычки, плен первопричин,
Бывает мужество у женщин
И слезы на глазах мужчин.
Нет, жизни не хотелось слаще –
Хотелось чище и честней:
Нас не самих заносит в чащу,
Но нам решать, что делать с ней.
Оденься, скажем, по погоде
И тихо далее тяни…
    Кто в полный рост по свету ходит,
    Не станет жить в ее тени!
    И тот, кто крупного помола,
    В одном усилье волевом
    Налет неловких недомолвок
    Со рта срывает рукавом!

Среди неприглашенных истин,
Нерасплетаемых узлов
Поэт писал о пианисте
Бессмертной музыкою слов.
    И с полной переменой лада,
    И сколько ни сыграй реприз –
    Уже не кончится баллада,
    Баллада: Гарри и Борис.

Спаситель

Пианисту Алексею Володину

Сердце радостное ранено,
Разум меркнет от любви:
Родина моя – Рахманинов –
Разливается в крови.

Сколько лет ни перелистывай –
Нас выносит, подоспев,
И размах его неистовый,
И родной его распев:

Ждав грядущее заранее,
Страждав, чтобы отвело,
Родину мою бескрайнюю
Он поставил на крыло –

И летит, летит раздольнее,
Всю ее в себя вместив,
Разливающийся, вольный,
Верный, верящий мотив,

И страна моя, страдалица
В ковыле, смоле, золе,
Из вины высвобождается
На его большом крыле.

Александр Хинт

Жили неслабую жизнь

*

У дома выпадает часть балкона.
На дворик надвигается циклон.
Я с кем там говорю по телефону,
и правда ли, что это телефон,
и много ли за свет, мой друг Гораций?
Не веря, замерзает режиссер.
За пенопласты честных декораций
шептал наверх улыбчивый суфлер.

Пока не слышно смеха Авиценны,
не растворит лекарство Бомарше.
У подворотни чеховская сцена,
и не отрепетировать уже,
и чайкам тесен занавес, и море
бутылку заливает сургучом.
Какой некомфортабельный Тригорин!
Иванов, недостреленный еще.

Галеры многопестрого Привоза,
истертые у пальца якоря.
Адьо, моя дюралевая роза,
Изольда, или что там говорят
в финале глуповатой телеграммки,
пришедшей на чужие адреса.
Блаженные трущобы Молдаванки
благоухают, как вишневый сад.

*

На прилавке давно не меняли швейцарский сыр,
и повидло краснеет за португальский мед.
«Два рубля занесете», – торопливо говорит ей кассир,
но про эти глаза напротив она поет,
и кассир отводит глаза. А она спешит
опоздать к себе на ужин, невесомо, легко,
за обеденный стол, где не требуется аппетит,
кипятить на плите вечернее молоко.

И хотя повторяет одна из новых жилиц,
что она не в себе и способна поджечь весь дом –
этот дом еще нужен, чтобы не видеть лиц,
у подъезда кормить птиц и дворовых котов.

Из кухонного шкафа она вынимает нож
и, водя острием по пластинке прошедших лет,
не вполне различает, льет ли еще теплый дождь,
и не может припомнить, падает ли снег.

*

Все как положено. Жили неслабую жизнь,
хлеб запекали во льду, чтобы гуще солить там.
Быстро освоили нижние этажи,
двинули выше. Но с черного хода, без лифта.

Делали дело не хуже, чем у людей,
вдоволь делили поляну и правильных женщин.
Кинули пару лохов, что других пожирней,
хоть говорили, скоромного надо поменьше.
Путали след, не задерживаясь на крыльце.
Помнили, четкий бухгалтер важнее, чем слесарь,
и среди целей высматривали в прицел
те, что оправдывают оборотные средства.

Отфильтровали табак. Порешали вопрос,
что допускает единый ответ: потому что.
В срок доставляли на перекрестный допрос
нужных свидетелей. В срок убирали ненужных,
но ненавязчиво и добровольным путем,
без автосервиса и византийского яда.
Кроме таких, что закапывали живьем,
каждому в руки – бочонок амонтильядо.

Всех разложили по отведенным местам,
по расписанию штатному, смерти и жизни.
Сели в плацкарты, согласно каратам кольца.
Но неподвижен пейзаж и резной палисад,
и кто-то стучится в окно: «А еще положила
вниз шерстяные носочки… Следи по часам».

*

На поле, нашпигованном металлом,
он говорил, я знаю каждый шаг.
В ту яму два снаряда попадало.
Там умирал. Здесь начинал дышать.

А тут меня поцеловала пуля,
когда ходил в атаку поутру,
медсестры до санбата дотянули.
Здесь – сам тащил по снегу медсестру.

В овраге слева оторвало ногу
полковнику – он неплохой мужик,
и все орал «удерживай дорогу!».
И все шутил, что к сапогу привык.

Вон там меня гранатой разукрасило,
а после веселились от души,
накрыли их, взорвали средства связи.
Тут – одного руками задушил.

Но за стенами этой павшей крепости,
где время пострашней, чем динамит,
я чувствую себя пропавшим без вести.
Добавь огня… И вылетел в камин.

Как паутина плесени на корке,
рассвет уже протискивался в дом,
выхватывая стол и горсть махорки,
и желтый треугольник под стеклом.

Первые шаги

154 Море талантов по-всеукраински

Море талантов по-всеукраински

В этом году Всеукраинский литературный конкурс «Море талантов» собрал со всей Украины и из зарубежья юных авторов, которые подали более 500 поэтических и прозаических работ. Благодаря предложенным темам у ребят была возможность пофантазировать, придумать новые миры и спроецировать на них человеческие взаимоотношения. Мы предлагаем лучшие произведения победителей литературного конкурса.

Инна Ищук, член Национального Союза писателей Украины,
председатель Объединения детских писателей Одессы

Екатерина Онуфриенко, 12 лет, Тарутино,
Одесская область

Лужи

Лист не кружит. Лужи. Лужи.
Снова дождик за окном.
Мы с тобой по этим лужам
Вдоль по улице пойдем.
Будут отражаться в лужах
Сапоги, плащи, зонты…
Нам сегодня очень нужен
Дождь, в котором я и ты.

* * *

Дома своими окнами-глазами
На снег, кружащий в воздухе, смотрели.
И отражались в тех глазах метели,
Собою застилающие мир.
Зрачки стеклянные красиво обрамляли
Снежинки, словно белые ресницы.
Веснушки – зерна, брошенные птицам,
На подоконниках устраивавшим пир.

Окна

Надвигается ночь, зажигаются в окнах огни,
Освещают они повседневного быта обрывки,
Кадры жизни чужой. И незримые тонкие нитки
Через тьму протянулись к сознанью случайных людей.
Лишь в холодной ночи понимаешь, как важен уют.
Лишь в холодной ночи понимаешь, как важно согреться.
И спешишь к своим окнам с любовью, разбуженной в сердце.
В дом, где любят и к ужину теплому ждут.

Мой дед

Мой дедушка – самый!
Мой дедушка – лучший!
Мне с ним никогда
Не бывает скучно.
Когда за собой закрываем мы двери
(Наверное, вам в это сложно поверить),
Мой деда… лошадкой становится мне
И скачет по дому со мной на спине.
Он – повар, грибник
И знаток разных трав,
Любитель походов
И разных забав.

Он много читает
И многое знает,
И скучно мне с ним
Никогда не бывает.
Такой у меня замечательный дед
В его… не скажу, сколько лет, –
Это *секрет*!

Максим Толстиков, 12 лет, Одесса

Время рыцарей

Почему у меня нет коня?
И доспехов нет у меня…
Как обидно и жаль мне, друзья.
Почему у меня нет копья?

Я бы вышел на битву со Злом
И мечом поразил бы Дракона.
На щите моем золотом
Были б выбиты герб и корона…

Только время нынче не то.
Нет уж рыцарей, битв, поединков.
Вместо лат надеваем пальто,
И ботфорты сменили ботинки.

Грозных замков усталая пыль
Лишь туристам ложится под ноги.
Благородство, отвага и честь
Позабыли в наш мир дорогу…

Со страниц замечательных книг
К нам приходят былые герои
И в историях мудрых своих
Нас зовут и ведут за собою.

Жаль, что время нынче не то…
Только подлость и подвиг все те же.
Можем биться и мы за Добро,
Без доспехов, в обычной одежде!

* * *

Мы играли в рыцарей Круглого стола,
И в поход далекий ходила детвора,
Мы мечи ковали на огромном пне
И давали клятву в строгой тишине.

Львы на нашем знамени
Сил нам придавали,
Языками красными
Пламя раздували.

Братство наше верное,
Одержав победу,
С криками веселыми
Забывало беды!

Громкий и задорный
Клич несся по двору.
Прекращая споры,
Сзывая нас в игру.

А потом каникулы
Окончились у нас,
Мы мечи сменили
На учебный класс.

Но не наигрались
В рыцарей мальчишки,
Будет снова лето,
Мечи, щиты и книжки!

Солнце – рыжая лисица

Солнце – рыжая лисица,
Утром по небу гуляло
И людей прохожих лица
Из-за тучек согревало.

То покажется немножко,
То за облако уйдет
И лукаво нам в окошко
Рыжим хвостиком махнет.

Целый день оно играло,
В небе радугой маня.
Но за тучку забежало
И оставило меня!

Лучик солнца! Осторожно
Ты щеки моей коснись!
Все, что кажется нам сложным,
Станет проще, глянь лишь ввысь!

Пусть порой непостоянно
Ясно солнце, как лиса,
Поиграет и обманет
Рыжим кончиком хвоста.

Нас лисичка-солнце греет.
И лучисты небеса…
Вдаль умчатся все печали,
Как вчерашняя гроза!

Анастасия Яковлева, 12 лет, с. Калиновка,
Ивановский район, Одесская область

Вода – джерело життя

Землі спасибі й світлим небесам
За дану Богом нам святу водицю:
Бурхливу річку, дужий океан
Чи за джерельце, що ледь-ледь теплиться.
Вода для нас і справді – цілий світ,
Такий безмежний, дивно загадковий,
І скільки б не тривало земних літ,
Вода завжди буде – життя основа!
Світ не побачить квіточка мала,
Якщо з хмаринки дощик не поллється.
Замало сонця й літнього тепла
Для деревця, що вдосталь не нап'ється.
Вода для нас, людей, – це ще й краса,
Яка чарує й вабить без упину,
Милуємося нею повсякчас
І зі степів в думках до моря линем.
В його обійми, ніжні і палкі,
Здіймаємося ми на молочний гребінь…
Купаються хмарки в морській воді,
А нам здається – плаваємо в небі.
Буває також грізною вода,
Ламає мури і мости руйнує.
Тоді приходить до людей біда,
І горе тим, хто гнів води відчує…
Чарівних слів людині не знайти,
Щоб воду зупинити, ублагати.
Лише безпечне місце віднайти,
Молитися, коритися й чекати.
Бо зглянеться, вгамується вона
(вода така, нам, людям, все прощає),

Скільки разів людська наша рука
Священну воду вперто оскверняє?
І котиться Землі гірка сльоза, –
А виглядає, ніби впали роси…
Однак давно уже той час настав,
Щоби самим собі сказати: «Досить!».
    Не завдаваймо прикрощів Землі,
    Бо в її жилах кров-вода нуртує,
Для майбуття збережемо її,
Нехай вона, як райський сад, квітує.
Тримаймо бій за воду до кінця,
Чи то Дніпро, чи крихітне озерце…
І скільки б років мимо не пройшло –
А біль за них тривожитиме серце.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

162 **Галина Лазарева**
Имя цвета сухой желтой охры

173 **Майя Димерли**
Звезда моего Давида

185 **Роман Бродавко**
Мой «секретный друг»

193 **Евгений Деменок**
Савелий Сорин и Давид Бурлюк.

212 «Что в мой жестокий век восславил я свободу…»
Митрополит Одесский и Измаильский Агафангел

224 **Елена Погорельская**
Владимир Маяковский в биографии Исаака Бабеля

236 **Феликс Кохрихт**
Очередь: за книгами и картинами

241 **Евгений Перемышлев**
Эхо Кривого переулка

249 **Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

275 **Ирина Роднянская**
О книге Веры Зубаревой «Одесский трамвайчик»

Галина Лазарева

Имя цвета сухой желтой охры

Памяти Киры Муратрвой

«Бриллиантик, маленький бриллиантик, почему бы им не преподнести мне самый-самый маленький бриллиантик вместо полного собрания энциклопедического словаря Ф. Брокгауза, И. Ефрона в 86 томов, – говорила Кира, вспоминая приз устроителей какого-то фестиваля. Запечатанный, с большим трудом доставленный в Одессу, он оказался еще и в двух экземплярах. – Я уже начала их раздавать знакомым, когда пришло письмо с «просьбой вернуть вторые экземпляры…»

«Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» – одна из самых крупных российских энциклопедий, стоящих в одном ряду с такими монументальными изданиями, как французский «Ларусс», немецкий «Брохгауз» и английский «Британика». Это сокровище было мечтой многих, но каждый создает свой монастырь в соответствии с домашним укладом: дарители не думали о режиссере и женщине, как и о том, что все ей в жизни приходилось нести в одиночку.

Дата, с которой начинается летоисчисление Киры Муратовой в Одессе на киностудии, в разных материалах обозначается поразному – называют и 1961-й, и 1962 год. В личной карточке в общих сведениях приводятся данные: «Муратова Кира Георгиевна, год рождения 1934 05 ноября. Место рождения Сороки, Молдавская ССР, русская, беспартийная, не член профсоюза, образование высшее, ВГИК в 1959, специальность по образованию и по основной профессии кинорежиссер. Общий стаж работы по найму с 1961 г.». Но в трудовой книжке записано, что «до поступления на Одесскую киностудию трудового стажа не имела. Зачислена на должность ассистента режиссера первой категории приказом

по киностудии № 58 от 03.05.1962 г.». Трудовая книжка заполнена только 5 июня 1963 года.

Уже с 15.09 по 15.12.1962 года работает в короткометражке «Все мы – твои товарищи», с 16.12.1962 года – «Макар с сыновьями». С 20.11.1963 года запускается с полнометражным фильмом для проката в соавторстве с первым мужем Александром Муратовым. Тарифицируется режиссером третьей категории художественных фильмов 10.08.1964 года приказом Государственного Комитета Совета Министров УССР по кинематографии № 115 от 24.08.1964 г.

Уверенное начало, если не обращать внимания на бытовые неудобства (румынская подданная не имеет права на государственное жилье) и провинциальность киностудии – как техническую, так и творческую: еще не построен фасадный главный корпус, нет цеха обработки пленки (ютятся две машины почти в сарайчике), не устоявшийся штат специалистов художественно-производственного звена. Всего семь лет назад на карте Союза вновь появилось юридическое определение – Одесская киностудия художественных фильмов.

Геннадий Пантелеевич Збандут в должности главного редактора с 1964 года, директора – с 1966-го. У него в анамнезе трудная юность, умение «делать» самого себя, азарт, владение аудиторией, опыт работы с молодежью.

Кира со своими тайнами: Румыния, Молдавия, гибель отца, международная деятельность матери – Кира девочкой сидела на коленях у знаковых деятелей Коминтерна. Из-за занятости матери долго жила у дедушки и бабушки, очень любила их.

Кира поняла жизнь раньше обывателей. Слишком пестрым и неоднозначным было ее реальное бытие, о котором почти никто не подозревал, и уже никогда не дотронется. А кто постиг жизнь, тот не спешит, потому что понял: пока живешь – надо наслаждаться процессом, стараясь из всего извлечь удовольствие. Нет жизни всех, есть жизнь одного человека – здесь и сейчас.

По гороскопу Кира Собака: «Женщины Собаки не угрюмы, но «собачий характер» встречается и у них, несут они в себе заряд красоты гордого и независимого зверя. Она не требует всеобщего

обожания, она жаждет активного служения. Преданность – ее высшая добродетель».

О творческой судьбе Киры начального периода написано столько, что нет смысла вспоминать.

Что же Кира? В тридцать три года сняла первый самостоятельный фильм «Короткие встречи». Тридцать-сорок лет – это возраст внутреннего новаторства, безостановочной работы, и в очень значительной степени это возраст судьбы, то есть когда тебе уже либо дано, либо не дано, и не будет…

Ускорим события и вчитаемся, вслушаемся в слова Киры Муратовой, произнесенные ею уже в 1981 году в Одессе на научно-практической конференции при «густом стечении» партийного, творческого, государственного «руководящего звена»:

«Так много обо мне говорят, что мне даже вот трудно сейчас что-нибудь сказать, однако все же… Я хочу сказать, что мое выступление будет очень кратким и очень эгоистичным. Мне просто, с одной стороны, приятно, конечно, как всякому человеку, когда его хвалят, но, с другой стороны, я чувствую себя как бы немножко как слишком дорогой шкаф, громоздкий, который стоит в витрине, его все смотрят, хвалят, но никто не покупает.

Мне хотелось бы, в общем, снимать, я даже уже не могу различить, понимаете, ну, имеет ли для меня значение, хвалят ли меня, или ругают. Я просто это воспринимаю как что-то другое, не относящееся к моей жизни.

Если можно, мне хотелось бы, поскольку здесь такое густое стечение начальства, я бы хотела просто обратиться, извините меня, я предупредила, что это будет несколько очень эгоистичных слов. Просто к товарищам начальникам, всем – местным и не местным. Я вас прошу, попытайтесь сделать такое усилие и попытайтесь понять, что в ваших мозгах укоренилась какая-то, ну какая-то ошибочность, какой-то ошибочный взгляд, который я не могу понять до сих пор, как он возник, в нем есть что-то сюрреальное даже, фантастическое, понимаете. Если вы просто, многие говорят, ну, не многие, некоторые говорят, что фильмы мои как-то преждевременны в чем-то для восприятия. Может быть, и так. Но в таком случае даже после последнего моего фильма, который я сняла на Ленфильме, прошло два с половиной года, по-

сле других там фильмов «Короткие встречи», ну я уже не говорю о «Честном хлебе», я его снимала не одна, тем более, и «Долгих проводов» прошло уже много лет. И хоть я и состою вот в штате Одесской студии, я не снимаю здесь. Я вас прошу, сделайте усилие, возьмите эти фильмы и посмотрите их. Может быть, все бывает, может быть, сейчас вы увидите, что в этих фильмах ничего, кроме гуманности, доброты, любви, внимания, пристального внимания к людям не содержится. Я очень вас прошу, сделайте такое усилие. Попытайтесь сдвинуть это. Потому что на меня смотрят просто как некий такой раритет, какое-то чудовище.

Я очень прошу вас, Геннадий Пантелеевич, перестаньте меня бояться. Перестаньте меня лично бояться. Вы для меня фигура трагическая в каком-то смысле, потому что вы человек очень умный, с моей точки зрения. Вы человек, который даже способен получать эстетическое наслаждение от произведения искусства, что очень редко на этом вообще посту бывает. Вы в себе эти чувства как бы заглушаете. Я не знаю, почему вы их заглушаете, какая-то, ну, не знаю, запуганность, упрямство, или как-то, вот, вас много унижают, вы других унижаете. Видимо, что-то заложено. Но тем не менее, мне кажется, что вы настолько умны, и есть в вашем характере такие свойства, которые вы могли бы как-то взять и перебороть в себе вот это. Потому что, вот если бы меня спросили, например, хочу ли я, при всем при том, что я убеждена, например, почему-то, что личность имеет большое значение, что директор студии может все-таки на своей студии давать снимать и руководить, снимать тому, кому он хочет, и снималось так, как он хочет.

При этом я вижу, что вы, будучи сильной личностью и будучи, с моей точки зрения, как я уже говорила, человеком, ну, имеющим какие-то заложенные в себе ценности, тем не менее поступаете как бы вопреки своему характеру, что ли. Что это такое – я не понимаю, мне кажется, что нужно вам об этом подумать, преодолеть в себе какое-то ребяческое упрямство или какие-то свойства, которые вам мешают, то есть я хочу сказать, что если бы меня сейчас спросили, хочу ли я, чтобы вы не были директором студии, нет, я этого не хочу. Я этого не хочу. Я даже предпочитаю уйти сама со студии, представьте. Но вот тут есть какой-то

узел противоречий, который для меня очень болезненный. Вот и все…» (стенографическая запись).

«Я прослезилась неожиданно для себя», – сказала Кира Муратова, увидев текст напечатанным уже в XXI веке…

Геннадию Пантелеевичу Збандуту ее отношение было обидным и необоснованным. Он больше, чем Кира, как ни странно это сейчас звучит, пострадал в эпоху «Коротких встреч», «Долгих проводов» и «Княжны Мери». Он утверждал ее сценарии, запускал в производство, верил в ее творческое будущее. Он, не Кира, стоя навытяжку в Киеве перед креслами секретариата ЦК Компартии Украины (нынешнее здание – Верховна Рада України), где обсуждали вопрос о снятии его с должности директора за фильм «Долгие проводы». (В те времена не режиссер отвечал за конечный продукт. У режиссера может быть творческий брак, а у киностудии, хозрасчетной государственной структуры, должна быть окупаемость. Доходы кинопроизводства шли на содержание образования и медицины всей большой страны.) Збандут уже построил четырехэтажный главный административный корпус с отдельными комнатами для съемочных групп. Новый цех обработки пленки обеспечивал непрерывный цикл производства фильмов. Штат производственного и творческого персонала вырос в два раза, до тысячи двухсот человек. Количество телефильмов по заказам Центрального телевидения занимало второе-четвертое место в СССР, стало больше выпускаться фильмов для проката.

Начало моей работы на киностудии в 1973 году в качестве секретаря парткома пришлось на период «тушения тлеющих углей» после реакции на фильм «Долгие проводы». В мероприятиях Одесской киностудии художественных фильмов по выполнению постановления Секретариата ЦК КП Украины от 18 февраля 1972 года «О кинофильме «Долгие проводы» среди ответственных за устранение недостатков были задействованы двадцать шесть человек, в том числе Збандут, редакторы, сценарная коллегия, дирекция, партком, административные работники. Режиссер Муратова К.Г. не называлась. Подписи под мероприятиями были Збандута Г., Тодоровского П. – в то время режиссера-постановщика, секретаря Одесского отделения Союза кинематографистов Украины.

«Короткие встречи» я смотрела еще до киностудии. Не поверила в любовь, поверила в ситуацию с водой и одобрила главную героиню. Все было знакомо и естественно.

Моя первая встреча с режиссером состоялось по ее инициативе. Она хочет снимать. Дубляжи кинофильмов «Ринг», «Мальчишку звали капитаном», индийских фильмов (кстати, во время этих дубляжей зарождался интерес Киры к Лермонтову) ее не устраивают.

Договариваюсь с директором о том, что Кира Георгиевна будет временно работать в отделе научной организации труда редактором. Вопрос о режиссерской занятости будем решать параллельно.

Контакты между нами нечастые, служебные.

На студии Григорий Колтунов – лауреат Каннского кинофестиваля, киносценарист; Григорий Поженян – поэт, режиссер, киносценарист; коллегия, редакторы, Геннадий Збандут – верили в режиссера Муратову и искали возможность найти для нее «проходной» материал. Профессиональных режиссеров, тем более талантливых, не хватало всегда.

Случайно ли появился Михаил Лермонтов? В 2016 году Кира (постоянный читатель нашей библиотеки) просит найти ей 3-й том 4-томного коричневого собрания сочинений М.Ю. Лермонтова. Она под впечатлением книги «Михаил Лермонтов. Роковое предчувствие», автор Михайлов. Поэзия Лермонтова необыкновенно важна ей сейчас. Третий том найти не удалось, но «Княжна Мери» воскресла в воспоминаниях…

«Когда я прочла «Княжну Мери», то это произведение взволновало меня лично… Печорин – духовная сила, не находящая себе положительного применения, и как сила созидательная пребывает в никчемном состоянии. Она все равно должна найти себе применение и потому находит себе применение абсурдное, нелепое, злое… Он мучает окружающих людей. Все это чрезвычайно трагично, с моей точки зрения. Мне хотелось бы рассматривать сочувствие там, где можно горевать, и горевать там, где можно сочувствовать», – так объясняла режиссер свою позицию на обсуждении сценария.

На Одесской киностудии штатные режиссеры практически все представляли десятки сценарных замыслов для включения

в личные творческие планы. Кире Георгиевне всеядность была чуждой. Замыслы вынашивала долго, возвращалась к ним спустя годы. Опальный режиссер Сергей Параджанов, с которым Кира была в дружеских отношениях, уже в 1974 году в письмах из зоны сообщает адресату о том, что Муратова работает над «Княжной Мери» по Лермонтову.

Вопрос о пределах свободы сильной личности – главный не только для Лермонтова – Печорина, но и для режиссера. Не констатацией борьбы злобы с добротой, а неизбежной взаимной слепоты противоположных культур – Печорина – Вернера, Грушницкого – драгунского капитана – людей, живущих рядом, но говорящих на взаимно не переводимых языках, разгороженных стеной обоюдного непонимания, – таким задумывался основной конфликт несостоявшейся экранизации.

В конце XX столетия тема звучала злободневно, и литературный сценарий принимался во всех инстанциях доброжелательно.

Литературному и режиссерскому сценарию автор оставила название «Княжна Мери». Но женские роли в сценарии наводили на размышление… Экранное воплощение Княжны не прочитывалось равным по значению Печорину: была ли она персонажем мелкого масштаба, или героиней бескорыстной самоотверженности с сильной волей и беспокойным характером? Женские образы в фильмах Муратовой – всегда главные.

В «Коротких встречах» живет себе молодая женщина-начальница районного масштаба. Влюбляется. Выходит замуж.

В «Долгих проводах» женщина теряет мужа, пытается ограничить свободу сына эгоистической любовью.

В «Княжне Мери» героиня раздваивается: Вера становится любовницей, забывая о муже и сыне, Мери сохраняет наивную веру в романтическую любовь и терпит крах.

В киносценарии «Княжны Мери» отсутствует сцена погони Печорина за ускользающей Верой. В XX веке Женщина уже не важна для Мужчины?

При обсуждении кинопроб к будущему фильму режиссер говорит: «Роман мне безумно нравится. Вероятно, у Печорина было много случаев жениться на Вере. Догнать ее было можно. Но это

поэтическая, стихотворная трактовка. В этом нет личной трагедии. Не думаю, что герою это так было нужно. Меня удовлетворяет, как Лермонтов написал о Вере. Есть вещи, прелестно написанные. Когда ты бегло читаешь, то они для тебя приемлемы. С Верой прочитывается глубокое лицемерие под любовными отношениями… Печорин для меня – человек оголенный, герой сугубо литературный. Это сконструированный персонаж, сделанный из частей. Лермонтов все свои мысли о женщинах вложил в уста красивого человека, будучи некрасивым… Печорин не отрицает себя в реальном мире, но не знает, на каком поприще он этому миру нужен…».

Печорин в пробах представлен был в современной одежде, в свитерах. Один и тот же актер пробовался и на Грушницкого, и на Печорина. Некая ожесточенность в диалогах вызывала убеждение в том, что для Муратовой Печорин – хладнокровный убийца.

В интервью журналистам Кира Георгиевна неоднократно подчеркивала, что она пацифист по убеждениям. Это ее кредо было четко сформулировано уже при работе над лермонтовским произведением: «Вы все люди современные. Вы против жестокости убийства человека, прав он или неправ. Для меня тут все кончается, когда человека убили», – эта ее реплика вызвана была негативной реакцией членов худсовета при обсуждении литературной основы и кинопроб. Кинопробы – всего лишь поиск до начала съемок. Режиссер подчеркивала, что для нее главный этап в кинопроизводстве – съемочный и монтажный периоды, все предыдущие – вспомогательные.

Муратова художником по костюмам пригласила Рустама Хамдамова. Опальный режиссер, он еще не был знаменитым художником, как в нынешнее время, работал инкогнито, даже зарплату боялся сам получить (со слов Киры). «Он живет во мне как рана… Научил меня любви к костюмам, – рассказывала она много лет спустя. – Говорил: если у тебя на шее надета нитка с бусами, то непременно нужно снимать камерой так, чтобы не только бусинки, но и нитка была видна».

Эскизы Хамдамова не вписывались в имеющийся опыт работы костюмеров Одесской киностудии. Изысканность, подчеркнутая

зеркальность образов Мери и Веры при неуловимом, но важном для видения режиссера их сходстве – в манере держать веер, в повороте головы, в стиле нарядов – не оставляли уверенности в том, что актеры смогут соответствовать эпохе и идее, заложенным в эскизах костюмов.

Главного художника-постановщика в съемочную группу долго не назначали: одни не хотели, другие не соответствовали.

Консультант, лермонтовед В.А. Мануйлов отверг сценарий Муратовой, требовал его переделки.

В воздухе витало напряжение и сомнение в положительном конечном результате.

Директор Геннадий Збандут как руководитель лично заинтересован в продолжении работы; готов содействовать и идти дальше, но и ему нужна помощь режиссера: ей пойти на уступки, утвердить другие кандидатуры на женские роли. Автор сценария и режиссер – ни в какую.

Я присутствовала на всех этапах подготовительной работы по «Княжне Мери» не как главный редактор (это еще и не предвиделось), а как читатель, зритель и ответственный за стабильную и экономически выгодную для коллектива работу. Согласись Кира Георгиевна на небольшие уступки, съемки бы начались, а в процессе уже возможны были варианты.

Была ли уверена Кира Муратова в том, что костюмная классика – это ее тема? На итоговом заседании художественного совета она говорила: «Когда я прочитала «Княжну Мери», то произведение взволновало меня лично. Это было полтора года тому назад (в 1973-м. – **Г. Л.**), и сценарий был написан в мае прошлого года (1974-го. – **Г. Л.**) за 10 дней. С тех пор свежесть восприятия несколько замутилась наслоениями, которые были с того времени. Должна сказать, что наслоения имеют внутренние причины. Проходит время – и внутренне в каждом человеке что-то происходит, и во мне тоже».

Каким было бы творчество Киры Муратовой после фильма «Княжна Мери»? Кто знает…

Продолжался творческий этап, связанный с советским кинематографом. На Одесской киностудии это фильм «Среди серых камней», загадочная, не проанализированная история…

Милая Галина Львовна!

Моё предисловие к этой книге очень странное. Это вовсе не то, что я должна бы-ла бы написать. Я была очень занята. Составители, не получив от меня предисловия, попросили разрешения набрать из моих интервью высказывания о Р.П.

Вот таким образом объясняется то, что я, вместо того, чтобы рассуждать об авторе как о писателе, говорю здесь о ней как об актрисе и режиссёре.

Это жаль, потому что я очень люблю и ценю её тексты.

20-V-2008

Все остальное в биографии режиссера не имело уже отношения к исчезающей Одесской киностудии и персоналиям, определяющим их совместную судьбу.

Близкий, человеческий контакт мой установился с Кирой Муратовой в девяностые – двухтысячные годы.

Автограф на подаренной ею книге – Литвинова Рената. Обладать и принадлежать. Новеллы и киносценарии. – СПб.: Сеанс; Амфора, 2007 – небольшой акцент на «достоверности» нашей жизни:

«Милая Галина Яковлевна!

Мое предисловие к этой книге очень странное. Это вовсе не то, что я должна была бы написать. Я была очень занята. Составители, не получив от меня предисловия, попросили разрешения выбрать из моих интервью высказывания о Р. Л.

Вот таким образом объясняется то, что я, вместо того чтобы рассуждать об авторе как о писателе, твержу здесь о ней как об актрисе и режиссере.

Это жалко, потому что я очень люблю и ценю ее тексты.

20-V-2008 Кира Муратова»

Майя Димерли

Звезда моего Давида

На сцене темно. В полной темноте звучит кадиш (01:05). Потом начинает играть пластинка с записью сообщения о смерти Д. Ойстраха. Пластинка заедает на словах (допустим): «скончался Давид Ойстрах». На сцене стоит стол, кресло, в глубине сцены рояль. В кресле сидит человек со скрипкой. Человек сидит неподвижно, погруженный в воспоминания. Затем он начинает настраивать скрипку и наигрывает (возможно) одну из еврейских мелодий, характерную, но печальную. На звуки скрипки выходит Душа. Она подходит к человеку и смотрит на него с любовью. Протягивает к нему руку, чтобы прикоснуться, но что-то останавливает ее, и она с сожалением отходит чуть в сторону. Поворачивается лицом к залу (возможно, садится на край сцены):

– Знаешь, я думаю, что Б-г дал человеку музыку из сострадания, чтобы тот мог спасти душу свою. Музыка исцеляет, она может абсолютно всё. Может возвысить человека из низкой доли, вызволить душу из плена, вернуть здоровье, вселить в сердце надежду. Просто позволить душе выговориться. Музыка никого не может обмануть. Она не лжет и не клевещет. Потому что ей не нужны слова…

Я все время думаю над тем, сколько всего случилось со мной, и не могу поверить в то, что такое вообще возможно. Но ведь это правда. Я даже подумываю, а не написать ли мне правдивую сказку обо всем этом? Ты вот только послушай, как она могла бы начинаться.

Эта история случилась давным-давно в одной очень маленькой и не очень богатой стране. Жил-был пастух. Он был молод, красив и силен. Больше всего на свете он любил музыку. Говорят даже, что он изобретал музыкальные инструменты, потому что именно они выпускают музыку в мир людей. Говорят даже, что именно он изобрел киннор, самую первую скрипку на Земле. И больше всех остальных инструментов он полюбил именно киннор. Когда он играл, птицы небесные прилетали послушать его б-жественную музыку, стада мирно паслись, а люди исцелялись от болезней. Его искусство было совершенным. Секрет пастуха заключался в том, что его искусными пальцами управляла душа.

За этот удивительный талант его призвали служить тамошнему царю Саулу, который до того прогневил Б-га, что был наказан приступами безумного гнева. Только игра пастуха приносила облегчение царю. Когда пастух играл на кинноре, отраднее и лучше становилось царю, и злой дух отступал от него. И тогда царь приблизил к себе пастуха. Пастух этот, хоть и был человеком честным и мирным, оказался, к тому же, непобедимым воином. Самым известным подвигом пастуха стала его победа над небывалым великаном и силачом Голиафом. Еще много раз он спасал страну, когда царь оказывался бессилен перед жестоким врагом. И в конце концов Г-сподь сделал этого пастуха царем. Он прожил долгую и славную жизнь. Не было в мире человека более преданного Б-гу. Все он делал во славу Г-спода своего. И они говорили друг с другом. Это и неудивительно. Времена были такие, библейские. И что бы ни делал пастух, ставший царем, все ему удавалось. Это вовсе не значит, что тяжкие испытания не выпадали на его долю. Это не значит, что он был без греха. Но все же за его любовь к музыке, за его искусство игры Г-сподь простил ему все прегрешения… Его звали Давид.

А потом, тоже давным-давно, а точнее, 6614 лет назад, Давид умер. Весь народ его и все дети его разорвали одежды свои и кричали: «Умер царь Давид!». И все они горевали о нем. И велико было их горе.

А потом, через тысячи лет, появилась совсем другая страна… В огромной стране этой были богатства многие, а Б-га не было.

И страну эту населяли многочисленные народы. И все эти народы были учтены и записаны в великий список народов-братьев. В пятой графе. Б-га в эту страну не пускали, а людей из этой страны не выпускали. И вокруг этой страны по всей границе повесили железные занавески, из-за которых нельзя было выглядывать и за которые нельзя было заглядывать.

В этой стране жил молодой человек. Он тоже мог бы стать пастухом, но так получилось, что скрипка нашла его раньше. И он полюбил скрипку всем сердцем и всей душой своей. И оказалось, что во всей стране нет ему равных в искусстве игры на скрипке. Его секрет заключался в том, что его искусными пальцами управляла душа. За этот талант он был призван играть перед царями и царьками, которых в стране было хоть отбавляй. Отраднее им точно становилось, а вот злой дух не отступал от них. Некуда было ему отступать. И тамошний самый главный царь, боявшийся Б-га как черт ладана, приблизил к себе этого великолепного скрипача. Хоть и был он человеком честным и мирным, оказался, к тому же, непревзойденным музыкантом. Самым известным подвигом стала его победа на конкурсе имени Изаи в Брюсселе. Еще много раз он спасал страну, когда царь оказывался бессилен перед культурным врагом. И в конце концов Г-сподь… Ах, да, Б-га в этой стране не было. Скрипач прожил не очень долгую, но все же полную славы жизнь. Не было в мире человека более преданного Музыке. Все он делал во славу ее. И они говорили друг с другом. Это и неудивительно. Времена были такие, безб-жные. И что бы ни делал скрипач для музыки, все ему удавалось. Но какие же тяжкие испытания выпали на его долю! Это не значит, что он был без греха. Но я так надеюсь, что за его любовь к музыке, за его искусство игры Г-сподь простит ему все прегрешения… Его звали Давид.

А потом, 43 года назад, умер Давид-скрипач. И что говорили люди в этой стране? Они говорили: «Вы слышали, умер Давид!». И фамилию его называли. А то, что где-то там, за железным занавесом, его прозвали царем Давидом, так это же ничего не значит. Потому что у себя на родине он был рабом.

Когда вся страна безб-жная, кем еще в ней мог быть человек со всей его великой душой? (*Говорит с иронией и горечью в голосе.*)

Знаешь, что действительно забавно? Когда они родились, никто не кричал: «Родился царь Давид!». Потому что людям не дано знать, кто рождается. Никто не рождается пастухом или царем. Но всякий человек идет путями неисповедимыми. Это б-жий промысел, не человеческий. Просто человек должен помнить, кто он. И два Давида помнили, что родились простыми людьми. Маленькими еврейскими мальчиками. Только Б-г может превратить царя в пыль, а пастуха сделать царем.

Никто только вот еще о чем до сих пор не подумал. Оба Давида не получили слов утешения и добра от тех, кто остался жить после них. Никто не читал кадиш по их душе. Кадиш сделал бы этот переход не таким страшным. Когда умер царь Давид, кадиш еще не был написан, и такой традиции не существовало. А когда умер Давид-скрипач… Даже думать об этом было нельзя. Так и осталась их душа без поддержки.

У них была одна звезда. Но я знаю, Давид-скрипач не победил своего Голиафа – этот липкий страх, этот паралич перед системой. Он не смог бы победить никакого Голиафа. Ни своего, ни чужого.

Хотя… с другой стороны, разве царь Давид смог бы победить страх Давида-скрипача? Разве праща здесь поможет? Разве камнем можно перешибить систему?

Послушай, я все хочу сказать тебе что-то очень важное. Но я не знаю, с чего начать…

Ты зовешь меня, и я прихожу. Но ты почти не говоришь со мной. Раньше меня это очень огорчало, а теперь мне это совсем не важно. Мы ведь все равно сидим здесь вместе. Можно даже помолчать. Но я вот что скажу тебе. Ты помнишь Давида, и вот это очень важно. Пока помнят моего Давида, значит, и меня помнят. Мы ведь с ним играли вместе. Он с душой, а я его пальцами прикасалась к струнам…

Вот я пришла поговорить, утешить тебя. А ведь я сама нуждаюсь в утешении. Ты думаешь, что только ты по нему скучаешь? Я тоже по нему скучаю. Поверь, намного больше, чем ты. Мне так его не хватает… Его самого и его музыки. Того, как он стоял на сцене и как держал скрипку и смычок. Его рук… Ты знаешь, я без него, как без рук. Его пальцами я могла бы прикоснуться к тебе. Его голосом говорить с тобой. И тогда ты бы услышал…

Ах, какое сладкое время было в Одессе! Лето, цветы акаций разливают в воздухе мед. Мне нравилось слушать, как трамваи бегут по рельсам, и вагоновожатый предупреждает звонком о своем движении. Как будто никто не услышит грохота трамвайных колес, если еще и звонок не зазвенит. Но как же наполняет этот звук жизнью все вокруг! Весь город. Как будто самые сладкие пчелы звенят на жарком солнце!

И вот мне целых пять лет, и мама отвела меня к самому Столярскому, и она больше всего на свете боялась, что он вынесет мне свой знаменитый приговор:

– Ах, нет, мадам, – живите спокойно…

Самый страшный приговор для одесской мамы, который означал одно – ваше дитя не гений.

Мне повезло, меня взяли в школу, и мне наконец досталась моя первая настоящая скрипка, такая маленькая, не как у взрослых – восьмушка. И я еще не настоящий человек, а только восьмушка взрослого. Но какая же эта скрипка была соблазнительная! Совершенно невозможно было не хотеть прикасаться к ней, играть на ней. Как только я увидела ее, я тут же все вспомнила. Все, что случилось со мной. У меня так застучало в голове, что я думала, что у Давида остановится сердце. Но тогда я впервые получила надежду, что снова смогу играть на ней. Я гладила ее по лакированным сводам, водила смычком по струнам и слушала, как эфы выдыхают самые прекрасные и загадочные звуки в мире. Она совсем не была похожа на киннор, но она стала любовью с первого взгляда, она стала продолжением меня. И теперь мы росли вместе с ней, а она росла вместе со мной. Такая желанная, такая певучая… А смычок казался мне ровно причесанной и аккуратно заплетенной конской гривой. Когда один волос рвался, я представляла, что это конь вырвался на свободу, и теперь его грива свободно развевается на ветру. Мне не хотелось сразу обрывать выбившийся волос. А как я любила запах канифоли…

Да, играл Давид, но можешь не сомневаться в том, что на самом деле играла я. Он позволял мне. Можно водить смычком по струнам сколько угодно и ни разу не сфальшивить, но люди скажут: «Ему чего-то не хватало! Играл без души». А разве музыку слушают ушами? Если скрипка становится частью души,

то ее струны становятся твоими оголенными нервами, и музыка рождается настоящая. Душа играет только для души. Ну ладно, играли мы с Давидом вместе. Но одно точно, только благодаря ему я могла играть так свободно.

Ты никогда не замечал, что люди вообще как инструменты? Вот, например, Гамлетов Полоний – как фагот. Сам толстый, ножки тонкие, крадется, оглядывается, подслушивает. Я слышу фагот. А Эйнштейн – рояль с распахнутой крышкой, хоть и играл на скрипке.

А как много среди людей расстроенных, не настроенных или просто фальшивых инструментов… К ужасу, они бывают очень энергичны и обладают невероятной способностью к самоорганизации. И когда они собираются в группы, все вокруг тонет в какофонии их энтузиазма. Больше всего на свете они обожают играть марши. Это лучшее, на что они способны. Потому что когда люди маршируют, их совесть как бы чиста. Они становятся одним целым. Когда люди маршируют, пусть талант незаметен, но и бездарность не так видна. Все становится серым, красным, коричневым… мощным. Больше не нужно думать, за вас подумают другие. Все что угодно можно сделать с легкостью. Даже убивать легко. Это как бы не они делают. Самые страшные беды от людей, которые маршируют. Во имя чего угодно.

Сколько маршей выпало на нашу долю! Первая мировая, революция, годы террора, вторая мировая… Г-споди, если бы не музыка, как вообще можно было выжить?

А Тамарочка… Дорогая, милая… что ей только пришлось пережить… какие страшные испытания выпали ей. Ну мне – понятно, но ей-то за что? В доме, там, где мы жили, однажды началось… каждую ночь подъезжал воронок, и раздавался стук в одну из дверей дома. Каждую ночь. И мы стали ждать, когда придут за Давидом. Тамарочка была с нами. Как Давид хотел защитить ее! Но он знал, понимал, насколько беспомощен, и выходило так, что часто сам искал утешения у нее. После бессонных ночей, измученный и опустошенный, он клал голову ей на колени. И она гладила его по голове, и говорила о том, как она счастлива разделить с ним любую судьбу, как она его любит, и что все обязательно будет хорошо. Она разговаривала с ним, но утешала меня.

А мы готовились к худшему. Мы с Давидом цепенели и ждали, а я жила в пятках. Иногда выглядывала оттуда, но не могла подняться выше живота. Бесконечные месяцы мы прислушивались: за кем придут на этот раз? Приходили обычно с четырех до пяти утра. И Давид потерял сон, и этот его страх вытеснил меня туда, где мне хуже всего, – в пятки. А со мной так нельзя. Когда мне плохо, то человеку еще хуже.

Один мыслитель в 1937-м году сочинил басню про двух лягушек, упавших в кувшин со сметаной. Одна лягушка сдалась и утонула, а вторая прыгала до тех пор, пока не взбила масло. И тогда выбралась из ловушки. Я не могу понять, почему люди восхищаются этой басней? Разве лягушка действительно сделала что-то выдающееся? Она спасала свою жизнь единственным доступным ей способом.

Я сочинила продолжение этой басни. Она о том, что у невежества так много уловок, что они практически не оставляют человеку шансов.

Однажды жила очень умная лягушка. Она прочла много книг и считалась самой мудрой из всех себе подобных. Ее любимой басней была та, где героиня, попавшая в беду, была преисполнена энтузиазма, сбила сметану в масло и сумела выбраться из ловушки, в которую угодила. Лягушка была очень довольна тем, что умела читать, и всерьез полагала, что знает, как выбраться из любой беды: главное – никогда не сдаваться. Так случилось, что вскоре она попала точно в такую же ситуацию. Она даже рассмеялась от радости, что, когда выберется, сможет рассказать другим лягушкам о своем приключении. «С каким восторгом они будут на меня смотреть!» – думала она. Преисполнившись энтузиазма, она принялась сбивать сметану в масло. Она не сдавалась. Прыгала и прыгала, прыгала и прыгала, без конца и без края, пока силы ее не иссякли. В конце концов она утонула, так и не взбив сметану в масло. Подозрительный цвет и отвратительный запах нисколько ее не смущали. Все потому, что она никогда не видела сметаны.

Так и люди. Разные люди попадают в разные ситуации, и каждый делает лишь то, на что способен. Просто разные люди способны на разное. Но в этом чаще всего нет ничего героического.

Это другие уже потом наделяют события смыслами, которых, возможно, и не было. Только сам герой знает, что он испытал, и какими словами это описать.

Если бы ты знал, как я завидовала вам, молодым, тем, кто отважился бежать! Давид ведь слишком часто держал меня в пятках. Только на сцене я и могла почувствовать себя по-настоящему свободной!

За Давидом так и не пришли. Но он навсегда был сломлен тем изматывающим страхом, который испытал в то время…

А потом снова большая война. Опять миллионы, десятки миллионов жертв. Все расписано, посчитано, люди маршируют.

Но сначала было слово. В словах заключены знания и мудрость. С помощью слов люди могут понимать друг друга, помогать друг другу, работать вместе. А что человек? Он научился даже убивать словом. И словом своим погубил собственную душу. Человек слаб. Но если бы только это… Он еще и жесток. Знаешь, дорогой, будь моя воля, я бы запретила тем, кто посвятил себя искусству, тем, кто сочиняет музыку или исполняет ее, высказывать свои мысли о том, как, на их взгляд, следует поступать с другими людьми. Пусть лучше пишут картины, стихи сочиняют, в шахматы играют, занимаются музыкой. Я все думаю о том, какая судьба постигла бы музыку Вагнера, если бы он не считал себя мыслителем. Если бы не высказывал своих чудовищных идей. Какую музыку тогда нацисты выбрали бы для вдохновения?

Но вот он высказался, и рука его последователя и поклонника вывела сначала на бумаге, а потом и в жизни простое и страшное уравнение для моего народа. Весь мой народ – повинен смерти. Не отдельный человек за свое преступление, а каждый человек, просто потому, что в этом уравнении он подлежит абсолютному уничтожению. И звезды Давидовы стали загораться в лагерях смерти. И возвращаться домой. На небо.

Есть люди, которые говорят, мол, что вы носитесь с идеей, будто война только для вас стала трагедией? Других тоже убивали. Погибли десятки миллионов людей разных национальностей. Но ведь это все равно что подойти к человеку, у которого умерла мать, и сказать ему:

– Что ты плачешь, что вспоминаешь ее? У других тоже матери умерли. И ничего, не вспоминают и не плачут ведь.

Лучше бы молчали.

Во время войны Давид много работал, мы ездили с концертами по стране, выступали перед измученными людьми, которые трудились и в зной, и в лютый холод, для того чтобы обеспечить фронт всем необходимым для победы. Мы играли в госпиталях и в блокадном Ленинграде. Разве мог мой Давид прятаться где-нибудь в эвакуации, разве мог не играть музыку для этих людей? Ведь музыка исцеляет, внушает надежду, придает сил даже тем, кто смертельно устал.

В 42-м Давид вытянул счастливый партбилет. Счастливым он был потому, что отказаться было нельзя. А когда закончилась война, вот это было самое настоящее счастье.

Знаешь, а ведь я отлично помню нашу первую с тобой встречу! Давид не помнит! А я – да! Давид сделал свое дело – отыграл концерт, откланялся публике и пошел за кулисы. Признаюсь, я была счастлива. Мы с ним играли, и я наслаждалась его виртуозным и моим прочувствованным исполнением! Все-таки в том, чтобы быть его душой, были свои плюсы… И в концертном зале я увидела тебя. И знаешь, я была эгоистично рада слышать, как ты – пятилетний – безутешно рыдаешь! Ты хотел, чтобы музыка, которая прекратилась, продолжалась! Это значит, что в Одессе еще рождаются талантливые музыкальные дети! Мне хотелось обнять тебя и уговорить перестать плакать, я даже крикнула тебе, что мы увидимся еще много раз. А ты, разумеется, меня не слышал. Ты предпочитал рыдать! Но ведь это же были самые сладкие слезы твоей жизни. (*Все это она говорит с улыбкой*.)

А потом мы снова встретились. Я ведь обещала! Самоуверенный, самодовольный, нахальный «малютка», ты отыграл передо мной без запинки все положенные ноты до одной «сцен из балета» Берио. Таким и должен быть талантливый еврейский ребенок – лишенным всяческого страха. Правда, в твоем исполнении не было не только чувства страха, но и любого другого чувства. Да и откуда же ему взяться у десятилетнего вундеркинда? И все же Давид заставил тебя задуматься над тем, что в музыке

главное не ноты, а тот внутренний рассказ, твой и только твой, который наполняет их смыслом и делает их живыми.

А потом ты снова вырос. Самоуверенный, азартный и увлеченный шахматами, ты заставил ждать меня и самого Давида Ойстраха! Не прошло и десяти лет, как ты забыл свои горькие слезы, которые лил в нашу первую встречу, и профессору пришлось притащить тебя за шиворот и пожаловаться, что скрипке ты предпочитаешь шахматы! Вот тут Давид наконец-то и обратил на тебя внимание! Это ведь большая радость – обнаружить среди талантливых молодых коллег достойного соперника в шахматах! Кстати, скажу по секрету, иногда я поддавалась тебе! Давид – нет! А я – да! Я поддавалась! Давид даже не догадывался! (*Улыбается*.)

Когда он играл в шахматы или исполнял музыку, то забывал обо всех унижениях. В эти моменты он побеждал всех царей и королей.

В тебе Давид видел себя. Только смелого. Помнишь, Давид пригласил тебя в гости на Масленицу? Тамарочка жарила вкуснейшие блины. А мой Давид, как Микеланджело, отсекал от этих кругов, этих Солнц и Лун, все лишнее, пока не оставалась только звезда Давида. И он был счастлив тогда, и сказал: «Вот это моя звезда!». Он доверил тебе свою тайну. Но понял ли ты тогда?

Я слово в слово помню, как Давид сказал тебе, когда узнал, что ты уезжаешь:

– Знаешь, я всегда, восхищаюсь смелостью таких людей, ведь многие из вас становятся жертвами и заложниками этого режима! Я, несмотря на все свои заслуги и регалии, остаюсь маленьким провинциальным евреем и смертельно боюсь *их*!

Знаешь, мой дорогой, мы ведь вместе с тобой были на Небе! Когда я покинула тело моего Давида, ты был в самолете. Вам сообщили по радио о его смерти. Я приходила попрощаться с тобой. Мне нужно было твое присутствие, твое сочувствие. Ведь я больше всего остального мира переживала эту потерю!

По иронии судьбы, Давид умер в Амстердаме, вне клетки. И если честно, это был единственный возможный для него вариант бегства, переезда, эмиграции. Так он бы точно знал, что своим решением никому не причинил вреда. Никого: ни друзей,

ни родных, ни учеников, никого не смогли бы допрашивать, никем не смогли бы его шантажировать те, кого он безумно боялся.

Ах, как я тоскую по нему! Так же, как он тосковал по своему концертному фраку. Только в нем он и мог почувствовать себя по-настоящему свободным. На сцене. Но я не могу позвать моего Давида и надеть наш фрак. Потому что Давида больше нет. Из нас двоих осталась только я.

Но я должна сказать тебе, что мы с ним все-таки были счастливы! Я была у него, он был у меня. И у нас с ним была скрипка. Мы всегда играли вместе. Давид был влюблен в прекрасную женщину и любим ею, у него родился сын, и сын стал его учеником и самым лучшим другом. У него были ученики и поклонники, у него была мировая слава. А у меня был Давид. Он дал мне возможность исполнить свои надежды. Получать и наслаждаться я могу и без тела, но отдавать я способна, только воплотившись в человеке. И Давид для меня был лучшим человеком. Скромным и влюбленным в музыку. Только одна я знаю, что Б-г отправил Давида в эту безб-жную страну, чтобы он являл чудо музыки простым людям и смягчал их сердца. Потому что никто не может запретить Б-гу войти туда, куда Он пожелает. Потому что стать непобедимым, когда за тобой стоит сам Г-сподь, смог бы кто угодно. А служить Г-споду музыкой, не слыша Его голоса, не чувствуя Его защиты, страшно. Но мы с Давидом выполнили свое предназначение. В этот раз не пастух играл для царя, а царь играл для простых людей. А судьба… она предначертана звездой, под которой человек родился… Может быть, ему в чем-то и не хватило смелости, но он никому не причинил зла. Ему часто бывало темно и страшно, но он оставался светлым. И, конечно, он всегда оставался маленьким еврейским мальчиком из Одессы.

Возможно, Зорик заводит пластинку… Душа останавливает пластинку.

– Знаешь, милый мой, наверное, я пришла к тебе в последний раз. Я не знаю, как сказать, но я должна… Я так люблю Давида… И я всегда буду его помнить. Но я должна наконец тебе это сказать. Мне больше некому это сказать. Я знаю, что ты меня поймешь. Ты не осудишь меня. Я так больше не могу! Мне нужен человек. Мне нужны его руки. Я хочу играть на скрипке! Чего бы

мне это ни стоило. Мне страшно, но я готова начать все сначала. Я буду счастлива разделить с ним любую судьбу. И, знаешь, я думаю, ты мог бы помочь мне. Ты моя последняя надежда. Ты же знаешь, что кадиш может изменить к лучшему решение Г-спода. Я все думаю, вот если бы кто-нибудь исполнил кадиш для меня, может быть, эта моя потеря смогла бы быть восполнена? Может, мне бы позволили еще раз…

Если мне будет позволено… Если будет на то воля Б-жья… пусть это будет Давид третий.

Уходит со сцены.

Зорик некоторое время сидит неподвижно. Когда Душа уходит со сцены, он поворачивает голову в ту сторону, где была Душа, и начинает играть кадиш.

Роман Бродавко

Мой «секретный друг»

Уже более полувека на моем стеллаже обитают «Крылатые слова» Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной с дарственной надписью: «Дорогому Ромочке в личную библиотеку от секретного друга Юл. Ник. 22.04.1960». «Секретный друг» – Юлия Николаевна Разумовская, супруга Василия Степановича Василько, актриса, хореограф, неизменный ассистент Мастера его в постановочной работе. Судьба подарила моим родителям многолетнюю дружбу с этой семьей, а мне – незабываемые уроки культуры поведения, этики отношений и азы знаний о театре. Увы, по своему малолетству я столько важного и интересного упустил!..

В доме Василько на Софиевской улице, 10, всегда царила атмосфера доброжелательности, взаимоуважения, искренности. При посторонних Юлия Николаевна называла мужа по имени-отчеству, всегда подчеркивая его приоритет в суждениях, мнениях, оценках. А в узком кругу ласково обращалась к нему «Васенька» – причем с такой нежной, завораживающей интонацией, от которой всем присутствующим становилось хорошо на душе. Так же нежно относился к супруге и Василий Степанович, для которого Юлия Николаевна до последнего вздоха оставалась самым любимым человеком.

Когда я начал самоосознавать себя, Юлия Николаевна уже заканчивала свою актерскую карьеру, хотя по возрасту могла бы работать в театре еще многие годы. Она вынуждена была уйти со сцены из-за обострившейся болезни глаз. Однако до конца жизни Юлия Николаевна продолжала творческую работу, помогая Василию Степановичу в режиссерской работе, в написании монографий и инсценировок.

Понятно, что надпись на книге «секретный друг» – не более чем игра с десятилетним мальчиком. Но, тем не менее, многое из жизни Юлии Николаевны действительно остается «секретом». Оно покрыто прочной завесой тайны, и проникнуть сквозь нее порой практически невозможно: насколько я знаю, Разумовская даже близким друзьям не рассказывала о себе.

Она родилась в Одессе. О ее семье практически ничего не известно. Юлия Николаевна не любила свой день рождения, никогда его не отмечала. Когда и каким образом пришла она к актерской профессии, тоже неизвестно.

В 1926 году, когда В.С. Василько, к тому времени уже известный режиссер, возглавил одесскую Держдраму, он вместе со своей первой супругой талантливой актрисой и педагогом Любовью Михайловной Гаккебуш организовал при театре студию, в которую была принята и юная Юлия Разумовская. Студийцев воспитывали по новым методикам, которые зачастую не соответствовали канонам традиционного украинского театра. Часть труппы не принимала новаторских приемов в режиссуре и актерской игре, которые утверждал Василько – верный ученик Л.С. Курбаса, считая их не соответствующими сложившейся национальной традиции. Тем не менее практика доказывала противоположное: спектакли Василько с участием молодых актеров проходили с большим успехом и были поддержаны критикой.

Актеры Держдрамы и других театров часто снимались в фильмах Одесской кинофабрики. Среди них – Юлия Разумовская, удачно сыгравшая, в частности, роль второго плана в фильме «Глаза, которые видели» – о жизни еврейского местечка в годы первой мировой войны. Ее партнерами по фильму были известные в Одессе актеры: М. Ляров, И. Миндлин, Ю. Солнцева, М. Заславский…

В 1928 году в Держдраме сложилась обстановка, при которой пребывание В.С. Василько в должности главного режиссера стало невозможным. Он не мог мириться с требованиями части труппы, которая утверждала, что «режиссер – слуга актера». Компромиссное решение не было найдено. И тогда Мастер принимает предложение возглавить харьковский Червонозаводский театр и по-

кидает Одессу. Но не один. С ним в тогдашнюю столицу Украины выехала большая группа молодежи, в числе которой была и Юлия Разумовская.

В Харькове Василько осуществил ряд удачных постановок, особенно – пьес современных драматургов. В списках исполнителей постоянно находим имя Разумовской. В те годы наиболее удачной для нее стала роль Плаксивой в «Моем друге» Н. Погодина, где, по мнению критики, молодая актриса создала яркий характер.

В 1933 году Василько назначили главным режиссером украинского театра в Сталино (нынешний Донецк). И вновь за своим учителем и любимым режиссером на Донбасс отправляется группа актеров, среди которых и Ю.Н. Разумовская.

Здесь состоялся дебют Юлии Николаевны как хореографа. Обратимся к книге В.С. Василько «Театру віддане життя»: «Среди наших актеров хореографическими способностями выделялась Юлия Разумовская. Я решил просить ее взяться за постановку танцев, с тем чтобы из нашей среды воспитать хореографа именно драматического театра и таким образом избежать зависимости от гастролеров-балетмейстеров. По своему характеру Юлия Николаевна – очень скромный, более того, стеснительный человек. Она категорически отказывалась. Только когда нужно было поставить танго в «Егоре Булычеве», мы уговорили ее… Юлия Николаевна с этим заданием блестяще справилась… У нас вырос талантливый хореограф большой фантазии, воображения, с умением музыкально-пластическими способами раскрыть психологическую суть образа».

Настоящей творческой удачей Разумовской-хореографа стали танцы в спектакле «Свадьба Свечки». Спектакль пользовался успехом, а критика отмечала оригинальность его пластического решения.

Из ролей, сыгранных Разумовской в то время, особого внимания заслуживают Маргарита Ивановна в «Аристократах» Н. Погодина и – особенно – Людмила в «Вассе Железновой» М. Горького. В воспоминаниях В. Василько читаем: «Людмилу, недоумковатую дочь Вассы, играла Юлия Разумовская. Она продемонстрировала своеобразный тонально пластический рисунок роли, много

выдумки в использовании режиссерских мизансцен, в раскрытии психофизическим действием особенностей характера этой девушки… Исполнение роли Людмилы было по-настоящему мастерским».

В 1938 году Василько вновь приглашают в Одессу. И, как и прежде, с ним в наш украинский театр приезжает группа единомышленников. К 125-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко, которое широко отмечалось в 1939 году, Мастер ставит спектакль «Поетова доля», который был удостоен Большой Шевченковской медали.

Следующей постановкой Мастера стали «Виндзорские кумушки» У. Шекпира. Спектакль пользовался большим успехом, что, по мнению критиков, в немалой степени было обусловлено хореографией Юлии Разумовской.

По мнению театральной общественности, с приездом Василько у Одесского украинского театра открылось второе дыхание. Однако Василий Степанович проработал в Одессе около двух лет. Перед войной его назначают главным режиссером Львовского театра имени Леси Украинки. Во Львов Василий Степанович едет с Юлией Николаевной, которая к тому времени стала его женой.

В годы второй мировой войны Василько и его супруга служат в Харьковском театре имени Т.Г. Шевченко. В военные годы высоким спросом у публики пользовались комедии, и Василько с успехом осуществляет постановку «Шельменко-денщика». В этом спектакле он играет Шпака, а Юлия Разумовская – Мотрю.

В эвакуации Василий Степанович осуществляет постановку оригинальной шевченковской программы, в первом отделении которой звучали стихи и песни на стихи Кобзаря, а во втором фрагменты из оперы Н. Аркаса «Катерина». Образ Катерины создала Юлия Разумовская.

С большой группой актеров Юлия Николаевна принимает участие в работе фронтовых бригад, участвует в постановках концертных номеров.

В 1944 году Василько назначают главным режиссером Черновицкого украинского музыкально-драматического театра. В процессе поисков оригинального литературного материала Василий

Степанович заново открывает для себя прозу Ольги Кобылянской. Он создает инсценировку повести «Земля» и приступает к ее постановке. По его мнению, для полноты впечатления в спектакле необходимо было передать этнографические особенности края, в котором разворачиваются события. Тогда по инициативе Разумовской организуются экспедиции в села для сбора необходимого материала. В состав экспедиций, кроме Василия Степановича и нее, входили актер театра и блестящий знаток фольклора Иван Спинул, композитор и дирижер Лев Блех и еще несколько студийцев. Экспедиции были небезопасным делом: в горах еще стреляли… Тем не менее участниками был собран бесценный материал. Он воплотился в яркие хореографические сцены, которые поставила Разумовская. В спектакле «Земля» она сыграла одну из главных ролей – роль Анны.

Юлия Николаевна Разумовская

В 1947 году в Черновцах состоялась премьера шекспировских «Виндзорских кумушек», в которой роль леди Форд с успехом сыграла Юлия Николаевна.

В 1948 году Василько и его супругу вновь пригласили в Одессу. Первой постановкой стала его инсценировка «Земли» О. Кобылянской с блестящим составом исполнителей: в спектакле играли И. Твердохлиб (Иваника), Н. Ващенко (Мария), А. Луценко (Михайло), Ю. Разумовская (Анна), Ф. Шнейдер (Рахира), Ю. Бабенко (Савва).

Как и в черновицком театре, развернутые хореографические сцены поставила Юлия Николаевна. Они стали неотъемлемой частью спектакля.

Столь же впечатляющей была хореография Разумовской в спектакле В. Василько «У неділю рано зілля копала…» – по одноименной повести Ольги Кобылянской. После одесской премьеры инсценировка В. Василько «У неділю рано…» была принята к постановке более чем тридцатью театрами.

А опыт пластических сцен в этом спектакле впоследствии использовали многие режиссеры.

Спустя несколько лет после выхода на пенсию В.С. Василько поставил в Одесском украинском театре два спектакля. Мне выпало счастье быть на нескольких репетициях и видеть, как сценически воплощались хореографические замыслы Юлии Николаевны.

К столетию со дня смерти Т.Г. Шевченко Одесский украинский театр готовил спектакль «Гайдамаки» по инсценизации Леся Курбаса. Впервые поэма Кобзаря была переведена великим режиссером-новатором на язык театра в 1920 году. В своей постановке Курбас использовал приемы древнегреческой трагедии, в частности, введя в сценическое действие хор, который назвал «Десять слов Поэта». Хор сопровождал действие, был комментатором событий и во многом определял зрелищность постановки. Этот прием взял на вооружение и Василько, хотя значительно переработал литературный материал и определил его пафос как призыв к дружбе между украинским и польским народами.

Десять женщин, составляющих хор, были им названы «думами Поэта». Их сценическая жизнь определялась емким хореографическим решением, автором которого была Юлия Николаевна. Пластика каждой «думы» была глубоко продумана, обусловлена характером персонажа. Движение хора по сцене было на редкость выразительным. Оно соответствовало логике сценического действия, музыкальному сопровождению, световой партитуре. В центре хора был Поэт (его роль прекрасно исполнил актер В.К. Круль). «Думы» обращались к нему, окружали его, отражали его мысли…

Василько и Разумовская всегда приходили на репетиции подготовленными, с четко сформулированными задачами, которые ставили перед исполнителями. Они работали с каждым актером,

независимо от того, каковы были масштабы его роли, и создавали слаженный актерский ансамбль, добиваясь в этом подлинного художественного совершенства.

Дом Василько и его супруги всегда был открыт для актеров, которые могли прийти сюда за советом, помощью, профессиональной консультацией. Никому никогда не было отказа. Для своих коллег Василий Степанович и Юлия Николаевна никогда не жалели ни времени, ни сил.

В 1962 году Василько приступил к постановке своей инсценировки романа В. Шишкова «Угрюм-река». Однажды по какому-то маминому поручению я пришел к Василько. Дверь открыл Василий Степанович. Приложив палец к губам, он сказал: «Юлия Николаевна занимается с актрисой. Тебе придется подождать. Возьми книгу и сядь в столовой».

Я уселся в кресло с книгой, а из соседней комнаты, кабинета, громко звучали женские голоса: Юлия Николаевна работала над ролью Анфисы с актрисой В. Савицкой. Мне было уже не до книги: я навострил уши и слушал, как Юлия Николаевна выстраивала интонацию, как давала практические советы по сценическому поведению, как убедительно аргументировала свое видение сцены. Тогда я еще мало что понимал в том, что называется работой над ролью. Услышать бы этот урок сейчас…

Василько-драматург сегодня, к сожалению, мало востребован. Жаль! В его литературном наследии много интересного и современного, не говоря о том, что его пьесы воспринимаются как готовые режиссерские экспликации к спектаклю. Инсценировки произведений Кобылянской, Марко Вовчок, Котляревского, Гоголя, Фейхтвангера, Ольги Форш… При творческом подходе к ним они могли бы украсить репертуар любого театра.

В создании инсценировок самое непосредственное участие принимала Юлия Николаевна. Василий Степанович всецело доверял ее тонкому вкусу, ее творческому видению, ее жизненному опыту. Однажды (это было на даче) я был невольным свидетелем обсуждения одной из сцен «Испанской баллады», над которой работал Василько, и увидел, насколько принимал Мастер доводы, приводимые Юлией Николаевной, как прислушивался к ним.

Она была и первой читательницей трудов Василия Степановича по истории украинского театра.

Мне всегда казалось, что Юлия Николаевна живет исключительно ради него, заботясь о его здоровье, оберегая от житейских неурядиц.

Юлия Разумовская намного пережила мужа. Она была сложным человеком, ей не всегда удавалось ладить с людьми, даже с теми, которые были ей искренне преданны. Но ей многое прощалось, потому что ее доброта, отзывчивость, внимание, дорогого стоили…

Юлия Николаевна осталась в памяти тех, кто ее знал, как яркая, многогранная и талантливая личность. И пусть время стирает воспоминания, хотелось бы, чтобы в посмертной славе В.С. Василько не забывали и о Ю.Н. Разумовской – его жене, друге, соратнице.

Фото из фондов Одесского литературного музея

Евгений Деменок

Савелий Сорин и Давид Бурлюк

Савелий Сорин в Одессе

Они могли бы встретиться в Одессе, и с большой вероятностью стали бы друзьями, но разминулись всего на год. Савелий Сорин окончил Одесское художественное училище в 1899 году. Давид Бурлюк поступил в него в 1900-м.

Я не случайно сказал о дружбе. За первый год учебы в Одессе, в 1900-1901 (второй – и завершающий – год будет лишь через десять лет), Давид Бурлюк сдружился со многими соучениками, невзирая на их возраст и класс в училище. Это были Степан Колесников и Исаак Бродский, Борис Анисфельд и Тимофей Колца, Митрофан Мартыщенко (Греков), Лейба Орланд и Петр Овсяный. Интересно, что все они отлично окончили Одесское художественное училище, что давало право на поступление в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге без экзаменов, невзирая на вероисповедание (с 1894 года иудеев в Одесской рисовальной

школе, получившей в 1899 году статус училища, было стабильно больше, чем православных, католиков и уж тем более протестантов). Борис Анисфельд окончил ОХУ в 1900 году, Тимофей Колца и Петр Овсяный – в 1901 году, Исаак Бродский – в 1902 году, Степан Колесников и Митрофан Мартыщенко – в 1903-м, Лейба Орланд – в 1904-м. Все они поступили в академию (интересно получается – Бурлюк дружил с самыми талантливыми). Поступил в академию в 1899 году и Савелий Сорин, окончив реальное училище и Одесскую рисовальную школу с медалью, что давало ему право поступления в ИАХ без экзаменов.

Учеба его в Императорской Академии художеств была успешной. С 1899 Сорин учился у И.И. Творожникова и В.Е. Савинского, с 1901 – у Ильи Ефимовича Репина. 31 октября 1907 за картину «Вдохновенная минута», изображающую актрису Элеонору Дузе в момент репетиции, получил золотую медаль, звание художника и заграничное пенсионерство. В 1908-1909 годах как пенсионер академии побывал во Франции, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Германии и Италии.

Но вернемся в Одессу.

«В шестнадцать лет, в 1894 г., будущий художник С.А. Сорин, сын небогатого портного из Полоцка, видимо, из-за неладов с отцом ушел из дома – навстречу судьбе.

Сегодня трудно со всей определенностью утверждать, что было причиной этого ухода, но предположить – вполне легко.

Сорин родился в 14 (26 по новому стилю) февраля 1878 г. в Полоцке, небольшом городке Витебской губернии. Некогда столица древнего Полоцкого княжества, от которого сохранился Софийский собор XI в., к концу XIX в. город превратился в небольшое уездное местечко в черте оседлости еврейского населения России. Это обстоятельство, безусловно, накладывало свой отпечаток на быт, образ жизни и формирование личности будущего художника в его детские годы.

<…> В 1973 г. в небольшом каталоге, подготовленном к единственной персональной выставке художника в СССР, после которой его картины были переданы советским музеям, его вдова А.С. Сорина писала: «Несмотря на то, что С.А. Сорин родился в очень бедной семье, где не понимали его таланта и стремле-

ний к наукам, препятствовали даже посещению школы, он пошел по избранному пути».

Так пишет харьковский искусствовед, автор целого ряда статей о художнике Александр Всеволодович Шило.[1]

Савелий Сорин. Фото из Одессы. 1896-1899

Интересно, что внук Савелия Сорина, Владимир Григорьевич Сорин, предполагает, что родился Сорин на самом деле как раз в Одессе:

«Но от родственников мне известно, что к моменту рождения Савелия семья его отца – нищего портного Абрам-Израйля Сорина жила в Одессе, ютясь там в крошечной лачуге, – пишет он. – В семье уже было двое маленьких детей. Все мучились из-за нищеты, и появление еще одного ребенка усугубляло их жалкое положение. В поисках лучшей жизни семья Савелия вскоре после его рождения вынуждена была переехать из Одессы к родственникам в Полоцк, где он и был зарегистрирован полоцким раввином по существовавшему тогда закону.

Значит, местом рождения Савелия Сорина, скорее всего, была Одесса, а не Полоцк, а 14 февраля – вероятно, это дата регистрации, а родился он несколько раньше. То, что в Полоцке у семьи Сориных жили родственники (возможная причина переезда именно в Полоцк), сейчас подтвердили архивные данные: в эти времена там числился «Сорин Абрам Самуилович, полоцкий мещанин».[2]

Уйдя после ссоры с отцом из дома, Савелий Сорин пошел сначала в Вильно, затем – в Тулу и Орел. Два года он бродяжничал, перебиваясь случайными заработками, в том числе продажей газет. В 1895 году Сорин попадает в Одессу. Главной целью юноши, с детства больше всего на свете любившего рисовать, было поступление в Одесскую рисовальную школу. Но для этого ему предстояло решить несколько проблем – как минимум иметь постоянный заработок и жилье. Сорин поступает в пекарню рабочим на ночную работу, снимает себе угол и подряжается разносить

по утрам газеты. Кроме того, чтобы поступить в рисовальную школу, нужно было иметь хотя бы неполное среднее образование. У него же не было никакого. Но талант победил – Сорина в январе 1895-го приняли по экзамену сразу в 3-й класс живописного отделения рисовальной школы. В Общеобразовательное училище при ОРШ он поступил уже в 1896 году, сразу во 2 класс.

«Конечно, поступление в Одесскую рисовальную школу было важнейшей вехой в жизни будущего художника, определившей всю его будущую жизнь», – пишет А.В. Шило.[3]

Соучениками Сорина были будущие друзья Бурлюка – Анисфельд, Мартыщенко, Колесников, Бродский, а среди учителей наибольшее влияние на него оказали Геннадий Ладыженский, Луиджи Иорини, и в первую очередь Кириак Костанди.

Именно Костанди оказал наибольшее влияние и на Бурлюка. «Мой колорит ознакомился с лиловатыми гаммами русского импрессиониста Костанди, и когда я в 1901-2 году опять появился в Казани, затосковав по своим казанским друзьям, то в бесконечном количестве привезенных опять на берега мной этюдов Юга было гораздо больше мягкости и понимания тональности», – писал он.[4]

Повышенный интерес к цвету, к пленэру был характерен для учеников Костанди, которых Репин называл «талантливыми колористами с тонким чутьем форм». Вот слова самого Репина из письма к Костанди: «Я просто обожаю Вашу рисовальную школу. Лучшего преподавателя, лучшей подготовки я не знаю. Я постоянно узнаю одесситов по их прекрасным работам, их произведения согреты лучами южного солнца, идейны и прекрасны в техническом отношении».[5]

Уже в академии Сорин буквально уговорит Репина взять его в свой класс – и будет в разговорах с Г.Н. Кузнецовой уже во Франции называть себя «последним учеником» Ильи Ефимовича.

После переезда в Санкт-Петербург Савелий Сорин быстро приобретает себе известность как блестящий портретист. В 1900-1910-х годах он создает целую серию портретов известных людей: один из первых портретов Максима Горького (1902), балерины Т.П. Карсавиной в роли Сильфиды (1910), певца Леонида Собинова (1914), поэтов Анны Ахматовой (1914) и Михаила Куз-

мина (1915), режиссера Николая Евреинова (1914), композитора А.С. Лурье (1915, 1917), княгини О.К. Орловой и многих других. Он участвует в выставках общества «Мир искусства» в 1913, 1915 и 1917 годах; в том же 1917 году участвует в выставке Нового общества художников. Работы его публикуются во многих российских журналах, в том числе «Солнце России», «Столица и усадьба», «Нива», «Лукоморье», «Искусство», «Аполлон», «Огонек».

Автопортрет из альбома В. Судейкиной
Около 1920 г. Бумага, графитный карандаш, акварель

В 1917 году Савелий Абрамович решает уехать из охваченной революцией столицы на Юг. До 1919 года он живет в Ялте, где принимает участие в целом ряде выставок и сближается с супругами Судейкиными, а летом 1919-го перебирается вместе с ними в Тифлис. Там он участвует в выставке «Малый круг», расписывает вместе с С.Ю. Судейкиным интерьеры кафе «Химериони» и «Ладья аргонавтов».

8 мая 1920 Сорин отплывает вместе с Судейкиными из Батума в Марсель, а оттуда 20 мая прибывает в Париж. Парижский период продлится до начала второй мировой войны – следующим и последним местом жительства Савелия Абрамовича станет Нью-Йорк. Именно в Нью-Йорке в 1923 году он и знакомится с Давидом Бурлюком.

«Сорин приехал в Америку в 1923 г. уже сложившимся и снискавшим европейскую известность мастером репрезентативного портрета, – пишет А.В. Шило. – Мотивы приезда были более чем прозаические: новые заказы, которые исходили от крупных американских финансистов. Сорин сразу принялся за работу, которую он выполнял медленно и скрупулезно, в тщательности портретирования не уступая Серову и Сомову. Но эта работа

происходила вдали от глаз как публики, так и коллег. На виду же оказалось нечто другое: Сорин сразу же окунулся в водоворот художественной жизни Америки.

Вот лишь некоторые события сезона 1923-1924 года, в которых участвовал Сорин:

– выставка современного русского искусства в Бруклинском музее (участники Б. Анисфельд, А. Яковлев, А. Архипенко, Д. Бурлюк, Б. Григорьев, С. Судейкин, Л. Бакст, В. Кандинский);

– выставка в «Новой галерее» на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке (среди участников П. Пикассо, А. Матисс, Ж. Брак, А. Модильяни, Х. Сутин, Мари Лорансен);

– передвижная выставка русского искусства в Америке (Grand Central Palace в Нью-Йорке)», – пишет А.В. Шило.[6]

Безусловно, художник такого уровня не мог не привлечь внимания Давида Бурлюка, уже работавшего тогда в редакции газеты «Русский голос» и регулярно публиковавшего заметки о русских художниках в Америке. Тем более что оба художника сразу же приняли участие в выставке в Бруклинском музее.

Савелий Сорин и Давид Бурлюк не стали друзьями и даже приятелями. К моменту знакомства положение их было весьма различным – Сорину покровительствовал миллионер и меценат Отто Кон, который сразу ввел его в высшие круги американского общества; Бурлюк же почти двадцать лет добивался в Америке материального успеха и признания, начав практически с нуля. Сорин не рисовал портретов Бурлюка, как это делали Николай Фешин, Николай Цицковский и братья Сойеры, он не бывал у Бурлюков дома и не оставил о нем воспоминаний. Бурлюк же, в свою очередь, писал о Сорине неоднократно – в силу не только доброжелательной заинтересованности, проявляемой Давидом Давидовичем к талантливым коллегам по цеху, но и в силу профессиональных обязанностей. Впервые он написал о Сорине в своей заметке «Среди русских художников в Америке», опубликованной в газете «Русский голос», в которой Бурлюк работал с 1923 по 1940 год.[7] Затем небольшой очерк о Сорине вошел в составленный Давидом Давидовичем в 1928 году сборник «Русские художники в Америке: Материалы по истории русского искусства 1917-1928».[8]

О Сорине писал, разумеется, не только Бурлюк. Писали о нем многие. А.В. Шило отмечал:

Автопортрет. 1936 г.

«Имя Савелия Абрамовича Сорина (1878-1953) встречается в исследованиях, посвященных изобразительному искусству русской эмиграции, в разнообразных дневниках, мемуарах и эпистолярии крупнейших представителей художественной культуры рубежа XIX-XX вв. – А.Н. Бенуа, А.М. Горького, И.Э. Грабаря, К.А. Сомова, К.И. Чуковского и др. Ему была посвящена статья С.К. Маковского в журнале «Жар-Птица», выходившем в Берлине в 1922 г., в 1929 там же был издан альбом его портретных работ».[9]

И тем не менее, два очерка Бурлюка о Сорине интересны тем, что принадлежали эти люди, пожалуй, к совершенно разным мирам. Останься оба художника в России, они могли бы прожить жизнь, не замечая друг друга, либо же, наоборот, критикуя. Скорее всего, критика исходила бы лишь со стороны Бурлюка – Савелий Сорин в критике своих коллег замечен не был. Для того чтобы понять, какой могла бы быть риторика Бурлюка, достаточно прочесть очерк «Семидневный смотр французской живописи» ближайшего друга и соратника Давида Бурлюка, Владимира Маяковского, в котором есть такие слова о Сорине:

«До полного цинизма дошел Сорин. Портрет Павловой. Настоящий куаферо-маникюрщик. Раскрашивает щечки, растушевывает глазки, полирует ноготочки. Раньше привлекали вывески – «Парикмахер Жан из Парижа», теперь, очевидно, привлекают – «Парикмахер Савелий из Петербурга».

Адмирал Битти заказал ему портрет. Недалеко уедешь там, где вкусом правит этакий адмирал. Хорош был бы английский флот, если бы адмиралов к нему подбирал Сорин».[10]

Давид Бурлюк в гостях у Николая Циковского, Лонг-Айленд

Нужно заметить, что речь идет о работах Савелия Сорина, выставленных в парижском Осеннем салоне в 1922 году. В этом же году, 2 сентября, семья Бурлюков прибыла в Нью-Йорк, чтобы остаться там до конца жизни. В эмиграции смягчается любая риторика, эмигрант, как правило, начинает ценить соотечественников, оказавшихся рядом. Это произошло и с Давидом Бурлюком. Например, с Борисом Григорьевым, которого в упомянутом выше очерке раскритиковал Маяковский, Бурлюк дружил долгие годы.

Игорь Грабарь, не любивший Бурлюка и писавший противоречившие друг другу отзывы и о Сорине,[11] писал в автомонографии о встрече в Америке с Сориным и Бурлюком:

«На другой день к нам в гостиницу пришли художники С.А. Сорин, С.Н. Судьбинин, Б.Д. Григорьев, С.Ю. Судейкин, Б.И. Анисфельд и Давид Бурлюк. Сорин жил в Париже, наезжая ежегодно на несколько зимних месяцев в Нью-Йорк. В то время он имел уже репутацию большого портретиста и писал портреты американских миллиардерш. Писал он иначе, чем в бытность свою в России, когда он выставлялся на «Мире искусства». Его портреты, всегда интересные по композиции, обычно сложные и обстановочные, были теперь скорее картинами, чем портретами в собственном смысле слова. По технике они также сильно отличались на выставках от других; Сорин писал исключительно акварелью и гуашью, отчего они для своих больших размеров слишком акварельны – скорее расцвеченные рисунки, чем живопись. Лучший из них – Анны Павловой. Во время устройства выставки Сорин помогал нам советом и связями, очень сочувствуя выставке».[12]

Речь идет о «Выставке русского искусства», которая прошла в нью-йоркском Grand Central Palace с 8 марта по 20 апреля 1924 года, а затем поехала в американскую провинцию.

И далее, в письмах жене, Грабарь пишет:

«Сорин Савелий Абрамович сделал большие успехи, и его вещи гораздо серьезнее прежних. Имеет немало заказов разных барынь. Между прочим, рисовал Орлову (серовскую), кстати, умершую в прошлом или позапрошлом году. Все это большие рисунки, слегка расцвеченные карандашами. Не прочь продать хорошую вещь, «Павлову» в Трет[ьяковскую] галерею, за небольшую цену, причем готов не брать денег, т. е. ни за что не хочет брать их, предоставляя отдать нуждающимся русским художникам или на покупку красок им и т. п. Он все время говорит о необходимости тесного контакта со всеми русскими художниками. Вся его семья, мать, братья, сестры (не знаю, есть ли жена) находятся в России. Судьбинин и Сорин сначала говорили, что они едва ли смогут выделить что-нибудь из состава своих американских выставок (сейчас закончилась одна в Вашингтоне – их общая – и она поехала в Филадельфию), но, увидавши состав выставки за эти несколько дней, круто изменили свое отношение: [Судьбинин] хочет сейчас выставить уже 15 вещей, а Сорин просит целой комнаты. Это во всяком случае говорит за высокий уровень выставки и, видимо, ими ее удельный вес учитывается не низко».[13]

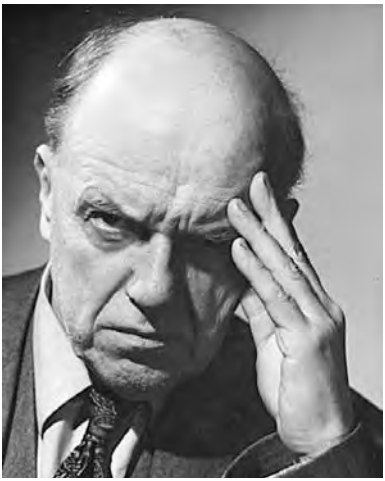
Совместные выставки Савелия Сорина и Серафима Судьбинина упоминает в своей газетной заметке и Давид Бурлюк:

«Среди русских художников в Америке

Текущий сезон выделяется оживлением художественной жизни в Америке. Русские вносят большой вклад в это оживление.

Америка богата рядом крупных имен русского изобразительного искусства. Многие из русских живописцев устроились и живут здесь, постоянно втягиваясь в течение американской жизни. Другие не забывают Америки, навещая ее из Парижа и Лондона.

К таким относятся: скульптор А. Архипенко, С.А. Сорин и С. Судьбинин, художник Б. Григорьев, академик Н.И. Фешин,



Давид Бурлюк. 1950. Фото Альфреда Валенте

Конон Фельдман, Давид Бурлюк, Н. Ремизов.

<…> Знаменитый русский портретист, тонкий мастер, добившийся мировой славы, Савелий Абрамович Сорин на днях вторично прибыл в Америку.

На Европейском материке С. Сорин пожал крупные успехи. А в Англии им были исполнены портреты: адмирала Битти и принцессы Йоркской – жены наследника английского престола.[14]

Выставка С. Сорина в Лондоне пользовалась большим успехом и была открыта одно время даже в помещении дворца.

Вместе с С. Сориным в Америку прибыл Серафим Николаевич Судьбинин.

<…> С. Сорин и С. Судьбинин решили свои выставки по Америке устраивать совместно.

Первая выставка их откроется в Вашингтоне 10 января наступающего года в Национальном музее. После Вашингтона намечены города: Кливланд, Чикаго и Сан-Франциско. Художник и скульптор везде организуют свои выставки самостоятельно.

Успехи прошлого года служат залогом, что и нынешний год даст нашим мастерам право гордиться рекордами заработка русского искусства в Америке».[15]

Как видим, портрет адмирала Битти, так беспощадно раскритикованный Маяковским, упоминается Бурлюком скорее комплиментарно.

Что касается «рекордов заработка», то упомянул их Давид Бурлюк не случайно. Савелию Сорину в Америке действительно сопутствовал материальный успех – с первых его приездов туда и до самой смерти. К самому Бурлюку относительный материаль-

ный успех пришел лишь в начале 1940-х. Но и он выглядел «богачом» в глазах большинства его оставшихся на родине родственников и друзей. Василий Каменский, поэт-футурист и авиатор, в своих письмах к Давиду Бурлюку постоянно пишет о желании приехать в Америку, чтобы заработать там выступлениями. Этот же посыл повторяется и в письмах Каменского к Николаю Евреинову. Вот фрагмент из письма от 6 октября 1925 года, где он упоминает и Савелия Сорина:

«Правда ли (здесь толкуют), что Сорин здорово «нагреб», что у Бори Григорьева свой домик в Париже? О Григорьевых, Коля, напиши обязательно. Что делают Н.И. Бутковская и Шервашидзе? Кто собирается «домой», в Россию? Какие у тебя планы? Сколько стоит доехать до Нью-Йорка из Парижа? Пожалуйста, Колюша, ответь на мои вопросы и в свою очередь вопроси меня. Очень хочется в Америку, а с тобой это было бы великолепно. Главное весело и изобретательно. Маяковский (из Нью-Йорка) пишет, что дела средние. Но я иду и на средние. Лишь бы побывать, поглазеть, посмекать, в чем там дело американское, и почему у нас меньше долларов? Что мы, дураки, что ли? Думаю, что поумнее американцев, а вот долларов нет... А без долларов скучно жить, едри его копалку. Целую Аничку. Ну, целую океански.

Твой Вася».[16]

Я не нашел упоминаний о встречах Сорина и Бурлюка в России. Безусловно, они не могли не знать друг о друге. О Бурлюке в России не знал тогда только человек, совсем далекий от искусства, – пресса в пух и прах разносила футуристов, а о Сорине Бурлюк мог знать по выставкам объединения «Мир искусства». Да и не только по ним – слишком много у обоих художников было общих друзей.

Об одном из их общих одесских училищных друзей, Борисе Анисфельде, много позже Давид Бурлюк написал в сборнике «Русские художники в Америке: Материалы по истории русского искусства 1917-1928». В нем же Бурлюк опубликовал очерк о Савелии Сорине.

В сборнике представлены написанные Бурлюком краткие очерки о Николае Рерихе, Сергее Судейкине, Абрагаме Маневиче, Сергее Коненкове, Борисе Григорьеве, Борисе Анисфельде,

Николае Фешине, Николае Цицковском, Серафиме Судьбинине, Александре Архипенко, Николае Васильеве, Савелии Сорине, Владимире Бобрицком, Александре Блазисе, Бэре Кафитте, Константине Аладжалове, Борисе Аронсоне, Евгении Дункеле, самом Давиде Бурлюке, а также об американской художнице и коллекционере Кэтрин Драйер, создателе – совместно с Марселем Дюшаном и Ман Рэем – знаменитого Société Anonyme. Кэтрин Драйер была одним из главных моторов по продвижению русского искусства в США, а в 1944 году она написала первую монографию о Давиде Бурлюке.

Во вступительном слове к сборнику «Русские художники в Америке» Бурлюк писал:

«После революции 1917 года волею судеб ряд русских, часто очень видных, художников попадает в С. Штаты. Мы ниже даем ряд характеристик, монографий. В Соед. Штатах в настоящее время находится свыше 60 человек художников, так или иначе кровно связанных с Россией. Многие из них успевают, другие ведут борьбу за свое искусство, пытаясь провести его в жизнь чуждой страны. Мы в нашем очерке – перечислили и охарактеризовали наиболее яркие, характерно-значительные «беспокойные» имена».[17]

И здесь Бурлюк продолжал относить Сорина к «наиболее ярким» именам.

Характерно, что очерк о Савелии Сорине иллюстрирован фрагментом портрета Анны Павловой, так раскритикованного Маяковским.

Вот этот очерк:

«С.А. Сорин, чей портрет балерины Павловой приобретен правительством Франции для Люксембургского музея в Париже,[18] окончил Академию в Петрограде в 1908 году, за картину «Вдохновенная минута», приобретенную музеем, художник имел заграничную поездку.

Савелий Абрамович родился в Полоцке, Витебской губ. До 14 лет жил при родителях, он был старшим в семье. Старшинство сообщает самостоятельность и решительность характеру.[19] С 14 лет[20] Сорин, уйдя из дома, странствует по Тулам, Орлам, учится в Одесском училище,[21] носит в душе восторг перед эскизами

А. Иванова к его «Явлению Христа народу», увлекается национально-русским: Венециановым и его учениками.

Характерно, что Сорин до русской Академии учится в Париже.

Революция застает Сорина в Ялте; художник этим временем занят портретом кн. Орловой, портрет В.А. Серова с которой известен всем.

Портрет С.А. Брайкевич, урожд. Бунге (1881-1975), жены одесского коллекционера М.В. Брайкевича. 1914. Из собрания Одесского художественного музея

Еще в 1917 году художники в России стали страдать голодом не только продуктов питания, но и специальными (*так!*), т. е. исчезновением бумаги, красок. Савелий Абрамович рассказывает, что он под обстрелом ездил за добычей красок; за бумагу рисовал портреты.

Все пропитано политикой. Художник чужд ее. Он ищет возможности спокойно работать. Вместе с С.Ю. Судейкиным Сорин направляется в Грузию 1919-20 г. Живет в Тифлисе. Сергей Городецкий, В. Каменский, Н.Н. Евреинов, Робакидзе – то общество, где жизнь способна быть содержательной. Кое-что было и заработано. 8 мая Сорин едет в Марсель,[22] разбойники напали на пароход и дочиста ограбили художника.

Выставки: С.А. Сорин много выставлял:

1923 года – выставка в Бруклинском музее, 12 картин, с портретом Анны Павловой – во главе.

1923 г. выставка (самостоятельная) у Нодлера (на 5 аве.).

1923 г. выставка в Лондоне, у Нодлера и у Мергауса.

1924 г. самостоятельная в музее в Вашингтоне.

1924 г. выставка с Судьбининым.

1925 г. выставка в Питтсбурге.

1927 г. выставка у Вильденштейна на 5 аве. (31 картина), среди ряда замечательных работ – выделяется портрет М. Фокина.

1927 г. та же выставка переезжает в Чикаго, где открыта в «Артс Клубе».

С.А. Сорин имеет постоянную студию в Париже, где является членом Салона Тюлльери[23] и принимает участие на ежегодных выставках.

Коллекции: Произведения С.А. Сорина имеются во многих коллекциях старого и нового света; между прочим:

В Лондоне – у Дюка Йоркского, у Керзона, у Лорда Битти и др.

В Париже – у м-сье Ле Пли, в Люксембургском музее.

В Соед. Штатах – в Нью-Йорке: у Отто Кана, Ди Понта, Роджерса и Беккера и др.

Издается большая, с цветными репродукциями, монография «Ганимед», в Берлине»[24].[25]

Как видим, Давид Бурлюк внимательно следил за творчеством и выставочной деятельностью Савелия Сорина.

Забавно, что в том же предисловии к сборнику «Русские художники в Америке» он не преминул пройтись по своему давнему недругу, Игорю Грабарю:

«Наконец в 1924 году в залах Грен Сентрал Паласа (на Лексингтон Аве.) Игорь Грабарь и Д.И. Сытин открывают выставку 84 художников из СССР, выставивших 940 картин, рисунков и акварелей.

Но эстетическая некультурность и отсталость Игоря Грабаря, побоявшегося выставить, в надежде на консерватизм Америки, имевшиеся у него «левые» холсты таких прекрасных художников как: М.Ф. Ларионов, А.В. Лентулов, Н.С. Гончарова (!!.) и др., а выпершего на первый план себя и своих любимых… вроде Беляницкого-Бируля[26] – обусловили небывалый провал русской армады».[27]

О провале говорить не приходится – далее сам Бурлюк пишет о том, что меценат Крейн купил на выставке «на 38000 долларов картин»; обида вызвана, безусловно, тем, что работы самого Давида Давидовича на выставке представлены не были. О том, что Бурлюк хотел показать их на выставке, говорит сам факт его упомянутого выше визита к Грабарю. При этом упоминание Ларионова с Гончаровой некорректно – оба они приняли участие в выставке, их работы, как и работы Савелия Сорина, были указаны в добавочном списке на вкладыше к каталогу. Кроме того, на вы-

ставке были показаны работы других «левых» художников, бывших участников объединения «Бубновый валет» – Ильи Машкова, Петра Кончаловского, а также работы друзей Бурлюка – Исаака Бродского, Сергея Судейкина, Бориса Григорьева, Степана Колесникова. То, что на выставке не оказалось работ Бурлюка, было почти наверняка вызвано их взаимной с Грабарем неприязнью.

Савелий Сорин с сыном Иваном
Октябрь 1946 года

Однако это случай исключительный. Давид Бурлюк выставлялся в Америке регулярно на протяжении почти сорока пяти лет; в нескольких выставках он принимал участие вместе с Савелием Сориным. Первой была уже упомянутая «Выставка русской живописи и скульптуры», прошедшая в Бруклинском музее с 23 января по 4 марта 1923 года. Она была первой для Сорина и второй для Бурлюка выставкой в Америке. Спустя девять лет, в 1932 году, оба художника приняли участие в выставке русской живописи и скульптуры «От реализма до сюрреализма», которая прошла в Уилмингтоне, штат Делавэр.

Через много лет, в 1957 году, Давид Бурлюк упомянул написанный Савелием Сориным портрет Федора Шаляпина. Вот фрагмент из письма от 25 июля 1957 года, отправленного Бурлюком тамбовскому коллекционеру, его «духовному сыну» Николаю Алексеевичу Никифорову:

«Шаляпина писал Сав. Абр. Сорин и Борис Григорьев. Снимки с этих портретов также где-то у нас имеются. Мария Ник. была на последнем концерте Шаляпина-старика в Нью-Йорке. За границей Шаляпин водился только с самой ярой белогвардейщиной».[28]

Портрет Федора Ивановича Шаляпина был написан Савелием Сориным в 1930-х годах и спустя почти сорок лет, в 1973 году, был подарен художественным музеям СССР его женой Анной Степановной

Савелий Сорин (слева) и Александр Бенуа. Париж. Октябрь 1946. Фото Б. Липницкого

вместе с девятнадцатью другими полотнами художника. В 1974 году они были показаны на специальной выставке в Москве и Ленинграде – редкий случай для художника-эмигранта. Но и эмигрантом Савелий Сорин был необычным – ему удалось добиться за рубежом большого успеха. Э.Ф. Голлербах писал о том, что «мало кому из русских художников за рубежом (если не считать Рериха, Фешина, Сорина и Александра Яковлева) удалось изведать такой успех».[29]

Савелий Сорин умер в 1953 году в Нью-Йорке. Недалеко оттуда, на Лонг-Айленде, в 1967 году умер Давид Бурлюк. Ему пришлось всю жизнь добиваться признания на родине. Хотя в 1956 и 1965 годах ему удалось посетить СССР, причем в первый раз – по приглашению Союза писателей, однако ни публикаций, ни выставок при жизни на родине он так и не дождался. Лишь в 1995 году прошла ретроспективная выставка его работ в Государственном Русском музее. В 2008-2009 работы Давида Бурлюка экспонировались в Русском музее и Третьяковской галерее на выставке

Портрет актрисы Наталии Кованько

Портрет принцессы Эдинбургской Елизаветы (сейчас – королева Великобритании). 1948. Бумага на холсте, акварель. 133×112. Кларенс-хаус. Лондон

Портрет Федора Шаляпина. 1931

Портрет актрисы Н.Г. Ковалевской. 1914. Из собрания ОХМ

Работы Савелия Сорина

Портрет принцессы Йоркской Елизаветы. 1923

Автопортет в саду. 1952

Портрет А.С. Лурье 1943. Бумага на холсте, смешанная техника. 138×92. Донецк

Портрет Вивьен Ли. 1940-е

«Американские художники из Российской империи». Карьера Давида Бурлюка в США также складывалась поначалу далеко не так удачно, как у Сорина. Лишь в 1940-х к нему пришло признание и материальный успех. В 1967 году, спустя несколько месяцев после смерти, ему присвоили звание академика американской Academy of Arts and Letters.

Сегодня работы Давида Бурлюка находятся в собраниях музея Метрополитен, Бруклинского музея, Музея американского искусства Уитни в Нью-Йорке, во многих российских музеях, в том числе в ГРМ, ГТГ и в Башкирском государственном художественного музее им. М.В. Нестерова, а также в музеях Украины, Армении и многих других стран.

Произведения Савелия Сорина находятся в коллекциях крупнейших музеев мира, в том числе в Люксембургском музее в Париже, Бруклинском музее в Нью-Йорке, Государственной Третьяковской галерее и других российских, украинских и грузинских музеях.

В собрании Одесского художественного музея находятся две работы Савелия Абрамовича Сорина: выполненный пастелью и акварелью портрет Софьи Андреевны Брайкевич, жены одесского коллекционера М.В. Брайкевнча (1914), и портрет актрисы Императорских театров Н.Г. Коваленской (1914, х/м); также в музее экспонируется предоставленная автором статьи работа Давида Бурлюка «Ночная рыбалка» (1950-е годы, х. на к/м).

Примечания

[1] А.В. Шило. Савелий Абрамович Сорин в Одессе. Источник: http://www.artrz.ru/download/1804786634/1805172601/13

[2] http://artforspb.ru/biografiya/nachalo/

[3] А.В. Шило. Савелий Абрамович Сорин в Одессе. Источник: http://www.artrz.ru/download/1804786634/1805172601/13.

[4] Давид Бурлюк. Фрагменты из воспоминаний футуриста. – С-Пб., «Пушкинский фонд», 1994, с. 114.

[5] Костанди М.К. Кириак Константинович Костанди. Художник и человек. Воспоминания об отце сына, Михаила Кириаковича Костанди. – Одесса: Астропринт, 2002, с. 52.

[6] А.В. Шило. С.А. Сорин в Америке. Русские евреи в Америке. Книга 6. Иерусалим – Торонто. – СПб.: Гиперион, 2012, с. 165-191.

[7] К сожалению, точную дату публикации пока установить не удалось – скорее всего, это либо декабрь 1923-го, либо самое начало января 1924 года.

[8] Бурлюк Давид Давидович. Русские художники в Америке: Материалы по истории русского искусства 1917-1928. / Предисл. написано д-ром эстетики Крисчем-Бринтом (англ. текст); Обл. рис. Б. Григорьев, Б. Бобрицкий. – New York: Изд. Марии Никифоровны Бурлюк, 1928.

[9] А.В. Шило. С.А. Сорин в Америке. Русские евреи в Америке. Книга 6. Иерусалим – Торонто. – СПб.: Гиперион, 2012, с. 165.

[10] Маяковский В.В. Семидневный смотр французской живописи // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961, с. 240-241.

[11] «Еще показательней у И.Э. Грабаря: «Сейчас в Вашингтоне выставка Судьбинина и Сорина. Сорин – сладкий дамский портретист, рисунки которого появились на последних петербургских и московских выставках «Мира искусства» перед самой революцией, остался совершенно таким же, хотя многие и находят, что он стал лучше: все та же патока и модная картинка. Но бабам нравится». Цит. по: Шило А.В. Творчество С.А. Сорина в отзывах современников: противоречия и проблемы. Вестник Международного Славянского университета. Серия «Искусствоведение». Т. XIV. – 2011, № 1, с. 25-37. http://www.artrz.ru/download/1804786634/1805172601/7

[12] Цит. по: Шило Александр. «С.А. Сорин в Америке». Русские евреи в Америке. Книга 6. Иерусалим – Торонто. – СПб.: Гиперион, 2012, с. 168.

[13] Там же, с. 169.

[14] В 1921 Сорин участвовал в выставках группы «Мир искусства» в Париже (галерея La Boetie и Осенний салон) и Выставке русского искусства в Лондоне (галерея Whitechapel). В 1923 провел персональную выставку в Лондоне. Выставлялся в Осеннем салоне (1922 и 1923) и салоне Тюильри (1926-1930; член салона). В эмиграции продолжил галерею портретов деятелей культуры и высшей знати. Его моделями были: киноактриса Лилиан Гиш, балетмейстеры Дж. Баланчин и М.М. Фокин, балерины О.А. Спесивцева и И.М. Баронова, художники А.Н. Бенуа, С.Г. Поляков и А.М. Ланской, философ Л.И. Шестов, писательница Н.А. Тэффи, члены британской королевской семьи, в том числе принцесса Елизавета – будущая королева. Портрет Анны Павловой (1922) был приобретен правительством Франции и помещен в Люксембургский музей Парижа.

[15] Д. Бурлюк. Среди русских художников в Америке. – Нью-Йорк: «Русский голос», январь 1924.

[16] Василий Каменский. «Мне пора быть с вами в Нью-Йорке...» Письма к Николаю Евреинову. Публикация, вступительная заметка, подготовка текста и примечания О. Демидовой. Источник: http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/7/kamens.html

[17] Бурлюк Давид Давидович. Русские художники в Америке: Материалы по истории русского искусства 1917-1928. С. 3.

[18] А.В. Шило в статье «С.А. Сорин во Франции (1920-е гг.)» упоминает интересный факт: портрет Анны Павловой привлек внимание рейхсмаршала Г. Геринга, который увез его из Парижа в Германию. После окончания войны портрет был возвращен во Францию. Источник: http://www.artrz.ru/download/1804786634/1805172601/10

[19] Здесь Давид Бурлюк, несомненно, проводит аналогию с самим собой как старшим ребенком в семье.

[20] Давид Бурлюк ошибся – Сорин ушел из дома в 16 лет.

[21] Бурлюк не преминул упомянуть об этом. Во всех своих выставочных каталогах и даже самых кратких автобиографиях Бурлюк и сам всегда упоминал об учебе в Одесском художественном училище.

[22] 8 мая 1920 Сорин вместе с супругами Судейкиными выехал из Батума в Марсель на пароходе «Souirah», 20 мая они приехали в Париж.

[23] Конечно, правильно – Салона Тюильри.

[24] В 1929 в берлинском издательстве «Ганимед» тиражом в 300 экземпляров вышел альбом Савелия Сорина «Портреты». В альбоме были репродуцированы 33 работы художника, среди них портреты Анны Павловой, с которой Сорин дружил, и Льва Шестова.

[25] Бурлюк Давид Давидович. Русские художники в Америке: Материалы по истории русского искусства 1917-1928. С. 28.

[26] Витольд Каэтанович Бялыницкий-Бируля (1872-1957) – белорусский, русский и советский живописец-пейзажист, народный художник Белорусской ССР (1944) и РСФСР (1947), действительный член Академии художеств СССР (1947). Член Товарищества передвижных художественных выставок (с 1904), Союза русских художников, Ассоциации художников революционной России (с 1922). Развивал традиции русского лирического пейзажа конца XIX века.

[27] Бурлюк Давид Давидович. Русские художники в Америке: Материалы по истории русского искусства 1917-1928. С. 3.

[28] Бурлюк Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова. – Тамбов, 2011, с. 85.

[29] Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья. – С.-Петербург: Нотабене, 1999, с. 302.

«Что в мой жестокий век восславил я свободу...»

В редакцию альманаха поступила статья, содержащая размышления о Пушкине. Тема – особо близкая для нашего издания, его журналистов и читателей. Начиная с первых номеров мы ведем рассказ об этой грандиозной личности, сочетавшей в себе гениальность Поэта, талант и общественный темперамент Гражданина. У одесситов, живущих в городе, которому он дал, образно говоря, грамоту на бессмертие, особое отношение к Александру Сергеевичу. Редколлегия со вниманием и интересом рассматривает предлагаемые материалы, в которых содержится заинтересованный и компетентный взгляд на творчество и жизнь поэта.

Среди наших авторов, публиковавших материалы на эту тему, – ученые, литераторы, деятели искусства, краеведы. Впервые среди них священнослужитель.

В своей обширной статье митрополит Одесский и Измаильский АГАФАНГЕЛ касается многих сторон деятельности А.С. Пушкина.

Мы выделили для публикации те фрагменты, в которых в основном идет речь о нравственном императиве, которым поэт руководствовался в сложных, порой трагических обстоятельствах своей и общественной жизни. Наиболее яркий пример – позиция Пушкина по отношению к декабристам. Это тем более интересно и важно, что со многими из них он познакомился и подружился во время южной ссылки – в Бессарабии, в Кишиневе, Одессе.

Мы предпослали этим фрагментам статьи в качестве заголовка строку из пушкинского стихотворения «Памятник».

В истории народов встречаются имена, перед которыми человечество преклоняет голову, потому что в них воплощены вечность и бессмертие. Таково имя А.С. Пушкина. В нем таится клад разностороннего разума, в нем сокровище могущественного слова, в нем исключительная сила художественности.

Все мы чувствуем и знаем, что нет другого писателя, который дарованием равнялся бы Пушкину. Приговор Виссариона Белинского остается в полной силе до настоящего времени: красотой поэзии, верным представлением жизни и пониманием истории Пушкин вознесся на недостижимые высоты.

От поэзии А.С. Пушкина не почувствуешь утомления, ибо от нее веет вешним ароматом и огненной мыслью, выхваченной из недр человека и природы.

Пушкину, как ни одному из писателей, доступны самые тонкие, самые глубокие и неуловимые для простого, смертного глаза, уха и сердца ощущения, движения, звуки и чувства. В его поэзии, как в зеркале стихийного океана, отражаются искристые, самоцветные жемчуга поэтических образов, звучит и блещет чистый, свободный и чарующий стих, гремит вольная, метко и красиво выраженная, яркая, как ясное солнце, речь.

Если бы мы захотели с карандашом в руках пройти каждое стихотворение Пушкина и подчеркнуть то, что нам особо дорого, тогда пришлось бы испестрить всю книгу. Каждый из нас, прочитав раз Пушкина, навсегда запомнил его оригинальные, ставшие сразу пословицами изречения: «Блаженны павшие в сраженьи»; «Свободный Рим возрос, а рабством погублен»; «Всегда так будет и бывало, такой издревле белый свет! Ученых много, умных мало, знакомых тьма, а друга нет»; «Изменник не страшится зла»; «Слыхал я истину бывало: хоть лоб широк, да мозгу мало»; «Блажен, кто смолоду был молод; блажен, кто вовремя созрел, кто постепенно жизни холод с годами вытерпеть умел».

Вся жизнь народа с его особенностями, привычками, преданиями, законами, обычаями, обрядами, воззрениями, верованиями, понятиями и всей широкой культурой нашли в сочинениях Пушкина верное, правдивое и беспристрастное освещение. Этот быт изображен им как священный завет мудрой славянской старины, как проявление национальной самобытности, как могучая сила нашей земли с могучей благородной народной душой, со здоровым образом мысли и с бесконечной глубиной чувства.

Во многих его стихах победно звучит и трепещет сознание радости бытия, обилие жизненной силы, светлых картин природы

и человеческих взаимоотношений. Пушкин не пессимист и не оптимист. Он не отворачивается от зла и не вносит отравы в добро – все воспринимая беспристрастно, все заключая в свой широкий кругозор.

Одиннадцатилетнего мальчика, владевшего французским языком не хуже русского, родители решили было отдать в иезуитскую коллегию в Петербурге, в одно из престижных учреждений великосветской верхушки тогдашнего общества. Случилось, однако, иначе. По совету и ходатайству Василия Львовича Пушкина, дяди поэта, и Александра Ивановича Тургенева мальчика приняли в новообразовавшийся Царскосельский лицей.

Александр Тургенев, о котором выразился Батюшков, что он «умел найти в одном добре души прямое сладострастье», сыграл немалую роль в жизни поэта.

Еще в лицее познакомил он Пушкина с Карамзиным и Жуковским. В петербургской квартире Тургеневых, на Фонтанке, против Михайловского замка, глядя на это здание и вспоминая Павла и аракчеевщину, Пушкин написал оду «Вольность»:

…Увы, куда ни брошу взор, –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы…

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кровь темниц, ни алтари
Не верные для вас награды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

В 1824 году А. Тургенев помог Пушкину, «погибающему безвинно и безотрадно в городе Кишиневе», уехать на море в Одессу. Он многократно защищал Пушкина перед власть имущими.

Пущин, один из самых выдающихся декабристов, вместе с Рылеевым вышел первым 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь. Остался жив совершенно случайно. Плащ его деда адмирала, надетый им в этот день, был пронизан множеством пуль. Несмотря на настойчивые просьбы, он отказал Горчакову в принятии заграничного паспорта и отверг предлагаемое устройство побега за границу. В портфеле, переданном Пущиным Вяземскому перед арестом, уцелело немало рукописей Пушкина, Дельвига и Рылеева. Суд приговорил его к 20-летним каторжным работам. Вспоминая о своей встрече с Пущиным в Михайловском, Пушкин написал своему дорогому Жано в Сибирь строки, не утерявшие доныне тепла:

Мой милый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Дни эти в Царскосельском лицее были, пожалуй, самые счастливые в жизни поэта и его друзей. Среди преподавателей лицея было много выдающихся людей. Вспомнить хотя бы тончайшего педагога, директора лицея Е. Энгельгардта или же преподавателя нравственных и политических наук А. Куницына, о котором впоследствии писал Пушкин:

Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена.

Еще на школьной скамье Пушкин показал себя живым, остроумным человеком.

Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный… –

писал Пушкин о «товарище юности живой и унылой». Оба они были в лицее не на первом счету – будущий редактор «Литературной газеты» Дельвиг был третьим, а Сверчок, как называли Пушкина, – четвертым с конца.

Но это не мешало тому же Сверчку творить свои бесценные строки, которые уже в 1815 году достойно оценил сам Державин, заметив Аксакову: «Мое время прошло, скоро явится второй Державин – это Пушкин, который уже в лицее перещеголял всех писателей».

Множество эпиграмм на «недруга и друга» писал «остряк любезный», незаурядный карикатурист, один из тридцати первокурсников лицея Алексей Илличевский. Сотоварищу, большому неудачнику Кюхельбекеру прицепил он:

Явися, Виленька, и докажи собой,
Что ты и телом и душой
Урод пресовершенный.

И Пушкин не пощадил злосчастного живого русского Дон Кихота, написав:

Пусть Бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

Кюхельбекер блистал образованностью: «горячая голова, каких мало, пылкое воображение заставляло его наделать тысячу глупостей, но он так умен, так любезен, что в нем кажется хорошим даже это самое воображение», – писала о нем С.М. Салтыкова. Впрочем, и Пушкин сказал о нем просто и правдиво, что «у него какой-то особый талант вмешиваться везде в беду».

С Кюхельбекером провел Пушкин первую свою дуэль, из-за пустяковой шутки.

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

Кюхельбекер обиделся, вызвал Пушкина на дуэль, «враги» встретились на роковой дорожке. Кюхельбекер выстрелил первым. Пушкин, бросив пистолет, хотел было обнять своего друга, но тот поднял крик, требуя выстрела противника. Пушкин выстрелил в воздух, подал своему Кюхле руку и выпалил: «Полно дурачиться, милый, пойдем чай пить»…

Однажды, рассказывал Лажечников, в переднюю вошел невысокий человек во фраке, курчавый, с арабским профилем. За ним важно выступали два гвардейских офицера. Это был Пушкин, приехавший со своими секундантами вызвать Денисовича на дуэль. Поводом послужило замечание, сделанное майором Пушкину, сидевшему рядом с Денисовичем в театре и мешавшему ему слушать пьесу. Благодаря вмешательству Лажечникова, запугавшего Денисовича последствиями дуэли с сыном знатного человека, дуэль не состоялась, и майор извинился перед Пушкиным. Тридцать шесть лет спустя, вспоминая об этом, Лажечников написал: «И я могу сказать, как старый капрал Беранте: «Я послужил великому человеку».

Нельзя умолчать и о М. Корфе, о котором директор лицея Энгельгардт писал своим бывшим ученикам: «Корф в гору, да в гору».

В лицее преподаватели замечали, что он «имеет счастливые способности и прилежание, поддерживаемое честолюбием и чувством собственной пользы». Нечто совсем противоположное Пушкину, Корф страстно любил читать церковные книги. Из-за этого его дразнили.

Прощаясь в 1817 году с лицеем, Пушкин оставил своим товарищам заветные строки, в которых ясно и просто определил свою дорогу:

Равны мне писари, уланы,
Равны мне каски, кивера.

Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора…

«Чудище, обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», – назвал Радищев под конец XVIII столетия все невыносимое, загнивающее на Руси.

Нашествие французов на Москву и ответный поход русских войск на Европу ускорили процесс сближения мировоззрений Запада и Востока, когда лицом к лицу встретились латинский разум со славянской чуткостью и отзывчивостью.

А время было бурное. Происходила переоценка долговечных ценностей. «От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, – писал в 1820 году декабрист Пестель своим родителям. – От Португалии до России, не исключая ни одного государства, даже Англии и Турции, их двух противоположностей, дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать».

Молодежь увлекалась вольным французским духом. В области словесности для борьбы с засильем французской культуры было основано адмиралом Шишковым при содействии драматурга Шаховского и доживающего свой век поэта Ширинского-Шихматова общество «Беседа любителей российского слова». «Беседе» противостало «Арзамасское общество безвестных людей».

Отживающим торжественно-ходульным формам славяно-российского слога пришла на смену живая обыкновенная речь.

Арзамасцы: Карамзин, Жуковский, Блудов, братья Тургеневы, Батюшков, Никита Муравьев и другие привлекли в свою среду жемчуг поэтического духа – молодого Пушкина. «Беседа» погибла в неравном бою. О верхушке «Беседы» лицеист Пушкин написал нелестную эпиграмму:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов;
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской.

В 1818 году в Петербурге меценатом Всеволожским было основано литературное общество «Зеленая лампа». Направление «Зеленой лампы» являлось антиправительственным, там говорилось свободно,

Открытым сердцем
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного Царя,
А иногда насчет земного.

(Послание А.С. Пушкина Энгельгардту)

Все это были, правда, лишь разговоры, а не заговоры.

Там не входила глубоко
В сердца мятежная наука.
Все это было только скука, –

писал Пушкин. Но все же «Зеленая лампа», по выражению Щеголева, была серьезным литературно-политическим обществом, поддерживавшим связь с Союзом благоденствия, а затем – с будущими членами Северного и Южного обществ, участвовавших в подготовке декабрьского восстания.

«Зеленая лампа» была закрыта в 1822 году. Об этом Яков Толстой сообщил Пушкину в Кишинев, написав ему между прочим: «Лампа погасла, – не стало в ней масла».

Нельзя пройти мимо участника «Зеленой лампы» декабриста Якубовича, погибшего в Енисейске, «героя моего воображения», как назвал его Пушкин.

Имя Якубовича связано с Грибоедовым, с которым он стрелялся в 1818 году в Тифлисе. В этой дуэли противники проявили, по словам секунданта Н. Муравьева, совершенное хладнокровие. Не пало ни одно неприятное слово с чьей-либо стороны. «Вид Якубовича был мужественно велик, особенно в ту минуту, когда он после своего выстрела ожидал верной смерти, сложа руки».

Увы! Грибоедов не избежал судьбы. Одиннадцать лет спустя погиб он преждевременно в Тегеране. Арбу с телом убитого писателя, представителя свободомыслящей Руси, друга декабристов, встретил Пушкин летом 1829 года на Кавказе.

Участие А.С. Пушкина в «Арзамасе», «Зеленой лампе», дружба и переписка с будущими декабристами: Бестужевыми, Муравьевыми, Пущиным, Рылеевым и другими – не остались без влияния на творчество гения.

В 1819 году Пушкин пишет стихотворение «Деревня», в котором ясно затрагивает вопрос раскрепощения и всенародной свободы:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный,
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

В послании к Чаадаеву Пушкин твердо верит в светлое будущее Родины.

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В 1820 году до царского правительства дошли слухи о нелегальном творчестве Пушкина. Началась ссылка поэта: Кавказ, Крым, Кишинев и, наконец, Одесса. Здесь, на юге, Пушкин познакомился с П.И. Пестелем – «душой тайного общества, главной пружиной его действий». «Умный человек во всем смысле этого слова, один из оригинальных умов, которые я знаю», – писал о нем Пушкин.

В то время Пушкин уже написал две первые главы «Евгения Онегина» и начинал третью. Вслед за этим появляется великолепная по форме и беспощадная по содержанию сатира на тогдашний помещичий быт, под названием «Граф Нулин».

Арина Родионовна, няня поэта, подруга дней его суровых, дождалась, наконец, своего барина в Михайловском. Она рассказала ему все, что знала про древних витязей, про былое и настоящее Руси. И появились прекрасные сказки.

Бывало, приумолкала старушка у окна, в которое со спицами в руках глядела,

…В забытые вороты
На черный отдаленный путь.

В Михайловском «в ветхой, печальной и темной» лачужке узнал Пушкин о восстании декабристов, о казни Рылеева, Пестеля, Каховского, Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, о каторжном заключении своих ближайших друзей: Пущина, братьев Бестужевых, Никиты Муравьева, Трубецкого, Батенкова, Лунина и других.

Кстати, когда после 14 декабря возникло дело против Лунина, ему был предложен побег за границу, однако Лунин не согласился.

«Бежать, избегая той участи, которой подвергнутся мои товарищи, было бы малодушием. Я разделял их убеждения, разделю и наказание», – говорил он.

Замечательны сохранившиеся письма и записки Лунина, за которые он поплатился не только каторгой, но и пожизненным заключением в Акатуевском замке, где он и умер в 1845 году. «В России два проводника, – говорил Лунин, – язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга».

«Я любил справедливость и ненавидел несправедливость, и потому нахожусь в изгнании. Мысли, за которые приговорили меня к политической смерти, будут необходимым условием гражданской жизни», – писал Лунин.

Герцен назвал Лунина «одним из тончайших и деликатнейших умов» (Яцевич. Пушкинский Петербург. – Ленинград, 1935 г.).

Декабристы взяли на себя задачу, решение которой было под силу только народу. И они потерпели страшное поражение. А.С. Пушкина от общей участи судимых декабристов спасла ссылка в Михайловское.

У многих декабристов были найдены письма и рукописи поэта. «Это – худой способ подружиться с правительством», – писал Жуковский Пушкину. Длились тревожные дни надежд и отчаяния за себя и друзей. В сентябре 1826 года Пушкину было разрешено переехать из Михайловского в Москву. Но тут же из-за написанной им поэмы «Андрей Шенье», а позже, в 1828 году, из-за других стихотворений против него было возбуждено дело, и угрожала далекая дорога в ссылку.

К этому времени появился «Борис Годунов» с изъявлением «силы мнения народа» и с просто сказанным: «Как жалок тот, в ком совесть нечиста», – будь он даже во главе государства.

Своим друзьям, сосланным на каторгу, Пушкин передал через Муравьева «Послание в Сибирь», полное скорби и уважения к дорогим его сердцу узникам:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье…

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас…

Как бы в ответ на эти строки томившийся в Свартгольмской крепости декабрист Батеньков передал грядущим поколениям душевное состояние заключенного на десятки лет узника:

Скажите: светит ли луна?
И есть ли птички хоть на воле?
И дышут ли зефиры в поле?
По-старому ль цветет весна?

И дальше глубокомысленные четыре строки:

Ужель и люди веселятся?
Ужель не их – их не страшит?
Друг другу смеет поверяться
И думает, и говорит…

Пушкин назвал декабристов своими друзьями, братьями, товарищами. Гражданские стихи Пушкина вошли в историю гражданственной мысли.

«И неподкупный голос мой был эхо русского народа», – писал А.С. Пушкин (1818 г.). И эти слова остались навеки лучшим определением смысла и значения его поэзии.

Елена Погорельская

Владимир Маяковский в биографии Исаака Бабеля

С появлением рассказов Исаака Бабеля в московской печати его имя сразу стало популярным. «В Москве шумит последнее время Бабель, – писал К.А. Федин М. Горькому 16 июля 1924 года. – Этот человек пробыл долгое время в коннице, а вернувшись, высыпал целый сундук рукописей и затопил ими московские редакции. От него все в восторге».* 4 марта 1926 года С.Т. Григорьев извещал того же Горького: «Однажды был у меня Бабель, самый знаменитый писатель в Москве».**

Сам Бабель в «Автобиографии» вел отсчет своей литературной работы от появления в журнале «Леф» рассказов «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Король» и др. Четвертый номер «Лефа» за август-декабрь 1923 года, где были напечатаны эти рассказы, вышел в свет в первых числах января 1924-го. Заявление Бабеля не совсем точно: конармейские и одесские рассказы уже публиковались зимой и весной 1923 года в «Известиях Одесского губисполкома, Губкома КП(б)У и Губпрофсовета» и в приложениях к ним. А ранняя редакция рассказа «Король», напечатанного в «Лефе», увидела свет в одесской газете «Моряк» еще в 1921 году. Да и «Леф» был далеко не первым столичным журналом, опубликовавшим произведения Бабеля: 27 мая 1923 года в девятом номере «Огонька» появился рассказ «Смерть Долгушова», 16 декабря в «Прожекторе» (№ 21) напечатаны «Путь в Броды», «Учение о тачанке» и «Кладбище в Козине». В де-

* Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – М., 1963, с. 475.

** Там же, с. 134.

кабре 1923-го начала печатать Бабеля и «Красная новь» – в седьмом номере вышли «Линия и цвет» и «Пан Аполек».

И все же тому, что Бабель считал началом именно лефовскую публикацию, нетрудно найти объяснение. Во-первых, до этого, как принято в периодике, в газетном или журнальном номере печаталось по одному, по два, максимум три (как, например, в «Прожекторе») рассказа, а Бабель стремился к созданию новеллистических циклов и книг. В «Лефе» появилось сразу восемь новелл. Помимо перечисленных в «Автобиографии», в четвертом номере журнала были напечатаны рассказы «Прищепа», «Начальник конзапаса» (под названием «Дьяков»), «Комбриг 2» (под названием «Колесников») и «Как это делалось в Одессе». Причем для рассказов «Дьяков» и «Колесников» это была первая публикация. Кроме того, здесь были помещены шесть новелл из книги «Конармия» (седьмой – «Мой первый гусь» – появится в следующем номере). В истории бабелевских публикаций был еще один подобный случай: в третьей книжке «Красной нови», за апрель-май 1924 года, было напечатано девять конармейских рассказов. Но это произошло чуть позже. В своих воспоминаниях Лев Славин подытожил: «Для всей страны Бабеля открыл Маяковский».***

Однажды, было это в мае или в июне 1923 года, находившийся в Москве Бабель пришел на квартиру Владимира Маяковского в Водопьяном переулке, где тот жил вместе с Бриками – Лилей Юрьевной и Осипом Максимовичем. Ответственный секретарь «Лефа» Петр Васильевич Незнамов вспоминал, как в тот же день Маяковский и О. Брик предложили ему напечатать в «Лефе» его рассказы «большим куском».

«Леф» публиковал на своих страницах талантливых авторов, творчество которых не всегда соответствовало направлению и установкам журнала. Это хорошо осознавали участники группы. Николай Асеев, например, писал о том, что «Маяковский очень стремился объединить вокруг «Лефа» наиболее ярких писателей

*** Славин Л.И. Фермент долговечности // Воспоминания о Бабеле. – М., 1989, с. 8.

из тех, кто не боялся продешевить себя, сотрудничая в бедном средствами журнале».*

«Леф» – на горе, на юру, его отовсюду видно»,** – уговаривали Бабеля Маяковский и Брик.

Так в «Лефе» появились произведения Бабеля. По соседству с Бабелем в том же номере Маяковский поместил свою поэму «Рабочим Курска, добывшим первую руду».

В кратком редакционном послесловии к рассказам Бабеля говорилось о том, что писатель начал свою литературную деятельность еще до революции в журнале «Летопись», а революционные годы «провел на юге России, частью в Одессе, частью в конной армии Буденного и на Кавказе». И далее подчеркивалось: «За это время им написаны две книги – «Конармия» и «Одесские рассказы».

А ведь до отдельных изданий этих книг было еще далеко!

Рукописи всех опубликованных в «Лефе» рассказов Бабеля сохранились. Машинописи восьми новелл с авторской правкой, напечатанных в четвертом номере журнала, остались в архиве Брика,*** автограф опубликованного позднее рассказа «Мой первый гусь» сохранил сам Маяковский.****

Надолго прижились в быту лефовцев многие выражения из бабелевских рассказов. Во время карточной игры Маяковский «с полной рукой козырей любил говорить партнеру:

– А теперь, папаша, мы будем вас кончать.

И получал в ответ:

– Холоднокровнее, Маня, вы не на работе*****».******

Для Маяковского Бабель оставался любимым современным писателем-прозаиком. В беседе с сотрудником «Ле журналь литерер» в Париже 29 ноября 1924 года он сказал: «…мы имеем

---

* Асеев Н.Н. Воспоминания о Маяковском // Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963, с. 422.

** Там же, с. 370.

*** РГАЛИ, ф. 2852, оп. 1, ед. хр. 403.

**** В настоящее время автограф находится в фонде Л.Ю. Брик и В.А. Катаняна (РГАЛИ, ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 1455).

***** Цитаты из рассказов «Письмо» и «Король».

****** Незнамов П.В. Маковский в двадцатых годах // Маяковский в воспоминаниях современников. – С. 370.

прекрасную литературу, это не литература академиков-эмигрантов. Это новое поколение поэтов (Пастернак, Асеев) и прозаиков (Бабель)».[*******] Через несколько лет, 22 апреля 1927 года, в интервью газете «Прагер пресс» Маяковский вновь высказал свое мнение о современной прозе: «Мне лично больше нравятся Бабель и Артем Веселый. Затем имеет значение проза Тынянова и Шкловского. Конечно, нельзя обойти Пильняка, Всеволода Иванова, Сейфуллину, однако они – не те, которые формируют литературные вкусы и идут во главе литературы сегодняшнего дня. Наиболее значительны в этом отношении именно Бабель и Артем Веселый».[********]

Отстаивая позиции Левого фронта искусств, Маяковский использовал факт лефовских публикаций рассказов Бабеля как аргумент в споре со своими литературными противниками, а именно с Вяч. Полонским, но в то же время он защищал от нападок и самого Бабеля. Выступая 23 марта 1927 года на диспуте «Леф или блеф», поэт говорил:

«…Бабель три года тому назад приходил к нам в Москве с маленькой кипочкой своих рассказов. Мы знаем, как Бабеля встретили в штыки товарищи, которым он показывал свои литературные работы. Первые говорили: «Да если вы видели такие беспорядки в Конной, почему не сообщили, зачем вы это в рассказе пишете?». Другие говорили: «Про что он пишет? Про небо, а на небе трипперов и без вас достаточно. Это что? Литература «как хороши, как свежи были розы?» Нет, это не то». Поэтому первое отношение было к Бабелю в штыки. После этого «Леф», – потому что «Леф» не идет по линии трафаретной критики, – напечатал самые лучшие рассказы Бабеля – «Соль», «Смерть Долгушова».[*********]

Но еще до лефовской публикации Маяковский пропагандировал Бабеля за границей.

По воспоминаниям сына Леонида Андреева Вадима (с которым позднее Бабель будет общаться в Париже), на одном из выступлений Маяковского в Берлине в начале сентября 1923 года произошло следующее: «На сцене Маяковский был один и весь вечер – не помню даже, был ли перерыв, – заполнил чтением

******* Маяковский В.В. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 13. – М., 1961, с. 222.

******** Там же, с. 233.

********* Там же, т. 12, с. 328-329.

своих стихов и разговорами с аудиторией, стараясь сломать неприязнь, что ему не всегда удавалось. Он начал свое выступление словами: «Прежде чем нападать на Советский Союз, надо вам послушать, как у нас пишут. Так вот – слушайте», – и он превосходно прочел замечательный рассказ Бабеля «Соль». Впечатление от этого рассказа было огромное».*

Конечно, не всем мемуарам можно полностью доверять. Возьмем, к примеру, свидетельство другого русского литератора-эмигранта, Владимира Брониславовича Сосинского. Ему запомнилось, как в Париже вместе с Бабелем он якобы дважды ходил на выступления Маяковского и как оба раза Бабель просидел у Маяковского за кулисами.** Такого быть не могло, потому что доподлинно известно, что во время первого пребывания Бабеля в Париже, с 20 июля 1927 года по 3 октября 1928-го, Маяковский во Франции не был, а ездил с выступлениями по городам Советского Союза.***

Что же касается мемуаров Вадима Андреева, то яркий и показательный эпизод, приведенный выше, вряд ли мог быть придуман двадцатилетним тогда поэтом или исказился в его памяти.**** И произошло это именно в 1923 году, так как в сохранившихся отчетах о берлинских выступлениях Маяковского весной 1924 года ни о чем подобном речь не идет, а сам Вадим Андреев в 1924 году из Берлина уехал.

В повести «Алмазный мой венец» Валентин Катаев, назвав Бабеля «конармейцем», а Маяковского – «Командором», изложил свою версию: «Он [Бабель] сразу же и первый среди нас прославился и был признан лучшим прозаиком не только правыми,

---

* Цит. по: Катанян В.А. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. / Под ред. А.Е. Парниса. – М., 1985, с. 257.

** См.: Поварцов С.Н. Быть Бабелем. – Краснодар, 2012, с. 32.

*** В 1927 году Маяковский находился в Париже с 29 апреля по 9 мая, известно его выступление в кафе «Вольтер» 7 мая; в 1928 году он был там с 15 октября по 3 декабря и вновь выступал в кафе «Вольтер» – 7 ноября (см.: Катанян В.А. Маяковский. Указ. соч., с. 385-387, 444-446).

**** Выступление Маяковского, о котором рассказал Вадим Андреев, проходило недалеко от Потсдамерплац на Лейпцигерштрассе. В тот же приезд в Берлин состоялся еще один вечер Маяковского в помещении Торгпредства на Линдерштрассе, также сохранившийся в памяти молодого поэта, так как на этом вечере он сам выступал вместе с Маяковским.

но и левыми. «Леф» напечатал его рассказ «Соль», и сам Командор на своих поэтических вечерах читал этот рассказ наизусть и своим баритональным басом прославлял его автора перед аудиторией Политехнического музея, что воспринималось как высшая литературная почесть…».*****

О восторженном отношении Маяковского к Бабелю свидетельствуют и другие их современники. Вот что, например, вспоминал в 1930 году, после смерти поэта, Семен Кирсанов:

«1923 год. Одесса. Из вагона выходит крупный человек с папиросой, втянутой до табака.

– Вы – товарищ Маяковский?

– Да, я. <…>

– Привет, Бабель! Люблю вас, Бабель. А вот молодой отпрыск Лефа Кирсанов.

(Сидят, разговаривают. Маяковский открывает книгу на «Облаке».)»******

Кирсанов здесь неточен. Приехал поэт в Одессу не в 1923 году, а 20 февраля 1924-го. В тот же вечер состоялось его выступление в Северном театре, а на следующий день «Вечерние известия» поместили беседу с ним под заголовком «Вл. Маяковский об искусстве вообще и Лефе в частности». Среди новостей Левого фронта Маяковский назвал подготовку «5-й книжки Лефа, посвященной Ленину, в которой будет напечатан рассказ И. Бабеля».******* В пятом номере «Лефа», вышедшем в свет после 21 мая 1924 г., был напечатан рассказ из конармейского цикла «Мой первый гусь». Да и вряд ли Маяковский во время беседы вообще брал в руки книгу, это скорее написано для создания атмосферы, образа («Это было, было в Одессе»).

В этот приезд Маяковский побывал у Бабеля дома на Ришельевской улице, 17, и Бабель познакомил его со своими родными. А перед отъездом из Одессы, 23 февраля, поэт устроил прощальную вечеринку у себя в номере. Племянница Маяковского Татьяна Михайловна Горбачева-Киселева запомнила свечи, ящички с финиками, стопки с плитками шоколада. Среди приглашенных

***** Катаев В.П. Алмазный мой венец. Повести. – М., 1981, с. 210.

****** Кирсанов С.И. Что помню // Книжное обозрение. 1997, 28 окт.

******* Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т. 13, с. 220.

был Бабель. Он был одет в синюю толстовку и помогал за столом. А выходя из номера, уговорил Татьяну Михайловну заполнить карманы пальто шоколадом.*

По свидетельству хорошей знакомой Бабеля, киевской писательницы и переводчицы Т.О. Стах, жившей в 1924-1926 годах в Одессе, летом 1926-го писатели вновь встретились в родном городе Бабеля. «Дважды они встречались у нас дома, – вспоминала Татьяна Осиповна. – Речь шла о Горьком, об Айседоре Дункан. *Маяковский при разговоре с Бабелем нежно трогал его плечо, внимательно слушал его тихий голос. Он все больше укреплялся в своей любви к Исааку Эммануиловичу*» (здесь и далее курсив мой. – **Е. П.**).**

И в этом случае мемуаристку подвела память. Летом 1926 года Бабель и Маяковский в Одессе видеться не могли. Бабель находился там с 26 мая по 15 июня, затем на несколько дней уезжал в Харьков, а 19 июня вернулся в Москву, Маяковский того же 19 июня как раз выехал в обратном направлении – из Москвы в Одессу.*** Встреча на квартире Стах могла состояться в том же феврале 1924 года. Возможно, Татьяна Осиповна запомнила какую-то другую их встречу, которая произошла в другое время и не в Одессе. Но важнее всего эмоциональная составляющая этих мемуаров – о том, что Маяковский своих чувств по отношению к Бабелю не прятал.

О подобных внешних проявлениях со стороны более сдержанного Бабеля свидетельств не сохранилось. Тем не менее глубокая симпатия была взаимной. Вот что рассказал Семен Гехт: «Когда Бабель услыхал о самоубийстве Есенина, на лице его сделалось то выражение растерянности, какое бывает у очень близорукого человека, неведомо где позабывшего свои очки. Таким оно было только в первые минуты, и уже не растерянность отражало оно несколько времени спустя, а возмущенное недоумение <…> несправедливостями судьбы и несовершенством законов на земле <…>. Такими же были глаза Бабеля, когда он узнал о самоубийстве Маяковского».****

---

* См.: Спектор У.М. Маяковский и Бабель // Вечерняя Одесса. – 1983, 3 сент.

** Там же.

*** См.: Катанян В.В. Указ. соч., с. 345.

**** Гехт С.Г. Избранное. – Одесса, 2010, с. 298-299.

Поэта не стало 14 апреля 1930 года. В это время Бабель находился в Москве. Через два дня, 16 апреля, он описал свое состояние в письме Евгении Борисовне в Париж: «Я душевно так измучен смертью В. М., что не смогу много написать. Две ночи не спал, все стоит перед глазами мертвое лицо – и все, что с этой смертью связано». И тотчас же: «После трехлетнего перерыва пришлось войти в московский литературный мир, в литературную лавочку – и решение никогда с ним не знаться укрепилось во мне *навсегда*». И в конце сообщает: «Хоронят М. завтра. Душа маленько угомонится – напишу».*****

Тело Маяковского было выставлено для прощания в Клубе писателей на улице Воровского с позднего вечера 14 апреля (по официальной хронике – с полуночи). Три дня поэта не хоронили – ждали возвращения Бриков из-за границы. В записке сестре, отправленной того же 16 апреля, Бабель поясняет: «Ты не будешь на меня в претензии, если я напишу коротко. Ужасные дни. Вчера и позавчера дежурил у гроба В. М. Чудовищно».******

Потрясение было тяжелым, душа долго не могла «угомониться», и еще в двух письмах подряд матери и сестре в Бельгию Бабель вновь возвращается к трагическому событию. Вот красноречивое признание из письма от 21 апреля: «Мы пережили здесь грустные дни из-за смерти Маяковского. Вся жизнь как-то сломалась и с трудом мы входили в норму; *ни работать, ни радоваться весне нельзя было*». И еще через несколько дней, 27 апреля: «…все у меня благополучно, работаю, чувствую себя очень хорошо, смерть В. М. внесла только смятение. Основная причина, как говорят, неудачная любовь, но, конечно, тут есть и годами накопленная усталость. Разобрать трудно, п<отому> ч<то> предсмертное письмо его не дает никакого ключа. Мама, верно, помнит, как он, громадный и цветущий, приходил к нам еще в Одессе… Чудовищная смерть».

Предсмертная записка Маяковского, которая, по мнению Бабеля, не давала ключа к пониманию трагического события, была

***** Цит. по оригиналу, хранящемуся в частном собрании.

****** Здесь и далее письма сестре и матери цитируются по ксерокопиям с автографов, находящихся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США).

опубликована 15 апреля, на следующий день после самоубийства, в «Правде»:

«Всем

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля – люби меня.

Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская*.

Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят –
«инцидент исперчен»,
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед и обид.
Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский.

12/IV – 30 г.

Товарищи Вапповцы**, не считайте меня малодушным.

Сериозно – ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль – снял лозунг, надо бы доругаться***.

В. М.

---

* Вероника Витольдовна Полонская (1908-1994) – в то время актриса МХАТа и жена М.М. Яншина; она была последним человеком, видевшим Маяковского живым.

** ВАПП – Всероссийская ассоциация пролетарских писателей.

*** Владимир Владимирович Ермилов (1904-1965) – критик и литературовед, в 1928-1932 годах был секретарем Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). В предсмертном письме Маяковского речь идет об одном из лозунгов к спектаклю «Баня» в Государственном театре имени Вс. Мейерхольда: «Сразу / не выпарить / бюрократов рой. / Не хватит / ни бань / и ни мыла вам. / А еще / бюрократам / помогает перо / критиков – / вроде Ермилова…».

В столе у меня 2000 руб. – внесите в налог.
Остальное получите с Гиза.

В. М.»[****]

Письмо поэта вскоре сделалось «литературным фактом», которым воспользовался Бабель. Через три месяца после смерти Маяковского ему пришлось оправдываться перед секретариатом ФОСП (Федерации объединений советских писателей) за подложное интервью, якобы данное им во Франции польскому журналисту Александру Дану. В оправдательном слове Бабель, среди прочего, говорил: «Недавно я был с триумфом отправлен от фининспектора, ибо оказался единственным писателем в СССР, не обложенным подоходным налогом. Все мое состояние – полтора чемодана и долг ГИЗу». М.Я. Вайскопф усмотрел здесь аллюзию на окончание предсмертного письма Маяковского.[*****] Продолжая аналогию, стоит назвать и знаменитое стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926):

Труд мой
любому
труду
родствен.
Взгляните –
сколько я потерял,
какие
издержки
в моем производстве
и сколько тратится
на материал.

В оправдательной речи Бабеля перед ФОСП, по мнению Вайскопфа, есть и отсылка к строкам из поэмы Маяковского «Во весь голос»: «Мне / и рубля / не накопили строчки, / краснодеревщики / не слали мебель на дом». Бабель же говорил о том, что

**** Маяковский В.В. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 13. – М., 1961, с. 138.
***** См.: Вайскопф М.Я. Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле. – М., 2017, с. 114, 444.

отказался от относительно спокойного и безбедного существования во имя поиска нового содержания для своего литературного труда: «У меня в то время была квартира (имеется в виду одесская квартира на Ришельевской, 17. – **Е. П**.), была тысяча-две рублей гонорара в месяц, был почет, я имел возможность заказывать себе *«красную мебель»*.

Еще долгое время образ Маяковского, возможно, именно из-за трагических обстоятельств его смерти, не покидал воображение Бабеля. Если в рассказе «Гюи де Мопассан» (1932) слова «мы рождены для наслаждения трудом, дракой, любовью» восходят к пушкинскому «мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв»,* то другие слова из того же рассказа – «об армии слов, об армии, в которой движутся все виды оружия», и о том, что «никакое железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя» – скорее всего, навеяны знаменитыми строками из «Во весь голос», сравнивающими поэзию с оружием:**

В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.

Но что могли означать слова из письма Бабеля жене от 16 апреля 1930 года: «…все, что с этой смертью связано»? Когда Бабель дежурил в Клубе писателей, он, вероятно, видел рядом с собой представителей того «московского литературного мира», «литературной лавочки», с кем он так не хотел встречаться, и кто мог

* См.: Жолковский А.К. Белая кляча судьбы, рыцарь Галеот и наука страсти нежной (Еще раз об интертекстах к «Гюи де Мопассану» И. Бабеля // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23-26 июня 2014 г. – М., 2016, с. 222; Вайскопф М.Я. Указ. соч., с. 108.

** См.: Вайскопф М.Я. Указ. соч., с. 444.

быть в какой-то степени повинен в смерти Маяковского. Ведь и у поэта при жизни, как у него самого, была репутация «попутчика»; вступление в конце жизни Маяковского в РАПП ничего не изменило, пожалуй, только усугубило ситуацию – от него отвернулись друзья-лефовцы. Но особенно горьким было осознание потери большого поэта и совсем еще молодого человека, к которому Бабель испытывал глубокую душевную приязнь.

Феликс Кохрихт

Очередь: за книгами и картинами

Саша Кадзевич

В разгар минувшего знойного лета во Всемирном клубе одесситов одна за другой прошли две выставки, запомнившиеся не только интересными работами, но и способами их подачи, привлекшими внимание и публики, и масс-медиа.

Авторы – Саша Кадзевич и Ирина Озаринская – уже не раз выставлялись в нашем клубе. Они известны не только как художники, обладающие даром создания оригинальных и поисковых работ, но и как очаровательные молодые дамы. Их характеризуют и высокий класс работ, и столь же высокий рост, что особенно заметно на фотографиях с вернисажей.

Первой показала свой проект «Меняю кисть на книгу!» Саша Кадзевич. Она создала оригинальную, пожалуй, уникальную концепцию не только подачи экспонатов, но и системы общения с посетителями выставки. Мы стали не только зрителями, но и участниками действа, которое можно расценить и как игру, и как перформанс, и как процесс, определенный Карлом Марксом как один из экономических постулатов: «товар – деньги – товар». Только вместо ассигнаций

и монет Кадзевич в обмен на свои работы потребовала от нас особую валюту – книги.

Работы, висящие на стенах, были пронумерованы, и претендент на одну из них оставлял в клубе эквивалентные, на его взгляд, книги. В день закрытия выставки Саша встретилась с потенциальными партнерами, и произошел обмен – следует заметить, не во всех случаях, но об этом позже.

Теперь у нас в коллекции новая работа Саши, а у нее в мастерской – наши, и не только, книги. Перебирая их, мы беседуем о том, что же привнесла в жизнь художницы эта акция.

– Когда произошла твоя первая встреча с книгой – речь идет о той, которую ты вспоминаешь и сегодня?

– Конечно же, родители читали мне, младенцу, сказки, и они наверняка оставили какой-то след в моем сознании или подсознании. Вспоминаю те, которые у всех на слуху… Но вот книгой, и сегодня интересной мне, стали «Хроники Нарнии» Кевина Льюиса, они и спустя столько лет полны тайн и очарования.

– Была ли в вашей семье домашняя библиотека?

– Мне невероятно повезло: книги окружали меня и в детстве, и в школьные, и в студенческие годы. Родители собрали сочинения многих замечательных авторов – и не только прозаиков или поэтов, но главным образом отечественных и зарубежных философов, историков, религиоведов. Когда я стала художницей, и круг общения расширился, появилась и личная библиотека. Есть в ней и подаренные друзьями, в том числе и вами, том сочинений Германа Гессе. И если вы в конце беседы спросите, что я читаю сегодня, то отвечу: «Игру в бисер» – в который уже раз. Гессе – вне времени так же, как вечны хрупкие, противоречивые взаимоотношения человека искусства и остальных людей.

– Я действительно хотел завершить этим вопросом наш разговор, но раньше спросил бы вот о чем. Твое поколение в детстве читало печатные книги, а уже в юности нырнуло в «облако» Интернета. Как распределяются сегодня твои привязанности, что доминирует – печатная книга или гаджеты?

– Вот в эти дни я отыскала в Интернете фундаментальные работы по истории концептуализма. Это огромный пласт текстов. Предпочла бы изучать их, перелистывая страницы книг, но достать их невозможно. Хотелось бы скачать их с сайтов и распечатать, но потребуется уйма бумаги и картриджей. Вот и сижу у экрана… Понимаю всю важность и необходимость возникновения новых вариантов поиска информации и оперативного общения, но остаюсь привязанной к книге. Уверена – и в далеком будущем останутся шелест страниц, запах типографской краски, тяжесть сброшюрованных листов…

– О твоем отношении к книге свидетельствует и девиз проекта, о котором мы беседуем. Как и когда возникла его концепция?

– В этом году я по конкурсу получила грант на учебу в Киевской академии искусств медиа, где меня взяла в свой класс Леся Хоменко – замечательный мастер, педагог и теоретик современного искусства. Она предложила нам поискать новое пространство для демонстрации своих работ. Мне и самой хотелось узнать, способны ли они, вернее – я, привлечь внимание публики в неожиданных обстоятельствах и на непривычных условиях. Так и родился проект под девизом «Меняю кисть на книгу!». Лучшим местом для его реализации мне представлялся именно Всемирный клуб одесситов. И вот почему. Я знаю, что сюда приходят не только нынешние одесситы, но и обитающие в других городах и странах. Среди них – и любители искусства, и его знатоки, и просто любопытствующие. Я не знала, как они прореагируют на предложенную мной ситуацию, но рискнула. Рискнул и клуб, за что я благодарна Евгению Михайловичу Голубовскому, который курировал и мои предыдущие выставки.

– В конце девиза ты утвердила восклицательный знак, но, уверен, что держала в уме и вопросительный, хотя его и не поставила. Уверен, что основной смысл твоего эксперимента предполагал не обмен работ на книги, а сканирование ситуации на рынке современного искусства, разумеется, не в сфере галерей и музеев, а в среде случайных посетителей твоей выставки… Поделись результатами этой акции.

– Есть два аспекта. Первый: около сорока моих рисунков и картин нашли новых владельцев, я же получила около пятидесяти книг. Разумеется, я не стану оценивать, так сказать, свой «выторг». Скажу только, что моя библиотека пополнилась и книгами знакомых авторов, и тех, кто мне в новинку. Важнее то, что посетители выставки не отвергли саму идею обмена одного вида искусства на другой – картин на книги. Более того, игра увлекла довольно многих.

– Согласись, что ты все же попала в непривычную ситуацию, и не всегда комфортную. Все же происходил торг, подобный тем, которые идут уже тысячи лет на рынках мира, когда товар обменивается на товар. Как известно, на базарах принято торговаться, да и каждая сторона стремится представить свой в более выгодном свете и не способна понять достоинства противной стороны. Возникали ли у тебя подобные ситуации?

– Возникали, и оставили чувство досады, но я знала, на что шла…

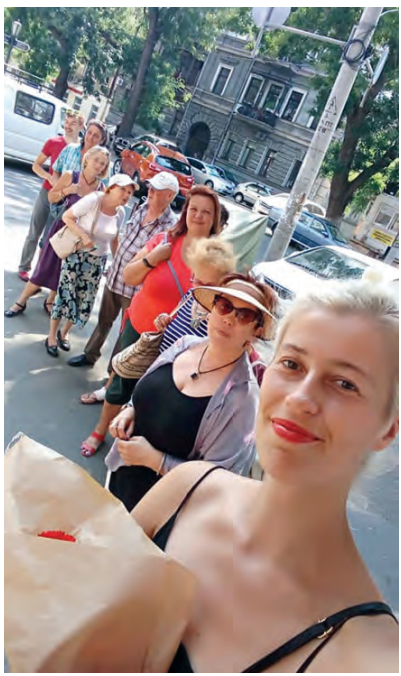
– Спустя короткое время после реализации твоего проекта в ВКО открылась выставка акварелей Ирины Озаринской под девизом «Очередь». В этот день очередь желающих попасть на вернисаж выстроилась и у дверей клуба – и каждый из нас был уверен, что именно он – один из персонажей остроумной Ирины. За чем эти очереди? Их было много на листках бумаги, пришпиленных канцелярскими скрепками к веревкам, – от стены до стены. У каждого из зрителей были свои варианты, и они ими делились с соседями. Не стану их перечислять. Сажу только, что Евгений Голубовский и я решили: «Ну, конечно же, за книгами!». Тебе и Ирине не понять, что совсем недавно в нашей стране книги (настоящие!) были жутким дефицитом, о чем, разумеется, знает твой отец. Скажи, ты сегодня стала бы в очередь за книгами?

– Вы не поверите, но в раннем детстве я уже стояла в такой очереди вместе с папой – она протянулась к дверям магазина подписных изданий…

– Какой вопрос ты ожидала услышать от меня, но не услышала? Задай его сама себе.

– Буду ли я продолжать подобные проекты? Попробую в других странах.

За чем стоит пестрая очередь, изображенная на акварели Ирины Озаринской?
Об этом она еще не знает, как, впрочем, и я, и все стоящие перед дверью Всемирного клуба одесситов



Евгений Перемышлев

Эхо Кривого переулка

Переулок в одном из рассказов Катаева назван Кривым. Откуда взялось это имя? Прикинул на глаз или выдумал? Переулок и впрямь – кривоват. И на старом плане Москвы обозначен и точно – Кривой. Но этот план, уверен, автор и видеть не видел, а памятливых старожилов из тех, что бы помнили – чего оно там на плане значилось полвека с лишком назад, – не осталось. Времени, да какого, год за три, за шесть, минуло чересчур, старожилы (когда и были, то уж наверное юнкера Военно-топографического училища, в иных, кроме плана, источниках это имя не фигурировало) позабыли и собственные имена: столько воды утекло, можно наполнить с верхом бассейн для школьного задачника. Переулок теперь звался Мыльниковым, и здесь в доме № 4 обосновался Катаев, с женой, домработницей и транзитными одесситами, решившими взять столичный город в полон.

Обитатели квартиры 2а, но особенно – двух комнат, где ответственным квартиросъемщиком был гр. Катаев В.П., род. 1897 г., литератор, жили по собственному разумению, личному распорядку, накопленным привычкам, даже темы разговоров и манера шутить были тут свои, мемуаристка, не раскрывая подробностей, назвала это «фольклором Мыльникова переулка». Между тем манера небезынтересна, и кроме всякого-якого для нее характерны языковое мерцание, унаследованное из одесского языка, равно – и образность, построенная зачастую на лексике и понятиях специфических, оттого улавливаемых не каждым, а и уловленных, ошибочно интерпретируемых и толкуемых.

Хотя бы и так. Концессионеры бриллиантовых россыпей мадам Петуховой томятся, рассматривая через окно жесткого вагона, похожего на фанерный ящик из-под гильз для папирос, еле тянущийся влево и назад пейзаж. До первопрестольной остается еще час езды, час, мучительный и для усердного пассажира. Анекдоты давно рассказаны, еда съедена до основания (в сухом остатке цыплячьи косточки, белесо-чернильные ядра маслин да разбитая вдребезги яичная скорлупа, прозрачная, словно осколки мейсенского фарфора), единственная газета от корки до корки изучена и замаслена насквозь. Благо пейзаж иногда сменяется. Остап Бендер указывает на двухэтажный дом и говорит, что это дача Медикосантруда, где он жил в прошлый сезон, *вы разве медик*, – без интереса любопытствует Воробьянинов, *я буду медиком*, – отвечает технический руководитель концессии.

Собеседник, не исключено, что грезящий о своем, таким ответом удовольствовался. Но это бывший уездный предводитель дворянства, которому застлал глаза бриллиантовый дым. Настоящие филологи знают: слово не воробей, упустишь – ловисвищи, и бьют его на взлете сразу из двух стволов, тушку потрошат, начиняют ватой, шия внахлест через край, выставляют чучело не совы, но птицы, как охотничий трофей. Любуйтесь! По разумению Д. Фельдмана и М. Одесского, составивших объемные толкования к роману, «медик» есть «лепила», а «лечить» и «лепить» на том же самом «воровском жаргоне» означает «лгать» и «обманывать». Уважаемые доктора наук, правда, увы, не медицинских, «лепят горбатого», должно быть, зачарованные созвучием «врач» и «врать». Но в целом вектор шутки ими прослежен. Не стану отсылать почтенных толкователей к словарям Трахтенберга либо Потапова, за отсутствием у многих слуха на мелодии «блатной музыки», отошлю к источнику гармоничнее. В первом действии пьесы «Интервенция», увидев хозяйку банкирского дома Ксидиас, негоциантку, владеющую складами, верфями и, я вас умоляю, чем еще, налетчик Филипп восхищенно бормочет: *Ах, какая гагара! Какая богатая гагара!* – и добавляет: – *Ох, мадам Ксидиас, будете вы моей пациенткой!* Тот, кто смотрел на театре ли, в синематографе, либо читал

с листа историко-революционную пессимистическую комедию Льва Славина, помнит, Филька-анархист мадам таки вылечил от излишних материальных ценностей, на то и «доктор» (слово также присутствует в надлежащих изданиях, обращаться к которым почтенным толкователям не советую, дабы избежать ложных и досадных ассоциаций).

Что делать, «блатная музыка» играет не для всех. Ее аккорды иногда гремят какофонией, иногда звучат совсем piano, иногда, как в симфонии № 45 фа-диез минор Гайдна, просто – кочумай и туши свечи. А ведь юмор «made in Мыльников переулок», построенный на таких играх смыслом и языком, отпечатлелся в литературе. Более того, значительные эпизоды романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» без разумения правил такой игры обессмысливаются.

Хотя бы и этот. Бендер идет за стульями, проданными с аукциона, в Варсонофьевский переулок. Но еще до его появления в квартире 17 (о номере дома остается догадываться, тот не назван, похоже, что не с пуста) авторы дают краткий очерк пристрастий и деяний – нотабене! – не Эллочки-людоедки, как заведено ее именовать, а «людоедки Эллочки» (словосочетание вынесено в название главы), описывают комнату, где она живет. И упоминают, между прочим (именно – между всяким и разным), такую деталь: «Если рассмотреть фотографии Эллочки Щукиной, висящие над постелью мужа – инженера Эрнеста Павловича Щукина (одна – анфас, другая в профиль), то нетрудно заметить…». Не женские прельстительные стати (поди разгляди их в столь мелком существе), но важность этой детали заметил (о чем известил читающую публику), кажется, единственный А.Д. Вентцель, истолковав, опять-таки, превратно: дескать, анфас и профиль снимают тех, кто подвергается тюремному заключению. И вместо решения предложил догадку – не аллюзия ли это из «Гамлета», весь мир так и остался себе тюрьмой.

Но другой персонаж, более известный, чем датский принц-беспридатник, утверждал: видит не тот, кто смотрит, а тот, кто понимает, по крайней мере не спешит с выводами, анализируя подробности. Ведь материал для изучения налицо, далее романисты дают словесный портрет означенной дамы: «…лоб

приятной высоты и выпуклости, большие влажные глаза, милейший в Московской губернии носик с легкой курносостью и подбородок с маленьким, нарисованным тушью, пятнышком».

Охарактеризован также рост (в сопоставлении) и отмечено под конец: «Что же касается особых примет, то их не было». Подобные описания, по другой терминологии – антропометрические данные, используют в личной карточке того, кто числится в картотеке правоохранительных органов, сюда бывают приложены и фотографии гражданина или гражданки – анфас и в профиль. Не очень ловко, как-никак дебют, авторы пытаются растушевать шутку об особых приметах, диссонирующую с респектабельной формой европейского плутовского романа: «Эллочка и не нуждалась в них. Она была красива».

Однако из «блатной музыки» не вынуть ни аккорда, ни словца – их так мало, что каждое на счет. Елена Щукина, она же – Эллочка, в повседневной жизни обходилась тридцатью языковыми компонентами, *придирчиво выбранными ею,* – подчеркивают авторы, – *из всего великого, многословного и могучего русского языка*. Этих слов, словосочетаний и междометий с лихвой хватало, чтобы выразить отношение к предметам, лицам и явлениям, поддержать беседу, истребовать необходимое. Русский язык, согласимся, крайне многословен, изнемогает и заговаривается от обилия синонимов, потенциальных конструкций, разнообразия приставок и флексий. *Идиотский жаргон*, – как называет муж Эллочки ее словесный запас, сжат объемом, но действен, энергичен, существительные вроде «жуть» и «мрак» способны выполнять функцию междометия, а то и глагола. Задача этого «жаргона» подавить собеседника и утвердить самость говорящего, с чем «жаргон» превосходно и справляется, пусть для племени мумбо-юмбо такого количества лексических единиц маловато. Соавторы, взращенные Мыльниковым переулком, выстраивают не параллель, а сближение, насмешничают. Лет через пять, когда в печати, весьма специальной, появится статья Д. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи», шутка из затаенной стала бы явной, но статья опубликована была в источнике слабодоступном, а роман «Двенадцать стульев» к тому времени сделался едва не бестселлером.

Кстати, присущий «блатной музыке» прагматизм (информативность, по определению знатока) наличествует у Эллочки в полной мере. «Парниша» является производным от существительного «парень», то бишь не только «молодой человек» или «нестарый мужчина», а еще и «неженатый молодой крестьянин», равно «юноша, принадлежащий к неимущим классам», по дореволюционным понятиям (роман сочинялся к десятилетию революции, когда прежние значения не выветрились окончательно). Эллочка между тем и рассматривает всех мужчин в качестве потенциального супруга, отсюда языковой нюанс в комментариях романистов к ее словарю: ехать на авто она предлагает «знакомым мужеского пола», мужу бывает предложено ехать на извозчике. То, что гендерная стратификация воспринимается Эллочкой как имущественно-финансовые связи, можно при желании разглядеть и во фразе: *мрачный муж пришел*, коей она встречает супруга, ведь «муж», по изводу «блатной музыки» второй половины тридцатых годов, «сожитель, который материально помогает своей подруге».

Эрнест Павлович Щукин, этот супруг, объевшийся кислых груш и прочих неудобоваримых предметов, создающих в желудке отвратительную тяжесть, как ни странно, почувствовал и специфику Эллочкиного словесного запаса, и прагматику ее речений, споря, он использует другую лексику, но держится тех же смысловых ориентиров: взяток он не берет, деньги не крадет и не подделывает.

Он пока не осознал, с кем связал жизнь, однако начинает мутно догадываться. И только беспризорный, посланный Бендером, чтобы отследить путь купленных с аукциона стульев, знает это наверняка. *Шикарная чмара*, – аттестует тот Эллочку. И прав. О деревне Чмаровка, название каковой построено на заимствованном из «блатной музыки» словце «чмара», также и «шмара» (в данном случае, представляется, словесная оболочка тянется не столько к регулярности норматива, сколько к расподоблению благозвучия ради), мне доводилось писать. С того момента смысл его не изменился.

Нет, нет – Эллочка не блатная, не приблатненная, и «шмарой» в глубоком и тесном, классическом значении термина не является,

хотя зададим философский вопрос – что есть сожительство женщины с мужчиной для удовлетворения своих материальных потребностей, когда не проституция? Но игра смыслом и языком, характерная для упомянутой манеры шутить, определяет действия персонажа, его так называемые психологию, мышление и речь. Это легко увидеть по тому, как завершается диалог Эллочки и Эрнеста Павловича Щукина. Сработал механицизм «блатной музыки», что во многом напоминает додекафонические опусы «новых венцев». Шенберг, думаю, или Берг, или Веберн не слишком бы удивились такому сближению. Итак, Эллочка хочет сказать что-то важное, а из уст ее исторгается механическое: *у тебя вся спина белая*. Давний анекдот запечатлел аналогичную ситуацию, разыгранную на близком материале. Уркан отмотал срок и выходит за железные ворота исправительного заведения номер этакий. Солнце греет, летают бабочки, синеют небеса. Он видит – маленькая девочка на лужайке разговаривает с куклой. Опьяненный радостью свободы уркан подходит к ней, гладит по головке и сипит умильно: «Балдеешь, падла?».

Но занятнее всего в драматическом сем диалоге Щукиной и Щукина заключительная реплика Эллочки. *Поедешь в таксо? Кр-расота*, – говорит она. Жаргон ее по-своему и выразителен, и очень точен. Жизнь с мужем кончена, Эрнест Павлович Щукин становится посторонним мужчиной. И реплика, адресованная ему, запечатлевает перемену статуса: «в таксо», а не «на извозчике».

О взаимоотношениях этих персонажей можно судить по фамилиям, лишь кажущимся родственными и схожими. Фамилия инженера не только прочитывается как «щукин сын» (малый пуант юмора из переулка), фамилия его указывает на полную зависимость, подчиненность носителя. Щука, без вариантов, представляется существом женского рода, и, по логике языка, Щукина – к семейству щук принадлежащая, его представительница, а Щукин – принадлежащий щуке, ее собственность, достояние, добыча. Может статься, потому авторы и вычеркнули из текста фразу: *заняла общественное положение домашней хозяйки – Щукинши*. Сколь осмысленно или по наитию было это сделано? Мелочи, тотальные пус-

тяки, языковые шарады и логогрифы, и впору, и по плечу В. Набокову. Соавторы первый роман сочиняли в известной спешке, следы которой обнаруживаются на каждой странице, им не до пустяковых тонкостей.

Тем не менее частности быта, не улавливаемые современным читателем, вызывают у романистов саркастические улыбки. Спасая семейный бюджет, Эрнест Павлович Щукин героически «выносил мусор и даже жарил котлеты». Инженер, он самолично «разводил примус», устройство абсолютно примитивное, хотя не без дурных замашек, более того, Эрнест Павлович Щукин «отказался от прислуги». Надо отметить, что девушки, бежавшие из взбаламученной и разоренной деревни в город, нанимались прислугой на любых условиях, часто – за кров и еду. Инженер, скорее всего, и не отдавал себе в том отчета. Ведь не обратил он внимания, что письменный стол после раздела мебели на Варсонофьевском должен снести по лестнице и водрузить на извозчика дворник в одиночку. Эти штрихи, не такие эффектные, как, например, словарь Эллочки, но выразительные и такие важные для понимания эпизода в целом, тоже часть фольклора с Чистых прудов, из переулка с причудливым искривленным названием.

Возвращаясь туда, замечу: определенная разноречивая зыбкость присутствует не в одном фольклоре, но и в названии переулка, где обитал Катаев с домочадцами и иже с ними. Топонимические справочники утверждают, будто переулок этот получил название по фамилии когдатошнего домовладельца. Возможно, и даже весьма. Но кто знает какого-то владельца дома, когда ни его, ни строения давно и в помине нет, а слово «мыльня» бытует и вне словарей. Значение подходящее, где как не в бане завязывается беседа на темы пестро-занятные, а шутки, громогласные и обильные, имеют своеобразный оттенок. Справочники, однако, утверждают: бань тут не было никогда. Согласиться бы, да вот речка, загнанная потом в трубу, а раньше дотекавшая до самого берега Москвы-реки, аккурат возле Воспитательного дома, имелась. Даровая вода – пожалуйста. И только ли от выкинутых туда отходов бойни, что у Мясницких ворот, пруды назывались до поры до времени Погаными?

Теперь и Мыльникова переулка нет, вместо него пролегает улица Жуковского. Думаете, того самого, что выдохнул: *поэзия есть бог в святых мечтах земли*, за что ему благодарные жители уездного города N воздвигли бюст, с оборотной стороны которого волшебным образом еженощно появляется краткое и унизительное слово? Полноте, бывший переулок возведен в ранг улицы и поименован к пятнадцатилетию со дня смерти основоположника российского самолетостроения. Того, старанием какового мы рождены, чтоб сделать былью сказку, приставив стальные крылья и в грудь водрузив пламенный мотор, будто в хрестоматийных стихах о пророке, застигнутом в пустыне врасплох.

Но так ли далек фольклор Мыльникова переулка от сказок и былей эпохи индустриализации? Сиамские кузены: летчики-налетчики.

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Н.С. Гумилев и А.А. Ахматова

Очерк, предлагаемый вниманию читателя, отличается от иных из этого цикла весьма существенно. Оба его действующих лица – крупные поэты. Еще одно отличие состоит в том, что личность и биография героини лучше известна более широкому кругу людей, даже вне зависимости от их литературных предпочтений. В нашу задачу не входит сопоставление степени их дарований, но исходная позиция, посыл этого очерка – однозначны: Ахматова – муза Николая Гумилева, его Прекрасная Дама, ради которой ему предстоит жить, писать стихи и совершать подвиги, как сформулировал для себя он 24 декабря 1903 г. в Царском Селе, когда произошла их первая встреча.

Именно она – наша главная героиня.

«Мои первые впечатления – царскосельские, – писала Ахматова позднее. – Зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду».

В доме почти не было книг, но мать знала множество стихов и читала их наизусть. Общаясь со старшими детьми, Анна довольно рано начала говорить по-французски. Тогда 14-летняя Аня Горенко была стройной девушкой с огромными серо-зелеными глазами, резко выделявшимися на фоне бледного лица и прямых черных волос. А пылкий 17-летний юноша Николай Гумилев в то время старательно подражал своему кумиру Оскару Уайльду. Для максимального внешнего сходства с английским драматургом

Наиболее ранние фотографии Анны Ахматовой

и звездой европейского эстетизма он носил цилиндр, завивал волосы, подводил глаза и даже слегка подкрашивал губы. Для завершения образа трагического, загадочного, слегка надломленного персонажа Гумилеву не хватало одной детали – поглощенности роковой страстью, терзаниями от безответной или запретной любви, несчастливой личной жизни. На роль прекрасной, но жестокой возлюбленной Аня Горенко подходила идеально. Однако адресатом первой влюбленности Анны, главным персонажем ее девичьих грез был в это время Владимир Голенищев-Кутузов – студент-репетитор из Петербурга. Николай мгновенно пал жертвой необычной красоты и яркой индивидуальности Анны. Она становится для него не только Музой, но Богиней, Русалкой, Колдуньей – именно так Гумилев называл ее. На целых десять лет Анна стала источником вдохновения для молодого поэта. Он забрасывал ее цветами и стихами. Однажды в день ее рождения он подарил Анне цветы, сорванные под окнами императорского дворца.

В будущем, 2019 году, 23 (10) июня исполнится 130 лет со дня рождения великого русского поэта Анны Андреевны Ахматовой. А родилась она в Одессе между 11-й и 12-й станциями Большого

Фонтана. В очерке «Будка. Начало» А. А. скажет о себе: «Я родилась в один год с Чарли Чаплином и «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии – 1889 г. В ночь моего рождения справлялась и справляется знаменитая древняя «Иванова ночь». Назвали меня Анной в честь бабушки – Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собиралась быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем. Родилась я на даче Саракини (так у Ахматовой, на самом деле – Сорокини. – **Л. А.**)... Дачка эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли – рядом с почтой. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю»...

Ахматовские места в Одессе не сохранились: ни дачка на 11-й ст. Фонтана (Фонтанская дорога, 78), ни дом на углу улиц Кузнечной и Спиридоновской, где семья жила зимой, ни дача тетки (сестры отца) Аспазии Антоновны

А.А. Горенко

И.Э. Стогова-Горенко

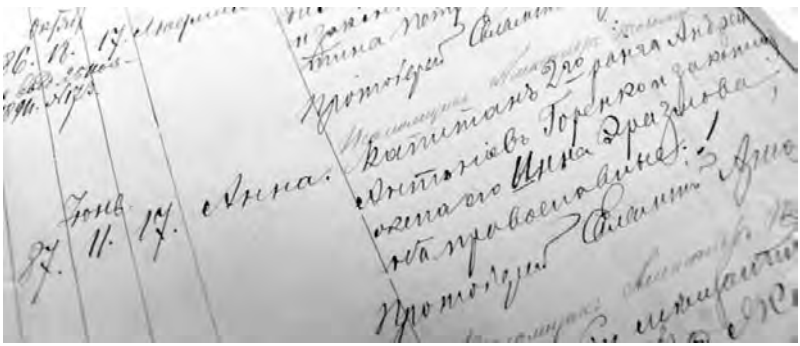
Арнольд в Люстдорфе, где останавливалась Анна Горенко с матерью в 1904, 1906 и 1909 гг.

Отец Анны – инженер, капитан 2-го ранга, вышел в отставку в марте 1887 г. и после этого поселился с семьей в нашем городе (примерно с середины 1887 г.). Есть информация, что А.А. Горенко какое-то время учился в 1870-1872 гг. в Новороссийском университете. Живя в нашем городе, он сотрудничал в «Одесских новостях». Впоследствии, перейдя на государственную службу, получил чин статского советника. Его инициалами – А. Г. – подписаны рецензии на еще не переведенные на русский язык мемуары Дж. Гарибальди, романы Ф. Шпильгагена и А. Доде. Перу Андрея Горенко принадлежат новелла «Философ Сикундус» и рассказ «Влюбленный в бородавку».

Мать – Инна Эразмовна Стогова-Горенко.

Рождение Анны в Одессе подтверждает метрическая запись в книге регистрации, хранящаяся в Одесском областном государственном архиве. Крестили Анну Горенко в Преображенском соборе на Соборной площади. Ее крестными были Романенко Степан Григорьевич и Вальцер Мария Федоровна.

Степан Романенко был родным братом известного народовольца Герасима Романенко и сам трижды содержался в одесской тюрьме за участие в студенческих волнениях, за попытку устройства тайной типографии; долгое время находился под гласным надзором полиции. Крестная Ахматовой Мария Федоровна Валь-



Метрическая запись в книге о рождениях. Одесский облгосархив

цер окончила женские Бестужевские курсы и работала преподавателем в женской гимназии Масловой и Градской (Успенская угол Маразлиевской). Упоминание о том, что Ахматова родилась у моря, находим в ее поэме «Реквием»:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем – не ставить его
Ни около моря, где я родилась,
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов…

(Последние две строки относятся к более поздним тяжелым событиям в жизни поэта…)

Источники приводят довольно забавный эпизод, относящийся к приезду в Одессу в 1904 году. Инна Эразмовна захотела показать дочери дом, где она (Анна) родилась, и когда они подошли к дачному дому на Б. Фонтане, Аня, не задумавшись, сказала: «Когда-нибудь здесь будет висеть мемориальная доска». В очерке «Будка. Начало» Ахматова писала: «Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. Мама огорчилась. «Боже, как я плохо тебя воспитала!» – сказала она». Известный одесский краевед Р.А. Шувалов нашел и сделал известным точное место несохранившейся дачи Сорокини. Там впоследствии были установлены мемориальный знак-барельеф и ажурная скамейка. Именем Ахматовой была названа улица. Что же касается 1906 года, то в воспоминаниях Ахматовой «Даты. Дачи» есть запись: «Люстдорф. У тетки Аспазии Антоновны (1906 г.). На обратном пути из Киева в Евпаторию. Сорокадневная забастовка в Одесском порту». Еще в 1905 г. Инна Эразмовна после развода с мужем переехала с детьми сначала в Евпаторию, а затем в Киев. Здесь Анна, начавшая учебу в Царскосельской Мариинской гимназии, окончила Фундуклеевскую гимназию и поступила на юридический факультет

Высших женских курсов, отдавая все же предпочтение истории и литературе. Обожала французскую поэзию и с чувством читала на школьных вечерах «Цветы зла» Шарля Бодлера, в подлиннике читала Данте. Из русских поэтов первыми она открыла для себя Державина и Некрасова, затем открылся Пушкин, любовь к которому осталась на всю жизнь.

В жизни одного из поэтов первой когорты Серебряного века Николая Степановича Гумилева тоже многое было связано с нашим городом. Именно здесь начинались и заканчивались его неоднократные путешествия в страны Африки и Азии.

Впервые он посетил Одессу в 1908 г., на старте поездки в Египет, отразив в своем «Африканском дневнике» такое впечатление о ней: «…словно какой-нибудь заграничный город, русифицированный усердным администратором». Ане, конечно, льстило заинтересованное внимание Гумилева, и она с удовольствием гуляла с ним по паркам, они рассуждали о мировой поэзии, читали друг другу стихи… Гумилев вспоминал:

Мы в аллеях светлых пролетали,
Мы летели около воды,
Золотые листья опадали
В синие и сонные пруды.

И причуды, и мечты и думы
Поверяла мне она свои,
Все, что может девушка придумать
О еще неведомой любви.

Говорила: «Да, любовь свободна,
И в любви свободен человек,
Только то лишь сердце благородно,
Что умеет полюбить навек».

Я смотрел в глаза ее большие,
И я видел милое лицо
В рамке, где деревья золотые
С водами слились в одно кольцо.

И я думал: «Нет, любовь не это!
Как пожар в лесу, любовь – в судьбе,
Потому что даже без ответа
Я отныне обречен тебе…»

Однако Анна взаимностью юноше не отвечала, поскольку, как ей казалось, продолжала безответно любить своего учителя. Всего он предлагал ей выйти замуж за него четыре раза и трижды потерпел фиаско. Когда резкое «нет» прозвучало в первый раз, оно настолько задело самолюбие Гумилева, что он уехал на учебу во Францию, надеясь там забыть свою роковую любовь и вернуться в образе разочарованного трагического персонажа. В Париже Гумилев слушал лекции в Сорбонне, издавал журнал «Сириус», посещал художественные выставки, знакомился с французскими и русскими писателями, художниками. Но ни занятия в легендарной Сорбонне, ни путешествия по прекрасным местам Италии не помогли ему забыть зеленоглазую колдунью, а сам факт его отъезда в Европу вдруг пробудил в Анне чувства столь сильные, что девушка написала, как «издали ловит звук его шагов». Она отправляет Николаю грустное письмо, где описывает свою тоску, одиночество, ненужность. Гумилев тут же приезжает в Крым, где тогда отдыхала семья Горенко. Гуляя вдоль моря, Гумилев говорит Анне, что любит ее по-прежнему и что вспоминал во Франции каждую минуту.

В Крыму последовало второе предложение руки и сердца. Но Аня в этот момент увидела мертвую рыбу на берегу, посчитала это дурным предзнаменованием и второй раз отказала Гумилеву. Несчастный молодой поэт в смятении возвращается во Францию. Там его постигает депрессия, и он решает свести счеты с жизнью, утопившись в озере вблизи города Турвилль-ла-Ривьер в Нормандии. Местные жители и жандармы спасают его. Выжив, Гумилев пишет Анне письмо, где говорит о том, что чувства его настолько сильны, что он не сможет жить, если она не выйдет за него.

Упомянутый выше визит Анны в Одессу летом 1909 г. памятен тем, что, проведя месяц в гостеприимном доме Макса Волошина в Коктебеле, рейсовым судном сюда прибывает Николай Гумилев.

Встретившись с Анной в Люстдорфе, он в очередной, третий раз сделал ей предложение и снова получил отказ.

Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое «не надо»…
Царица иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда,

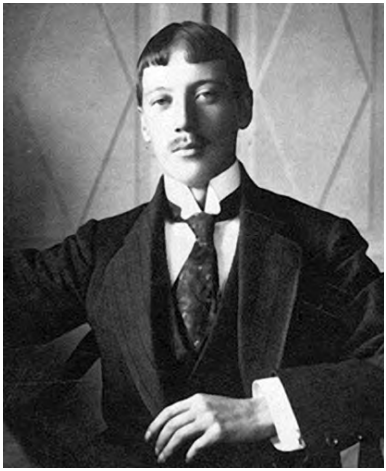
– написал он тогда…

После этого третьего отказа, вернувшись во Францию, Гумилев глотает целую банку таблеток и уходит в Булонский лес умирать. Но его снова спасают. Чтобы развеяться и не думать о своей несчастной любви, Николай отправляется на этот раз в Африку. Рождаются такие строки:

Во мраке безрадостном ночи,
Душевной больной пустоты
Мне светят лишь дивные очи
Ее неземной красоты…

Новое путешествие было длительнее других – через Константинополь, Каир, Порт-Саид он добрался до Джибути и Харраре, и в начале 1910 года вернулся в Россию. Кстати, из своих поездок Николай привозил интереснейшие артефакты, в дальнейшем попавшие в частные и государственные коллекции. Весной этого же года в издательстве «Скорпион» вышел третий сборник стихов «Жемчуга» (автор собирался назвать его «Золотая магия»), сделавший Гумилева известным поэтом. Первый его сборник – «Путь конквистадоров», и второй – «Романтические цветы», вышли соответственно в 1905 г. в Санкт-Петербурге, и в 1908 в Париже. Не совсем ясен порядок дат, но утверждается, что еще в ноябре 1909 года Ахматова неожиданно дала согласие на брак, принимая избранника не как любовь, а как судьбу. Подруга Анны Валерия Срезневская позже писала в воспоминаниях о том, что приехавшая к ней Ахматова как-то «…мельком сказала о своем браке, и мне показалось, что в ней ничего не изменилось». У невесты не было никакого радостного возбуждения, счастья и даже же-

лания поговорить о своем избраннике. «Как будто это событие не может иметь значения ни для нее, ни для меня», – вспоминала Срезневская. «Гумилев – моя судьба, и я покорно отдаюсь ей. Не осуждайте меня, если можете. Я клянусь Вам всем для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной», – пишет она в это время Голенищеву-Кутузову. 5 апреля 1910 года поэт отправляет прошение ректору Санкт-Петербургского университета: «Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство разрешить мне вступить в законный брак с дочерью статского советника Анной Андреевной Горенко».



Н.С. Гумилев (сравнительно ранняя фотография)

А Ахматова в своем письме Срезневской поведала страшные мысли: «Птица моя, – сейчас еду в Киев. Молитесь обо мне. Хуже не бывает. Смерти хочу. Вы все знаете, единственная, ненаглядная, любимая, нежная. Валя моя, если бы я умела плакать…». 21 апреля Гумилев напишет Брюсову**:** «Пишу Вам, как Вы можете видеть по штемпелю, из Киева, куда я приехал, чтобы жениться. Женюсь я на А.А. Горенко, которой посвящены «Романтические цветы». Свадьба будет, наверное, в воскресенье, и мы тотчас же уезжаем в Париж». Венчание, о котором он так мечтал, состоялось наконец 25 апреля (даты в источниках широко варьируют. – **Л. А.**) 1910 года в Св. Николаевской церкви в Никольской слободе (укр. *Микільська слобідка*) под Киевом. Свадьба была странной. Жених был довольным и гордым, невеста – грустной. Английская исследовательница творчества Ахматовой Аманда Хейт написала в своих мемуарах: «Родственники Ахматовой считали брак заведомо обреченным на неудачу, и никто из них не пришел на венчание, что глубоко оскорбило ее». Судя по многим свидетельствам,

близкие жениха на торжество также не пришли. Довольно широко известны гумилевские строки, написанные в эти дни:

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал – забавницу,
Гадал – своенравницу,
Веселую птицу-певунью.

Покликаешь – морщится,
Обнимешь – топорщится,
А выйдет луна – затомится.
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться…

Надо, однако, заметить, что казавшееся всепоглощающим, роковое, едва не приведшее к самоубийству чувство, которое Николай Гумилев испытывал к Ахматовой, как ни странно, не помешало ему в «режиме ожидания» ее согласия на брак, как, впрочем, и на его фоне, прокрутить несколько романов. Так, в частности, к 1909 году относится «промежуточный» роман Гумилева с поэтессой Елизаветой Дмитриевой (псевдоним – Черубина де Габриак), возникший во время их совместных занятий в Сорбонне, приведший в итоге к дуэли (к счастью – безрезультатной) Гумилева с М. Волошиным. Анна продолжала писать стихи и из взбалмошной девчушки превратилась в величественно-царственную женщину. Ей начали подражать, ее рисовали, ею восхищались, ее окружили толпы воздыхателей. Гумилев полусерьезно-полушутя намекал: «Аня, больше пяти неприлично!».

В 1911 году при активнейшем участии Гумилева был основан «Цех поэтов«, в который кроме Гумилева входили Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, Сергей Городецкий, Елизавета Кузьмина-Караваева (будущая «Мать Мария»), Зенкевич и другие. Обоих супругов с тех пор принято считать создателями акмеизма. После свадьбы молодожены действительно уехали

в Париж, где не без проблем провели медовый месяц. Первое стихотворение Анны было напечатано под фамилией Ахматова в 1911 году. Псевдоним она взяла не случайно, фамилией Горенко подписывать стихи ей категорически запретил отец.

Через полгода после женитьбы Николай Гумилев отправился в Абиссинию. Тихий семейный дом стал ему тесен. Жажда романтики, путешествий по далекой Африке оказались еще более сильной страстью. А сердце плакало нежностью…

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф…

В 1912 г. тиражом 300 экземпляров выходит первый сборник Ахматовой «Вечер», после издания которого Ахматова и Гумилев совершили новое совместное путешествие, на сей раз по Италии. Теперь изменилось многое… Немалочисленные легкие увлечения, случавшиеся у Гумилева и раньше, в 1911 году (даты приводятся разноречивые) сменились нешуточной влюбленностью. Сразу после возвращения из очередного вояжа Гумилев посещает имение своей матери, где сталкивается со своей племянницей – молоденькой красавицей Машей Кузьминой-Караваевой (не путать с Е.Ю. К.-К. – «матерью Марией». – **Л. А.**). Чувство вспыхивает быстро, и оно не остается без ответа. Однако и эта любовь носит оттенок трагедии – Маша смертельно больна туберкулезом, и Гумилев опять входит в образ безнадежно влюбленного. Здоровье Машеньки быстро ухудшалось, и вскоре после начала их романа с Гумилевым девушка умерла. Правда, ее смерть не вернула Ахматовой былого обожания мужа. И тогда Анна Андреевна решается на отчаянный шаг (формулировка комментаторов. – **Л. А.**) и рожает Гумилеву 1 октября того же года сына Льва (друзья тут же перекрестили его в «гумильвенка»). Рождение ребенка Гумилев воспринял неоднозначно. Он тут же устраивает «демонстрацию независимости» и продолжает крутить романы на стороне. Впоследствии Ахматова скажет: «Николай Степанович всегда был холост. Я не представляю себе его женатым». Другие романы

Гумилева Анна Андреевна потом живописала вселюдно – добродушно и охотно. Но о Маше говорить избегала. Ограничивалась словами: «В то лето Николай Степанович наполнял альбом Кузьминых-Караваевых посредственными стихами».

Корней Чуковский, познакомившийся с Ахматовой в это время, так описывал ее внешность: «Тоненькая, стройная, изящная, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого поэта Н.С. Гумилева, который тогда же, при первом знакомстве, назвал ее своей ученицей. То было время ее первых стихов и необыкновенных, неожиданно шумных триумфов». Анна Ахматова очень рано поняла, что писать надо только те стихи, которые «если не напишешь, то умрешь». Иначе, как она считала, нет и не может быть поэзии. А еще, чтобы поэт мог сочувствовать людям, ему надо пройти через отчаяние, горе и научиться преодолевать их в одиночку. В марте 1914 г. вышла вторая книга стихов Анны Андреевны «Четки», которая принесла ей уже всероссийскую известность. Следующий сборник, «Белая стая», увидел свет лишь в сентябре 1917 г. и был встречен довольно сдержанно. Война, голод и разруха отодвинули поэзию на второй план. Но те, кто знали Ахматову близко, хорошо понимали значимость ее творчества. После начала первой мировой войны в начале августа 1914 г. Н.С. Гумилев записался добровольцем в армию. Вместе с Николаем на войну (по призыву) ушел и его брат Дмитрий Гумилев, который был контужен в бою и умер в 1922 году. Примечательно, что хотя почти все поэты того времени слагали или патриотические, или военные стихи, в боевых действиях добровольцами участвовали лишь двое: Гумилев и Бенедикт Лившиц. Гумилев был зачислен вольноопределяющимся в Лейб-гвардии уланский ее величества полк. К своему участию в войне Гумилев подготовился очень серьезно. Он был отважным человеком и отличным стрелком.

Уже в декабре 1914 г. улан Гумилев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, а в январе 1915 г. произведен в младшие унтер-офицеры. Летом 1915 г. Гумилев награждается вторым Георгиевским крестом, 3-й степени, за спасение пулемета под огнем противника. На это Анна Ахматова откликнулась несколько скептически: «Долетают редко вести / К нашему крыльцу. / Подарили белый крестик / Твоему отцу…» – написала она маленько-

А. Ахматова и Н. Гумилев с сыном в период первой мировой войны

му Левушке. Анна воспринимает войну как злодейство, направленное именно против России. Она прозревает истину: России придется хуже всех. «Низко, низко небо пустое, / и голос молящего тих: / «Ранят тело твое пресвятое, / мечут жребий о ризах твоих». Но здесь, почти отождествляя себя с Богородицей, Анна Ахматова берет на себя все скорби мира и России и предлагает судьбе жертву. Это нешуточный вызов, судьба не любит дерзости, она примет жертву (Леву придется отдать новому кесарю в 1938 году – формулирует источник), но обманет Анну. В марте 1917 г. Анна Андреевна проводила Николая Гумилева за границу, где тот вступил в Русский экспедиционный корпус. А уже в следующем, 1918 г., когда он вернулся из Лондона, между супругами произошел разрыв, инициатива которого принадлежала Анне. Ахматова сообщает ему ошеломительную весть: она любит другого, а потому им придется расстаться навсегда. К вопросу о причине (причинах) разрыва мы еще вернемся. Несмотря на довольно прохладные к этому времени отношения между супругами, развод

стал для Гумилева настоящим ударом – оказывается, он все еще любил свою Прекрасную Даму Аню Горенко.

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве, глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась.
Завтра, знаю, вернешься покорной…

Осенью того же года Анна вышла замуж за Владимира (Вольдемара) Казимировича Шилейко (1891-1930), ученого ассиро-египтолога и переводчика клинописных текстов. Вообще же, личная жизнь женщины и поэта Анны Андреевны Ахматовой представляется крайне непростой и остро драматичной. Немалочисленные романы (в том числе – и на фоне нерасторгнутых браков) и браки, пережитые ею, как правило, заканчивались болезненными разочарованиями. После Гумилева у Ахматовой было еще два мужа, но ни с одним из них она не была долго счастлива. «Вольдемар» Шилейко растапливал самовар ее рукописями, заставлял ее колоть дрова, оправдываясь больной спиной, а после расставания высказался отвратительно: «У меня в доме для всех бродячих собак находилось место, вот и для Анечки нашлось». Формально брак не был расторгнут, но в 1922 г. возникли незарегистрированные семейные отношения с Николаем Николаевичем Пуниным (1888-1953), историком искусства, художественным критиком. И хотя для непосвященных они выглядели счастливой парой, на самом деле их отношения сложились в мучительный треугольник. Ахматовой тогда было негде жить, поэтому ей пришлось согласиться делить одну крышу не только с возлюбленным, но и с его бывшей женой Анной Аренс и дочерью Ириной, и скидываться деньгами на общие продукты. Анна Аренс, оставаясь в доме на правах близкого друга, также очень страдала от этого. Ахматова много помогала Пунину в его литературных исследованиях, переводя для него с итальянского, французского, английского. К ней тогда переехал сын Лев, которому к тому времени было 16 лет. Позднее Ахматова рассказывала, что Пунин мог вдруг за столом объявить резко: «Масло только Ирочке». А ведь рядом сидел ее сын Левушка… В этом доме

в ее распоряжении были разве что диван и маленький столик. Если она и писала, то только в постели, обложившись тетрадями. Пунин ревновал ее к поэзии, опасаясь, что выглядит на ее фоне недостаточно значимым. Как-то в комнату, где она читала друзьям свои новые стихи, Пунин влетел с криком: «Анна Андреевна! Не забывайте! Вы поэт местного царскосельского значения». Однако именно здесь, в «Фонтанном доме», в квартире Николая Пунина Анна Ахматова прожила почти 30 лет. Именно здесь после ее смерти была открыта квартира-музей. Об этой квартире, как и о многих других ситуациях и фактах из жизни Ахматовой, сохранились крайне разноречивые воспоминания современников. Одни описывают «развал и убожество», окружавшие ее здесь. Для других жилье это было освещено «волшебным светом», наполнено красивыми вещами, оставшимися от прежней жизни. Именно о таких «воспоминателях» написала она сама: «врет, как очевидец, врет, как мемуарист…».

Очевидно, последнее в ее жизни брачное предложение ей сделал племянник известного писателя Всеволода Гаршина, академик АМН СССР, патологоанатом Владимир Георгиевич Гаршин (1887-1956). Из агентурного донесения (sic!) от 24 мая 1944 года:

«В эвакуацию в Ташкент А. Ахматова уезжала невенчанной женой профессора Гаршина, которому посвятила немало своих стихов.

Из источника, близкого к окружению объекта, сообщается, что никогда не видели Ахматову такой счастливой, как в этот период. Однако, когда Ахматова вернулась в Ленинград, Гаршин встретил ее холодно и от своего предложения жениться отказался».

Пишут, что он сослался на то, что во сне к его совести воззвал призрак погибшей супруги… Неслучайно в стихах Ахматовой всегда присутствует печальный образ отвергнутой женщины, который, однако, никогда не выглядит жалким. «Нелюбимой быть поэтично», – была уверена эта женщина. А Гаршина она, без колебаний, назвала психически больным…

Много разноречивой информации приводится о характере ее личных отношений с поэтами-современниками А. Блоком, М. Цветаевой, Б. Пастернаком, В. Маяковским. О них пишут по-разному – «встречалась», «общалась», «дружила». С Мандельштамом –

точно дружила. К.И. Чуковский писал: «Ахматова и Маяковский столь же враждебны друг другу, сколь враждебны эпохи, породившие их. Ахматова – есть бережливая наследница всех дореволюционных богатств русской словесной культуры. У нее множество предков – и Пушкин, и Баратынский, и Анненский. А Маяковский в каждой своей строке, в каждой букве есть порождение нынешней революционной эпохи, в ней его верования, крики, провалы, экстазы. Предков у него никаких. У нее – издревле сбереженная старорусская вера в бога. Он, как и подобает революционному барду, – богохул и кощунник». Писатель Эмилий Миндлин вспоминал: «Когда Осип Брик поставил на голосование группы поэтов предложение Маяковского: запретить Анне Ахматовой на три года писать стихи, «пока не исправится», большинство простым поднятием рук поддержало Маяковского». А наряду с этим Лиля Брик в статье «Маяковский и чужие стихи» написала, что он очень любил ее стихи и часто их читал наизусть… Цветаева и Ахматова испытывали друг к другу интерес, но со стороны Марины Ивановны вначале он был явно сильнее. Цветаева полюбила стихи Ахматовой еще в 1912 году, прочитав сборник «Вечер». Посвящала ей стихи (цикл «К Ахматовой» 1916 года), забрасывала ее эмоциональными посланиями, а та отвечала сдержанно, ссылаясь на «аграфию» – утрату способности к письму. До 1922 года они так и не успели встретиться (одна в Москве, другая – в северной столице), а потом Цветаева уехала в эмиграцию и на родину вернулась лишь через 17 лет, в 1939 году.

После этого три встречи – дома у Ардовых, Харджиева и в театре.

Октябрьскую революцию Ахматова не приняла категорически, написав тогда: «…все расхищено, предано, продано; все голодной тоскою изглодано». Но Россию не покинула, отвергнув «утешные» голоса, звавшие на чужбину, где оказались многие ее современники. «Мне голос был, Он звал утешно, / Он говорил: «Иди сюда, / Оставь свой край глухой и грешный, / Оставь Россию навсегда. / Я кровь от рук твоих отмою, / Из сердца выну черный стыд, / Я новым именем покрою / Боль поражений и обид. Но равнодушно и спокойно / Руками я замкнула слух, / Чтоб этой речью недостойной / Не осквернился скорбный дух» («Белая стая», 1917). Не сделала она этого, даже после того как в 1921 г. большевики

расстреляли Николая Гумилева – ее уже бывшего мужа и отца ее единственного сына, как соучастника антибольшевистского заговора – т. н. «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева». Это еще одно личное преступное решение В.И. Ленина, принятое вопреки ходатайству Горького и ряда других деятелей культуры.

При пересмотре этого группового дела в послесталинский период оказалось, что оно было инспирировано известным «окололитературным» чекистом Я. Аграновым.

Начало 20-х годов отмечено новым поэтическим взлетом Ахматовой – выходом поэтических сборников «Anno Domini» и «Подорожник», закрепивших за ней славу выдающегося русского поэта. (Слово «поэтесса» применительно к себе она категорически отвергала. – **Л. А.**). В эти же годы она серьезно занималась изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом этих исследований стали работы: «О Золотом петушке», «Каменный гость», «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году». Новые стихи Ахматовой с середины 20-х годов печатать

Фото Николая Гумилева из следственного дела

Л.Н. Гумилев с матерью и бабушкой А.И. Гумилевой в детстве

Юношеский портрет

перестали. Ее поэтический голос умолк вплоть до 1940 г. Для Анны Андреевны наступили особенно тяжелые времена. В 1933 году был впервые арестован и через 9 дней отпущен ее сын Лев Гумилев, ставший впоследствии ученым историком-этнографом и географом, писателем и переводчиком, переживший в период репрессий четыре ареста (1935, 1938, 1949) и проведший в лагерях 14 лет. Взаимоотношения матери с сыном складывались крайне непросто, как, пожалуй, все в жизни нашей героини.

Это касается и его детства, и периода мужания. Последний арест произошел уже после того, как он добился отправки на фронт и участвовал в штурме Берлина. Во всяком случае, все эти годы Анна Андреевна терпеливо хлопотала об освобождении сына, как хлопотала она и за арестованного в то же страшное время своего друга, поэта Осипа Мандельштама. Но если Лев Гумилев все же впоследствии был реабилитирован при жизни, то Мандельштам погиб в 1938 г. в пересыльном лагере под Владивостоком… Расстрел, смерть от чахотки, самоубийство, эмиграция, арест, смерть в лагере – судьба многих близких ей людей.

В 1965 году Ахматова произнесла в Большом театре речь о Данте, чтобы помянуть в ней «запрещенных» Гумилева и Мандельштама. Позже судьбам тысяч и тысяч заключенных и их несчастным семьям Ахматова посвятила свою великую и горькую поэму «Реквием», помянув в ней Гумилева как своего мужа…

Последнее фото с матерью

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

В год смерти Сталина, когда начал отступать ужас перед репрессиями, Анна Андреевна произнесла пророческую фразу: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: – та, что сажала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха». Как обычно, игнорируя хронологическую последовательность, укажу, что начало Отечественной войны застало ее в Ленинграде. В конце сентября 1941-го, уже во время блокады, она вылетела сначала в Москву, а затем через Казань эвакуировалась в Ташкент, где жила до 1944 г. и чувствовала себя не так одиноко благодаря обществу близких и приятных ей людей – Фаины Георгиевны Раневской, Елены Сергеевны Булгаковой, вдовы писателя. Там же она узнала о переменах в судьбе своего сына. Именно тогда Лев Николаевич Гумилев добился отправки на фронт, и просьбу его удовлетворили. Летом 1944 г. Ахматова вернулась в Ленинград. Она выезжала на Ленинградский фронт с чтением стихов, с успехом

прошел ее творческий вечер в Ленинградском доме писателей. Весной 1945 г., сразу после Победы, ленинградские поэты, в их числе и Ахматова, с триумфом выступали в Москве.

И вдруг все оборвалось. 14 августа 1946 г. было опубликовано печально знаменитое постановление Оргбюро ЦК КПСС «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором творчество А. Ахматовой и М. Зощенко определялось как «чуждое идеологически». Общее собрание ленинградской творческой интеллигенции дружно одобрило линию ЦК по отношению к ним. А через две недели Президиум правления Союза писателей СССР постановил «исключить Анну Ахматову и Михаила Зощенко из Союза советских писателей», тем самым оба литератора практически лишались средств к существованию. «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения не могут быть терпимы в советской литературе». Вот когда уже в другом контексте, по-новому читались ее блокадные стихи: «Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне. / Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет». Ни Ахматова, ни Зощенко до отмены постановления не дожили. Официально Зощенко так и оставался «хулиганом», «пошляком», «подонком литературы». Никто не отменял и доклад главного партийного идеолога Жданова, где он, оперируя дореволюционной цитатой, вырванной из контекста, позволил себе назвать Ахматову «не то блудницей, не то монахиней… у которой блуд смешан с молитвой». Напомню, что оба слова – и монахиня, и блудница – были в те годы одинаково ругательными в устах партийного руководства.

Опала была снята с Ахматовой лишь в 1962 г., когда из печати вышла ее «Поэма без героя», которая писалась 22 года, а в 1964 г. увидел свет поэтический сборник «Бег времени». Любители поэзии приняли эти книги с восторгом – впрочем, они Ахматову никогда и не забывали. Несмотря на долгие годы молчания, ее имя, произносимое с неизменным глубоким почтением, всегда стояло в первом ряду русских поэтов XX века. В 60-е годы к Ахматовой наконец пришло мировое признание. Ее стихи появились в переводах на итальянском, английском и французском языках,

за границей стали выходить ее поэтические сборники. В 1962 г. Ахматовой была присуждена Международная поэтическая премия «Этна-Таормина» – в связи с 50-летием поэтической деятельности и выходом в Италии сборника ее избранных произведений. Процедура вручения премии проходила в старинном сицилийском городе Таормина, а в Риме в советском посольстве был дан прием в ее честь. В том же году Оксфордский университет принял решение присвоить Анне Андреевне Ахматовой степень почетного доктора литературы. В 1964 г. Ахматова побывала в Лондоне, где состоялась торжественная церемония ее облачения в докторскую мантию.

Церемония прошла особенно торжественно. Впервые в истории Оксфордского университета англичане нарушили традицию: не Анна Ахматова всходила по мраморной лестнице, а ректор спускался к ней. Упомянутая выше речь в Большом театре на торжественном вечере, посвященном Данте, стала ее последним публичным выступлением. Все знавшие ее отмечали, что даже в нищете в ее облике, в осанке, в обращении с людьми было что-то величественное, горделивое.

Мне в юности довелось лично в этом убедиться, когда в жаркий июльский полдень 1943 г. в переполненный ташкентский трамвай третьего маршрута, везший меня по бывш. Пушкинской улице на бывш. Комсомольское озеро (все теперь – бывшее в Узбекистане), вошла явно исхудавшая немолодая женщина, осанку которой иначе чем величественной назвать было нельзя, и несколько пассажиров громко прошептали: «Ахматова…». В свои неполные 13 я не знал, кто это, но после моего вопроса мама прочитала мне «Сероглазого короля»…

Немецкий писатель Г.В. Рихтер, присутствовавший при вручении Ахматовой литературной премии в Таормине, называя ее «царицей поэзии», писал: «Анна Ахматова… высокая женщина, на голову выше всех поэтов среднего роста, подобная статуе, о которую разбивались волны времени с 1889 г. и до наших дней. Видя, как она шествует, я внезапно понял, почему в России время от времени могли править именно царицы…». Ее прекрасной внешности гармонически соответствовало истинное величие духа и огромная душевная сила. Именно она, эта сила, давала

Анне Ахматовой возможность стоически переносить клевету и предательство, обиды и несправедливость, нищету и одиночество, которыми так была полна ее жизнь. И проходила Ахматова через все невзгоды так, будто мир земных реальностей для нее не существовал.

«Ахматовскими крестниками» назвали четверку поэтов из близкого окружения Анны Ахматовой конца пятидесятых – начала шестидесятых годов. Это Иосиф Бродский, Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман и Евгений Рейн. Ахматова высоко ценила их творчество. Она была для них, по признаниям Бродского и Наймана, не только литературным, но и нравственным, духовным авторитетом. Найман пишет: «Ахматова учила нас не поэзии, не поэтическому ремеслу, – ему тоже, но походя, и, кому было нужно, тот учился. Она просто создавала атмосферу определенного состава воздуха». Еще одно, относящееся к ним, словосочетание «ахматовские сироты» возникло из стихотворения Дмитрия Бобышева «Все четверо», посвященного памяти Анны Андреевны:

И, на кладбищенском кресте гвоздима,
Душа прозрела: в череду утрат
Заходят Ося, Толя, Женя, Дима –
Ахматовскими сиротами в ряд…

Уникальный образ Анны Андреевны вдохновил многих художников, которые писали ее портреты с натуры, а некоторые – и после ее ухода. Из этих произведений можно было бы составить большую галерею.

Первый сборник стихов Ахматовой, «Вечер», увидел свет в 1912 г. Всего при жизни поэта вышло 13 сборников, в том числе 1 – в Берлине, 1 – в Мюнхене, и 1 – в Тель-Авиве (без ведома автора). В 1918 г. у нас в Одессе был издан сборник «Стихи 1918», содержавший под одной обложкой стихи Блока, Бунина, Ахматовой, Федорова.

В это время Александр Митрофанович Федоров еще жил в Одессе, как и Бунин. Возможно, что сборник готовил Федоров, у которого был роман с юной Аней Горенко в 1905 году. Во всех собраниях сочинений Ахматовой ее творческий путь начинается

с трех стихотворений, написанных тогда в Одессе, посвященных АМФ.

Число посмертных изданий Ахматовой, не только на языке оригинала, не поддается подсчету. Достаточно упомянуть, что сравнительно молодое популярное издательство «Эксмо», существующее менее 30 лет, выпустило 29 изданий произведений Анны Андреевны. Одесские культурологи, поклонники ее творчества Е.М. Голубовский и Л.Л. Сауленко в 1989 г. составили и издали антологию произведений поэтов, посвященных ей, – «Венок Ахматовой», включающую стихи 46 авторов – Блока, Пастернака, Мандельштама, Цветаевой, Гумилева, Хлебникова, Самойлова, Вознесенского и др., в том числе одесситов – Ю. Михайлика, И. Рейдермана, И. Неверова. В год 120-летия Ахматовой в Одесском литературном музее прошла выставка, посвященная юбилею поэта, на которой были представлены оригинальные фотографии, прижизненные издания.

Это редкое фото Анны Андреевны датируется 1950 годом, но именно такой я видел ее в 1943-м

Портрет Анны Ахматовой работы Амедео Модильяни

Только в 2016 году стало известно, что кандидатура Ахматовой дважды. номинировалась на Нобелевскую премию по литературе: в 1965 году, когда лауреатом был выбран Михаил Шолохов, и в 1966 году, когда ее совместно удостоились известные авторы Нелли Закс и Шмуэль Агнон. Информацию об этом опубликовала

Памятный знак на Фонтанской дороге, 78, в Одессе (автор Т. Судьина)

Шведская академия, которая присуждает премию. (Списки нобелевских номинантов засекречиваются на 50 лет. – **Л. А.**)

В 2011 г. в Париже, в «Opéra Bastille», состоялась премьера оперы «Ахматова» (музыка Брюно Мантовани, либретто Кристофа Гристи). Известен еще целый ряд музыкальных произведений, созданных по мотивам и на стихи А.А. Ахматовой или посвященных событиям ее жизни. Это: «Анна» – балет-моноопера в двух действиях (музыка и либретто Елены Попляновой, 2012), «Четки»: вокальные циклы А. Лурье (1914), С. Прокофьева (1916), М. Чистовой (2003), романсы и песни. Свои воспоминания об Ахматовой оставили Н.Я. Мандельштам, Л.К. Чуковская, Б.Л. Пастернак, о ней писали А. Блок, М. Цветаева, Ф. Раневская и многие другие.

В фильме «Луна в зените», вышедшем в 2007 г., роль молодой Ахматовой сыграла, на мой взгляд, очень удачно, талантливая петербургская актриса и режиссер Светлана Свирко, поставившая недавно несколько спектаклей в Одесском театре юного зрителя им. Ю. Олеши. Постаревшую героиню сыграла Светлана Крючкова. Анна Андреевна предпочитала сама читать свои стихи на радио, записывала их на виниловых пластинках и без восторга воспринимала попытки делать это даже со стороны крупных

мастеров художественного слова. Исключение составляла известная ленинградская заслуженная артистка РСФСР Тамара Александровна Давыдова, исполнение которой очень напоминало голос и интонации автора. Они были знакомы и неоднократно общались. Мне особенно приятно свидетельствовать об этом, так как Т.А. Давыдова – моя родственница (троюродная сестра моей матери), с которой мы были очень дружны.

Памятник А.А. Ахматовой на набережной Робеспьера в С.-Петербурге напротив бывшей тюрьмы «Кресты» (авторы Г. Дадонова и В. Реппо)

Как врач-фтизиатр, посвятивший более 65 лет борьбе с туберкулезом, не могу обойти молчанием тот факт, что именно это заболевание было частым и роковым в семействе Горенко. От туберкулеза умерли все три сестры Ахматовой – Инна, Ирина и Ия. Подозревали, и небезосновательно, туберкулез у брата Андрея и у самой Ани. Именно поэтому, пытаясь спасти детей, Инна Эразмовна привозила их в Крым. И Аня поправилась тогда. Всю жизнь ей удавалось преодолевать рок. Но болезнь действительно у нее была, и вернулась с началом первой мировой войны. И вот в регистрационной книге туберкулезного санатория в финском городе Хювинкяя появляется запись за 1915 год о том, что с 15 по 30 октября здесь проходила лечение госпожа Anna Gumilow. Ахматовой запретили тогда видеться с сыном – Левушку увезли под Бежецк, в Слепнево, где у Гумилевых было имение. Об этом ее строки:

И жар по вечерам, и утром вялость,
И губ потрескавшихся вкус кровавый.
Так вот она – последняя усталость,
Так вот оно – преддверье царства славы…

Осень – начало зимы 1916 года, до 19 декабря Анна Андреевна в связи с очередным обострением туберкулеза провела в Севастополе, проживая на Екатерининской улице, потом на Большой

Могила А.А. Ахматовой в Комарово

Морской. Но в конечном счете с этим заболеванием ей удалось справиться. В короткой автобиографии, составленной в 1965 г., перед самой смертью, она писала: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них – связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Она не сетовала на возраст, и старость приняла как должное. Осенью 1965 г. Анна Андреевна перенесла четвертый инфаркт, а 5 марта 1966 г. она скончалась в возрасте 76 лет в подмосковном кардиологическом санатории в Домодедове. 10 марта 1966 года в Николо-Богоявленском Морском соборе Санкт-Петербурга, собравшем пять тысяч человек, прошло отпевание великого русского поэта Анны Андреевны Ахматовой.

Похоронили ее в Комарово, под Ленинградом-Петербургом, где она провела свои последние годы.

P. S. Только что, в августе нынешнего 2018 г., авторитетный исторический журнал «BBC History Magazine» попросил 10 своих компетентных экспертов составить список из 100 женщин, оказавших наибольшее влияние на ход всемирной истории, а затем предложил читателям путем голосования определить место каждой из них на виртуальном пьедестале почета. На первом место в этом списке «History Magazine» стоит Мария Кюри, которая стала первым в истории двукратным лауреатом Нобелевской премии. В это список вошла Анна Ахматова на 52 строке рейтинга.

Ирина Роднянская

О книге Веры Зубаревой «Одесский трамвайчик»

На мой взгляд, «Одесский трамвайчик» – не только *этапная* лирико-эпическая книга в обширном поэтическом хозяйстве Веры Зубаревой, но и яркая событийная точка на панораме современной русской поэзии. Я искренне считаю, что эта книга не «одна из», а стереоскопический портрет лирической и отчасти лиро-эпической поэзии Веры.

Название книги – принципиально точное и вместе с тем не лишенное намеренного лукавства. Точное – поскольку «гений места» витает над всем разноликим содержимым собрания стихов, сколь бы далеко оно ни отклонялось от привязки к «родному пепелищу» автора-одессита. А своим уменьшительным суффиксом оно указывает на не иссякнувший, несмотря на современную боль Одессы, юмор ее насельников, генетически унаследованный сочинителем таких вещей, как поэма «Собакиада» или как множество каламбурных импровизаций, вкрапленных в стиховую речь. «Лукавство» же состоит в том, что в укромно-миниатюрные вагоны этого «трамвайчика» вмещена вся Вселенная с небесными и земными стихиями, со светилами дня и ночи и календарным вращением Земли вокруг Солнца, с атмосферическими навеваниями, и в особенности – «всех вестей первопричиной» – ветром, который доносит жизненные сдвиги до напряженного слуха поэта, почти мистически балансирующего между явью и сном.

Смысловой диапазон поэта простирается от запечатленных лирических мгновений и штриховых зарисовок (вступительный раздел «Дворик», но не только) до постижений космического масштаба, какова композиция «Море», достойно пополняющая мир созерцательно-философской лирики наших классиков двух минувших веков.

Вместе с тем подчеркну актуальность и силу трагического звука, мерно нарастающего к финалу, что позволяет определить «Одесский трамвайчик» еще и как «книгу памяти». Перед нами город, навсегда опаленный ужасом 2 мая, и вместе с тем «Город неопалимый», символически явленная икона Неопалимой Купины. Прежней Одессы нет, но есть вечная, а значит – и будущая Одесса: эпитафия и гимн надежды одновременно. Здесь нельзя не выделить реквием «Свеча»; это надгробие погибшим в майском кошмаре земляки автора вывешивали на стенах разброшюрованными листками – редкий ныне пример непосредственного воздействия не однодневной, а глубокой поэзии на гражданскую жизнь.

В прозаическом приложении к стихам (включающем и ценные комментарии к ним) автор сочувственно цитирует одесского краеведа: «Одесса – экспериментальный город». Поэтическую речь Веры Зубаревой тоже можно назвать экспериментальной по дерзости и разнообразию ее «технологии», притом, что собственно экспериментальные задачи нигде не ставятся, а в цене пронзительная доходчивость выражения. Автор равно чувствует себя дома и в регулярном, и в акцентном, и в свободном нерифмованном стихе. Ее ассонансная рифмовка, подсказанная уникальным артикуляционным чутьем, настолько изобретательна, что просится в учебники по стиховедению. Ей доступны интонации из всех сфер стихотворчества русского XX века. Тут и Блок («Черное море. Черное небо»), и Маяковский («Город бормочет – на языке отцов / слова, / которыми / выложены / мостовые»), и имажинисты («облако заколыхалось в пасти сумерек куском застрявшего неба»), и балладность Тихонова и Багрицкого (в 8-й главке замечательного «Реквиема по снегу»), и «новый слог, торжественный, не мой», а сближающийся с поздней Беллой Ахмадулиной (в «Море»). И все это – не застрявшие в памяти образно-интонационные цитаты. Вполне неподражательный поэт все это наново сам открывает для себя, для собственных чувств и целей, в потенциальном богатстве приемов отечественного стихотворства.

Выдающаяся книга стихов Веры Зубаревой «Одесский трамвайчик» заслуживает самого пристального внимания ценителей поэзии.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Публикации

278 **Алена Яворская**
«Судьба морской газеты «Моряк»…»

294 **Евгений Голубовский.**
Самый академический beach

296 **Георгий Гачев**
Айтматов – «писатель, соединяющий пространства и времена»
Публикация Анастасии Гачевой

313 **Георгий Голубенко**
Онегин на мотороллере

Алена Яворская

«Судьба морской газеты «Моряк»...»*

По страницам газеты «Моряк» 1921 года

На страницах сотого номера «Моряка» встретились Шенгели и Багрицкий.

И вопреки версии Паустовского: «Я никак не мог понять ту легкую неприязнь, с какой относились к нему (Шенгели. – **А. Я.**) некоторые одесские поэты. На мои расспросы Багрицкий отвечал невразумительно», – никакой вражды не было.

Правда, в перечень поэтов, выступавших на вечере Шенгели, Багрицкий не вошел. Рубрика «Искусство и культура» в № 92 за 2 июня информирует любителей поэзии:

«Вечер Георгия Шенгели. В пятницу 3-го июня в зале Губпрофсовета (Ришельевская, 4, бывший банк Ашкенази) состоится последний поэзовечер Георгия Шенгели.

Участвуют поэты: Вера Инбер, Сем. Кесельман, Влад. Нарбут и артисты Госдрамы и Госбалета: Е.К. Валерская, Ю. Шенгели, П. Павлова, Альтшулер, Рейнгбальд и др.

В программе: I. Египетский танец (муз. Аренского); Вакханалия (муз. Сен-Санса). II. Александрийские песни Кузмина. Стихи Ахматовой, Гумилева, Мандельштама. Новые стихи Блока. Сказание об Ингрид Игоря Северянина. III. Стихи Инбер, Кесельмана, Нарбута, Шенгели в исполнении авторов».

Поразительно, но в это трудное голодное время, время пайков и спекуляции, находились те, кто покупал билеты на литературные вечера. И не только ради того, чтобы увидеть живых поэтов

* Окончание. Начало в кн. 73, 74.

и услышать еще не напечатанные стихи, но и ради того, чтобы вспомнить о классиках:

«Вечер Ибсена. В понедельник, 18 июля, в гостеатре имени Шевченко (б. Русский) Южным товариществом писателей устраивается вечер, посвященный памяти Генриха Ибсена. С характеристикой жизни и творчества знаменитого норвежского драматурга выступят проф. Б.В. Варнеке, проф. К.В. Бархин и Л.Г. Гроссман. В программу вечера входят отрывки из «Строителя Сольнеса», «Бранда», «Доктора Штокмана» и «Норы» в исполнении артистов госдрамы тт. Тушмаловой, Аркадьева, Адашева и Ардатова. Кроме того, балериной госуд. Академии петроградского (б. Мариинского) театра К.П. Маклецовой будет исполнен из «Пер Гюнта» танец Анитры. Сегодня в театре Шевченко открывается предварительная продажа билетов. Начало вечера в 9 час.» (№ 109, 16 июля).

И все больше места уделяют театральной жизни. Связано это с появлением А. З-ва. (скорее всего, А. Захарова).

Несколько раз упоминается водевиль «Месть Калиостро» – совместное творение Эдуарда Багрицкого и Георгия Шенгели. Долгое время текст считался утраченным, но был найден и опубликован В. Перельмутером в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская», кн. 46.

Итак, рубрика «Театр».

«Новый театр.

В скором времени Одесса обогатится еще одним молодым театром типа «Красный факел». В зале Крестьянского дворца открывается новый «Театр молодых артистов» типа «Красного факела», группы учеников Б.Я. Лоренцо. Для открытия пойдет пьеса Леонида Андреева «К звездам» в постановке Лоренцо. Дальнейший репертуар пьес намечен реально-символического направления.

Г. П. Х. М.

В театре Государственных производственных мастерских принята к постановке пьеса-водевиль местных поэтов Георгия Шенгели и Эдуарда Багрицкого «Калиостро». Уже приступлено к работам по изготовлению эскизов декораций.

Красный факел.

В молодом театре «Красный факел» идут усиленные репетиции пьесы Федора Сологуба «Победа смерти». Постановкой руководит режиссер В.К. Татищев. В репертуар театра принята новая пьеса Андрея Соболя» (№ 123, 7 сентября).

«Театр Кроты.

Первые два спектакля-дебюта театра Крот в клубе им. Гифона прошли с большим успехом, ввиду чего группа намерена поставить целый ряд таких спектаклей. В субботу 10-го и в воскресенье 11-го состоятся очередные спектакли при участии певицы Добровольской, поэтессы Веры Инбер, Типота, Полякова и др.

Корабис.

В театре Корабис приступлено к организации художественного миниатюра.

Будут приглашены некоторые драматурги и литераторы, которые представят новый, специально написанный репертуар для этого театра.

Вечер одноактных пьес.

Очередной премьерой русской драмы (в театре Шевченко) явится вечер одноактных пьес в воскресенье 11-го сентября. Пойдут пьесы Аверченко – «Душа общества», Манно – «Японская идиллия», Фамито – «Силуэты Парижа» и «Освобождение» (№ 124, 8 сентября).

«Следующей постановкой в театре Масодрам намечена пьеса Оскара Уайльда «Герцогиня Падуанская».

В субботу 24-го и вторник 27-го сентября в театре имени Гифона состоятся очередные спектакли труппы Крот под упр. Виктора Типота. В этот цикл включены лжеоперетта «Венское веселье», буффонада Веры Инбер «Ад в раю» и др.

В театре Госуд. Худож. Мастерских приступлено к репетициям водевиля в стихах Георгия Шенгели и Эдуарда Багрицкого. Над этой пьесой проводится опыт коллективной режиссуры» (№ 133, 24 сентября). Буффонада «Ад в раю», рукопись которой хранится

в Литературном музее, была опубликована в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская», кн 34.

«В театре молодых художников Г. Х. П. М. в субботу пойдут «Проделки Скапена» Мольера в постановке Крыжицкого. Воскресенье – «Веселая смерть», арлекинада Евреинова.

Сегодня в зале Крестьянского дворца пьесой Леонида Андреева «К звездам» открываются спектакли Свободного театра.

В ближайшую программу театра Крот включены произведения местных авторов «Картофель в мундире» Ф. Багрова, «Царь Рауль» – балаганное действо И. Вершинина, «Лулу и господин во фраке» – Веры Инбер» (№ 137, 30 сентября).

«Перед занавесом. Сегодня в театре «Крот» (Пале-Рояль) в программу спектакля поставлены «Картофель в мундире», «Принцесса Сандрильо», «Куклы» – Веры Инбер, «Собачий вальс» – танец и французские песенки» (№ 138, 1 октября).

Не отстает и многоликий Боцман Яков.

«Извещения и объявления
Театр Пассаж.
Сегодня и ежедневно
Злободневное обозрение
«С пьедестала на базар…»
В 3-х действиях Я. Жгута
(Боцмана Якова)
Постановка М. Рассатова

Начало в 7 с пол. часов по солнцу» (№ 123, 7 сентября).

Впрочем, взгляд журналистов «Моряка» на культурную жизнь Одессы, невзирая на такое разнообразие новых театров, довольно скептический.

«Если б какой-нибудь любознательный чужеземец прошелся у нас сейчас по Дерибасовской-Лассаля тож, и взял бы на себя нелегкий труд прочитать все «анонсы» и плакаты театров, расцветившие всеми цветами радуги улицы и перекрестки, – то он, несомненно, решил бы, что – Одесса стала театральными Афинами, и что одессит живет не столько хлебом и воздухом, сколько «Гамлетом» и «Женщиной, которая изобрела любовь»…

Конечно, каждый одессит крепко посмеялся бы в душе над этим херувимски-наивным чужеземцем.

Потому что плакаты – это одно, а Одесса – совсем другое.

Одессит, например, отлично знает, что подлинной театральности во всех этих афинских анонсах на Дерибасовской – нет и горчичного зерна» (№ 131, 21 сентября).

Появляется новая рубрика, «Книга». И опять же сообщает она не только о книгах, вышедших в России, но и о заграничных эмигрантских изданиях с участием А. Аверченко, А. Куприна, Саши Черного, А. Толстого, Н. Крандиевской.

Почти вся колонка посвящена книге князя Трубецкого «Гибель европейской культуры» (№ 124, 8 сентября); сообщают о выходе книги «Детский остров» Саши Черного, издание «Слова» в Берлине с иллюстрациями Бориса Григорьева. Здесь помещено много стихотворений, которые подходят больше к взрослым. Издание художественное и стоит дорого – 60 марок (№ 129, 18 сентября); о предстоящем издании «Русской библиотеки в Париже» (№ 130, 20 сентября).

«Памяти Блока.

В «Жизни искусства» посвящено ряд статей памяти Блока: М. Кузмин, Мариетта Шагинян, П. Сторицын, Юрий Анненков, Вл. Пяст, А. Конторович. Очень тепло пишет о Блоке молодой иллюстратор «12» Анненков. Наша молодость вырастала под знаменем Блока, – говорит он.

Искусство.

Н.А. Сомов. Издательство Камена выпустило в свет подготовленный еще с 1916 года альбом репродукций с картин Сомова с краткой вступительной статьей М. Кузмина <…> Выход альбома совпадает с пятидесятилетием со дня рождения Сомова» (№ 136, 27-28 сентября).

Все тревожнее номера газеты, они заполнены статьями о голоде, о холере.

Но даже в такое время, особенно в такое время, хочется надеяться на светлое будущее.

«Молодость была непобедима, – писал Паустовский. – Она могла превратить Дантов ад в захватывающее зрелище. Опухая

от голода, мы все же чувствовали слабый запах первого цветка за окном дворницкой и радовались этому.

Я воспринял и запомнил те грозные годы вместе со многими своими сверстниками как великую и неоспоримую надежду». Это строки из «Времени больших ожиданий». Но в журнальном варианте после этой жизнеутверждающей фразы было снятое впоследствии описание страшных картин, которые видели опухшие от голода молодые журналисты:

«Это ощущение отодвигало в сторону и зеленых сыпнотифозных – их тогда навалом вывозили в бараки, – и трупную вонь из подъездов, и воющих без слез женщин, молящих о хлебе для своих детей».

Итак, невзирая на все превратности времени, поэты выступают перед публикой и читают свои стихи:

«Среда союза поэтов.

Сегодня в кафе поэтов Мебос состоится 5-я очередная среда союза поэтов. Выступят: Эм. Владимиров, Георгий Долинов, Владимир Страхов, Кирсанов и др. Доклад «Осенний этап русской поэзии» прочтет В. Страхов. Начало в 6 час. по солнечному времени» (№ 126, 14 сентября).

Василий (или Владимир) Страхов в это время – ведущий поэт «Моряка». Ну, как ведущий, – кроме него, стихов в газете уже практически никто не печатает. Стихи о море теперь не обязательны, и вот такая живая зарисовка одесской действительности и одновременно – последнее стихотворение, напечатанное «Моряком» в 1921 году:

Рассказ из собачьего быта

Я ведь просто фиксирую: «случаются вещи…»
Безо всяких выводов, комментариев, дат.
Это было где-то на Карантинной и Греческой
Под слинялой вывеской «коммунальный склад».
Часовой. На воротах: «Вход воспрещается»,

Но понятно, собаки – в смысле грамотности швах.
В тупике, у сараев вечно копаются
В мусоре, отбросах, выброшенных кусках.
Перебрехиваются. Мурзятся. Сказать короче –
Что день – то традиционный собачий файв-о-клок,
Упорно завсегдатайствуют с утра до ночи
И седой, опустившийся капитанский дог,
И нахальный шпиц с презрительной складкой
У ехидных губ. И легавый Рапо.
И акушеркина такса (ярая демократка),
Снюхавшаяся с дворовым Волчком из Опо.
Большой и культяпый, скептицизмом изъеденный,
Вечно молча рылся дворняга Барбос,
И лишь по адресу аристократов – левретки Леди
И фокса-терьера ворчал под нос:
«Высшие круги. К мусорам непривычные.
В бархатах дрыхли… Нет, шалишь. Урр…»
И добавлял, по-видимому, что-то неприличное:
Даже фокс потуплялся, как наивный амур.
А ярая суфражистка, дворникова Серка,
Прыскала и толкала хромую соседку в бок.
Но та – старая дева, скромная до истерики,
Стыдливо моргая, отходила в уголок…
…И вдруг – на днях – произошло такое,
Что у часового винтовка выскочила из рук.
Споткнулась торговка, выносившая помои,
И лежа в луже, открикивала испуг.
У медника – по мостовой прокатился звонко
Упругим кругом – вылуженный таз.
И присев со страха, престарелый чиновник
Покрутил головою и сказал «Нда-с»
Началось с того, что Барбос сначала
Вообще на всех затаил злость…
Может быть, потому, что, не смущаясь нимало,
Фокс сграбастал лучшую кость.
А Барбосу вообще было обидно:
Что день – то хуже собачье житье-с!

И где это раньше было так видно,
Чтоб тощал честный работящий пес.
А болонки да таксы – уж и на мусор не ходят
Да и фокс от яч-корок воротит нос.
Ну а тут, как на грех, встреча в проходе
Навела на чрезвычайно грустный вопрос…
На шелковой ленте Леди! Левретка!
И Ледина хозяйка с эсири и в манто.
Ну, и Леди ехидно (уж характер этакий!)
К Барбосу – как будто невинно: «Ну что?
А я, говорит, опять на диванах
И ем фрикадельки. Потому – дела.
Хозяева сняли кафе на Гаванной,
А их дядя даже…» И пошла, и пошла…
Ну тут и случились дела не на шутку,
Барбос разразился в семь этажей,
Хозяйка с испугу запуталась в юбку,
А с фоксов посыпались клочья шерстей.
Собаки усердно поддерживали кампанию:
Всякий по силам – кто что мог.
Так что даже туда, к кафе на Гаванной,
Занесло ветром чей-то пегий клок.
Леди долго пришлось потом лапу править,
А у фокса нос до основания срыт.
…
К сказанному здесь – мне даже нечего добавить…
И так все ясно: собачий быт.

(№ 139, 2 октября)

А «солнечное время», которое упоминается в объявлении, – реальное время, в отличие от постоянного перевода часов разными властями. Говорят, в двадцатые годы звали в гости примерно так: «В 5 часов по ихнему времени (имелось в виду время, установленное большевиками)».

И совершенно замечательный отчет о прениях на очередной «среде» в разделе «Искусство»:

«Среда» поэтов.

21 сент. В помещении кафе поэтов «Мебос» состоялась очередная Среда Всеукраинского Союза писателей и поэтов. Среда открылась чтением статьи Сосновского о футуризме, в которой автор резко напал на направление в целом. После прений – предложено специальный вечер посвятить футуризму. Эм. Владимировым был прочитан новый рассказ «На перепутьи». С мнениями выступили поэты Виноградский и Кузнецов, из которых один заявил, что «Владимирову писать рассказы не следует», другой – что, наоборот, следует. Прения закончились заявлением Владимирова, что с этим вопросом он справится своими силами. По существу прения ни к чему не привели. Прочли свои стихи Г. Стабовой (отрывки из «Триптиха»), Георгий Долинов и Н. Щекатихин (поэма «Осенними лестницами»). Намеченные программой Ник. Данилов, Вас. Страхов и Н. Российский – не выступали. Очередное литературное собрание Союза – 28 сентября.

Вечер левого искусства.

Литературным комитетом анонсировано об имеющем состояться в скором времени Вечере левого искусства (футуризм, имажинизм и проч.). Им же намечен литературный «Суд над футуризмом» (№ 133, 24 сентября).

Увы, отчета о суде над футуризмом нет. А любопытно было бы прочесть.

Два некролога поэтам, один за другим, публикует «Моряк». Александру Блоку – «Смерть поэта» (№ 119, 11 августа), и Сергею Городецкому (№ 123, 7 сентября). Оба подписаны «А. З.».

Смерть поэта.

В Петербурге скончался известный поэт Александр Блок

Умер Блок.

И смерть эта, несомненно, великая утрата для русской литературы, для русской поэзии.

Ибо Александр Блок был подлинным поэтом, владевшим неподдельным талисманом лирики.

Никто из наших современных поэтов не умел лучше Блока рождать из напевных строк углубленно лирическое настроение. Никто как он не умел такими простыми средствами достигать столь незабываемых, поэтических, непроходящих образов.

В русскую поэзию Блок пришел как майоратный наследник. Он впитал все лучшее, что дали нам национальные мастера поэзии. Он никому не подражал. Но великие заветы Пушкина были для него тем огнем, на котором он разжигал голубой пламень магния своей поэзии.

Блок был монодеистом (так!). Свое перо, свою душу, свои интимнейшие настроения он посвятил неумирающей в человечестве идее о «Прекрасной Даме».

Однако как истинный поэт он умел тонко воспринимать все многообразие жизни – даже той жизни, которая была безгранично далека от лирических грез о «Прекрасной Даме».

Это духовное богатство Блока сделало его неоспоримо любимым поэтом.

Блока не всегда понимали. Чаще всего его просто чувствовали. Но все и всегда его читали и любили.

Русскую революцию Блок воспринял с тревожной и вдумчивой зоркостью. Он слишком чувствовал глубины народной души, чтобы бежать от ее бунта. Он остался с народом. Никто, кроме Блока, не мог стать творцом «Двенадцати» – этой потрясающей поэмы революции, где все образы и предчувствия, где все – хаос, где над всем витает религиозная мистика народной лирики.

Блок умер 40 лет от роду.

Он не написал еще всего, что он мог и должен был написать.

Но поэты России – ее душевные певцы – всегда обрывали все песни внезапно.

И в этом наш рок.

А. З.

С. Городецкому

Они почти одновременно пришли в нашу литературу. И вот одновременно ушли….

Александр Блок и Сергей Городецкий.

Бесконечно разные, почти антиподы поэтики, они были объединены одним лишь веянием Sturm und Drang'а нашей модернистской поэзии.

Блок – весь лирик. Городецкий – буйный певец.

Блок – преемственный представитель всечеловеческой скорби о Прекрасном, скорби, которая так родна нашей русской, классической поэзии.

Сергей Городецкий – бурный росток национального эпоса, певец Ярилы, престидижитатор славянского фольклора, несомненно и абсолютно русский версификатор.

Блок был неизмеримо глубже и одареннее Городецкого. Но в душе Городецкого несомненно трепетали неподдельные нежные крылья белой чайки поэзии.

Он знал не только пафос народных устремлений, но и тонкие паутины той чуткой грусти, которая рождает неумирающие образы.

Некоторые его пьесы вошли в хрестоматию как подлинные жемчужины русской поэзии.

Разве не бессмертна его монастырская Весна?

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны – сны.
Зелены крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело –
Мать-игуменья велела.
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря.

Городецкий знал волшебную тайну «простых» слов и звукосочетаний.

Именно поэтому некоторые его стихи ударяют по сердцу невольно и остро. И оставляют в нем ту скорбную прелесть «перечувствованной лирики», которая дарована только живому роднику поэзии.

А. З.

Александр Блок умер 7 августа.

Известие о смерти Сергея Городецкого, к счастью, оказалось ошибочным – он умер в 1968 году, так что, скорее всего, смог прочесть некролог себе – далеко не каждому это удается. Поэт и переводчик Аркадий Штейнберг, например, долго сокрушался – в день смерти Бориса Пастернака умер востоковед Евгений Штейнберг, в суматохе в Союзе писателей начали писать некролог Аркадию. Кто-то из знакомых в последнюю секунду не дал напечатать некролог в «Литературной газете». И Штейнберг обиделся: «По его милости дурацкой мне уже никогда не прочитать о себе всяких потрясающих слов».

Еще одного некролога поэту нет, да и не могло быть в «Моряке». Некролога Николаю Гумилеву, арестованному 3 и расстрелянному 26 августа 1921 года.

Это потом влюбленный в поэзию Гумилева Багрицкий напишет:

Депеша из Питера: страшная весть
О том, что должны расстрелять Гумилева.
Я мчалась в телеге, проселками шла,
Последним рублем сторожей подкупила,
К смертельной стене я певца подвела,
Смертельным крестом его перекрестила.

Разумеется, в опубликованном варианте эти строки из «Стихов о поэте и романтике» будут звучать иначе: «о черном предательстве Гумилева».

«Моряк» № 124 за 8 сентября сообщает: «Заговор в Петрограде. На днях опубликовано президиумом В. Ч. К. сообщение о раскрытом в Петрограде заговоре, содержит много подробностей, освещающих планы белогвардейцев». Перечислены руководители – (Владимир Николаевич. – **А. Я.**) Таганцев, подполковник Шведов и агент финской разведки офицер Герман, профессор Лазаревский; говорится, среди прочего, о подготовке покушения на Максима Горького и Зиновьева. Гумилев не упоминается.

Была ли депеша, и когда узнали в Одессе о гибели Гумилева?

Через две недели после его расстрела, 14 сентября, в номере 126 рубрика «Книга» помещает большой материал о новых произведениях петроградских писателей. И там больше всего – о Гумилеве. Может, это и был скрытый некролог, скорбное напоминание о том, чего – не будет: ни завершения «Поэмы начала» – поэма «Дракон» лишь первая часть, ни пьес, ни новых стихов. Странно в этом ряду «не напечатанного» упоминание пьесы «Дитя Аллаха», опубликованной в журнале «Аполлон» в 1917, – возможно, вновь некий намек для знающих. Как и то, что среди живых назван Александр Блок.

«Не напечатанное.

За последние два-три года в портфеле писателей скопился целый ряд ненапечатанных рукописей.

При нынешнем состоянии путей сообщения, когда каждый город – остров, нельзя было собрать исчерпывающие сведения. Некоторое представление дает печатаемый нами материал, касающийся только петербургских писателей.

А. Амфитеатров – повесть «Зачарованная степь», роман «Сестры», пьеса «Васька Буслаев». Пишет пьесу «Протопоп Аввакум».

Александр Блок – одноактная пьеса «Рамзес» (написана в 1919 г. и приобретена издательством Алконост), статья о Вл. Соловьеве (печатается в № 2 «Записок мечтателя»).

Андрей Белый – работает над романом «Эпопея», отрывки из которого напечатаны в № 1 «Записок мечтателя».

Максим Горький – пьеса «Старик», написана в 1925 г. (печатается в № 1 «Северного альманаха», издательство З.И. Гржебина в Петербурге). Пишет продолжение повести «В людях» – «Казанская жизнь».

А.С. Грин – повесть «Алые паруса».

Н.С. Гумилев – поэма «Дракон», пьесы «Дитя Аллаха», «Отравленная туника», «Охота на носорога». Ряд новых стихотворений. Работает над исторической пьесой «Завоевание Мексики».

Евг. Замятин – повесть «Север», закончена большая фантастическая повесть. Рассказы: «Ловец человеков» (из английской жизни), «Исцеление Эразма», «Пирог», «Детская» и ряд рассказов

из современной петербургской жизни («Пещера», «Дракон») и др. Пьеса из эпохи инквизиции «Огни св. Доминика».

<…>

М. Кузмин – книга стихов «Гонцы», «Нездешние вечера», «Плен». Роман: «Римские чудеса», «Пропавшая Вероника». Сборник рассказов «Шелковый дождь». Рассказы «Вторник Мери», «Две Ревеки». «Театр» – 2 тома.

Осип Мандельштам – ряд новых стихотворений, которые войдут в книгу, издаваемую Петрополисом.

<…>

Ф. Сологуб – 2 часть романа «Заклинательница змей», Драматическая сказка в 5 действиях «Страх великого царя». Пьеса в 5 действиях и 7 картинах «Узор из роз». Ряд новых стихотворений.

К. Чуковский – книга о Блоке, «Некрасов как человек и поэт» (№ 126, 14 сентября).

<…>».

Еще одно упоминание о Блоке, вернее, об «Устном сборнике» памяти Блока, – в стихах В. Ланского «Чем богаты…» (№ 133, 24 сентября).

– Хлеба! Зрелищ!
… Снова небо
Крики старые свербят.
…
Суррогат не только в хлебе:
И на сцене суррогат.
Бьет по нервам рябь плакатов –
Шустрый, пестрый карнавал.
Кто – искусство призапрятав –
Крикунов на нас наслал?
«Первый в мире»… (А не в Балте?)
«Знаменитый» – «В первый раз!»
В диком крике, в пестром гвалте
Разве хватит сил и глаз?
«До утра»… «распровсемирный»,

«Лина» Кино… Как? – «Кинто!»
Тон базарный. Шум трактирный.
Хлеба – мало. Но зато…
«Лишь гастроль!» – «Лишь 2!» – «4!»
Первых в мире – полон свет:
Что ни клоун – «Первый в мире!»
А вторых-то… вовсе нет?
– Левандовский! – Ю. Костанди!
– Первый! В мире!! Бен!!! Али!!!!
Разбирайся в пестрой банде!
Эй, подваливай, вали!
…
– А в сторонке – без литавров,
Без гудящих сверхвалторн –
Клок бумаги (не до лавров):
«Вечер Блока. Устн. сборн.»
…
Хлеба! Зрелищ!
…Чем богаты!
Бен-Али! Пассаж! Манеж!
Хлеба, правда, маловато,
Но уж «первых» – только ешь!

Надо сказать, что рекламировал выступления упомянутого Бен-Али и «Моряк».

«Манеж Подиванской (Торговая, 26) сегодня, 20 сентября, первая гастроль сильнейшего в мире гипнотизера Бен-Али. <…> Два спектакля: в 7 ч. и 10 ч., окончание около 11 с пол. ч. Сеансы Бен-Али строго научны и проверены органами Р. С. Ф. С. Р.» , – гласило объявление в № 130 за 20 сентября.

Да, зрелищ было более чем достаточно, вот хлеба маловато, и надвигалась еще одна страшная угроза – чума. Газеты заполнены информацией о принимаемых мерах, отходят на задний план и искусство, и театры, и книги.

Последнее сообщение о литературной жизни города связано с именем Александра Дерибаса.

«Литературные вечера.

Писателем и историком Одессы А.М. Дерибасом устраивается новый ряд литературных вечеров по вопросам литературы, искусств и философии. Первый такой вечер состоится в среду, 5-го октября, в зале клуба Госуд. Худ. Произв. Мастерских и будет посвящен Испании.

А. де Рибас сделает сообщение «Путевые впечатления об Испании» (Бургас, Мадрид, Севилья, Гранада, Малага), Елена Франк прочтет доклад «Эстетика порока» (очерк истории испанской живописи, Эль Греко, Веласкес, Рибейра, Гойя и Пикассо), проф. М.П. Алексеев – об испанской музыке, и артистка Госуд. Театров Мария де-Рибас (дочь писателя) исполнит испанские песни и романсы» (№ 141, 5 октября).

Такой была газета «Моряк» в 1921 году.

Оправдалось лихое заявление технического редактора Евгения Иванова, уверявшего, что «через пятьдесят лет за каждый номер «Моряка» коллекционеры будут платить по сто рублей золотом».

Евгений Голубовский

Самый академический beach

Сегодня имя Георгия Гачева (1929-2008) есть в энциклопедиях всего мира. Еще бы – писатель, мыслитель, ученый, доктор филологических наук. Главный труд его жизни – «Национальные образы мира» в 16 томах, его вклад в философию и литературу – «Жизнемысли» (1984 г.), «Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария» (1991 г.), «Семейная комедия. Исповесть» (1994), «Жизнь с Мыслью: книга счастливого человека (пока…): исповесть» (1995), «Музыка и световая цивилизация» (1999), «Вещают вещи, мыслят образа» (2000).

А тогда, в 1962 году, ко мне в дверь, в Одессе на Кузнечной, позвонил молодой человек и сказал:

– Я Гена Гачев. Вы меня не знаете, но у меня к вам письмо от Вадима Кожинова с просьбой мне помочь…

Вадим Кожинов – литературовед, с которым я года два назад познакомился. Тогда – либерал, позднее ставший почвенником.

Взял конверт, прочитал записку, рассмеялся. Написано было нечто такое:

«Податель сего письма человек стеснительный и о себе много не расскажет. Поэтому представляю. Он гений, еще сам не знающий этого. По национальности одессит, так как его отец болгарин, а мама – еврейка. Более того, оба музыканты. А Георгий Дмитриевич изучает киргизский космос, что это – он объяснит. Устал сражаться с академическими чиновниками. Решил пойти «в люди» и стать моряком. Помогите ему уйти в рейс».

Прочитал письмо вслух. Рассмеялись оба.

Так начались полтора одесских года Георгия Гачева.

Оказалось, что ему негде жить. У нас, в однокомнатной квартире, где жили родители, сестра, я поместить его не мог. Но позвонил свое-

му другу, математику Юлику Златкису, жившему хоть и на Молдаванке, но в трехкомнатной квартире. Вопрос первый был сразу же решен.

Буквально на второй-третий день Гена пошел в пароходство. Его приход в отдел кадров вызвал смятение: кандидат филологических наук хочет пойти плавать матросом. Об оформлении визы даже слышать не хотели, но вот тут, в каботаже, Одесса – Николаев, Одесса – Ялта… Началось оформление, но зато дали направление в общежитие.

Виделись мы часто. Задумал Гена тогда книгу, которую называл «Записки beacha». В Одессе слово «бич» понятно было каждому школьнику. Для прочих объясню. Бич – от английского beach – берег. Находиться на берегу, но одновременно и разориться – to be on beach. Поэтому словом «бич» называли матросов, оставшихся на берегу, ждущих очередной рейс. Правда, ходила и шутка – и ее, смеясь, часто говорил Гачев: бич – бывший интеллигентный человек.

А впрочем, интеллигентом он оставался всегда. Помню, однажды он мне и Нине Ляпиной, журналистке, начинающему писателю, воспитаннице детдома, где ее другом был Рид Грачев, целый вечер рассказывал о Киргизии и об Айтматове.

– Ошеломлен был, когда весной 1961 года прочитал «Джамилю». Черкал, подчеркивал, делал выписки, а потом поехал в Киргизию. А по возвращении за две недели написал книгу о ней. Я тогда придумал теорию ускоренного развития народов, культур, литератур. И в «Джамиле» увидел ярчайшее подтверждение своей теории.

Признаюсь, что только после этого разговора с Гачевым я нашел и прочитал «Джамилю». И с тех пор на долгие годы Айтматов стал и «моим» писателем.

Куда ходил Гена в Одессе? В филармонию, в музеи. Я познакомил его с художником Олегом Соколовым, человеком, отстаивавшим скрябинские идеи синтеза искусств. И им было о чем поговорить. Олег Соколов подарил ему несколько акварелей, где он фиксировал свои переживания от музыки Баха.

Кстати, не только ко мне было письмо у Гачева в Одессу. Петр Палиевский дал ему письмо к поэту Эдвигу Арзуняну. И это была еще одна живая нить его общений в Одессе. Много позже Гачев написал предисловие к поэме «Я» Эдвига Арзуняна. Мне кажется, Эдвиг жил уже тогда в США.

А однажды Гена позвал меня в общежитие, где жил, он обещал библиотекарю и провел разговор, точнее, даже дискуссию – о совести.

Вопрос, который он поставил, буквально взорвал видавших виды моряков – помогает ли совесть жить человеку, или мешает? Кто быстрее сделает карьеру – совестливый человек или бессовестный? До двенадцати ночи, до хрипоты спорили моряки. А Гена улыбался, потирая руки:

– Думайте сами! Решайте сами!

После отъезда Георгия Дмитриевича из Одессы мы несколько раз виделись в Москве. Однажды воспользовались его гостеприимством и ночевали с женой у его мамы Мирры Семеновны Брук. Кстати, у нее я впервые увидел, что на пододеяльнике было вышито слово «Ноги».

И, конечно, я читал книги Гачева, его «жизнемысли», удивительный жанр, придуманный этим талантливым человеком.

Георгий Гачев

Айтматов – «писатель, соединяющий пространства и времена»

4.12.96. Позвонили из «Парламентской газеты» – просят 4 страницы написать к юбилею Айтматова… <…>

Как крупен-значителен был и каждый год и день звенел его голос и о нем спорили – в 60-80 годы, три десятилетия – и как оттолкнут, забвен, не знаем нынешними – и писателями, и читателями!

И где ему быть – прописану? Был он – гордость многонациональной советской литературы, достижений интернационализма и дружбы народов, киргиз, пишущий на русском языке и так растиражированный в мир, и уже властитель дум, писатель планеты Земля… А теперь – где ему быть? В истории какой литературы? Киргизская – ему узка. Русская литература России, вышедшей из Советского Союза, – в ней он чужероден, иностранец… Остается – мир. И действительно, он – приемлет!

В июне я был в Штутгарте, где Айтматову вручали премию имени Александра Меня, – и воочию зрел, как все его книги переведены на немецкий – и хорошо расходились, а он из своего по-

Чингиз Айтматов с семьей

сольства Киргизии в Брюсселе – ездил с лекциями – и имел успех. Также и на форуме ЮНЕСКО «За культуру мира против культуры войны» в Кишиневе в мае – был почетный гость, «всемирно известный писатель», уже классик литературы XX века.

Да, траекторию проделал мальчик из киргизского аила Шекер, ветеринар-зоотехник по первоначальному образованию и работе. Ракетой взлетел с самого низа и недр Земли – в Космос мировой культуры и привнес в нее дотоле неведомые сокровища: сюжет, образы, идеи, глаголы, что оказались родны читателям изо всех народов и краев-стран земного шара.

В чем тут секрет?

Ч<ингиз> А<йтматов> вырастал в силовом поле огромной напряженности – в Киргизии 30-х годов XX века. С одной стороны – быт патриархально-кочевого народа, где люди живут по обычаям адата извека, акыны поют эпос и рассказывают мифы, и где история еще не начиналась. С другой стороны – вторжение из России-Москвы современной мировой цивилизации: идеи социализма, индустриализация, городской быт, равноправие женщины, а через русскую классическую литературу –

Пушкин, Толстой, Достоевский – тонкая организация личности и душевной жизни. То есть встреча начал и концов мировой истории: души и психологии, и строя жизни первобытнообщинного человека – с модерным индивидом, кто мчится на авто и авиа, понимает теорию относительности и на кого свалились проблемы тоталитаризма и демократии, традиций Азии и Европы. То есть тысячи лет такой диапазон распялил душу и ум смертного, краткосрочно живущего человека Чингиза. И он внял его в себе, пережил – и претворил в «перлы создания» – в повести, романы, пьесы, что окормляют души и умы и киргизов, и русских, и японцев, и мексиканцев – читателей самого разного уровня культуры. Когда одна из первых повестей Ч<ингиза> А<йтматова> «Джамиля» была переведена на французский, Луи Арагон – изысканнейший интеллектуал западной литературной традиции, отозвался о ней как о прекраснейшей повести о любви. И в ней действительно: синтез восточной традиции «меджнунов» (как в «Лейла и Междунн») с утонченностью чуть ли не модернизма.

В то же время канадский эскимос и филиппинец: индус и араб находят себе отзыв в книгах А<йтматова>. И не диво: ведь многие народы в XX – претерпевают ту же судьбу, что и его киргизский: а именно из первобытнообщинного, из архаического состояния – вовлеченные в процесс западной цивилизации – вынуждены перепрыгивать, стяженно уверенно проходить целые эпохи, исторические формации. Это судьба большинства народов Азии, Африки, Латинской Америки, не говоря уже о народах СССР.

То есть основная и вечная драма мировой истории: противоборство между естественно живущими среди природы в ладу с ней существами – и индустриальными горожанами, для кого природа не Мать, а материал в переработку – Мэтр фор фэктс – а также и человек – просто работник-обслуга машины, а не душа и божество, – вот над чем всю жизнь бьется Ч<ингиз> А<йтматов> – и представляет нам в худ<ожественных> образах, что стали родными собеседниками всем читавшим его книги.

Начиная с животных: иноходец Конь Гульсары, Мать-Олениха, Рыба-Женщина, Верблюд Каранар, Волчица Акбара, Ранние жу-

равли… Хочется повторить, что Тургенев Толстому про «Холстомера»: «Вы были лошадью!..» Так он из кочевого в прошлом народа (а кочевник – народ-кентавр: сращен с животным, верхом на своей пище-стаде), интимно жизнь «меньших братьев наших» – ощущает, переживает, слышит, передает… Их трагедию оттого, что глухи к ним как пролетарий-комиссар, так и капиталист-охотник корыстный…

Но еще более страшная трагедия живого человека, личности – в тисках между безлично-патриархальным обычаем рода-племени, который и не подозревает, что в человеке может быть личность, индивидуальное «я» – особенно в женщине, – и сокрушает их волю к собственному пути, любви – и железной партийно-государственной системой и идеологией в СССР эпохи революции, строительства социализма и Отечественной войны. Герой А<йтматова> – естественный человек и простодушный, одаренная художественная натура – все равно прорастает к свободе и творчеству – и пусть и платится за это страданиями, а то и жизнью, – но являет собой отрадное зрелище истинного человека, в ком добро, ум и совесть и творческий талант не сгибаются перед обстоятельствами, пролагают свой путь…

Таковы Джамиля и Данияр, мать Толгонай в «Материнском поле», первый учитель Дюйшен, Танавай, Едигей, Мальви в «Белом пароходе», поэт Сабур в пьесе «Восхождение на Фудзияму», Орган в «Пегом псе, бегущем краем моря», Авдий, волк Ташчанар в «Плахе», Филофей в «Тавро Кассандры»…

А как неимоверно трудно было быть личностью, особенно в эпоху бури и натиска советской цивилизации – в ее первый период – на примере своей семьи испытал Ч<ингиз> А<йтматов>. Его отец, один из строителем социализма в Киргизии, первый секретарь обкома, был расстрелян в 1938 году, и мать осталась с четырьмя детьми. Но – женщина исключительной воли, души и ума, интеллигентная, образованная – дала образование детям, так что, как рассказывает Ч<ингиз> о том, как он получил первый гонорар, – это когда из Москвы приехал человек – и никто не мог переводить – лишь вспомнил о нем, мальчике, и он восхитил всех. И потом – с самого низа пробивался: зоотехник в стаде, собкор в газете, потом Высшие литературные

курсы, Литинститут в Москве, первые повести – и вдруг взлет: Ленинская премия за 1961 год – 33-летнему киргизу за «Повести гор и степей».

Тут власть заискивала – вывеска Дружбы народов!

Но не постыдил – верен таланту и совести.

5.12.96 <…>

Солженицын и Айтматов

Однако, возвращайся к начатой вчера статье об Айтматове. И вот тебе сюжет: Солженицын и Айтматов – посравнить.

Оба – большие явления, уникальные. Но Айтматов – обласкан властью, наверху и в компромиссе: соблюдал правила игры, в относительности свободы творчества. Солженицын – на всю катушку, домогался Абсолюта – и – парадокс! – приласкан врагами России – США, Западом – сам будучи славянофил-патриот.

Но – тоже парадокс! Абсолютная свобода политического высказывания совсем и не нужна для художественного письма. Даже мешает – как искушение писать обо всем впрямую на рассудочно-логическом языке – не нуждаясь в образе и пластике. Оттягивает творческую способность художника – на банальные стези и язык общественника прагматического с интересами. Что и произошло с Солженицыным: был он лучше писатель – в первый период, когда еще прикровенный автор-художник: «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус», «В круге первом»… А уж «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное колесо», где пошел напрямую сражаться как политик и историк, – площе и по мыслям-понятиям, и как текст-образ.

Айтматов же, как мне говорил, заранее ставит себе пределы, когда уже пишет – в прямоте политическо-обличительной. Но откатываясь от этого предела-запрета, зато сгущает образ: эта откатная волна вплетается нитью в сюжет и перипетии, и склад, и поведение персонажей – и питает художественность произведения. Рамка-мера свободы политического высказывания напрямую – тут как рамка формы: роман, повесть и обязанность метра и рифмы в стихе…

6.12.98. Но – докончим об Айтматове.

Итак: В 33 года – лауреат Ленинской премии! Такой взлет: успех у читателей, ласка властей: как же – вывеска дружбы народов, зримое проявление! Во все президиумы зван, украшение. И действительно: всем взял: и красотой, и молодостью, умом и талантом! Просто вундеркинд советской цивилизации! Сколько «выдвиженцев» сокрушились в подобных взлетах. Но – не на того напали. Крепыш Духа, не изменил своему призванию писателя, кто – совесть народа, страны, – так понимался творец в слове – и в устной традиции акынов, и в гуманистической традиции мировой и русской литературы, которой А<йтматов> – продолжатель. И вот в 60–80-е, из года в год, открывая очередную книжку «Нового мира», благодарный читатель уповал встретиться с новой повестью или романом Ч<ингиза> А<йтматова>. А в них – художественное исследование и вечных проблем духа, и истории советской власти, трагедия его народа и человека, и парадоксы прогресса, критика современной цивилизации, темы экологии, защиты природы… И уникальность всех его произведений, что там все – меж двух полюсов: извечность взирает оком Матери-Оленихи, наивным сознанием ребенка или подростка или патриархального человека (чабана, нивха-рыболова), – и оптика мыслителя второй половины XX века, кто облетал весь мир и собеседовал с самыми умными совопросниками века сего. Все стадии мирового духа в А<йтматове>: и архаического, дар мифотворца (вспомним миф о манкуртах), гомеровская стадия сознания, и христианское открытие внутреннего мира души, и ренессансный титанизм личности, и романтизм, и реализм – критический и социалистический, и модернизм, и научная фантастика в стиле XX в. Такая толща и густота худож<ественной> ткани. Он реализовал потенциал, что дан ему как сыну киргизского народа, претерпевшего ускоренное развитие, и как сыну советской цивилизации как цивилизации большого стиля, впитавшего ее и трагические опыты в ее первый период, и гуманитарное, и социально-культурное плодоношение – во второй период – «оттепели» и «застоя», теперь задним числом видно, – была золотая эпоха интеллектуального и художественного творчества. И в ней Ч<ингиз> А<йтматов> – один из первотворцов. Причем трагедии

и страдания первого периода цивилизации составили основной материал высокого художественного воспроизведения – и для Солженицына, и Распутина, и Белова, А. Синявского.

20.7.2000. Потреба в говорении моем густо насела: журналисты-телевизионщики наседают – им эфира минуты занять. Сегодня из телерадио «Мир» – про киргизов – не могу отказать – Шалахметову, а завтра – в клуб киношников – про «Евразию», а на той неделе – на ТВЦ «Человек на пороге нового тысячелетия». Приходится изменить своему вслушиванию в микро в себе, а в глобалии воззриться-впериться.

Киргизия и киргиз

Во-первых, в ближайшее – сосредоточиться.

Как задумался над ними? Через Ч. Айтматова.

Сгусток эпох – кочевник, адат – и тонкость модерна.

Киргиз и казах: казах – тоже кочевник, но тяжелее, грубее – Шаханов и Айтматов. Киргиз – универсальнее: «Повести гор и степей». Откос.

Что значит – и то и другое видение: кочевника, горца и земледельца.

Сродство с животными – Зодиак Айтматова – не с растениями. Хотя Два тополя в «Первом учителе».

Страстный темперамент – взрывчатый. Темпоритмы – Весна сливается с Летом – жара и доходит паводок от тающих ледников с гор. Психика.

Тонкость эстетическая: Живопись, кино – Толомуш Океев.

Задумчивость – долгие медитации на коне.

Сейчас – момент истории – вызов экстравертироваться: свое государство – к чему? Сколько сил уйдет! Ранее – в самоуглубление и развитие души и личности – что в героях Айтматова. Теперь – наружного человека растить? Хитреца.

Однако – перекресток уже новый: меж Севером (Россия) и Югом – Ислам. Был год назад на конференции: «Религия и культура в Центральной Азии» – и искусственное насаждение Ислама,

как ранее – Идеологии Коммунизма. И вот – насилие над женщиной вдруг. И она бежит… – в протестантизм!

Женщина-то в кочевом быту – джигит, а не покорная раба, как в земледельческом и городском исламе – Джамиля – вольная! Усади ее самкой!..

Но есть геополитическое и духовное предназначение. Центр Евразии. Скат гор на Север, вектор на Россию. Не на Восток и не на Запад. А вот ось: Юг и Север. Горы и Равнина. Вертикаль и Горизонталь. Личность и Община. Индивидуализм и Социальность. Жизненность-животность – и Цивилизация. Городскость.

Этот перекресток начал реализовывать Айтматов – и одарил человечество, мировую культуру многими тут уразумениями.

Эту традицию – продолжать: осмысляя новые опыты и ситуации, и проблемы, и характеры. Так что в культурно-духовной области вижу акцент [1 *нрзб*.].

Что же может уникальное миру дать Киргизия?

Именно ОПТИКУ, особое видение бытия и цивилизации, и человека – из особой точки наблюдения-опоры. Это и реализовал Айтматов: вплоть до «Тавра Кассандры» – где «Космический монах – Филофей» – великий отказ от Земли и ее безнравственной цивилизации.

Да, задним числом оцениваю выше: сколько в разные стороны тыкался ум Айтматова – и зачерпнул – и осветил из особой оптики. Вплоть и до Христианства – в «Плахе», и нивхи в «Пегом Псе»… И понятна его миротворческая деятельность в ЮНЕСКО и с японцем Икедой диалоги…

Ныне – навалилась задача – свое государство строить. Не от того, что такой особый внутри киргизов импульс – как там у эстонцев или у украинцев – попробовать «самостийности», но потому что – развалился СССР – и нам приходится – «как все»…

И тут подсказки чужих детей – американцев и проч.: берите с нас образец…

В сущности – киргизам и не нужно свое государство – никаких своих ханств и шахов. А – роды кочующие. Эпос «Манас».

Их ареал – Жизнь в Космосе и в Психее и Духе, а не в горизонтали мировой Политики (от слова «полис» – «город»).

Так что – берегитесь. Чужие правила игры – навязываются.

Хотя они и на советчине были. И из вызова этого – ответ героев Айтматова: развились Личности оригинальные.

Так что придется разные ориентировки в себя принимать, но не суетиться-вертеться, а взвешивать медлительно в думе.

И изгибать – в ЛУКАВСТВЕ – неизбежном, метафизическом. Лукав и Айтматов – не прет напролом (как Мухтар Шаханов-казах). Но тем он внутреннее и богаче: изгибчат. Как и в геометрии – КРИВАЯ линия – богаче ПРЯМОЙ – и действия нескольких сил-векторов: в содержании Кривой они залегают. Как Проблемы! А не Решения. Густят состав. А не расплескивают наружу. Задумчивость. Над вопросами бьются герои Айтматова.

Так что сюжет – меж Прямодушием и Лукавством неизбежен – и в Человеке вообще, а в Киргизе – особенно. Это-то и составляет богатство героев А<йтматова>: Танабай, Едигей, Дюйшен, Авдий, Филофей – прямодушны. А мир – КРУГОМ требует-изыскует Криводушия. Отсюда – драматизм, трагедия.

Вон как и в романе Ауэзова-казаха «Абай»: его отец Кунанбай – мудр-лукав, шар. А Абай, ориентированный на Север-равнину-Русскость – на прямую, дерево, попроще.

2 марта 2001.

Ужин у Хаирова. Айтматов и Дугин

Вчера Рустем Хаиров позвал нас со Св. на ужин, где еще Айтматов и Дугин. Чингиз выглядит чудесно: свеж и строен, любознателен к тому, что тут думают (приехал из Брюсселя и Киргизии – на 70-летие Горбачева, кого он-то и выдвигал в президенты) – и ему интересен Дугин – как идеолог Неоевразийства.

Айтматов – за синтез религий. Вспоминает, как его представляли как-то в западной газете: «Киргиз, коммунист, мусульманин, атеист, христианин…» Но он действительно: что все религии – об одном. И общие заповеди. И про себя – или кого-то: что в любой храм войдя, встраивается в его культ – и через него тоже дорогу к тому же Божеству находит и идет… И удивляется расхождениям даже внутри одной религии: христианства и ислама – что тем лютее, чем ближе…

Дугин, напротив, что каждая вера – организм и формирует весь состав и телесность человека и сенситивность – и нюхом чует иноверца. И все эти повторяющиеся формулы, над чем А<йтматов> посмеивается: «Ля илля иль илля…» – на самом деле метафизичны. Уже в этой формуле уже одно это: «Нет Бога, кроме Бога!..» – уже проблема душе и уму: как так?..

Я тоже поддержал разноверие:

– Когда сходятся на общем наборе в экуменизме – какой плоский уровень и клише! А если погружаться в толщу каждой – там бездна духовного творчества и тонкости – какая симфоническая разработка! А общее – это песенки, шлягеры, попса. Так и логике: чем общее понятие по объему – тем менее содержательно. Например, «Человек» или «Чингиз Айтматов»…

А<йтматов> удивлялся всплеску строительства мечетей – вон в Киргизии уже 2,5 тысячи настроили и содержать муллу и… Уговаривал богачей – давать деньги на киностудию: пропадает и некогда славное кино…

Дугин – старообрядец – и держал пост – а мы объедались пловом и проч. Достойная выдержка – как его ни соблазняли мы…

И меж ним и Св. какой диспут об Апокатастасисе прекрасный пошел! Они – молодые, на диване, а мы за столом уши развесили и чудились, внимали – уж аксакалы, вышедшие из игры. А они – себя доказывали в блеске – каждый. А потом А<йтматов>:

– Понимаю, отчего Гачев такой умный! Жена какая!..

8.2.2004.

Терроризм: бедность или месть – источник? С Айтматовым обсуждаем

<…> удар в поддыхало: теракт в метро – в вагоне на полпути от Павелецкой к Автозаводской: 40 убитых, 110 раненых. Полагают: террорист-смертник(ца) из Чечни.

Обсуждали причины терроризма. Айтматов: Бедность.

Но это как раз «бедность» – по меркам «золотого миллиарда», что лезет навязать свои ценности прочим странам и народам и стилям жизни. А те – обороняются от натиска – и мстят!»

Да – МЕСТЬ – психологический источник терроризма – и саможертвенного, как чеченки-смертницы = вдовы убитых мужей».

Да, Месть – воронка адова, что затягивает в Эросе-Танатосе! Такое удовольствие созерцать, как гигант России или Америке – трепещет в панике, ожидая невесть откуда удара, шизофренически вертясь туда сюда!..

Тут и роптание на Бога: как попускает? – Айтматов в машине вчера, – что невинные гибнут.

– Бог и зло использует – для воспитания Человечества – долгого. А тут урок гордыне цивилизации и обществ наизобрели для комфорта такую технику – и всех соединили-обобществили в едином производстве-рынке-коммуникации! Ну и один человечек нажатием кнопки может все это взорвать!

21.01.2002.

Айтматова на Нобелевскую премию готовят

Вчера позвонил Айтматов: просит помочь сочинить представление его на Нобелевскую премию. Дать формулировки. Вчера мы со Св.* набросали и диктовали Марии**. Сегодня просит дополнить – на такие темы:

ЧТО ПРИВНЕС В МИРОВУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

На стыке тысячелетий – он как мост и вольтова дуга – между первобытной древностию, в которой родился в среде патриархального киргизского народа, и современной мировой глобальной и даже постиндустриальной цивилизацией. Ему внятен язык и мифа, и интернета – и его *поэтика* – это синтез и фольклорно-эпического народного видения мира – и размышляющего сознания современного интеллектуала. И в этом диапазоне – и ле-

* Семенова Светлана Григорьевна (1941-2014), литературовед, философ, писатель, супруга Георгия Гачева.

** Мария Урматовна Айтматова – супруга Ч. Айтматова.

генда, и сказка, и романтика, и юмор, и сатира, и публицистика, и научная фантастика.

Живописность, пластика, скульптурность – в описании образов персонажей, их тел, к чему чуток – человек из кочевого быта – с животными, и музыкальность – в ритме его прозы, фразы.

Вообще – чуткость к природному миру, и прежде всего – к животным. Он создал целый Зодиак животных персонажей – равноправных личностей в сюжетах его повестей и романов: Иноходец Гульсары, Верблюд Каранар, Мать-Олениха, Рыба-Женщина, Волчица Акбара, Ранние журавли. Да и такие персонажи: Белый пароход, Материнское поле, гора Фудзияма выступают не просто как силы Природы, но излучают Дух и Волю, и Слов в полифонии-многоголосии его сюжетов и в развертывании действия его произведений.

Так что заступником не просто Природы, но и Животного мира выступает он перед Человечеством.

СТИЛЬ отмечен – напевность неторопливой, задумчивой фразы. Сидя на коне и пася стадо в степи, есть время вспоминать и размышлять, обдумывать, сравнивать, мечтать и каяться. Воспоминания, размышления, рефлексия, все герои – думающие, вглядывающиеся в себя и в мир вокруг.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ – целая плеяда*** всех типов и возрастов. И прекрасная Джамиля, девушка-джигит, и ученолюбивая Алтынай, и Мать Толгонай, и Развитие Личности и Свободы,и самостоятельности**** – что так актуально для женщин Востока.

СОХРАНЕНИЕ ДУХОВНЫХ СИЛ МАЛОГО НАРОДА. Сам Ч<ингиз> А<йтматов> – полпред Киргизии в мире: ее гордость – вливает силы и энергию, питает нац<иональную> субстанцию, дав ей самопознание и образы, и образцы-примеры, идеалы поведения в сложной современности среди других стран и принципов жизни.

Заодно перепечатаю, что вчера набросал:

Ч<ингиз> А<йтматов> – писатель, соединяющий пространства и времена, синтез традиций Востока (Средняя Азия, Ислам,

*** Приписка рукой С.Г. Семеновой: «Им создана целая плеяда женских образов».

**** Приписка рукой С.Г. Семеновой: «предстают объемно и живописно не просто как равноправные с мужскими героями личности, но и подключенными к интимной глуби народа и природы».

Индия) и Запада (русская литература и западноевропейская и американская). А также эпохи: от «гомеровской» стадии (он – мифотворец и акын-рапсод) до психологического анализа сложной личности XX века и модернистского письма.

В XX веке многие «отсталые» народы «третьего мира» подключаются к единой мировой цивилизации и из первобытного состояния ускоренно проходят те стадии духа и культуры, которые в «нормально» развивавшихся странах Европы занимали тысячелетия и века. И в одном А<йтматове> все эти эпохи духа стяженно присутствуют. Их сплав создает в нем уникальный взгляд на мир, человека и особый стиль. Так что А<йтматов> в своем творчестве говорит от имени миллиардов людей из стран и народов «третьего мира», Он – их голос. Потому так горячо его воспринимают и переводят. А с другой стороны, им оригинально передуманы традиционные темы мировой литературы: конфликт между личностью и обществом, город и природа, любовь и долг, отцы и дети. И тем он интересен и в старых цивилизациях Европы: в Германии, Франции и т. д. В частности, им дана оригинальная трактовка христианства – в романе «Плаха», в романе «Тавро Кассандры» – конфликт технократической цивилизации против природы и естественного человека.

Т. е. диапазон мировоззрений огромен в нем.

28.7.2006

Судьба и со-весть (о новом романе Айтматова)

С трепетом взялся читать Айтматова новый роман «Когда падают горы (Вечная невеста)» – в «Дружбе народов» 2006 № 7. А и тираж журнала, что издавался в 200-300 тыс. в советские времена, – теперь – 3 тыс. (как и моей книги «Ментальности…»), да и то – с поддержкой… Ведь уже 77 лет, как и мне. И так уж много нарожал – и шедевры есть. И по их уровню судить-равняться – и ему, сочиняя, и читателю. Удержится ли на высоте достигнутой чемпион, или понизит планку, сползет?.. И если так – то у одних ирония и злорадство, у внешних ему, а у меня – тревога, ибо как со-брата чувствую и сверстника: параллельно шествуем по жизни

и проблемам Бытия и Истории, по идеям, в поисках истины, Абсолюта – ну и в опытах личной жизни. И дочитав – рад: старый конь борозды не испортил. Сначала тянулось замедленно, экспозиция через воспоминания – и так вводились персонажи: старый Барс – Жаабарс, как Лев, царь зверей, первый и вожак, самец-лидер, вышедший на последнюю охоту и ощутивший одышку – и человек Арсен – журналист средних лет, от кого уходит возлюбленная: артистка, она сманена в шоу-бизнес торжествующим продюсером-шоуменом. Оба вспоминают свои лучшие, победительные времена. И любовь, когда двое тонули друг в друге – и возносились к небу, и слышали ветер и гул космической музыки. Но вот приходит новое время и новые правила игры и новое поколение – и оттесняет, и им здесь чуждо, не вписываемы – в новых стаях-«тусовках» масс – толп-стад. Они – одинокие, но Личности, с «я» и достоинством. И что им делать в новом мире, не при-сущем им? Выталкиваются – Природой (Барс), Судьбою (Человек). И куда? К Небу: Жаабарс карабкается на перевал, который раньше брал запросто, а теперь в одышке – пытается – и назад. Ну а Человек выталкивается внутрь себя, в Со-весть, которая тоже = Небо внутри нас («царствие небесное внутрь нас есть) и Высший Суд – на последний акт и экзамен и риск. Тоже – вариант Судьбы – Суд! Но в Природе это – порядок вытеснения старого молодым и Необходимости, и твое «Я» и внутренний мир тут ни при чем, не вольны. То у Человека в Человечестве-Обществе, Истории, Культуре – тоже Судьба, извне стечения обстоятельств и Случай, но еще и Рас-СУД: ум и воля, влекущие к Истине = Естине: зачем жил и отчего все так есть? Понять это: Со-мысл и Бытия, и Жизни моей – идти на Смерть – не как толпу-стадно на башню-заклание, но соделав и смерть актом Свободы Воли и Разума, актом «Я» – по Совести.

То есть сама Смерть может быть осуществлена как поступок. Она – неминучая, по Судьба, извне, но я, человек, в свободе воли, в разуме и Рас-СУД-ке, могу выйти на Высший Суд так, что сам стану Судией – и над собой, и над всем, явив, что за жизнь постиг Истину Бытия и назначение человека. Как у Пушкина понят Поэт:

Ты сам – свой высший суд:
Всех строже оценить сумеешь ты свой труд –
и жизнь свою, и «я», и что ты такое – по Истине и по Совести.

«Судьба» и «Истина» – главные сверхидеи, меж коими осуществляется действо-сюжет в романе А<йтматова>. Это, меж ними – сюжет в высях – меж идеями-ценностями метафизическими. Это – как в античном эпосе, у Гомера: действо на двух уровнях (пря-соперничество между богами Олимпа, высях, меж Афиной и Герой (в «Илиаде»)): там бросают жребий перед поединком меж Ахиллом и Гектором, а уж они, человеки-герои осуществляют волю Судьбы. Но у Личности человека Нового времени эти два уровня в нем самом: в нас и Бог – «Я», совесть и Ум-Логос, а и желание-Воля поступать посреди материи тел и вещей и интересов людей в обществе.

Так что роман Айтматова – это и сюжет о существах Природы (Барс) и Общества (Человек Арсен), но и исследование движущих сил-идей, управляющих их поведением, поступками – каждый раз и в стечениях обстоятельств, непредвидимых, где уж умом и со-вестью понимай и вертись, и выбирай, как действовать. Вот они, эти акторы = действующие «лица» (как в начале драмы объявляются персонажи), прямо называются писателем. В первом акте – это Судьба, во втором – вступает еще и Истина.

«Существует одна непреложная данность, одинаковая для всех и всегда, – никто не волен *знать* наперед, что есть *судьба*, что написано ему на роду, – только *жизнь* сама покажет, что кому суждено, а иначе зачем судьбе быть судьбою…» (Дружба народов. – 2006, № 7, с. 9). Вот предначинательная фраза романа-исследования айтматовского. Сразу введены действующие лица: Бытие (что ЕСТЬ всегда и всем, т. е. Истина), Знание (Ум-Логос-Разум), Жизнь (как, наверное, воплощение Бытия в Природе и в Человеках), и Судьба (как, наверное, связь меж ними, пришедшими в движение-течение со-бытий).

И это очень важно: какие первые слова говорит писатель, объявляя свое Кредо, Символ Веры, выработанный за жизнь. Ведь писатель-то уж умудренный, не начинающий юнец, но – аксакал, призванный быть мудрецом, постигшим смысл бытия вообще, истории и жизни человека. «Многоопытный муж», как сказано об Одиссее у Гомера. И Айтматов проходил-проплывал свою «одиссею» – странствие по жизни и мирам познания. И вот – к чему пришел в итоге?

В президиуме - Ч. Айтматов и Г. Гачев

Скажи нам, как ты понял, в чем
Конечный вывод мудрости земной?

В конце «Фауста» Гете он так сформулирован:

Ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни как свободы,
Кто каждый день идет за них на бой
(Перевод Холодковского).

Что ж, к аналогичному пришел и Айтматов – тоже уж в возрасте «олимпийца» Гете (под 80): «Тайна судьбы остается вечной загадкой для всех и для каждого, из века в век, изо дня в день, всякий час и всякую минуту…» (с. 9).

Да, всякий и сей час – в этом все дело, а не вообще. И тебе, читатель*, решать это уравнение в стечении обстоятельств в сей миг,

* В конце июля – начале августа 2006 г. Г.Д. Гачев написал предисловие к отдельному изданию романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)». Запись «Судьба и Совесть» представляет собой первый приступ Г.Д. Гачева к этому тексту. Отсюда и появляющееся в тексте обращение к читателю.

а писателю-романисту – свести сюжет в клин, заклинить стечение персонажей и идей, и проблем – в некий узел, матовое положение безвыходности, где «или-или», «да-нет» – и вдруг, на предельном напряжении – вершится взрыв – прорыв плотин, обступивших состояний жизни и предреканий Рока = и открывается выход – нет, не сам, извне подается, а сотворяется из свободы «я» и воли личности – и открывает простор и озон – и можно жить и дышать – по Истине и Со-вести и гармонии меж Бытием и Душой, Жизнью и Духом.

Но порог тут – Смерть. Однако Судьба – ее выше, точнее – глубиннее. «А судьба выше смерти. От судьбы судьба ведется, а от смерти ничего не идет» (с. 97).

Однако не обойдем и разность в выводе меж Гете и Айтматовым. Там вывод конечный – «ясен». Тут и ныне – назван «тайной» и «загадкой». Что ж? Два века прошло с эпохи Гете – и такие превратности истории и бездны в мире и человеке объявились и парадоксы в познании, что не ясность ответов, а углубление вопросов – путь познавания. И, кстати, ФАКТура текстов Айтматова – и прежних, особенно, пестрит именно вопрошениями. Но и тут – в запеве второй главы, где уже вводится не животное, а человек:

«Трудно объяснить, но бывают такие стечения – и по месту действия, и по времени, и, главное, по поступкам субъектов, которые словно бы вынуждают судьбу на неожиданные повороты». Вот: человек из свободы воли и ума со-творец судьбы – и своей, и мира, волен вести свою игру: «Судьба играет человеком. А человек играет на трубе» – в Труде и Искусстве-Творчестве, что равномощны Природе и ее Необходимости, что составляет субстанцию Судьбы.

Но главная трудность и тайна, и загадка – это именно «повороты» в «стечениях». И тут уж – Случай вступает в свои права:

«Нечто подобное случилось и на сей раз. Хотя он и не предполагал такого хода событий» (вот: «со-бытия» при и внутри Бытия, как и со-весть – наше со-знание при Ведах-ведении высшего знания – Бога, заведующего всем).

Публикация Анастасии Гачевой

Георгий Голубенко

Онегин на мотороллере

Посвящается Николаю Огреничу

И кто только не руководил Одесским оперным театром в советские времена. Однажды директором этого театра был назначен товарищ Одиноков, который до этого долгие годы был начальником одесской тюрьмы.

Через несколько недель он собрал коллектив театра и, как утверждают очевидцы, сказал им примерно следующее: «Ну что же, я посмотрел некоторые ваши спектакли. К ним у меня особых претензий нет. Тем более что я в этом мало что понимаю. Но вот когда зрители в перерыве выходят на прогулку… Возникают вопросы. Движение по коридорам не организовано. Входы и выходы из театра практически не охраняются. Не случайно, когда я подсчитал количество людей, которые пришли на спектакль, и количество тех, кто остался после перерыва, не хватило 25 человек. Не знаю как у вас, но на моей прежней службе это называлось «коллективный побег». Конечно, мы не можем установить вооруженную охрану по периметру нашего здания, но мы должны заставить каким-то образом нашу публику отсидеть на спектакле полный срок. Так сказать, отмотать его от звонка до звонка».

Вообще, задача, как привлечь публику на спектакль, а тем более удержать ее там, стояла перед руководителями театров везде и во все времена. Об одном из способов ее решения мне рассказывал замечательный одесский певец Николай Огренич. Тогда он только что получил Гран-при на конкурсе Чайковского и стал известным на весь мир. Его стали приглашать в другие страны, и первым, кто его пригласил, была Немецкая национальная опера.

– У вас волшебный тенор, – сказал ему импресарио немецкого театра. – Мы предлагаем вам спеть партию Онегина. Поете вы, конечно же, замечательно. Но для нашего спектакля не менее важно, так же ли хорошо вы умеете ездить на мотороллере…

– А мотороллер тут при чем? – удивился Коля.

– Видите ли, мы стараемся осовременить классические спектакли. Сделать их более свежими, оригинальными. В общем, по режиссерскому замыслу Онегин у нас приезжает на свидание к Татьяне на мотороллере.

– Вообще-то, я никогда не пробовал, – замялся Коля.

– Тогда есть другой вариант, – не сдавался импресарио. – Вы можете прискакать на коне. А что? Дело происходит в усадьбе Татьяны Лариной. XIX век. Так что конь под вами, то есть под молодым барином, может выглядеть даже еще более естественно, чем мотороллер или моторная лодка. Правда, тут есть одна проблема: конь у нас довольно старый, и он иногда прямо на сцене… Как бы вам это сказать?.. Ну знаете, у нас в Европе есть такая скульптура, называется «Писающий мальчик». В общем, с нашим конем иногда во время спектакля происходит то же самое. Но пусть вас это совершенно не волнует. Наша публика привыкла и не обращает внимания. Вообще, мы, немцы, относимся к естественным проявлениям живого организма не так, как вы, русские. Мы считаем, что все, что естественно, все прекрасно. А согласитесь: искусство призвано воспевать истинно прекрасное!..

– Вы имеете в виду писающих лошадей? – спросил Коля.

– Тогда вернемся к мотороллеру, – не сдавался импресарио.

– Неделю я тренировался, – рассказывал Николай, – и в конце концов выехал на свидание к Татьяне на мотороллере. Раздались аплодисменты. Я скромно раскланялся. Но тут оказалось, что аплодируют не только мне. Я поднял глаза и к ужасу своему увидел, что из противоположной кулисы Татьяна выехала на свидание к Онегину на том самом коне, о котором мне рассказывал импресарио. Ну что мне оставалось делать! Я запел знаменитую онегинскую арию. Уже потом я понял, что публика, наверное, очень недоумевает, почему это Онегин, исполняя пушкинские

строки: «Учитесь властвовать собою, не всякий вас, как я, поймет», – обращается не столько к Татьяне, которая в письме первая призналась ему в любви, сколько почему-то к ее коню. Как бы призывая и его по возможности держать себя в руках, то есть в копытах, и зачем-то постоянно заглядывая ему под брюхо. Но конь держался молодцом. Он мирно пощипывал бутафорскую травку и, казалось бы, совершенно не собирался подражать какому-то там «Писающему мальчику».

«Ну, слава тебе Господи, – думал Коля. – Уже скоро конец. Все! Осталась одна нота. Последняя!» Он набрал полную грудь воздуха, чтобы исполнить этот свой фирменный высоченный непревзойденный си бемоль. Но в этот момент конь тоже набрал полную грудь воздуха, повернулся хвостом к публике и не просто последовал примеру «Писающего мальчика», а совершил нечто, совсем уже непотребное… Зал взорвался аплодисментами.

Я не знаю, происходила ли эта история на самом деле, или Коля ее просто придумал, чтобы развлечь нашу компанию. Он, как и все настоящие артисты, обожал веселые розыгрыши, актерские байки, рассказывал их с большим мастерством. Но прежде всего, конечно, он был великим певцом.

Несколько лет назад, когда Коли уже не было с нами, один американский миллионер в Нью-Йорке, совершенно помешанный на гениальных певцах, показывал мне свою полную коллекцию лучших теноров мира. Это были платиновые диски с золотыми портретами каждого из артистов. Всего двадцать дисков.

– Их я считаю лучшими. За всю историю оперной музыки, – сказал коллекционер.

Я начал приглядываться. Конечно, здесь были и Карузо, и Паваротти, и Пласидо Доминго, и… – минуточку! – чуть ли не закричал я, приглядевшись к одному из золотых портретов, – это же Коля Огренич. Когда-то я вместе с ним сидел чуть ли не за одной партой в Одесском музыкальном училище.

– О, да! – подтвердил коллекционер. – Огренич! Он был одним из самых великих. Тембр его голоса нельзя спутать ни с кем!

И это была чистая правда. В голосе Коли Огренича, родившегося неподалеку от Одессы, в райцентре Ивановка, было

какое-то поразительное прикосновение к вечности, которое заставляло замирать сердца людей во всем мире. Сердца всех, кто его слушал, слушает и будет слушать всегда. И пока такие певцы будут на сцене, театры всегда будут переполнены. И никаких велосипедов, и тем более мотороллеров тут изобретать не нужно.

Из архива писателя

Сокровища из сокровищницы

318 Татьяна Щурова
«К тебе так благосклонны музы…»

Татьяна Щурова

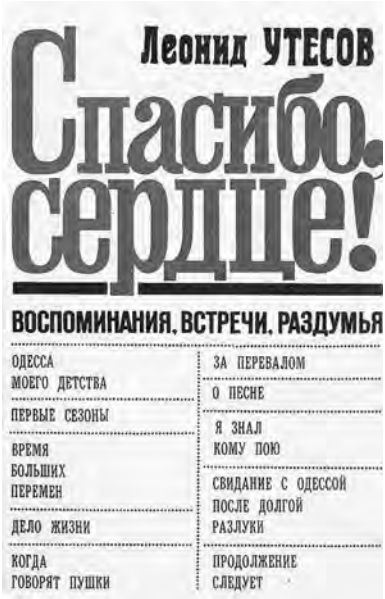
«К тебе так благосклонны музы...»

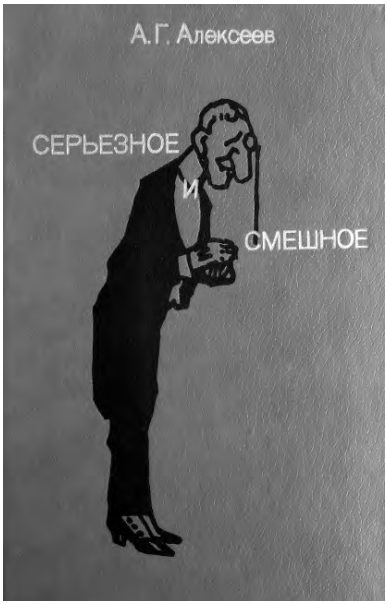
Слова восхищенного Корнея Чуковского, обращенные когда-то к певице Изе Кремер, вполне подошли бы очень многим мастерам эстрады, так или иначе связанных с Одессой первых десятилетий прошлого века. Одним из них, по выражению Леонида Утесова, повезло здесь родиться, для других наш благословенный город стал важным творческим эпизодом, мощным аккордом, в чем-то определившим их дальнейший путь в театре и на эстраде.

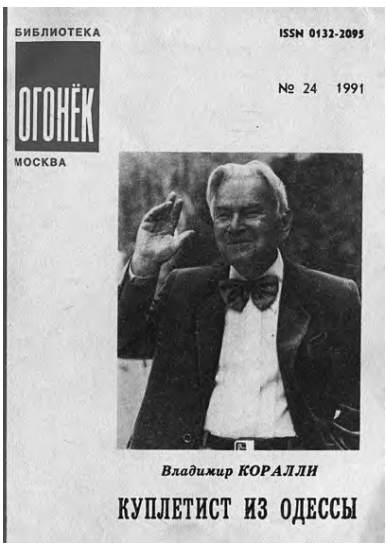
ОННБ обладает редкой коллекцией одесских газет и журналов этого периода и, нужно сказать, тема художественной жизни Одессы не перестает волновать исследователей, уже на нашей памяти, около пятидесяти лет. Свою лепту в популяризацию старой одесской периодики внес отдел искусств библиотеки. Благодаря инициативе редакции альманаха мы на протяжении многих лет (с первого номера «Дерибасовской – Ришельевской») публиковали статьи, театральные и литературные рецензии, забавные рисунки и шаржи и т. д. из уникальных на сегодняшний день изданий. На основе этих материалов в 2009 году удалось выпустить своеобраз-

ную хрестоматию «Благоухающий пепел». Книга стала добрым помощником в работе и позволяет познакомиться с интереснейшими малоизвестными текстами.

Но не будем забывать также еще об одном источнике информации – мемуарной литературе. Книги Владимира Коралли, Игоря Нежного, Владимира Галицкого, Алексея Алексеева, Рины Зеленой, Леонида Утесова, изданные впервые в 1960-1980-е годы, давно стали библиографической редкостью и настоящим сокровищем для историков и просто любителей театра и эстрады. Они выгодно отличаются от основной массы современной «исповедальной» литературы, книг, написанных явно наспех, а поэтому не оставляющих в душе читателя прочного следа. Рассказы о профессии далеко не всем удаются, не всем творческим личностям дано «пропустить время через себя», сумев увидеть, выхватить детали, мелочи – и превратить факты своей биографии в увлекательный рассказ, познавательный и волнующий. Когда же «зов памяти» сочетается с заразительной эмоциональностью, несомненным литературным талантом и преданностью искусству, получаются книги, представляющие интерес для многих поколений, несущие







удивительный фактический материал.

Например, о маленьких одесских театрах начала двадцатого века написано гораздо меньше, чем хотелось бы, поэтому свидетельства талантливых мастеров представляют исключительный интерес. Они свидетельствуют о том, что в начале XX века Одесса выделялась своими театрами миниатюр и куплетистами, ее даже называли «фабрикой эстрады». При этом жанр только начинал становиться самостоятельным видом искусства, многое только пробовалось, зарождались новые приемы и методы. А в Одессе всегда была востребованность «легкого жанра», поэтому активно множились частные антрепризы, открывались концертные площадки, шантаны и варьете. 1918-1919 гг. считаются вообще «золотой порой», когда в Одессу приезжало большое количество эстрадных знаменитостей. Был открыт, например, Дом артиста (сейчас там Болгарский культурный центр), где выступали Александр Вертинский, Юрий Морфесси, Надежда Плевицкая, Иза Кремер, а рядом начинающие – Леонид Утесов, Владимир Хенкин, Владимир Коралли. Таким образом, молодые артисты получали уникальную возможность не только

наблюдать мастеров на сцене, но и выступать с ними на одних подмостках. Общение оказалось отличной школой, и время вскоре показало, что место на эстраде не осталось пустым, когда маститые актеры выбрали эмиграцию…

Одесситы не боялись соперничать со столичными театрами миниатюр и кабаре, такими, как, например, знаменитая «Летучая мышь» или «Бродячая собака», «Кривое зеркало». В разное время здесь открылось несколько театров. Среди них «Бибабо», организованный в 1909 году группой артистов и журналистов, где основным автором был студент-юрист Новороссийского университета Алексей Алексеев (Лифшиц). Талантливый импровизатор, он стал первым в Одессе и одним из первых конферансье в России.

В следующем сезоне создается быстро ставший известным театр «Зеленый попугай». В этом театре в конце 1910 года прошел неоднократно описанный в мемуарах благотворительный спектакль, составленный из первого акта оперетты «Прекрасная Елена» и одноактной пьесы «Страничка романа». Исполнители были известные – примадонна Елена Грановская, а также Юрий Морфесси, Алексей Алексеев, борец Иван Заикин и писатель Александр

Коралли и Шульженко

Куприн. Именно Куприн был, как выяснилось, инициатором и организатором этого мероприятия, сумевшим таким образом собрать деньги для нуждающихся студентов Новороссийского университета.

В Одессе интересно работали также театры миниатюр «Фарс» под руководством талантливейших Вас. Вронского и Михаила Чернова, «Крот», ставший первой профессиональной сценой для актрисы Рины Зеленой, детский музыкальный театр «Водевиль», в котором дебютировал мальчик-вундеркинд, известный потом как эстрадный певец, куплетист, конферансье Владимир Коралли (Кемпер). Были популярны также театры «Гротеск», «Юмор», «Большой Ришельевский», «Улыбка» и др.

Воспоминания мастеров театра и эстрады дают интересную информацию о художественной жизни Одессы на фоне сложной противоречивой поры. «Времена не выбирают» – в жизни людей причудливо сочеталось печальное и забавное. Для тех, кто захочет окунуться в тему поглубже, могу порекомендовать отличные издания:

Игорь Нежный. Былое перед глазами (1965);
Алексей Алексеев. Серьезное и смешное (1984);
Владимир Коралли. Сердце, отданное эстраде (1988);
Леонид Утесов. Спасибо, сердце! (1976);
Рина Зеленая. Разрозненные страницы (1981);
Владимир Галицкий. Театр моей юности (1984).

Надеюсь, вы ими не ограничитесь…

* * *

…В 1909 году я «перетащился» на четвертый, последний курс.

В то время группа одесских артистов и журналистов задумала открыть сатирический театр. Я считался способным любителем и остроумным парнем, и меня привлекли к участию в создании этого театра. Нарекли мы его «Бибабо» – так называется мягкая кукла-пересмешница.

Репертуар составлялся частью из пьес петербургского сатирического театра «Кривое зеркало», частью его писали мы сами. Конферировать поручили мне. А как это делается, никто из нас толком не знал.

Брат мой, учившийся в Германии, рассказывал мне про спектакль сатирического театра-кабаре в Мюнхене «Симплициссимус». В театре этом, когда зрители уже сидят на местах, и свет в зале погашен, вдруг поднимается шумок, капельдинеры суетятся, и в ложе около сцены появляется «сереннссимус», «светлейший». Это сановный старичок в расшитом золотом мундире, весь в орденах. Он усаживается, и спектакль начинается. Сереннссимус все время брюзжит, все критикует, отпускает смешные и фривольные замечания об артистах и пьесах, вплетает политические остроты и становится центром спектакля. Мне это понравилось.

А тут еще побывавшие в Москве рассказывали про то, как там в «Летучей мыши» Балиев разговаривает с публикой. И это мне понравилось.

На наших, как сказали бы теперь, «творческих собраниях» мы сообща выдумывали, как связывать номера программы. Я все это записывал. Потом стали говорить мне: «Ну, вы тут сами придумайте». А затем и вовсе перестали обсуждать связки, и я целыми днями только и думал о том, что и как я буду говорить между пьесами и выступлениями.

И вот день открытия театра «Бибабо». Зал Благородного собрания. Публика: доктора, юристы, архитекторы и актеры, актеры…

Я написал для своего первого выхода вступительное слово о юморе и сатире, но так как выучить его не хватило времени, а суфлера у нас не было, я решил читать по бумажке.

Алексей Алексеев

Дали третий звонок. Помощник режиссера, тоже малоопытный любитель, выключил свет в зале и на сцене и сказал мне: «Идите, Алеша!». И я вышел на просцениум. За мною – занавес, а передо мною – ничего… Полный мрак… Я никого не вижу, и меня никто не видит… И к тому же левая нога моя живет своей отдельной жизнью: она отбивает чечетку, и я не могу справиться с ней. Приоткрываю занавес, чтобы поймать свет сзади, но и на сцене абсолютная темнота – перестарался помощник.

Губительная пауза… Но вот в темноте кто-то бросает мне реплику, я отвечаю, зал смеется. Еще реплика – еще ответ, зал аплодирует и… моя жизнь определилась: я – конферансье-экспромтист.

В этом же сезоне я и играл, и писал репертуар, и даже понемножку режиссировал.

Вторую программу после моих вступительных слов открывал Митрофан Иванович Днепров. Служил он в городском оперном театре, где шли и классические оперетты. Молодой, элегантный, талантливый, веселый на сцене, легкий танцор и, главное, первоклассный певец, обладатель мужественного и вместе с тем лирического баритона чудесного тембра, он имел огромный успех у публики. А когда в городе узнали, что он в театр попал прямо из монастыря, где был послушником, интерес к артисту еще больше возрос: как, из кельи да в оперетту?

Я написал для него слова на музыку пролога из оперы «Паяцы». Те места в тексте, где говорится о смехе, и которые каждый театрал знает, я сохранил, например: «Ведь зритель платит, смеяться хочет он»; но Митрофан Иванович не утверждал, а спрашивал у сидящих в зале: «Ведь зритель платит? Смеяться хочет он?». И постоянно из зала отвечали: «А как же? Конечно, хотим!».

Затем шла пьеска «Жак Нуар и Анри Заверни» из репертуара «Кривого зеркала» – пародия на сентиментальную, душещипательную французскую мелодраму, которая тогда была частой гостьей на русской сцене.

Артист-любитель, игравший полицейского комиссара, в день премьеры заболел, и выяснилось это уже во время спектакля. Заменить его было некем – труппа маленькая. Положение катастрофическое.

Ходил к нам за кулисы старый почтенный отставной театральный работник, некто Глаубин. Он был оперным хористом, а когда паралич отнял у него левую руку, стал заниматься перепиской ролей. Делал он это не очень грамотно, но как-то сходило. Вот он и предложил спасти положение – экспромтом сыграть комиссара. А в роли было всего четыре слова: первый выход – «Связать его!» – и второй – «Развязать его!».

И начался аврал! Одни одевали Глаубина, другие гримировали, третьи внушали ему, как выйти, как говорить. Первый выход прошел прелестно, но второй… Второй погубил пьесу, но спас спектакль. Мой Глаубин вышел, растерялся и… забыл роль. Он шипел, шлепал губами. И тогда из всех кулис его стали выручать. Одни шептали: «Развязать!» – другие: «Развяжи!». И Глаубин… Глаубин… громко и торжественно возгласил: «Развязай его!».

Согласитесь, что даже для очень вольного перевода с французского это уже слишком. И публика хохотала так, что окончить пьесу было невозможно.

В антрактах только и разговору что об «Развязай его!». И мне пришлось трудновато: как только я выходил на просцениум и начинал говорить, весь зал кричал: «Развязай его!». Если номер программы нравился, вместо «бис» кричали: «Развязай его!»; если не нравился – кричали: «Завязай его!». И мне приходилось отбиваться… А это было трудно, ведь опыта недоставало!

Зато как это было интересно! Какое настроение создавалось в зале! Такое мне далеко не всегда удавалось установить позже, когда я уже был профессиональным и опытным конферансье.

Конечно, помогало то, что театр наш наполняли артисты, писатели, а человеку не от искусства попасть на спектакль было очень трудно. И так как публика собиралась в основном каждый раз одна и та же, а на меня смотрели не как на «просто актера», а как на «актера-собеседника», все мои «заготовки» полетели, ничего заранее сочиненного говорить нельзя было. Стоило чуть-чуть повториться, пусть даже в ином варианте, зрители хором кричали: «Старо!!!». Когда шутка, острота или ответ были неудачными, мне устраивали нарочитую овацию, кричали: «Блестяще, неповторимо, классика!». А если номер программы не нравился, меня встречали многозначительными междометиями: «Мммда-а… Вот-ссс… Гм-гм-гм…».

Не обходилось и без неприятностей. Зал Благородного собрания не был приспособлен для театральных представлений. В стенах были ниши, и это портило акустику: слова долетали туда со сцены в искаженном виде. И вот однажды днем во время репетиции приходят два напыщенных офицера, наглым тоном требуют «пригласить того господина, который вчера разговаривал со сцены», и… вызывают меня на дуэль. Кто ахнул, кто прыснул, кто рассмеялся: дуэль в наши дни?

– Но в чем дело?

– Вы сказали вчера со сцены: «Вы, офицеры, устроили погром, а теперь отказываетесь».

– Что-о?

После долгих объяснений выяснилось, что, обращаясь к группе знакомых, я сказал: «Вы, актеры, устроились у Багрова» (это была фамилия антрепренера), – а им послышалось… Заносчивым защитникам чести офицерское мундира оставалось только извиниться, натянуть белые перчатки, откозырнуть и – «налево кругом».

В следующем театральном сезоне, 1911/12 года, наше группа заправских любителей искусства перенесла свою деятельность в настоящее театральное помещение – зал «Гармония». В театре,

который мы назвали по шницлеровской пьесе «Зеленый попугай», я уже на правах «апробированного почти профессионала» получал сто рублей в месяц. Для артиста, только-только начинающего свою карьеру, это была неплохая зарплата, или, как тогда говорили, жалованье.

Эта труппа состояла уже не только из любителей, но и из профессиональных артистов. Бывали у нас и литературные вечера. Однажды Семен Юшкевич читал отрывки из новой пьесы, а в другой раз Александр Иванович Куприн – свой еще не напечатанный рассказ.

Но самым сенсационным вечером в сезоне был концерт-спектакль в пользу недостаточных студентов.

А.И. Куприн в ролях Калхаса («Прекрасная Елена») и барона («Страничка романа»).
Рис. М. Линского

Он привлек публику совершенно необычной афишей. Среди других номеров было объявлено одно действие из оперетты Оффенбаха «Прекрасная Елена» в следующем составе: Елена – Елена Васильевна Грановская, Парис – Юрий Морфесси, Агамемнон – А.Г. Алексеев. Ахилла изображал чемпион мира по французской борьбе Иван Заикин. А Калхаса играл и пел чудесный писатель земли русской – Александр Иванович Куприн.

По-настоящему, по-опереточному пели только Грановская и Морфесси; я только играл, без пения; Заикин только играл… чудовищными мускулами; а Александр Иванович, против ожидания, играл Калхаса с сочным юмором и с отсебятинами, полными тонкого остроумия.

Хотя принято думать, что Александр Иванович не любил актеров, у него было много друзей в театре. Но по-настоящему он любил цирк, борцов, клоунов; один из его любимцев, итальянец, позже печатал в афишах крупным шрифтом: «Гастроли клоуна Жакомино» и под этим – еще бо̀льшими буквами: «Друг Куприна!».

В течение всего сезона я оттачивал мастерство конферанса и экспромта; ходил ли я по улицам, обедал ли, да, кажется, и во сне я думал, думал: а что бы я ответил, если бы мне сказали то-то! И хотя я уже давно не выступаю профессионально в амплуа конферансье, но и сегодня эта привычка не оставила меня.

Из книги А. Алексеева «Серьезное и смешное»

* * *

…Я очень любил одесскую публику, не только потому, что она меня всегда хорошо принимала, и я чувствовал ее расположение. Одесситы были доброжелательны, проявляли к выступающим живое внимание. Но при всем этом, я бы сказал, одесская публика отличалась профессиональностью своих оценок. У нее нельзя было проскочить на арапа. Я в этом убеждался не раз.

Однажды Пинтер устроил мне контракт в иллюзион «Победа», расположенный недалеко от нашей Внешней улицы, с которой, собственно, и начиналась Молдаванка. В этом маленьком,

Театръ „ВОДЕВИЛЬ“ Б.-Арнаутск № 20.

ДѢТИ! Въ Пятницу 6 Января
Отъ 12 до 4 ч. дня
54-й дѣскій спектакль
подъ руковод. М. Г. Штивельмана

1) КИНО НОВЫЯ КАРТИНЫ

2) Съ участіемъ С. Томпиной, Тамарочки, Картошкина, Громовой, В. Карали и Эрской. Предст. будетъ:

„ДОБРАЯ ВНУЧКА“

3) Лубокъ НОВЫЯ ПѢСЕНКИ

4) КАБАРЭ

дуэтъ „мяу-мяу“
исполнятъ
Корали и Эрская

В. Корали.

комикъ КАРТОШКИН
М. Поляновскій
(сценки).

8-го Января БЕНЕФИСЪ
Бр. КОРАЛИ
грандіозная программа

на двести пятьдесят мест кинотеатрике был свой постоянный зритель. Арендовал «Победу» некто Борисов, человек в своем роде необычный. Не тем, что его семья могла составить целое отделение программы – жена и три дочери пели и играли на различных инструментах, били чечетку, а сам Борисов исполнял куплеты, – в то время в Одессе таких театральных семейств было много. Нет, он прославился другим: Борисов придумал и осуществил до удивления простую и вместе с тем оригинальную систему дебютов в своем театре.

Известно, как трудно начинающему артисту получить возможность впервые показать себя публике.

– В моем театре это очень просто, – говорил Борисов. – Хочешь петь? Приходи и пой забесплатно. Можешь даже сначала порепетировать с аккомпаниатором. Только захвати ноты, если они есть у тебя, а если нет, то пианист сыграет тебе по слуху. Что будет дальше, после дебюта, – не моя забота. Примет публика – получишь контракт и будешь выступать в любом из арендуемых мной иллюзионов – «Мираж», «Бомонд», «Орел». Не примет публика – не взыщи.

Конечно, он придумал такого рода дебюты не из альтруизма. Просто дилетантам не надо было платить деньги, и два-три номера в программе шли бесплатно. Во время концерта среди профессиональных куплетистов, певцов, музыкантов, чечеточников неожиданно выходил дилетант. Заранее публику об этом не извещали, но посетители знали, что номера-сюрпризы у Борисова будут обязательно.

Коралли и Шульженко

Как-то в один из вечеров, когда я выступал у Борисова, на сцену выпустили человека средних лет. На нем были модные тогда полосатые брюки «Макс Линдер», визитка, рубашка с высоким отложным воротничком, галстук-бабочка, малиновый жилет и шапокляк (складывающийся цилиндр). Во всем его облике было что-то до стандартности типичное для людей его круга и достатка. Черные волосы на прямой пробор, нагловатые глаза и самоуверенное лицо. Держался он как заправский артист, – еще стоя за кулисами, убеждал нас, что так шикарно поет куплеты – публика просто ахнет:

– Вот увидите, у меня будет мировой успех, сейчас увидите, что будет!

Все молчали, недоверчиво покачивая головой, видя его грубые манеры, его простоватость и слыша, как он нажимает на свое раскатистое «р-р-р».

Но, выйдя на сцену, новоявленный «артист» растерялся. Неловко поклонился залу. Аккомпаниатор проиграл вступление, и он запел. Публика сразу обнаружила, что у «артиста», как любили

говорить одесситы, «полный рот дикции». С трудом можно было разобрать слова куплетов, которые он приготовил для дебюта:

«Я кар-р-тинку новую вам спою сейчас…»

В зале рассмеялись, и это смутило исполнителя еще больше. Он сбился, стал петь не в такт и дал аккомпаниатору знак начать еще раз. И снова с той же «отчетливостью» произнес:

«Я кар-р-тинку новую вам спою сейчас…»

Теперь раздался уже не только смех, но свист и особые, прогоняющие хлопки. Однако куплетист попытался снова пропеть свои «шикарные», как он говорил, куплеты. Тогда публика не выдержала и закричала дружно и решительно: «В будку! В будку!» – что означало: «Долой со сцены!». «Куплетист» прекратил пение, подошел к пианисту, забрал ноты, повернулся к зрительному залу и крикнул:

– Жлобы! Что вы орете?! Что вы свистите? Я такой же жлоб, как и вы. Подумаешь, очень мне надо петь куплеты! Я заготовщик, я мастер по коже! – и под дружный, но не злой хохот покинул сцену.

Удивительно, как это простая одесская публика даже в самом затерянном театрике судила всегда не только беспристрастно, честно, но и точно. Зрители с удовольствием принимали условия игры в «дебюты», которую им предлагал предприимчивый Борисов. Не имея никакого образования, ни особых знаний, – талант они угадывали сразу. Может быть,

поэтому так трудно было завоевать успех в Одессе. Как-то уже на моей памяти известный петроградский куплетист после своего выступления перед одесской публикой, несмотря на весьма жиденькие аплодисменты, обращаясь к залу, самоуверенно спросил: «Ну, как?». А из зала кто-то крикнул: «Так именно нет!».

Но если дебютант оказывался действительно способным человеком, его слушали с большим одобрением, щедро аплодируя. Впоследствии он становился профессиональным артистом. Так случилось с популярным куплетистом того времени Федором Бояровым. Чтобы замаскировать свою неграмотную речь, он придумал себе так называемый «турецкий жанр». Надев красную феску, Бояров обрел право говорить с «турецким» акцентом. Через борисовские дебюты прошел и Александр Кудрявцев, ставший одним из лучших чечеточников и пируэтистов одесской эстрады.

Из книги В. Коралли «Сердце, отданное эстраде»

Театр «Крот»

Одна тетка сказала мне, что здесь, в Одессе, существует группа людей, увлеченных театром, – любителей. Собственно говоря, это была не тетка, а певица. Она жила рядом с нами, играла на рояле и пела, довольно громко. Нас приютила ее родственница, и мы жили втроем: я, мама и сестра – в почти пустой комнате с голыми окнами. Но был стол, и на чем-то мы спали. В городе не было воды, возили воду из порта в бочках и продавали. Стояла необычная для юга холодная весна, как на севере.

Давно я стала главой семьи, хотя в этом чужом, непонятном городе работы у меня не было. Здесь был голод. Помочь нам не мог никто.

Тогда, в поезде, когда мы все-таки доехали до Одессы, маме предложили приютить нас на время ехавшие вместе с нами чужие люди. Они узнали от мамы, что в Одессе нас никто не встретит. Со мной не советовались: меня вынесли из вагона в тифу, без сознания. Пока я болела, эти добрые люди помогли найти адрес отца.

Оказалось, отец был уже не один. Он по дороге тоже заболел тифом в Киеве, и его спасла какая-то женщина, видно, одинокая, потому что, когда он смог двигаться дальше к месту своего назначения, она, бросив все, поехала за ним. Им дали в Одессе комнату. Отец уже приступил к работе и восстанавливал вещевые склады для армии: перед уходом белые разорили и разрушили все, что не могли увезти с собой.

Когда отец узнал, что мы приехали к нему, он ужаснулся: ведь совсем скоро его должны командировать дальше и дальше. Насчет Елены Степановны отец не беспокоился: ведь он ее предупредил, что у него семья.

Но мама решила все быстро и по-своему. Она сказала мне:

– Ну и прекрасно. Он уедет с Еленой Степановной, а я останусь с вами здесь.

Комнату мы к этому времени нашли. И вот мы оказались без отца и неизвестно зачем в этом городе. Ни денег, ни еды. Надо было служить, чтобы получать паек. Но как и где служить, я совсем не знала. И искать работу в такой холодище просто невозможно: плюс два в Одессе с пронизывающим ледяным ветром были холоднее, чем минус двадцать в Москве. Неистовый ветер сбивал с ног, особенно слабых и голодных. В нашей комнате, как во всем городе, отопление не работает, и укрываться нечем. Вот мы ложимся спать. Я лезу в ледяную постель, покрываюсь простыней, кладу сверху юбку, кофточку, шарфик и поверх всего галстук, чтобы насмешить сестру и маму: они уже лежат, и им холодно. Тогда я вдруг вскакиваю голая, хватаю испанский веер (его мама не забыла взять из Москвы) и начинаю бешеную пляску, прыгая, как кошка, и обмахиваясь веером. Они хохочут, как в цирке. После этой гимнастики мне действительно становится тепло, я кладу на себя сверху еще газету и засыпаю.

Однако я попросила свою певицу точнее узнать, нельзя ли мне повидать кого-нибудь из этой группы любителей. И она помогла мне встретиться с ними.

Я тогда не представляла, каким будет это знакомство…

А весна ворвалась в город, как бешеная. Все преобразилось. На улицах расцвели каштаны. Цветы на них, оказывается, как огромные белые свечи. Солнце сияет.

Потом выяснилось, что тут есть Черное море. И есть знаменитый бульвар, и лестница, которую сегодня знает весь мир, она в картине «Броненосец «Потемкин». А я о ней не знала и нашла совершенно нечаянно, возле Дюка Ришелье. Ведь тогда никто не водил меня по городу – у меня не было ни одного знакомого человека.

И все-таки я попала к тем людям, с которыми хотела встретиться.

Я пришла на красивую улицу, в красивый дом, в запущенную роскошную квартиру, которая, видно, не убиралась с семнадцатого года. Красивые, настоящие вещи, мягкая плюшевая мебель, картины были для меня как декорация в театре. До сих пор я никогда не видела таких квартир. Огромные вазы особенных форм на полу, столы и столики неизвестного мне назначения – это были предметы роскоши. Мне не приходилось раньше интересоваться ими, потому что я ничего не знала об их существовании.

И люди здесь были другие совсем: молодые, они были образованными, умными в разной степени, воспитанными и демократичными. Их, совсем разных, объединяла любовь к театру, к сцене. Уже давно, многие годы, у себя в домах они устраивали спектакли. Сами писали пьесы или переводили в стихах и прозе, делали костюмы, пели, танцевали для своих друзей и знакомых. Теперь они хотели показывать эти спектакли зрителям, всем желающим.

Конечно, это были первые новые люди, с которыми я встретилась в своей короткой жизни. Они думали иначе, видели иначе, чем я и все, кто меня окружал до сих пор. Со многими из них потом дружба, творческая и личная, длилась долгие годы или всю жизнь.

Я, со своей круглой, обритой после тифа головой, сразу подошла им, и они мне – тоже. Вот, оказывается, зачем я ехала сюда так долго: мне нужно было, значит, играть в пьесах Козьмы Пруткова, а не Ибсена, «червонную двойку в революционной колоде карт», а не «Дети Ванюшина», нужно было петь, танцевать, переодеваться каждую минуту, играя по пять ролей в один вечер. Для меня перестали существовать голод и холод. Целые дни надо было работать, чтобы менять программу каждую неделю. Репетиции, спектакли – ведь зрители платили деньги, которые делились между всеми. Пусть самые маленькие деньги, заработанные мной и сестрой на восьмушку хлеба, но деньги.

Сестра тоже нашла свое место в этом театрике – как балерина. В свое время в Москве мама не зря отдала ее в платную балетную школу Нелидовой. Конечно, потихоньку от отца, который определил Зинаиду учиться в Епархиальную гимназию при Скорбященском монастыре, красное кирпичное здание которого и сегодня

стоит на Новослободской улице. Сестра не стала ни монахиней, ни балериной и успешно работала актрисой, долго – в «Синей блузе», а затем в «Кривом Джимми» в Москве, потом – в Театре сатиры.

В 20-е годы не только в Одессе, повсюду рождались маленькие театры. Они ждут своих исследователей, и я расскажу потом о тех из них, где мне довелось работать. Эти театрики появились одновременно в Москве, Харькове, Петрограде. В них самые молодые актеры играли рядом со старыми. Они возникали и расцветали, имели успех. Потом их прихлопывали какие-то досужие рачители искусства. Защитников не находилось. Тут с Большими и Малыми театрами было не управиться.

В нашем театре никто никого не назначал, но как-то складывалось само собою, что у всех были свои обязанности и амплуа. Рабочим сцены, например, была Люся Гинзбург – угловатая девочка, неловкая, умная до такой степени, что сейчас она доктор филологических наук, профессор-литературовед в Ленинграде, автор многих научных трудов. Она же на занавесе, ей же за все попадает.

Душа всей технической работы театра – Н. Блюменфельд. Она костюмер, она рабочий, художник, переводчик, портниха, парикмахер, козел отпущения и машинистка. Кроме того, она жена нашего главного режиссера В. Типота и актриса на выходах.

Костюмерная наша помещалась вся в одном большом сундуке. Туда вообще заталкивалось все для нашего театра, приносившееся из дома не на время, а насовсем: клетчатые лоскутья, полосатые ленты, куски материи, украденные из дома, штаны, просто отдельные бархатные рукава, цилиндры, фалды от фраков, страусовые перья, ботинки на пуговицах, шали, распоротые платья, шляпы, кружева.

В каждой программе все это служило по-разному. Сегодня это был шлейф дамы, в следующей программе – плащ палача или скатерть на столе на сцепе. В случае необходимости сундук пополнялся новыми ворованными дома вещами.

Первый вопрос, который Надежда Германовна Блюменфельд задавала актеру: «Вы спиной к зрителям поворачиваетесь?». Если нет, ваш костюм сзади она затягивала веревкой или куском бязи. Лицом к публике при этом вы стояли в великолепном одеянии из блестящей парчи или бархата, с бриллиантовыми застежками и короной на голове. Со сцены одетый таким образом чело-

век уходил за кулисы, так ни разу не повернувшись спиной, и публика ничего не знала о необыкновенной изобретательности, находчивости, выдумке нашей художницы.

Мы играли царей, средневековых дам, санкюлотов, русских матрешек и французских маркиз в фижмах. Иногда костюмы делались даже целиком.

Наш режиссер Виктор Типот, химик по образованию, будущий автор первых советских оперетт «Свадьба в Малиновке», «Вольный ветер», «Сын клоуна» и других, был не только режиссером, но и автором, и завлитом, и худсоветом, хотя в худсовет входили также Вера Инбер, которая уже тогда была Верой Инбер, Е.А. Левинсон, А.Н. Фрумкин, будущий академик, известный всему миру химик.

Спектакли наши шли с большим успехом. Но так не хватало сатирического перца! Самые, вероятно, необходимые для театра, для нас люди, которые в это время начинались как сатирики, чьи биографии сейчас изучают и знают: Ю. Олеша, В. Катаев – уже уехали из Одессы, сначала в Харьков, а потом в Москву. Как странно, что мы тогда ничего не знали о них.

Иногда появлялся у нас как-то – молодые, случайные авторы, непрофессионалы. В программе был даже многосерийный детектив «Голубой брильянт» В. Инбер и В. Типота. Для каждой программы писалась новая серия. Появились попытки отразить современность: восставала против короля червей колода карт.

Театр назывался «КРОТ». Аббревиатура расшифровывается так: Конфрерия Рыцарей Острого Театра. Как полагается «кроту», театр помещался в подвале. Шли пародии на оперетты. Потом это стало для всех маленьких театров тривиальным приемом, но тут все было в первый раз, все надо было придумывать самим. Даже балет «Красная Шапочка» был, по-моему, придуман и поставлен впервые.

Вера Михайловна Инбер написала для меня и для себя маленький диалог кукол. Она была французская кукла Мариетта из Прованса, а я – русская Матрешка (по-моему, тогда Матрешка появилась впервые; зато потом – ой-ой-ой!). В финале В. Инбер пела:

Я Мариетта, родом из Прованса,
Люблю поэта Анатоля Франса.

А Матрешка, впервые заговорившая со сцены, отвечала:

А у нас есть свой поэт московский –
Владимир Владимирович Маяковский.

В. Инбер очень увлекалась своей театральной работой, ждала с нетерпением рецензий. В каждой программе она писала для себя очаровательную крошечную миниатюру. Действие всегда происходило в Вене. Действующие лица – она, Мици, и ее муж, толстый немец (всех немцев играл Митя Кесслер – впоследствии крупный инженер-энергетик в Москве. Он всегда играл туповатых и толстых персонажей в нашем театре).

Шла у нас пьеса «Ад в раю» – миниатюра в стихах В. Инбер о невыносимой обстановке, сложившейся в раю для Адама и Евы.

Из книги Р. Зеленой «Разрозненные страницы»

Путешествие

340 **Феликс Кохрихт**
Regensburg. Город дождя и ЮНЕСКО

Феликс Кохрихт

Regensburg
Город дождя и ЮНЕСКО

Заголовок этих заметок о недавней встрече с городом – побратимом Одессы нуждается в пояснении. Первая его часть – перевод с немецкого: Город дождя, но и Замок на берегу реки Реген, притоке Дуная. Вторая – статус Всемирного наследия ЮНЕСКО. присвоенный историческому центру. А это – почти весь город…

Современный Регенсбург – сравнительно небольшой (240 тысяч жителей), как говорится, один из райцентров земли Баварии. А ведь сравнительно недавно (по историческим меркам) он был и первой ее столицей, и Свободным имперским городом, и местом работы Рейхстага… Об этом помнят, но не кичатся, а держат в уме нынешние горожане.

За свою почти двухтысячелетнюю историю Регенсбург сменил немало имен – и римских, и кельтских, и германских. И все они так или иначе напоминали о дожде…

Легкое ненастье было и в дни, когда мы впервые побывали здесь. Случилось это в 1989 году. Тогдашний ректор Одесского го-

сударственного университета имени Мечникова Игорь Петрович Зелинский, с которым меня связывали теплые отношения, узнав о том, что мы собираемся в Мюнхен для встречи с родственниками, доверил нам важную миссию: передать коллеге, ректору Регенсбургского университета, письмо с предложением об установлении деловых и дружеских связей. Что мы и сделали. Официально побратимство было оформлено позже, и в течение многих лет наши вузы сотрудничают в разных отраслях, особенно плодотворно – факультеты иностранных языков.

Вспоминается и наше участие в переговорах руководителей мэрий, которые состоялись в середине 90-х. Тогда Одессу представлял секретарь горсовета Александр Прокопенко. Этой акции, направленной на укрепление побратимских связей, способствовал германский гражданин и патриот Одессы Миха Ламперт, которого и сегодня в Одессе тепло вспоминают – особенно художники. Встреча состоялась в ратуше Регенсбурга, чьи интерьеры сохранились с XVII века. А само здание – одно из самых знаковых и знаменитых.

Сюда, на Ратушную площадь, мы и пришли спустя много лет и убедились: « В Регенсбурге все спокойно!» – таким кличем в течение веков стражники с крепостных башен оповещали горожан о том, что все под контролем.

Это спокойствие, но не символ беспечности праздности, а особое состояние уверенности и доброго нрава, и трудолюбия, характерно для нынешнего города и его обитателей. Оно главенствует и в центре, где находятся и службы местного самоуправления, и штаб-квартиры фирм, и банки, и брендовые магазины, и соборы…

И главное – здесь живут горожане, зачастую в фамильных домах или квартирах, в которых столетиями обитали их предки. Это – одна из основных особенностей уклада Регенсбурга, позволившего ему претендовать на статус Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Местные журналисты рассказали нам, насколько масштабными и долгими, упорными и требующими высокого профессионализма были «комплексные мероприятия» (канцеляризм), приведшие к достижению цели. В городском архиве, в историческом музее – десятки фолиантов документов, огромных альбомов и атласов с подробными планами города, фотографий памятников архитектуры и жилых домов, транспортных развязок и систем инфраструктуры… Все есть и доступно в оцифрованном виде… Этот опыт может быть полезен и нашему городу. Как известно, часть исторического центра Одессы рассматривается как объект, заслуживающий статуса памятника градостроения ЮНЕСКО. И право на подобный статус необходимо аргументированно доказать.

Среди градообразующих сооружений Регенсбурга – кафедральный собор Святого Петра о двух башнях, которые видны отовсюду. Он соответствует всем канонам готической архитектуры и отличается особой теплотой своих витражей и мягкой пластикой скульптур – не тех, что входят в убранство фамильных скле-

пов или торжественных алтарей, а таящихся в полутьме притворов и часовенок.

Регенсбург – место рождения и деятельности многих исторических персонажей, мастеров искусства, полководцев. Для меня и, разумеется, не только, самым значительным является великий художник Альбрехт Альтдорфер. И дело не в несомненном его мастерстве, а в особом провидческом даре, который намного обогнал представления современников об устройстве мира и непрекращающихся процессах борьбы добра и зла – в метафизическом и вполне материальном выражениях. Наиболее масштабно и убедительно это выражено в его картине, которая является жемчужиной коллекции собрания мюнхенской Старой пинакотеки. На первый взгляд – батальное полотно, изображающее сражение двух армий – персидского царя Ксеркса и императора Александра Македонского, но в нем зашифрована финальная сцена последнего сражения сил света и тьмы. Победитель неизвестен – ни художнику, ни нам… Эта картина имеет, кроме описательного («Битва…» и т. д.) и второе – основное название: «Армагеддон».

Кстати, этот город в его минуты роковые посещали знаковые исторические личности, деятельность которых оставила яркий след в мировой истории и культуре. Практически рядом жили здесь император Наполеон и создатель «Фауста» – Гете.

Главный собор, десятки церквей, монастырских ансамблей и дворцов получили не только точное описание современного состояния, но и прогнозы на завтра, сроки и методы необходимой реставрации. Есть в городской среде и фрагменты застройки, выделяющиеся из свойственной германским городам. В Средние века и в годы Северного возрождения местная знать предпочитала жить в родовых башнях, подобно властителям, патрициям Италии, особенно – Тосканы. Эти сооружения – предмет исследования

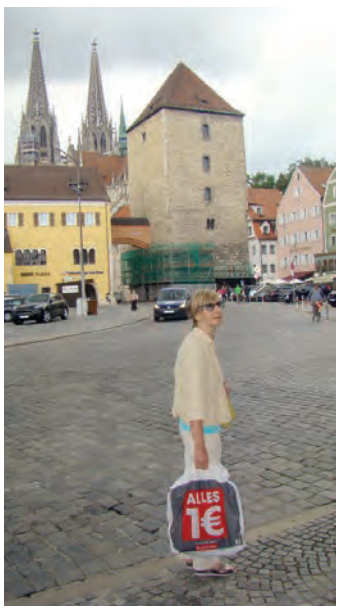
специалистами многих стран и внимания туристов.

И вот 12 лет назад на городских воротах Регенсбурга со стороны Дуная появилась надпись: «Вы вступаете во всемирное наследие Земли». Так, с, пожалуй, чуть наивным, но понятным пафосом определяют в сегодняшнем Регенсбурге свое место на планете.

Городские ворота – арка между двумя средневековыми башнями – встречает вас, если вы уже перешли Старый каменный мост через Реген. Задержитесь у перил, чтобы узнать, что он был построен в XIII веке и считается самым знаменитым памятником мостовой романской архитектуры. Слева от моста – улочка, по которой мы добрались до места, что наметили посетить еще в Одессе. Мы хорошо знаем Баварию и ее кухню, о главном специалетете которой не раз рассказывали в своих заметках. Это, в общем-то, нехитрое блюдо, но в каждой земле, в каждом городе оно свое: речь идет о сосисках. Так вот, по всей Германии знамениты и пользуются просом регенсбургские колбаски. И вот мы – на их родине.

Фирменное блюдо готовят и подают на Исторической кухне – это официальный статус, заслужить который подобному заведению нелегко, как и ресторану – мишленовскую звезду. Расположена она в приземистом домике с маленькими оконцами, которому уже более пятисот лет. Летописи свидетельствуют о том, что первую такую колбаску здесь зажарили монахи, и с тех пор над крышей домика вьется аппетитный дымок, а у дверей топчется по-немецки обстоятельная и терпеливая очередь гурманов со всего света…

Konditorei·Cafe



Выводя в печать это снимок, я заметил, что в кадре не только собор Святого Петра, но и пакет из магазина, где можно все товары купить за 1 евро штука. Сначала хотел его забраковать за «мелкотемье», а потом решил показать этот сюжет вам. Дело в том, что в Регенсбурге и власти, и горожане ведут рачительный и не показушный образ жизни. Цены здесь значительно ниже, чем, скажем, в Мюнхене или Нюрнберге, при том же качестве товаров и услуг. В этом магазине мы купили несколько сувениров (важно – местного производства, а не китайский ширпотреб), в том числе и керамическую кружку с изображением собора, из которой я с удовольствием пью кофе.

Коротаем время – фотографируемся у огромного многоэтажного здания начала XVII века, у знаменитого соляного склада, поражающего и сегодня своими размерами.

Официанты ненавязчиво приглашали нас в соседнее импозантное здание шикарного ресторана, где, как они уверяли, и сосиски – те же, и много всего разного, и вид на реку… Но мы, как и многие в очереди, предпочли вкусить историческую еду в историческом месте. И не обманулись в своих ожиданиях. Неблагодарное дело – пытаться передать вкусовые ощущения от деликатеса. Расскажем о ритуале. Сосиски небольшие, и порции состоят из четного количества, начиная с четырех. Я посягнул на 12, но Таня умерила мой пыл до восьми, она же взяла себе четыре… Жарят фирменное блюдо тут же, в кухоньке, из которой доносятся шкворчание и сложные ароматы, в которых угадываются тмин, сушеные травы и коренья…

На тарелке они на вид – те же, что и в Мюнхене, но и пиво здесь на вид – как в тамошнем «Августинере». Две большие разницы. И то, и это в своей классике – неповторимы.

Еще одна, не менее важная достопримечательность Исторической кухни – таблички с указанием уровня подъема воды в Регене в разные годы, когда случались наводнения. Порой разрушительные. В предыдущий приезд мы вышли на этот речной берег, когда вода достигала кромки набережной. И хотя она была спокойной, и мы даже ног не намочили, постарались подняться повыше.

Отсюда, с пристани, уходят теплоходы на Дунай, а там – огромный мир этой крупнейшей реки. Мне приходилось постигать его и с борта речного судна, и на мостах и набережных Будапешта,

Вены, Белграда, стоять у истоков реки в горах Швейцарии… И повсюду и всегда я помнил, что великая водная артерия Европы на всем своем пути стремится к нам – в Вилково, Килию, Измаил, что устье ее – у Черного моря. Однажды, в первый приезд в Регенсбург, я опустил в низкую воду Регена дубовый листок, сорванный у собора, и представил его в Одессе – у заповедной скалы Ланжерона…

На этот раз в плавание по Дунаю отправился листок платана: они в Регенсбурге такие же, как и у нас.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Ах, Одесса

348 Михаил Пойзнер
Экзамены на одесскую зрелость

355 Александр Юрченко
…И танцевала вся Одесса до утра

363 Алекс Сино
Шахматы Фаберже, или Гроссмейстер поневоле

Михаил Пойзнер

Экзамены на одесскую зрелость

А что осталось?!

Одесский монолог

…И где теперь наши люди?

Наши настоящие, одесские?!.

Когда ты их в последний раз видел? Где? И сколько?

А вот я еще застал, что аж в глазах рябило!

Уже сегодня, когда что-то в голову зайдет, когда прикинешь вокруг, так сразу хорошо чувствуешь.

Все всегда начинается с людей, а уже потом остальное – и Одесса, и улицы, и дома, и *тот* Оперный, и *та* Лестница. А теперь, кажется, все закончилось или вот-вот, буквально на глазах, заканчивается…

И что Одесса? И где та Одесса? Ау-у-у…

Ты еще не понял, кого и на кого мы променяли? Так хоть что-то слушай. Может, догонишь…

Говорю, что первое на ум пришло. Хотя бы Женька – наш обычный молдаванский хлопец. А кто кем крутился, что и в каком кармане держал, какой веры – тогда это вообще никого никак не грело. Жил где-то в середине Балковской, где-то на пересечении с Виноградной. Это туда, в сторону Горбатого моста. Все по-обычному. А вот фамилия у него была необычная – Тронутый (!). Он и сам подмигивал: «Да, я – Тронутый, но не совсем сумасшедший». А вообще, те Тронутые были не просто семья, а целое состояние – пару братьев, что-то пару сестер. И все как раз не чуть-чуть приезжие, а хорошо чуть-чуть одесские. Многие их остерегались, многие старались обойти стороной. Даже в голову не могло по-

дойти, что они все вместе и по отдельности могут выкинуть! Короче, они и доставали, и продавали, и лепили фирменные лейбы на все, и разбирались с цыганами, и пили, и катали, и в «девятку». Не забывали за толчок и Привоз, перекидывали левую водку и любое левое. И любое правое. Разве только это?! Но постоять за себя и за других еще как могли… А про Женькиного брата так вообще намекали: «*Та* вы его сразу узнаете! Буквально сразу! У него на носу мозоль от граненого стакана!». Понятно?

Отца этих Тронутых, уважаемого человека по всей Степовой и Разумовской (!), особо мнительные даже умоляли: «Так когда же вы наконец насовсем уймете своих? Может, на помощь милицию?!». Поднимая указательный палец левой руки вверх, он всегда заученно повторял одно и то же: «Что милицию? *Та* в 28-м или каком году я в Крыжопольском районе, под самым носом у Винницы, банду уничтожил… Банду целую!!! Так что, я с ними не справлюсь?!». Он успел умереть, но так и при жизни не успел справиться… И кто вообще мог справиться?

А кто на нашем ипподроме не знал того Женьку Тронутого? Что, такие были? От конюшен до касс и трибун, от лошадей до людей и от людей до лошадей! О! Если бы те лошади могли говорить! Там даже его переименовали на еврейско-украинский манер – *Евген Мишигенюк* (!).

Что говорить? Помню, как-то при нем кто-то вспомнил за гостиницу «Турист». Когда-то была такая по дороге в Аркадию. Женька тяжело вздохнул: «Я столько раз после скачек катал в «Туристе» и в «буру», и в «секу», что уже давно мне могли бы присвоить «*Заслуженного туриста СССР*». Сейчас они присвоят, дождешься!»…

Часто вспоминаю, как очень-очень глубокой ночью в моей квартире раздался звонок. Поначалу не понял, откуда звонок? Звонят в дверь? Мобильный? Стабильный? А это звонил перепуганный Тронутый: «Атас! Я не знаю, где я нахожусь!». Я успокоил: «*Ша*! Никакого атаса! Главное – ты жив! А теперь все по порядку – что ты видишь слева? Что справа? А прямо?». Пока Женька что-то там уныло пробормотал, я быстро прикинул: «Идиёт! Ты, идиёт, в гостинице «Пассаж», на Дерибасовской! На последнем этаже!». Так он же всегда привык видеть все перед собой и что-то на уровне глаз, а тут надо что-то узнать сверху вниз! Короче, меньше пить уже не надо…

А вот бедным всегда подавал, не задумываясь. И мимо любых нищих и даже бомжей не проходил. И поучал сомневающихся: «Своим одесским людям надо давать еще теплой рукой». И давал…

А еще была у нас соседка, такая молоденькая подруга по прозвищу Шкиля-макарона. И так получилось, что вдруг родила… без мужа. Бабы уже гремели вовсю. Кто ее заберет из 2-го роддома на Комсомольской?! Кому надо? Вообще мрак.

И вот прикинь, открываются двери роддома, она выходит с дитем на руках… А ее как раз встречают (!)… цветы, человек со скрипкой, люди и даже машина! Женька успел все организовать. Массовка, как на Мосфильме! Так, чтобы запомнилось. Так, чтобы никто не упрекнул. Те бабы головы с языком опустили.

Та Шкиля-макарона долго так и не догоняла, как все получилось. Потом кто-то проболтался. Но это уже было потом… Ах, Женька, Женька…

А еще потом сама жизнь все решила за него. Говорили, скопились «ипподромные долги» и что-то там другое. Может, легче было как раз свалить, чем рассчитаться. И, наверное, чтобы не достали, рванул куда-то там в Америку.

Тогда еще боялись идти на вокзал провожать. Вокруг полно зуктеров… А мне что?! И вот уже провожающие покинули отъезжающих, и вот уже поезд что-то начал чухаться. В этот момент на перрон, задыхаясь, ворвался давний Женькин дружок по скачкам – Ленька Брадис. Это он еще со школы категорически не мог запомнить, что там в тех таблицах тот Брадис имел в виду и именно на какой странице. Там ему и прилепили это прозвище. Наш Брадис уже явно не успевал попрощаться с Женькой. Тогда он прямо на бегу поднял сразу обе руки вверх и прокричал: «Слышишь, Жека! Не бери нас в голову! В той Америке как-то *закроешь дубль* или *возьмешь тройник* – и всю жизнь не надо будет работать! Это тебе сам Брадис прикидывает!». Может, так оно и было бы, но через каких-то пару лет Тронутый взял и умер. Как когда-то говорили на ипподроме: *«Отскакал свое»*.

И вот звонит мне откуда-то из Европы его очередной родственник: «Послушай, он умер и успел завещать только одно очень важное – похороните меня в моей Одессе». Ты понял? Так и написал. А что, этого мало для завещания?

Ну, кремировали и передали урну с прахом, чтобы подзахоронить у нас к могиле матери. Меня попросили хоть проконтролировать.

На кладбище подбежал сам директор, сам Николай Иванович. Я ему так и так, мол, «с проверкой». Тот директор возмутился не на шутку: «Вы что?! Как такое даже подумать?! Конечно, все моментально сделали. Еще бы… Такие люди!!!». И добавил многозначительно, оглядываясь по сторонам: «Звонили… с Книжки!!!».

Понимаешь, раньше звонили с горкома-обкома, теперь – с Книжки… Время подвинулось…

Это он так сказал, а вот что я скажу.

Не надо жить годами, а надо жить жизнью!

И все сейчас как было – и снег, и жара, и трамваи, и Староконный. Одним словом – все на месте!

А вот Женьки уже нет.

И сколько таких уже нет?! Кто считал?!

Чтоб руку подать.

Чтоб в рожу, кому надо, плюнуть.

Чтоб заступиться.

Чтоб что-то там заработать.

Чтоб что-то там, конечно, кого-то обдурить.

И чтобы весело. И чтобы Одесса!

Мы уже на самом краю…

Анонс Первоапрельских гастролей

Впервые в Одессе!

Выступление народного хора Григория Веревки перед народом на Канатной улице!

В программе хоровой моноспектакль *«Сколько веревочке не виться…»* (в украинском переводе *«Від мотузки до кутузки»*).

Все на концерт!!!

Смешанный брак?..

…Ты таки женил втихаря своего Серегу… Таки получилось?..

– *Шо* получилось? *Та* я сразу говорил, ничего не получится! У них же смешанный брак…

– Как смешанный? Серега вроде русский, и она вроде тоже…

– При чем здесь русские? Не русские?!

Мы ж *одесситы* (!), а она из того Херсона…

Можно таки подумать…

Староконный… Застенчивый с виду мужчина примеряет приглянувшуюся рубашку. При этом он обращается к женщине-продавцу:

– Пожалуйста, отвернитесь… Я же меряю…

Продавец несколько подавлен:

– Прямо отвернуться?!

Ой, можно подумать, *шо* вы меряете презерватив…

Крик души…

…В ее душе для меня места не нашлось…

Получается, она просто на время сдавала мне там только угол. Даже не так – она ничего не сдавала, это я снимал…

Такой вот ответственный *душесъемщик*… на свою голову.

Расплата

Из одесской жизни

…Темнеет. Иду между корпусами общежитий. Еще чуть-чуть – и перейду через ту Комсомольскую. А там на 15-й трамвай, две остановки до Шестого района…

Руки заняты. Эта дура, ну моя Ленка, послала аж на Кузнечную к теще забрать постельное в стирку. «Иди, мама себя плохо чувствует…» С этим и пошел.

Несу аж два здоровенных клумака с тем бельем. В голове только одно: «Сколько же эта старая кляча не стирала? И когда она вообще себя хорошо чувствует?!». Но я молчу вслух.

А тут прямо из темноты выпрыгивает какая-то огромная тень. И прямо на меня: «Гони мобильник! И быстро!».

Что быстро? Руки заняты теми клумаками! Ставлю, значит, все на землю. А телефон у меня всегда в кармане, противоположном ударной руке. Слушай сюда! Так должно быть всегда! Ну, если у тебя лучше получается, например, левой, значит – в правом кармане. Если можешь правой, значит – в левом. Думать тут некогда…

Протягиваю правой рукой мобильник, а левой, одним ударом, сбиваю с ног. Что, в первый раз? Или второй… Наступаю ногой на горло и спрашиваю: «Ну, кому ты хотел позвонить? Говори – уже набираю номер! Теперь только ноги заняты, а руки теперь свободны». Молчит… Может забыл? Все-таки сразу цифр много…

Я ему: «Что разлегся? Поздно уже. Подъем!».

Вручаю, значит, те два клумака. И что? Он честно донес их прямо до моих ворот, аж в самый конец Градоначальнической! Хотя и кряхтел…

Я одобрительно хлопнул его по плечу. Мол, молодец, спасибо! Дал целых 10 гривен – это за труд.

Меня так учили – любая работа должна быть оплачена…

Что мы, – не люди?!

Ша! Чтобы никто не знал…

Одесский двор на улице Спиридоновской, 28.
Почти семь часов утра. На середину двора выходит крупная женщина, держа маленькую собачку под мышкой. Подняв голову, она кричит соседке, только что промелькнувшей в открытом окне.

– Мадам Савранская! Мадам Сав-ран-ская-я-я!!!

В*и* уже позавтр*и*кали?

Так *шоб* не подниматься до вас на третий этаж, я имею вам сказать пару слов по секрету…

Таможня дает добро?

Из разговора в бане на Провиантской

– …Не понял?

Я только-только видел его где-то между Ольгиевской и Тираспольской. Там уже все в порядке. Ну, *отвисел* свое и что-то пару месяцев как *откинулся*.

А работал на «контрабасе»… Все знают…

– На контрабасе не работают, а играют…

– Кто играет, а кто работает…

Хотя ты прав – и на том, и на другом можно хорошо доиграться…

Герой таки нашего времени…

…*Та* дайте уже сказать что-то пару слов!

А то все туда-сюда. Сюда-туда…

Что жаловаться? Я так не жалуюсь…

И что я вообще в этой жизни не успел?

Загинай пальцы!

Значит, запасся еврейской метрикой и документы *туда* оформил. На всякий пожарный… Успел! Что, помешает?!

Потом выправил трудовую книжку. Успел! Теперь там все, как надо. Хотя получается, что стал чуть-чуть что-то на лет пять старше… Что, помешает?

Потом успел старую жену обменять на новую. И вовремя… А это никогда и никому не помешает…

Так что?

Я у них еще не заслужил хотя бы медаль «За *не* боевые заслуги»?!

Александр Юрченко

...И танцевала вся Одесса до утра

Картинка к размышлению о судьбах одесского футбола и одесских футболистов

Показ во Всемирном клубе одесситов фильма Эдуарда Лучина и Александра Арбита «Наш друг – Илья Цымбаларь» не может оставить равнодушным футбольного болельщика. Вот и меня заставил порыться в старом журналистском блокноте и найти старые записи на футбольную тему… Не так часто одесские футболисты могут собираться вместе. В фильме они встретились, чтобы почтить на спортивной арене память Илюши, как ласково называли его все. А мне вспомнился день, когда целая команда звезд одесского футбола собралась на свадьбе Александра Никифорова.

Большой футбол в «Орионе»... Болельщики со стажем (и без него) вряд ли найдут в футбольных справочниках название этого пансионата на 8-й станции Большого Фонтана. А ведь было… Не приснилось же мне? Илюша Цимбаларь, Юра Никифоров, Ваня Гецко, Саша Спицын, молодое дарование – Дима Парфенов, и даже самый опытный – Василий Шматоваленко (а ему всего-то 28) – в одной команде. На стороне жениха – Саши Никифорова.

Александр Никифоров

Саша, пожалуй, последняя «звезда» «Черноморца», оставившая клуб холостяков, и из команды ушедшая одной из последних. Из команды, занявшей четвертое место в 1991 году в последнем футбольном чемпионате СССР.

Кто же она, которая смогла осчастливить нашего героя? Красавица. Отличница. Зовут Александра. Училась в университете. Очень

привязана к Саше. Несколько раз пыталась оттащить суженого от назойливого репортера – свадьба ведь! Но такая уж у нас судьба – бывать в «горячих» точках. Да и Саша был расположен к разговору. Иначе я не лишал бы невесту возможности побыть с женихом.

– Из какой семьи твоя избранница?

– Отец бизнесмен, мать – домохозяйка.

– Александра тоже будет домохозяйкой? Ведь ей придется переезжать к тебе в Венгрию, и найти работу будет не так легко.

– Нет, она продолжит обучение в частном институте в Будапеште.

– Играя за венгерский клуб, ты мог найти себе и мадьярку. Знаю, что венгерские девушки очень симпатичные!

Саша мягко улыбается.

– Всем известно, что лучшие жены одесситки. У всех, кто сегодня выступает за мою команду, жены из Одессы. Исключение – Ваня Гецко, но он же «западенец».

Ваня в этот момент лихо отплясывал какую-то кадриль с женой Анной, родом, как и он, из закарпатского городка Иршавы.

– Саша, давай немного о футболе. Ты не против? – внутренне я боялся отказа.

– Напротив, я уже давно жду этого. Ведь футбол для нас – это жизнь. У меня и папа играл за «Черноморец», и дядя – Юрий Заболотный – один из столпов команды.

– Тогда начнем. Что представляет собой твой новый клуб, МТК? Середнячок?

Александр на минуту задумался. Официанты тем временем разносили горячее.

– Я бы не сказал. Пока мы на седьмом месте, но метим на третье. МТК – команда известная. За нее играли и Саша Гущин, и Виктор Грачев, и Вася Ищак. Сейчас в команде я один из Украины. При одном тренере играл левого защитника, при другом – левого полузащитника.

– Не много ли тренеров поменял за неполные полгода игры за границей?

– Понимаешь, венгры пытаются выйти из кризиса, который уж что-то сильно затянулся. Ты же видел провал «Ференцвароша» в Лиге чемпионов? У них сейчас большие деньги в футболе

ходят. Да и зрителей заметно прибавилось. Ждут бума. На днях президент клуба Иштван Кришталеки еще одного тренера пригласил. Югослава. Фамилию не помню.

– А президент тебя из команды не отпустит? Ведь много наших из МТК ушло.

– Нет, Иштван за меня держится, даже по-русски пытается со мной говорить. Он сам меня пригласил, и не за какие деньги не отдаст.

– А как бытовые условия? Устраивают тебя? – задал я прозаический вопрос.

– Квартира хорошая, в центре Буды, машина «опель», зарплата на уровне. Я рад, что играю в клубе Иштвана. Еще поборемся за место под солнцем. Да и играть в Венгрии интересней – там, несмотря на кризис, на футбол ходят. А наши болельщики сникли как-то. Обидно даже. Хорошая команда у «Черноморца» сейчас. Играет одна молодежь необстрелянная, а держат второе место. Фантастика просто! В Венгрии их бы на руках носили.

Юрий Никифоров

К разговору как-то незаметно подключился Никифоров-младший.

– Да, раньше Одесса не такая была, – Юра вздохнул. – Вот спроси меня: «Кто сделал тебя футболистом?». Бьюсь об заклад, не угадаешь, – его широкое лицо расплылось в улыбке.

– Ну, Прокопенко, – замялся я. – Разве нет?

Юра отрицательно замотал головой.

– Ну, Скорик, когда ты за юношей играл. Тоже нет?

– Никогда не отгадаешь, – засмеялся Юрий. – Меня на футбольное поле бабушка привела, Лидия Федоровна. Вот кому я всем обязан.

– А где она? Познакомь. Обычно бабушки в Одессе внуков на фигурное катание приводят, а тут футбол!

– Она сегодня в запасе, – пошутил Юрий. – Отдыхает дома. Мы ведь уже два дня гуляем. Старенькая она. Переутомилась вчера. Но познакомить-то познакомлю. Она очень интересная.

– Юра, а что, по-твоему, сейчас нужно «Черноморцу»?

– Хороших спонсоров, и побольше. Спасибо, конечно, Григорию Бибергалу. Без его помощи команда скатилась бы до уровня одесского СКА.

– Да, Григорий много делает для «Черноморца». Но давай о твоей команде, о московском «Спартаке». Мы ведь следим за вами с Илюшей, как и за другими футболистами из Одессы, играющими в России…

Я сделал многозначительную паузу…

– Без Виктора Онопко «Спартаку» тяжеловато будет выстоять в Лиге чемпионов?

– Да. Конечно. Он же ключевой игрок, через него идет вся игра.

Никифоров озабоченно нахмурился.

– Как бы не распалась команда после ухода Романцева. Потеря игрока еще восполнима, а вот тренера такого уровня поискать нужно.

– Говорят, Онопко уже в Испании, в «Овьедо»?

Я решил проявить футбольную эрудицию.

– Ты что, в «Спорт-Экспрессе» прочитал? – ухмыльнулся Юрий.

– Где же еще, – раскрыл я источник своей осведомленности.

– В отпуске Онопко. Врет твой «Спорт-Экспресс», газета слухов.

– Но слухи часто имеют под собой основание, – парировал я.

– Согласен, – Юра обернулся к жене, приглашавшей его на тур вальса, и попросил подождать пару минут.

– Ты-то не уходишь из команды?

– До лета, пожалуй, нет. А в Одессу все равно вернусь – скучаю по городу и «Черноморцу».

– Ловлю на слове.

Едва успел я закончить фразу, как подошел Илья Цымбаларь.

– Да. Сегодня у меня на свадьбе собрался настоящий суперклуб, – прокомментировал появление Ильи Александр Никифоров – он никуда не отлучался и слушал нашу беседу.

– Ладно, брат, предоставим репортеру возможность поговорить с лучшим футболистом России.

И оба Никифорова вернулись к своим половинам. Свадьба была в разгаре, музыканты старались вовсю, играя все громче.

Илья Цымбаларь

Оставшись наедине с Цымбаларем, я впервые за весь вечер растерялся: о чем спрашивать именитого земляка?

– Илья, а тебя кто признал лучшим, спортивные журналисты или федерация футбола? – первый вопрос был явно не оригинальным, и претендовал на то, чтобы быть риторическим.

– А я и сам не знаю.

Цымбаларь неожиданно рассмеялся.

– По-моему, все это признали.

– А ты не уходишь из «Спартака»?

Второй вопрос показался мне не лучше первого. Я даже почувствовал, что начинаю краснеть от свой беспомощности.

– Доиграю до лета, дал слово.

– А потом?

– Не скажу.

Илья снова рассмеялся. Не думал, что он такой веселый. Тут и самообладание ко мне вернулось.

– Ну, предложения-то есть? Скажи честно.

– Есть, есть. Из Испании. Но пока все слишком предварительно, чтобы об этом говорить.

– Как тебе уровень украинского футбола?

– Уровень-то нормальный, да денег нет. Футбол – это целая индустрия бизнеса. В России тоже не все гладко. Но деньги там уже ходят большие. Зарплата у футболистов высокая. Спонсоров много. Заниматься футболом престижно во всем мире. В Украине это еще не поняли. В России бизнесмены добрее, что ли. А наши, кто потолковей, давно в Штаты уехали.

– Твой прогноз на место России в чемпионате Европы.

– Дойдем до финала… и выиграем.

– Так у вас же в подгруппе Италия, Германия и Чехия.

– Вот у них выиграем, а дальше легче будет. Мы все-таки четвертые в мире по рейтингу.

– А точно у тебя жена одесситка?

Я решил сменить тему. Самоуверенность Илюши несколько смущала.

– Конечно, а как иначе? Я же патриот Одессы. Тоже хочу поиграть дома. При полных трибунах. Но когда это будет – я про трибуны, – сказать сложно.

Цымбаларь тяжело вздохнул.

– А как жену зовут? – спросил я для разрядки.

– Ирина.

– Ну. Иди. Веселись, – я хлопнул Илюшу по плечу. – Хотя постой. Разреши задать последний вопрос. Кто для тебя самый неудобный защитник?

– Неудобных нет, – рассмеялся Цымбаларь и ушел танцевать с Ириной.

…А свадьба гремела на всю катушку, как и полагается в Одессе. Пел Дима Парфенов, и довольно неплохо. Танцевали «семьсорок». Кто-то пытался выяснить отношения. Разняли… жены. Из друзей Саши только Александр Спицын не танцевал. Чем-то был озабочен. Он играет в Швеции, во втором дивизионе. Живет на Севере – в городе Шелефтео. А вот Ваню Гецко едва удалось оторвать от веселья. Настоящим одесситом оказался наш «западенец».

Иван Гецко

У него мечта. Вернуть всех старых «звезд» в «Черноморец». Я посетовал на то, что это уже невозможно. Оперились птенцы из гнезда «Черноморца», разлетелись по всему свету. Не собрать их теперь: вольному – воля. Но Ваня настаивал на своем. Даже состав продиктовал. Я из дипломатических соображений его не привожу.

– Да мы всех обыграем, – не унимался Гецко.

– Верю, верю. Это, наверное, произойдет тогда, когда ты вернешься в Одессу и будешь играющим тренером.

В общем, Ваня оказался самым настоящим одесситом из всех настоящих одесситов. Очень похож по выговору на Михаила Водяного, и в поведении что-то есть от великого артиста, только ростом высок, широк в плечах, тонок в талии. Но без усов. Зато с длинными волосами а-ля Круиф в молодости и в ярком желтом пиджаке. А так – вылитый Михаил Водяной.

– Как там, в Нижнем Новгороде? – поинтересовался я.

– Спонсоров много, – признался Ваня. – Главный – железная дорога. Мы же не зря «Локомотивом» называемся. Правда, «Черноморец» тоже «Черноморцем» называется. Но от этого не легче. Черноморского пароходства больше нет, да оно никогда и не было спонсором команды. Второй наш покровитель – завод ГАЗ, который «Волги» выпускает. Да, самое главное не сказал. Ты знаешь, я любимец публики. На меня ходят, как на «звезду» какую-нибудь. На улицах узнают. Знаешь, как приятно!

– Я слышал, тебя в «Спартак-Аланию» зовут.

– Не только. В ЦСКА, «Торпедо», «Локомотив» – в Москву, одним словом. В «Ротор» Волгоград. Клуб просит за меня 800 тысяч долларов. Для Одессы эти деньги чепуха. Но здесь я никому не нужен.

– Так что ты надумал все-таки?

– Хотел бы в «Ротор» к Прокопенко. Наверное, приму российское гражданство. Ко мне и в сборной стали присматриваться.

– Ну, тогда уж точно к пенсии в Одессу вернешься, – горько пошутил я, но Ваня не обиделся. Подошла его жена Анна, и они ушли танцевать.

Мне стало грустно. Такой замечательный нападающий оказался не нужен в Одессе.

Бокал шампанского с незнакомцем

– Не грусти, на свадьбе не грустят. Пошли, выпьем.

Ко мне подошел незнакомец. Позже я узнал, что это был бизнесмен Александр Дидуренко, близкий друг братьев Никифоровых.

– Пошли, – согласился я.

– Жаль, дядя Юра Заболотный не дожил до этого дня. Порадовался бы за племяша, – незнакомец вздохнул. – Он умер полгода назад от инфаркта. Саня поэтому и свадьбу отложил на полгода. Переживал… Такой человек был! Легенда «Черноморца». Ты напиши о Заболотном.

– Хорошо. Только сначала о свадьбе напишу.

Свадьба гуляла до утра. Я тоже. Наедине с пишущей машинкой. В окно гостиницы «Антарктика», где я остановился, было видно, как горел огнями Средний Фонтан. Несмотря на глобальный кризис с электроэнергией. Значит, и с футболом обойдется, подумалось мне. И на «Черноморец» будут ходить, как на праздник. Как было раньше, еще несколько лет назад. За окном свистел ветер, и глухо лаяли собаки. Я едва заснул под утро. И снилась мне команда, снаряженная на сбор тренером Иваном Гецко. Только ее состав вы никогда не узнаете – ведь сны забываются сразу же после пробуждения.

Необходимое послесловие

Футбольный мир состоит из футболистов, болельщиков и меценатов, увлеченных футболом. Когда происходит дисбаланс, и нарушается одно или два звена, случается футбольное несчастье. Кризис в «Черноморце» начался во второй половине 90-х годов, как раз после описанных событий. Как видим, уже тогда бывших игроков «Черноморца», несмотря на радостное свадебное торжество, волновала судьба клуба, выпестовавшего их. И, как оказалось, не зря. Через три года «Черноморец» занял последнее место в чемпионате и в первый раз покинул высшую лигу. Остальное вы знаете. Вот уже долгое время наша прославленная команда балансирует на грани вылета из высшей лиги. Причин много. Важно одно. «Черноморцу» нужно внимание. Болельщиков и спонсоров.

Алекс Сино

Шахматы Фаберже, или Гроссмейстер поневоле

Эту историю мне рассказал Фима Краснов из Нью-Йорка. К моменту нашего знакомства он уже был в преклонном возрасте, но всегда энергичен, аккуратен, подтянут и с иголочки одет. Как и многие одесситы, Фима любил океанские круизы, часто ездил в Лас-Вегас, обедал с друзьями в хороших ресторанах центральной части Манхэттена, заказывал дорогие вина и с удовольствием платил за всю компанию. Жил он в Манхэттене в полукруглом доме с видом на Центральный парк. Словом, Фима выглядел успешным американцем, если бы не одна деталь. На кисти его руки синела самодельная татуировка в виде шахматного коня с буквами «К. Ф.», которые я принимал за Фимины инициалы, до тех пор пока не услышал его увлекательный рассказ.

В Одессе Фима заведовал скупкой в знаменитом «Пассаже». Чего он только не повидал за долгие годы работы в торговле! Обычную мишуру он продавал в своей скупке для выполнения производственного плана. Более интересные вещи уходили на одесский рынок – толчок, мелочовка шла на Староконный рынок. Ну а ценный товар Фима приберегал для себя. Он не брал в оборот ворованного и старался не иметь дела с золотыми монетами и антиквариатом. И не то чтобы он не уважал золотые цацки, просто за это светила совсем другая статья.

Его старый клиент, Александр Афанасьевич Изминский, иногда заносил Фиме приличные вещи. Семья Изминского жила в огромной коммунальной квартире на втором этаже старинного дома, когда-то принадлежавшего его деду. На чугунных воротах дома сохранился вычурный герб Изминских с буквами «А. И.»,

а на побитых и грязных мраморных ступенях красовалась надпись на латыни – «Salve». Детей у Изминского было много. Запросы у них были, как у настоящих аристократов. А средств, увы, немного. Вот Александру Афанасьевичу и приходилось расставаться с фамильными вещами.

В тот день Изминский был явно смущен. В руках у него был небольшой потертый чемоданчик из коричневой кожи с позеленевшими бронзовыми замками.

– Ну что там у вас? – предчувствуя улов, строго спросил Фима.

– Вот, принес показать вам отцовскую вещь. Он недавно умер. Мне это уже ни к чему. А внуки мгновенно променяют память о деде на какие-нибудь «Жигули».

– Что это? – с нетерпением спросил Фима. – О чем речь?

Изминский не спеша открыл чемодан и достал небольшую, но явно тяжелую шахматную доску, сантиметров пятидесяти в длину, сделанную из белого камня вперемежку с благородным черным ониксом. Края доски были отделаны красным агатом. Внутри лежали два аккуратных мешочка, как показалось тогда Фиме, из куриной кожи. Это только через много лет он узнал, что именно так выглядит страусиная кожа. При виде драгоценной доски и куриных мешочков Фима от нехорошего предчувствия уронил очки. Александр Афанасьевич достал из мешка фигуру коня и молча передал ее Фиме. Конь был увесистый и приятный на ощупь, из черного оникса, в серебряной чеканной оправе с позолотой и рубиновыми глазами.

Как снайпер припадает к оптическому прицелу, так Фима молниеносно вставил в глаз ювелирную лупу и навел ее на пробу, которая четко виднелась на подошве фигуры. Это сейчас для выражения восторга кричат «вау!», а в 70-е годы прошлого века антиквары, выражая восторг, тихо стонали – это же «К. Ф.»! Заветные буквы вкупе с яйцевидным золотником, благородным дамским профилем и цифрами 84 не оставляли сомнений. В Фимины руки попали шахматы, сделанные «К. Ф.», то есть в мастерской Карла Фаберже.

– Фима, не сомневайтесь, – сказал Изминский, – все фигуры на месте, и они в идеальном состоянии.

– Откуда они у вас?

– Мой прадед заказал их у самого Фаберже. Он был заядлым шахматистом. Его сын, мой дед, делал большие успехи в шахматах и блестяще выступил в 1910 году на Южнорусском турнире в Одессе. В журнале «Шахматы» за 1911 год есть даже статья о нем. Дед подарил шахматы моему отцу, когда тому было лет восемь. Ребенок, получив такой подарок, проявил необыкновенные способности к шахматам и подавал большие надежды.

– И как развивалась его шахматная карьера?

– Увы… никак. После революции, как вы понимаете, любое упоминание о Фаберже могло стоить жизни. Доска с фигурами была замурована в одной из квартир нашего дома, где благополучно сохранилась до наших дней. Я только недавно, после смерти старушки, жившей в квартире с тайником, смог туда проникнуть и забрать шахматы. Отец же без своих любимых фигур Фаберже быстро потерял интерес к шахматам и перестал участвовать в соревнованиях. А в свое время сам Боголюбов прочил его в гроссмейстеры!

– И что вы хотите с ними сделать?

– Фима, я понял, в чем их ценность. Мне надо передать их подающему надежды шахматисту, и они вернут свою магическую силу. Мои дети шахматами не интересуются. Для них эти фигуры – только антиквариат, который можно выгодно продать. Они не понимают, что шахматы Фаберже – это одновременно и деньги, и счастье, и успех. Только играя на этой доске и этими фигурами, можно добиться и того, и другого, и третьего. Иначе это только антиквариат, то есть деньги. А они, сами понимаете… очень быстро тают.

У Фимы в голове мгновенно сложилась комбинация.

Шахматы надо вывезти за бугор и продать. Но как? Надо рассказать Изминскому, будто бы он, Фима, хочет повторить его семейную историю – купить шахматы для своего внука. Тот станет гроссмейстером и обретет деньги, счастье и успех. Ту же историю о способном внуке, разумеется, не упоминая о Фаберже, Фима продаст ОВИРу, когда он с внуком будет получать визу в Штаты на важный шахматный турнир. Шахматы при этом он оформит как спортинвентарь. Фима будет сопровождать внука на турнир в Штаты, а там заглянет на «Кристи» или «Сотбис», и безбедная старость обеспечена.

История прозвучала убедительно. Изминский, практически не торгуясь, благословил Фиму и его внука на деньги, счастье и успех и нехотя расстался с драгоценным чемоданчиком. При этом, когда Фима обернулся, Изминский его украдкой перекрестил.

План у Фимы был грандиозный за одним маленьким исключением – юный Боря Краснов не интересовался шахматами. Фима безуспешно бился с Борей, пытаясь привить тому интерес к благородной игре. Его бесполезные усилия продолжались ровно до того момента, пока на Борин день рождения Фима не достал из укромного места потертый чемоданчик с Фаберже и не преподнес драгоценные шахматы внуку в подарок. И Боря, бросив все детские игры, увлекся игрой настолько, что Фима даже водил его на консультацию к профессору Когану в одесскую областную психиатрическую лечебницу.

Всего за несколько лет Боря выиграл практически все соревнования по шахматам, прикрутив к лацкану пиджака серебряный знак «Мастер спорта СССР». Настала очередь большого турнира в Штатах. Фима обо всем договорился с ОВИРом, получил визы, дал серьезную взятку чиновнику за справку с круглой печатью, подтверждавшую, что набор шахмат «серебряного цвета» это не что иное, как не представляющий исторической ценности спортинвентарь, и под марш «Прощание славянки» в обнимку с внуком Борей отбыл с одесского железнодорожного вокзала в Москву. А там их ждал аэропорт Шереметьево-2, немногословные таможенники, изящная синяя форма на длинноногих стюардессах компании «Пан Американ», кожаные кресла «Боинга», иностранный журнал с рекламами и заветная «кока-кола» со льдом в пластмассовых стаканчиках и пластиковой тростинкой.

Когда через месяц родственники получили фотографию задумчивого Фимы, сидящего за шахматами Фаберже рядом с веселым Борей, все поняли, что план удался. Для убедительности на фотографии была подпись «Мы в Бруклине. Короли довольны, а кони сыты».

Боря уверенно выиграл соревнование в Штатах, и Фима побежал в местный нью-йоркский ОВИР оформлять себя и Борю беженцами с правом получения «Грин-карты».

Переговоры о продаже шахмат были недолгими. Фиме посоветовали обратиться в старейший антикварный магазин на 5-й авеню в Манхэттене, торговавший русским антиквариатом.

Фима, оказавшись в шикарном магазине, привычным оценивающим взглядом скользнул по витринам и остался доволен товаром. К нему вышел очень нарядный, но мутноватый господин в золотых очках и сунул ему в руку визитку.

«Типичный богатый американец», – подумал Фима и достал чемоданчик.

Мутный принял равнодушный вид и выпучил на Фиму холодные рыбьи глаза. Затем быстро достал лупу и впился глазами в шахматы.

«Ага, попался», – подумал Фима.

Господин густо, не делая пауз и при этом красиво глотая слова, заговорил по-английски, повторяя:

– Ай эм нот шур, провенанс, проблемс.

– Уважаемый, – повысил тон Фима, – приберегите этот слив «голубого Дуная» для любителей.

И добавил по-английски:

– О'кэй, но проблем, – захлопнув чемоданчик под носом у мутного.

– Ну зачем же вы так? – неожиданно по-русски заговорил господин.

Он быстрым движением достал с полки огромный альбом «Фаберже», полистал его и показал Фиме фотографию его шахмат. Под ней была сумма с нулями.

– Это в долларах? – изумился Фима, умножив эту цифру на четыре по тогдашнему черному советскому курсу.

– В долларах, – усмехнулся господин.

– Но учтите, что любой аукционер, – продолжил он, – заставит вас брать письма о происхождении вещи. Как она к вам попала? Как вы ее вывезли? Потом будет долгая экспертиза. И еще неизвестно, признают ли эксперты вещь настоящей. Затем торги. Потом они заберут у вас двадцать процентов сбора, и вы заплатите Дяде Сэму налоги.

– Чьему дяде? – растерялся Фима.

– Американскому, дорогой товарищ. Поэтому я предлагаю вам вот эту сумму, – и он быстро чиркнул дорогой ручкой пару цифр с нулями, – получите наличными и прямо сейчас.

У числа было меньше нулей, чем на фото в книге, но Фима, опять-таки умножив его на четыре, кивнул мутному, и через десять минут в его руках был чек из знаменитого магазина с водяными знаками и замысловатой подписью.

На эти деньги Фима купил дом в Бруклине, машину и приличный костюм для Бори, который начал готовиться к гроссмейстерскому турниру. В случае выигрыша его ждал очень серьезный денежный приз. Но Боря неожиданно для всех турнир проиграл. Проиграл он и следующий турнир. И еще один. О нем стали забывать. Боря часами сидел у себя в комнате в синих клубах марихуаны и безразлично смотрел на нудный бруклинский пейзаж за окном. Шахматы его окончательно перестали интересовать. Фима даже консультировался у сына того самого профессора Когана из Одессы, который принимал в Бруклине неподалеку от их дома.

Деньги от продажи шахмат быстро таяли. Фима переживал, бился с обстоятельствами, как мог, пытался заработать, и ему в конце концов повезло. Заказывая новые очки в магазине оптики «Жемчужина», Фима обратил внимание на синюю пластиковую коробочку, которую вертел в руках его доктор.

– Что это? – поинтересовался Фима.

Доктор открыл коробочку, в которой плавали две лушпайки.

– Это новое изобретение. Линзы для коррекции зрения. Фирма, выпускающая их, ищет деловых партнеров для организации массовой продажи. Если вас это интересует, я вас порекомендую владельцам фирмы.

Так Фима стал одним из первых в Америке дистрибьюторов линз. Линзы были несовершенные и жесткие, как рыбья чешуя, но клиенты обожали это новшество. А кто как не Фима умел работать с клиентами! Он мгновенно продал весь товар и решил вложить все оставшиеся деньги от продажи шахмат в этот бизнес. Фирма взяла его партнером, и он разбогател.

Фима купил квартиру в Манхэттене на Центральном парке в двух кварталах от того самого знаменитого русского антикварного магазина и в один прекрасный день заявился туда.

За прилавком стоял все тот же мутный господин, громко объясняя очередному клиенту про провенанс, проблемс и Дядю Сэма. Увидев Фиму в костюме от «Бриони» и часах «Патек Филип», мутный бросил клиента и подбежал к нему.

– Ищете что-то особенное? – спросил он.

– Да. Хочу выкупить мои шахматы. И, пожалуйста, не трудитесь объяснять, что вам не очень нужны деньги, что вам выгоднее подержать шахматы у себя подольше, потому что они с каждой минутой растут в цене, и что Дядя Сэм забирает всю прибыль. Я обо всем этом догадываюсь, но такая сумма вас заинтересует? – и он быстро чиркнул несколько цифр на своей визитке. – Позвоните, когда решитесь.

Через несколько дней довольный Фима получил свой заветный чемоданчик с шахматами.

Вскоре после встречи с мутным Фима оформил визу и поехал в родную Одессу. В аэропорту Кеннеди задумчивый Боря Краснов обнял отца в модном спортивном костюме «Серджио Тачини» и с маленьким чемоданчиком в руке, от которого Боря не мог оторвать глаз.

Из Одессы Фима приехал помолодевшим, с черноморским загаром и с массой впечатлений.

За ужином он объявил Боре, что исправил свою старую ошибку.

– Понимаешь, Боря, я просчитался. Ценность шахмат была не в том, что я предполагал. Но они теперь в надежном месте, и все должно наладиться.

Боря побледнел, но перечить отцу не посмел.

Вслед за Фимой и Боря собрался в родной город. Он часто начал туда ездить и даже недорого купил их старую трехкомнатную квартиру в «бельгийском доме» в двух шагах от Дерибасовской. Боря заметно оживился. От его депрессии не осталось и следа. Говорили, что он купил у архитектора Пилявского планы старых одесских зданий и основал реставрационную фирму, которая приносила немалый доход.

Однажды после ужина в ресторане «Чиприани» на 5-й авеню Фима пригласил меня к себе домой на партию преферанса.

– С кем еще в Америке можно расписать пулю, если не со старым другом-одесситом!

Фима поставил на стол бутылку первоклассного «Каберне Франк» и побежал за бокалами, а я прилип к окну, любуясь видом Центрального парка, прохожими и породистыми собаками, гоняющими золотые осенние листья.

Мы сели за старинный ломберный стол.

– Карты? – спросил Фима. – Или, может, сразимся в шахматы?

Он щелкнул крышкой стола и вытащил блестящую доску и два мешочка из «куриной» кожи.

– Те самые? – изумился я.

– Те самые, – невозмутимо ответил Фима.

– Но ты же?..

– Что – я же? Я сказал Боре, что допустил ошибку, и шахматы находятся в надежном месте… А вы что подумали? Или ты, как и мой сын, считал, что я, как полный поц, замуровал шахматы в своей старой одесской квартире?

Фима расхохотался.

– Пусть ищут. Может, что-то и найдут. А может, чему-то и научатся. Научился же Боря деньги зарабатывать на реставрации квартир! Но тебе я скажу по секрету – без цели, таланта и усилий чудеса не происходят. Даже если сам К. Ф. наколдовал!

При этом Фима покосился на свою наколку «К. Ф.».

Кого он имел в виду? Краснова Фиму или Карла Фаберже? Я не решился спросить.

Нью-Йорк

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Издано...

372 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Евгений Волокин, Олег Губарь
Дерибасовская угол Ришельевской, или Жизнь дома номер 10
Одесса, Черноморье, 2018

Авторы назвали свой труд альбомом. Не согласен, это монография, хорошо проиллюстрированная.

Название этой книги, по сути, повторяет название нашего альманаха. Да и мы в первом же номере за 2000 год дали статью Ростислава Александрова, посвященную этому дому. Но за прошедшие 18 лет знание истории этого дома у Олега Губаря, занимавшегося пушкинским путеводителем, намного шире и фундаментальнее.

Для самых ленивых авторы на странице 6 дают краткую историю дома – от 1794 года, отвода участка под застройку князю Григорию Семеновичу Волконскому, через постройку Биржевой залы, 1806 год, через устройство Малого театра, 1809 год, через продажу здания барона Рено – Карлом Мелем, конец 1870-х годов до магазина Стифелей, фирмы «Пате», ресторана «Бавария». И наконец, в 2013 открытие арт-объекта «Тень Пушкина».

Естественно, каждая из этих позиций включает интереснейший материал. К примеру, Григорий Волконский мог значительно экономить средства в ходе постройки собственного дома: подчинявшимся ему солдатам-строителям официально полагалась половинная плата против обычной, и он имел возможность получать казенный лес – без ограничений и по государственным расценкам. То есть у высокопоставленных особ во все времена были свои преимущества.

В книге интереснейшие иллюстрации. Портреты, пейзажи, реклама, план Одессы 1828 года из собрания О. Губаря.

Как было бы славно, если бы эта книга стала первой в серии «Биография одесского дома»!

Михаил Жванецкий
«Солнце. Море. Аркадия
Одесса, Основы, 2018

В этом году компании «ТИС» исполнилось 20 лет. К своему юбилею и выпустили портовики эту книгу.

На ее второй странице Андрей Ставницер написал:

«Михаил Михайлович Жванецкий–человек,которыйзнает нас лучше, чем мы сами. Слова Жванецкого засели в нас так глубоко, что уже невозможно вспомнить: это он так сказал, или это я так почувствовал.

Нам всем очень повезло ходить с ним по одной Одессе и впитывать эти знания вместе с морским воздухом. Мне повезло чуть больше: я смог внести свой вклад в издание новой книги ММЖ, которую вы держите в руках. Как говорят в Одессе – енджой!»

Я прочитал эту книгу от корки до корки, так как представлял ее портовикам на их торжественном вечере по случаю юбилея

«ТИС». И могу сказать, что она включила лучшее, что написал Жванецкий о своей работе в порту, а это была его школа жизни, лучшее, что он написал об Одессе, о море.

Из шуток Жванецкого. Именно море сделало его сатириком. Когда Петухов пригласил его на теплоход перед отплытием в зарубежный рейс, теплохода, а не Жванецкого, и когда ему через два часа пришлось возвращаться в социализм, – он стал сатириком. На всю жизнь.

Веселая, искренняя, добрая книга. Спасибо, «ТИС»! Все деньги от продажи книги идут только на благотворительность.

Александр Бирштейн
По улицам моим…
Прогулки по Одессе
Одесса, Экология, 2018

Я назвал бы эту книгу лирическим путеводителем. Тридцать пять авторских экскурсий. Каждому из нас приходится друзьям из других городов показывать Одессу. Естественно, у каждого это своя Одесса, свои излюбленные улицы, свои герои.

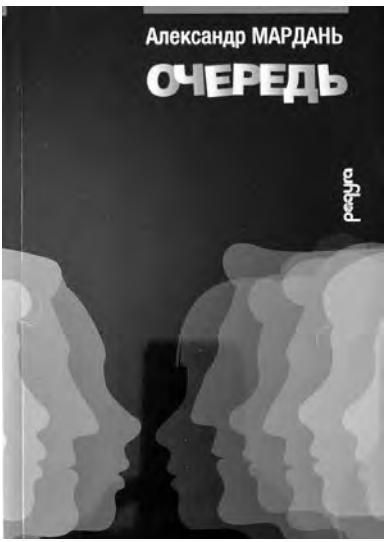
Александр Бирштейн писатель. Для него Одесса еще и постоянный герой его рассказов, повестей. Но одно дело художественная литература, другое – документальные очерки. Однако признаемся, под пером писателя они сливаются. С не меньшей любовью автор рассказывает мифы и легенды города, чем жизнеописания его известных жителей.

Иногда писатель берет верх. И тогда мы узнаем фантастические истории о том, как Свердлов собирался свергнуть Ленина… Но в общем, это персонажи не нашей городской истории, а улицы – что Ленина, что Сталина – были в каждом селе.

Конечно же, в тридцать пять сюжетов Бирштейн не смог уложить и половину историй, что знает. Сейчас он готовит второй

том. А мы для этого номера альманаха попросили у него отрывок из главы о Французском бульваре. Ведь календарь, который делают Литмузей и «ПЛАСКЕ», в этом году будет посвящен этому замечательному одесскому проспекту.

Издано в Киеве



Александр Мардань
Очередь
Киев, издательство журнала «Радуга», 2018

В этом году Александр Евгеньевич Мардань получил премию имени Владимира Короленко, которой Союз писателей Украины отмечает наиболее талантливые произведения, написанные на русском языке, за повесть «Очередь».

Издательство «Радуга» опубликовало том его повестей, рассказов, стихов, куда вошла повесть «Очередь». Первую пьесу Александра Марданя опубликовал наш альманах. За прошедшие 18 лет он стал самым востребованным драматургом Украины, его пьесы переведены на многие языки, идут за рубежом.

Понятно, стихи. Мгновенная реакция на событие, лирический дневник состояний, души.

А проза? И оказывается, что драматург всегда в зависимости от того, как прочтет твою пьесу режиссер, что увидит в ней, как поймут ее актеры… И захотелось без посредников общаться с читателем. Так возникли вначале короткие рассказы, а затем и повести…

Чаще бывает, что инсценируют прозу. А тут редкий случай: драматург переписывает пьесу в повесть. И она получает своих читателей, и, как видите, приносит автору успех.

Характерной чертой и пьес, и другой прозы Александра Марданя стали точные и острые репризы. Юмор, который сразу выдает его одесское происхождение. В новой книге автор создал раздел миниатюр. Это и «Сюжетинки», и «Странности»... Читаю эти авторские анекдоты и жду, что они появятся в его очередной пьесе.

Елена Андрейчикова
Шизик
Художник Александр Князик
Киев, Бук шеф, 2018

С интересом слежу за творческим ростом Елены Андрейчиковой. Она вошла в литературу как автор женских рассказов – ироничных, веселых, откровенных. У нее сразу образовалась своя читательская аудитория, фан-группы. Казалось, пиши – не тужи. А писателю хотелось большего. Ее влекла психологическая проза. Книжка «Шизик» и объединяет две маленькие повести, уже иначе написанные, для другой читательской аудитории.

Одна из них, «Чужие», уже публиковалась в нашем альманахе.

О чем они? об одиночестве, о неустроенности нашей жизни. Чеховские интонации. По сути, эта книга, удачно проиллюстрированная скульптором А. Князиком, и нужна была автору как презентационная – «сегодня я уже такая».

А во Львове на 25 форуме книгоиздателей книга Андрейчиковой попала в топ-десять самых раскупаемых книг Украины.

И у автора уже написан психологический роман. Одно из серьезнейших издательств Украины решило его издавать, хоть он на русском языке.

Галина Соколова и Элла Мазько
Страшная ночь,
или Визит зеленой феи
Киев, Издательский дом Дмитрия Бураго, 2018

Два автора – журналистка, сменившая пишмашинку на компьютер писателя, Галя Соколова, и ее дочь, психолог, философ Элла Мазько. Два поколения, с разным виденьем мира. Мать и дочь, живущие на разных континентах. Галя в Одессе, Элла в США. Но, как мы знаем, общаться, совместно писать можно и через континенты.

Это уже не первый их совместный труд. Приключенческая повесть, но я бы сказал, что ироническая, насмешливая, где все перипетии в жизни героев заставляют не страдать, а улыбаться.

Знаю, что Элла давно и долго болела. Мне кажется, что эта повесть – свидетельство выздоровления. И радостно, что интеллектуальное издательство, а Дом Дмитрия Бураго является именно таким, обратило внимание на эту книгу наших земляков.

Содержание

О редакции 3

Михаил Жванецкий
Воспитание 6

Михаил Жванецкий
Сказано – сделано 9

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 12

Андрей Добролюбский
Имя дрока 41

Анатолий Горбатюк
Фрагменты истории Одессы в анфиладе мостов над Карантинной балкой 51

Сергей Калмыков
Карандашные строчки 61

Евгений Голубовский
Большой артист маленького роста 66

Одесский календарь

Александр Биршейн
Тут сейчас институт Филатова 70

Проза

Андрей Курков
Серые пчелы 82

Елена Ханенкова
Контрапункт памяти 107

Алексей Овчинников
Рассказы на этикетках 114

192 слова

Семеро смелых 130

Поэзия

Тина Арсеньева
Благослови мимоидущего 132

Катя Капович
Бешеный круг 140

Юлия Пикалова
Стихи о музыке 144

Александр Хинт
Жили неслабую жизнь 149

Первые шаги

Море талантов по-всеукраински 154

Искусство – жизнь – искусство

Галина Лазарева
Имя цвета сухой желтой охры 162

Майя Димерли
Звезда моего Давида 173

Роман Бродавко
Мой «секретный друг» 185

Евгений Деменок
Савелий Сорин и Давид Бурлюк 193

«Что в мой жестокий век восславил я свободу...» 212
Митрополит Одесский и Измаильский Агафангел

Елена Погорельская
Владимир Маяковский в биографии Исаака Бабеля 224

Феликс Кохрихт
Очередь: за книгами и картинами 236

Евгений Перемышлев
Эхо Кривого переулка 241

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов 249

Ирина Роднянская
О книге Веры Зубаревой «Одесский трамвайчик» 275

Публикации

Алена Яворская
«Судьба морской газеты «Моряк»...» 278

Евгений Голубовский
Самый академический beach 294
Георгий Гачев
Айтматов – «писатель, соединяющий пространства и времена» 296
Публикация Анастасии Гачевой

Георгий Голубенко
Онегин на мотороллере 313

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«К тебе так благосклонны музы...» 318

Путешествие

Феликс Кохрихт
Regensburg. Город дождя и ЮНЕСКО 340

Ах, Одесса

Михаил Пойзнер
Экзамены на одесскую зрелость 348

Александр Юрченко
…И танцевала вся Одесса до утра. 355

Алекс Сино
Шахматы Фаберже, или Гроссмейстер поневоле. 363

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 372

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 75

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 75

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 07.11.2018
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

FSC
accredited
FSCTrademark©1996
ForestStewardshipCouncil®A.C.
FCS-AOC-015

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ПОДПИСНОЙ КУПОН-ЗАЯВКА

Настоящим подтверждаю свое намерение оформить подписку:

Фамилия:	
Имя:	
Отчество:	
Адрес доставки:	
Телефон:	
E-mail:	

Стоимость подписки*	12 месяцев	4 выпуска	200,00 грн.

** В стоимость подписки не включаются затраты на доставку изданий.*

Оплата:

❑ безналичный расчет ❑ наличными

❑ кредитная карта ❑ необходим договор

Оплату согласно выставленного счета гарантирую

Дата _____ Подпись _____

Отправьте подписной купон-заявку почтой или факсом по адресу:
Украина, 65001, г. Одесса, а/я 229,
Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

PLASKE
ПЛАСКЕ

Факс: +380 (48) 7-385-375; 7-287-221;
тел. редакции: +380 (48) 7-385-385, 7-288-288;
0-800-300-30-80 (бесплатно со стационарных телефонов)